ЮХАН КАХК

Крестьянское движение в Эстонии

Опираясь в основном на еще не использованные архивные фонды, автор дает обзор крестьянских волнений в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX столетия.

В книге анализируется влияние крестьянских волнений на развитие сельского хозяйства, на распространение прогрессивных идей и на аграрные реформы, проведенные царским правительством и балтийскими баронами.

Автор затрагивает и ряд таких общетеоретических проблем, как, например, вопрос о факторах, определяющих территориальное распространение крестьянских волнений, о роли национальных противоречий и отдельных социальных прослоек крестьянства в антифеодальном движении.

Mit einem Referat:

Die Bauernbewegung und die Agrarfrage in Estland Ende des 18. und im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts.

Ю. КАХК

Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии

ARH

166153

ЮХАН КАХК

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ЭСТОНИИ В КОНЦЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

XIII
А-5159

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

Ю. КАХК

Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии

В КОНЦЕ XVIII И
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XIX ВЕКА

ТАЛЛИН · 1962

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Эстонской ССР

*

РИСО № 430

Tartu Riikli Ülikooli
Raamatukogu
166153

ARHIIVKOGU

Обложка и суперобложка В. Варе

Фронтиспис (линогравюра) А. Кээренд

Предисловие

Предлагаемая читателю книга является в известном отношении изданием нового типа. Появление такого рода изданий вызвано, по мнению автора, самим ходом развития советской науки. Марксистская историческая наука ставит себя на службу всего народа. Историки стараются писать так, чтобы их работы были доступны не только узкому кругу специалистов, но и более широкому читателю. Естественно поэтому, что историки национальных республик печатают свои работы на местном языке. Интересы же развития исторической науки многонационального советского государства в целом настоятельно требуют, чтобы результаты исследований стали достоянием научной общественности и за пределами данной республики. Необходимость усиления контакта между учеными отдельных республик тем более растет, чем быстрее и успешнее развивается марксистская историческая наука и увеличивается значимость задач, которые она ставит перед собой. Одним из наиболее эффективных путей усиления научного контакта в масштабах всего Советского Союза является публикование исследований историков национальных республик на русском языке. Думается, что именно таким путем и историки смогут участвовать в работе по взаимообогащению и сближению культур народов СССР, которая, как указано в новой Программе Коммунистической партии Советского Союза, делая прогрессивные традиции каждого народа достоянием всех советских людей, укрепляет интернациональную основу нашей культуры.

Какова наиболее целесообразная форма такого рода издания, очевидно покажет со временем сама практика.

Настоящей работой автор делает попытку наметить одну из таких возможных форм.

Книга включает в себя результаты двух работ: изданной в 1961 году в Таллине монографии «Волнения и реформы. Классовая борьба крестьянства и аграрная политика помещиков в Эстонии на рубеже XVIII—XIX веков (1790—1810)» и исследования «Крестьянское движение в Эстонии в связи с проведением реформ 1816 и 1819 годов». Из упомянутых работ в настоящую книгу вошли в основном аналитическая часть и выводы, представляющие интерес для историка-специалиста. Те же сведения, которые в эстонских изданиях были рассчитаны в основном на более широкий круг читателей, заинтересованных в получении более или менее полной картины исторических событий в республике в целом или даже в родных местах, здесь опущены.

Законный интерес читателя к вопросу о научной обоснованности сделанных в книге выводов поможет удовлетворить содержащийся в конце книги специальный раздел «Об источниках», в котором указывается, из каких архивов и в каком объеме взят материал для данного исследования и какая литература была использована.

Введение

(Историография. Постановка вопроса)

Первые работы по истории антифеодальной борьбы крестьянства в Эстонии на рубеже XVIII и XIX веков появились в печати именно тогда, когда классовая борьба крестьян вновь приковала к себе внимание общественности. Летом 1858 года во всей Эстляндской губернии происходили сильные крестьянские волнения. Они нагнали страх не только на местное дворянство, но вызвали серьезную тревогу и в правительственных кругах в Петербурге. Об этих событиях писалось и на страницах издаваемого в Лондоне «Колокола» Герцена.

В том же 1858 году чиновнику Эстляндского губернского правления Э. Иверсену, собиравшему исторические документы, попал как-то в руки составленный в 1805 году официальный документ, в котором описывались события, связанные с восстанием крестьян в Козе-Уэмыйза и его подавлением. Автор документа, барон Ф. Розен, советник губернского правления, составил его осенью 1805 года для суда, занимавшегося расследованием восстания. Иверсен опубликовал в Ревельском иллюстрированном календаре за 1859 год довольно полное изложение этого весьма подробного описания восстания. В архиве сохранились также письма барона Розена от начала октября 1805 года, в которых он, не скрывая своего страха и дав волю своей ярости, называет эстонских крестьян лишенными разума животными. Однако в составленном им же официальном описании восставшие крестьяне охарактеризованы как опасные противники, требующие серьезного к себе отношения. Своеобразная публикация Иверсена (своеобразная в

том смысле, что ее автор не придерживался требований научной публикации) не только впервые пролила свет на этот героический эпизод из истории классовой борьбы эстонского крестьянства, но и была на протяжении нескольких десятилетий единственным источником, откуда черпали сведения писавшие об этом событии авторы.

В годы реакции, наступившие после революции 1905 года, публикация Иверсена, касающаяся событий сравнительно далекого прошлого, была использована для газетных статей на злободневные политические темы. Прибалтийско-немецкий дворянский историк Саблер утверждал, будто бы восстание в Козе-Ууэмыйза лишний раз подтвердило, что разного рода уступки и реформы приводят лишь к вспышке новых, порой еще более мощных волнений; ратовавший же за «мирный путь» преобразований представитель эстонской буржуазии Луйга пытался доказать, что эстонское крестьянство в основном было очень миролюбивым и лишь иногда начинало «бунтовать», будучи введено в заблуждение поступками самого правительства.

В период буржуазной диктатуры историки уделяли мало внимания крестьянскому движению конца XVIII и первой четверти XIX века. Единственное исключение составил историк Н. Лооне, опубликовавший в 1933 году в журнале «Аялоолине аякири» содержательную статью об антифеодальном выступлении крестьян мызы Перила в 1802 году. В вводной части своей статьи он подверг критике современную ему буржуазную историографию за недостаточное внимание к истории борьбы эстонского крестьянства против своих угнетателей. Историки-любители проявили к рассматриваемой теме в то время несравнимо больший интерес. В 1937 году в газете «Уус-Ээсти» появилась весьма обстоятельная, хотя и описательного характера, статья И. Вольберга о восстании в Козе-Ууэмыйза. При составлении ее автор, помимо публикации Иверсена, использовал и архивный материал. В том же году на страницах газеты «Пяэвалехт», а затем и отдельной книгой вышел исторический роман М. Айтсама на этот же сюжет. В процессе работы над

романом Айтсам изучил многочисленные архивные документы. Героями его романа являются исторические лица, барщинники — участники восстания в Козе-Ууэмыйза. Порой Айтсам передает прямую речь своих героев заимствованными из архивных документов выражениями. Стремясь к большей занимательности, он, правда, грешит иногда против исторической правды, тем не менее роман является довольно удачной попыткой реконструкции исторических событий. М. Айтсам первым зафиксировал почти все крестьянские волнения, происходившие в Эстонии осенью 1805 года.

Уже после восстановления Советской власти в Эстонии, в 1941 году, появилось исследование о восстании в Карину—Орина осенью 1805 года, автору которого, Л. Марку, однако, не удалось дать марксистского анализа этого эпизода классовой борьбы.

Достижения досоветской историографии в изучении крестьянских волнений конца XVIII и первой четверти XIX века были весьма скромными. О волнениях 1797 года эстонские историки вообще ничего не знали, хотя о некоторых из них сообщалось еще в книге Е. П. Трифильева, вышедшей в 1904 году. Из волнений 1802—1807 годов им были известны лишь выступления конца 1805 года, причем важнейшее из них — восстание в Козе-Ууэмыйза — не было еще научно исследовано. Историки совсем не имели представления о рекрутских волнениях 1812 года, ничего конкретного не знали о мощном подъеме крестьянских волнений, вызванных «освобождением» эстонских крестьян законами 1816 и 1819 гг.

Уже во время подготовки и проведения аграрных реформ в первой четверти XIX века разгорелась полемика по вопросу о причинах этих реформ. Дворянские политики и царское правительство изображали крестьянские реформы как доказательство стремления помещиков улучшить положение крестьян. Против такой концепции выступили прогрессивные публицисты (Г. Г. Меркель, И. Х. Петри и др.[1]). Они первыми указали на то, что

[1] См. о них подробнее в IV главе.

одной из причин, заставивших правительство и помещиков вступить на путь реформ, явился страх перед кровавыми восстаниями крестьян.

Вопросы положения эстонского крестьянства и его классовой борьбы, аграрной политики прибалтийского дворянства, по существу, представляют собой лишь отдельные разделы обширной и сложной проблемы классовых взаимоотношений помещиков и крестьян всей царской России. Общность исторических судеб и антифеодальной борьбы эстонского народа и других народов царской России заставила передовых людей России заинтересоваться положением эстонского крестьянства и его борьбой; они искали в истории эстонского народа поучительные примеры и уроки для русского народа. Уже декабристы поняли, что законы 1816 и 1819 годов в Прибалтике не улучшили положения крестьян. Позднее, в 1850-х годах, когда царизм открыто заявил о своем намерении отменить крепостное право в России, А. И. Герцен и Н. П. Огарев выступили на страницах журнала «Колокол» с критикой крестьянских законов 1816 и 1819 годов. Они первыми заявили в печати, что этими законами крепостное право в Прибалтике было отменено лишь формально. С тех же позиций критиковал аграрные отношения в Прибалтике и Н. Г. Чернышевский. Русские революционные демократы, особенно Н. Г. Чернышевский, являются и первыми авторами, высказавшими мысль об общности антифеодальной борьбы эстонского народа и других народов России.

Начиная с 1860-х годов прибалтийско-немецкая историография развивалась в обстановке острой политической и полемической борьбы вокруг так называемого прибалтийского особого порядка. Вначале даже в работах некоторых прибалтийско-немецких дворянских историков прозвучали критические ноты. В своих статьях по истории лифляндского ландтага, опубликованных в 1868—1870 годах на страницах журнала «Балтише Монатсшрифт», Ю. Эккардт подчас довольно откровенно говорит о своекорыстной и ультрареакционной политике лифляндских помещиков во время подготовки

крестьянского закона 1804 года. Но в конечном счете критика Эккардта в адрес консервативного большинства лифляндских помещиков растворяется в восхвалении их несколько более либерально настроенного меньшинства. Начиная с Эккардта апология лифляндского ландрата Фридриха Сиверса становится прочной традицией прибалтийско-немецкой дворянской историографии.

В 1870-х годах борьба вокруг прибалтийского особого порядка приняла еще более острый характер. В 1876 году темой аграрных реформ воспользовался русский публицист Ю. Ф. Самарин, который в те же годы вместе с другими славянофилами яростно атаковал автономные права прибалтийских немцев. Непосредственно крестьянской реформе 1804 года в Лифляндии посвящено его исследование «Крестьянский вопрос в Лифляндии», опубликованное в журнале «Окраины России». Прибалтийско-немецким дворянским политикам Самарин противопоставляет царских сановников начала XIX века, изображая их людьми, пострадавшими в безнадежной борьбе за благородное дело. Следует отдать должное Самарину, который умело использовал имевшийся в его распоряжении весьма богатый архивный материал для разоблачения реакционной и узкокорыстной аграрной политики остзейских помещиков. Эстонские и латышские буржуазные историки еще на протяжении десятилетий не смогли в этом вопросе пойти дальше Самарина.

В конце 1870-х годов часть лифляндских дворян во главе с Г. Самсоном решила ради усиления своего классового господства над крестьянством вступить в еще более тесный союз с царизмом. Между группой Самсона, готовой пойти на некоторый компромисс с царским правительством, и ортодоксальными защитниками прибалтийского особого порядка в 1878—1880-х годах завязалась горячая полемика, в ходе которой были затронуты и вопросы истории аграрных реформ начала XIX века. Г. Самсон приводил эти реформы в качестве примера плодотворного сотрудничества местного дворянства и царского правительства, утверждая, что инициатива в деле улучшения положения крестьян исходила от

царских властей. Против Самсона ополчились историки Г. Бруйнинг и Ф. Бинеман, утверждавшие, что зачинателем всех реформ было само дворянство, а вмешательство царского правительства только запутало и усложнило дело реформ. Таким образом, сами прибалтийско-немецкие дворянские историки остро поставили вопрос о том, кто является подлинным «автором» аграрных реформ — местное дворянство или царизм? Такая постановка вопроса отвлекала внимание от действительных причин этих реформ — развития производительных сил и классовой борьбы.

Непомерное восхваление прибалтийско-немецкими историками типа Бруйнинга и Бинемана заслуг своих предков вызвало возмущение у немецкого историка Э. Лёнинга, бывшего профессора Страсбургского университета, работавшего с конца 1870-х годов в Тартуском университете. В 1880 году Лёнинг опубликовал на страницах журнала «Балтише Монатсшрифт» статью «Освобождение крестьянства в Германии и Лифляндии». В этом исследовании аграрно-политическое развитие прибалтийских губерний впервые рассматривалось на фоне соответствующего развития всей Европы. Лёнинг приходит к заключению, что избранный лифляндским дворянством в начале XIX века вариант аграрных реформ оказался наихудшим как для крестьянского сословия, так и для экономического развития края в целом.

В ходе развернувшейся в конце 1870-х годов полемики было поднято много новых проблем и опубликовано в печати много нового материала. Все это привело к тому, что концепция о благодетельной роли дворянства в Прибалтике пошатнулась и стала нуждаться в подкреплении. Выполнение этого заказа остзейского дворянства взяли на себя историки А. Тобин и А. Гернет. По характеру своей службы они имели доступ в соответствующие архивы (А. Тобин состоял на службе у лифляндского рыцарства и мог пользоваться его архивом, а А. Гернет служил при Сенате и ему были доступны архивные материалы разных правительственных комитетов и комис-

сий, которые в начале XIX века занимались крестьянским вопросом в Прибалтике). А. Тобин выпустил в 1899 и 1911 годах два тома истории аграрного законодательства Лифляндии. В 1901 году вышло в свет исследование об истории аграрной политики эстляндского дворянства, написанное А. Гернетом.

В своих исследованиях Тобин и Гернет не могли не учесть те отчасти критические работы, которые уже были опубликованы до них. К тому же само прибалтийское дворянство во время проведения новых аграрных реформ в середине XIX века уже признало неудовлетворительными некоторые положения реформ начала столетия. Поэтому Тобин и Гернет, изображая прибалтийское дворянство как демиурга всего общественно-политического развития, желающего якобы крестьянству лишь добра, считают все же возможным показать, что оно, действуя в очень сложной обстановке, допускало порой и ошибки. Оба автора позволяют себе вскользь говорить и о таких факторах общественного развития, как крестьянские волнения и экономическое развитие. Такая более гибкая трактовка вопроса и привлечение обширного фактического материала могут на первый взгляд создать ложное представление о работах Тобина и Гернета, как об объективных академических исследованиях. Однако это впечатление рассеивается при первом же знакомстве с первоисточниками — архивными материалами того периода. Оказывается, что Тобин и Гернет сознательно выискивали и использовали только те факты, которые обосновывали созданную ими концепцию.

В 1909 году вышла книга немецкого историка А. Агте, посвященная возникновению сельского пролетариата в Лифляндии, в которой автор разоблачил и махинации лифляндского дворянства во время подготовки аграрной реформы 1804 года. Исследование Агте вызвало полемику, в ходе которой учитель Агте немецкий историк К. Бюхер был вынужден обратить внимание на весьма субъективное обращение с историческими источниками, которое позволял себе оппонент его ученика А. Тобин. Тем не менее работы Тобина и Гернета до сих пор поль-

зуются неоспоримым авторитетом у буржуазных историков Западной Европы, особенно у реваншистски настроенных германских историков.

В начале XX века на исследование рассматриваемой проблемы начинает оказывать благотворное влияние марксизм. Эстонский писатель Эдуард Вильде, вынужденный из-за участия в революции 1905 года эмигрировать за границу, опубликовал в 1906 году на страницах социал-демократического журнала «Ди нейе Цейт» статью «Аграрные отношения у эстонцев», которую можно считать первой попыткой трактовать аграрную политику правящих классов в Эстонии с позиций исторического материализма. Влияние марксизма чувствуется и в исследовании Н. Кёстнера о возникновении сельского пролетариата, написанном им в 1915 и напечатанном в 1927 году, а также в книге Я. Кярнера об «освобождении» крестьян в Эстонии, изданной в 1916 году. Упомянутые авторы усматривают причины аграрных реформ начала XIX века в экономическом развитии края, заостряют внимание на проникновении капиталистических элементов в недры старого феодального общества и подчеркивают значение крестьянских волнений.

А. Тобин начинает свою апологетическую историю аграрной политики лифляндского дворянства с описания ландтага 1795 года. Однако стоило только латышскому историку А. Алтементу начать в 1938 году изучение истории ландтага 1795 года по первоисточникам, т. е. по архивным материалам самого лифляндского рыцарства, как сразу же выяснилось далекое от истины толкование Тобиным фактов и произвольное обращение с архивным материалом. Оказалось, что с целью изображения лифляндских помещиков как благодетелей латышских и эстонских крестьян Тобин сознательно обошел молчанием ряд мероприятий местного рыцарства, а также те внутриполитические шаги царского правительства, затрагивание которых могло бы показать в невыгодном свете политику господствующих классов. А. Алтемент и другие латышские буржуазные историки — А. Швабе и Б. Аберс, изучавшие проблемы аграрной по-

литики начала XIX века, в своих работах разоблачили, правда, политические махинации прибалтийских помещиков того времени и позднейшие искажения истории аграрной политики, но они оказались не в состоянии понять, а тем более объяснить взаимоотношения отдельных классов и политических групп, а также позицию и политику царского правительства. Не видя оснований для утверждения, будто помещики выступали в качестве благодетелей крестьян, упомянутые историки стали склоняться к тому, чтобы приписать эту роль царскому правительству. Отдавая должное прежним достижениям Швабе, латышские советские историки Я. П. Крастынь и М. И. Козин пишут, что «в своих ранних работах Швабе в общем правильно оценивал аграрную политику прибалтийского дворянства, как враждебную интересам латышского народа». В последние же годы своей жизни он примкнул к реакционным эмигрантским кругам и в книге «История Латвии. 1800—1914» уже «отказывается от многих своих прежних взглядов и присоединяется к выводам реакционных немецких историков» («История СССР», 1960, № 4, стр. 192).

К сожалению, в настоящее время нет возможности продолжить работу Алтемента по проверке того, как и насколько использовал Тобин доступные ему материалы. Немецкие фашисты в конце второй мировой войны увезли из Риги фонд документов лифляндского рыцарства, хранившийся в рижском государственном архиве, и по сей день эти документы все еще не возвращены их законному владельцу — Латвийской Советской Социалистической Республике. Но в Латвии, а также в других архивах Советского Союза сохранились документы, которые позволили Я. Зутису, первому ученому, приступившему к исследованию этих вопросов во всеоружии марксистской теории, представить аграрную политику царского правительства и прибалтийских помещиков в совершенно новом свете. Историк-марксист Я. Зутис в своих работах показывает, что все аграрнополитические мероприятия правящих классов диктовались требова-

ниями развития экономики, а также внутри- и внешнеполитической обстановкой.

Заслуга латышского историка М. Степермaниса состоит в том, что он в своей книге, посвященной крестьянским волнениям в Лифляндии во второй половине XVIII века, дал и живую, конкретную картину развития сельского хозяйства и положения крестьян в Лифляндии (в том числе и в южной Эстонии). Я. Зутис выяснил основные черты и главные результаты того пути, который прошло в своем развитии сельское хозяйство и охарактеризовал положение крестьян в конце XVIII — начале XIX века. Продолжая его исследования, другой латышский историк — М. Аболинья еще более конкретизировала эту картину. Нельзя не отметить и работу по изучению истории сельского хозяйства с точки зрения истории развития производительных сил, которую провели эстонский историк Л. Лооне и латышский историк Г. Строд, а в области исследования правового положения эстонского крестьянства — историк права А. Траат.

В 1960 году вышла монография эстонского историка Я. Конкса, содержащая богатый материал о сельском хозяйстве, торговле сельскохозяйственными продуктами и экономической обстановке (недороды, цены на хлеб, торговая политика правительства и т. п.), организации и деятельности местной администрации, а также о положении крестьянства в северной Эстонии (Эстляндской губернии) на рубеже XVIII—XIX веков.

Еще в последние годы буржуазной власти конец XVIII и первая четверть XIX века представляли собой малоисследованный период в истории Эстонии, о котором в основном было известно лишь столько, сколько сообщали о нем в своих книгах Гернет и Тобин. Эстонские и латышские буржуазные историки ограничивались главным образом тем, что «подправляли» и «уточняли» этих авторов, опираясь на работы Самарина и Агге. Латышский историк А. Алтемент и эстонский историк Н. Лооне успели сделать лишь первые шаги на пути самостоятельной исследовательской работы. Советской исторической науке удалось менее чем за пятнадцать лет добиться в

изучении этого периода больше, чем это успела сделать вся предыдущая историография. Благодаря работам латышских и эстонских историков, мы имеем сейчас весьма детальное представление об экономическом развитии и положении крестьянства в рассматриваемый период. В марксистских обобщающих трудах по истории Эстонии и Латвии отведено важное место антифеодальной борьбе крестьянства в конце XVIII и первой четверти XIX века. В 1948 году из-под пера Л. Лооне вышло первое специальное исследование, посвященное крестьянским волнениям 1820 и 1822—1823 годов в эстонской части Лифляндии. Эти волнения рассматриваются ею как законный протест крестьян против грабительского характера реформы 1819 года. К сожалению, однако, статья не дает полной и ясной картины крестьянских волнений даже только по южной Эстонии, ибо, как признает сам автор, ею не были использованы важнейшие материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Латвийской ССР. Наиболее полный обзор крестьянских волнений 1820-х годов дает Я. Зутис в своем очень ценном исследовании «Освобождение лифляндских и курляндских крестьян в 20-х годах XIX века» (на лат. яз.; Рига, 1956). Но и он не касается крестьянского движения в северной Эстонии, а из охваченных антифеодальным движением лифляндских мыз в южной Эстонии отмечает лишь половину. В упомянутой уже выше работе Я. Конкса рассматриваются также волнения в северной Эстонии в 1797 и 1805—1807 годах. Там, где волнения были слабыми и крестьяне позднее перед судом особенно не скрывали своих действий, трактовка событий этим автором соответствует исторической действительности. Там же, где вопрос касается крестьянских восстаний, Я. Конкс недостаточно критично относится к документам, составленным в условиях помещичьего террора, и допускает ошибки.

В свете значительных достижений советской исторической науки в изучении упомянутых проблем яснее выступают не решенные еще задачи. Прежде всего бросается в глаза, что авторы, специально занимавшиеся

исследованием классовой борьбы крестьянства, ограничивались всегда лишь одной частью территории Эстонии. Л. Лооне изучала крестьянские волнения только в южной Эстонии, оставив в стороне северную Эстонию, Я. Конкс же, наоборот, изучал только северную Эстонию, не касаясь ее южной части. Цельной картины классовой борьбы эстонского крестьянства в конце XVIII и первой четверти XIX века, в которой были бы учтены и более слабые формы и проявления классовой борьбы, пока еще нет. Без этого же мы не можем оценить подлинную силу классовой борьбы крестьян и ее влияние на общественно-политическое развитие страны.

Главная задача настоящего исследования заключается в том, чтобы выяснить роль антипомещичьей борьбы эстонских крестьян на рубеже XVIII—XIX веков в общественном развитии того времени. Помимо классовой борьбы крестьян, в настоящей книге пришлось довольно обстоятельно рассмотреть и политические маневры, к которым прибегал господствующий класс помещиков в ответ на классовую борьбу крестьян. Аграрная политика правящих классов может служить, конечно, и предметом специального, скажем, историко-правового исследования, в котором были бы подвергнуты более подробному анализу отдельные правовые нормы, их возникновение и значение и сопоставлены законодательные акты отдельных стран и т. д. Настоящее исследование не задается целью дать такой глубокий анализ аграрной политики.

Но кроме вышеуказанной основной проблемы, нам придется в настоящей книге затронуть и ряд других вопросов.

В исторической литературе уже неоднократно говорилось о значительном оживлении товарного производства в имениях, особенно о развитии винокурения, во второй половине и в конце XVIII века. Но за счет чего происходило это развитие, какую оценку следует дать этому процессу с точки зрения общественно-экономического развития (включающего развитие как производства, так и производственных отношений) — эти вопросы еще не стояли в центре внимания историков. Довольно сложной

является задача выявления и правильного осмысливания тех явлений, которые говорят о торможении развития производительных сил отжившими свой век производственными отношениями и о том, как и когда были исчерпаны возможности феодальной системы производства.

До сих пор еще не был подвергнут разработке вопрос о социальной структуре эстонской деревни и социальной дифференциации эстонского крестьянства в конце XVIII — начале XIX века.

Довольно много данных имеется в исторической литературе об ухудшении положения крестьян и о росте их барщинных повинностей во второй половине XVIII и в начале XIX века. Но что скрывалось за приведенными разными авторами цифрами, и к каким последствиям привела, говоря словами К. Маркса, «неутолимая жажда прибавочного труда», которую проявили прибалтийские помещики в конце XVIII века, — эти вопросы конкретно еще не изучались. На основе данных, относящихся, с одной стороны, к области развития производительных сил, и, с другой стороны, касающихся положения непосредственных производителей (т. е. крестьян), необходимо попытаться разрешить также и сложный вопрос о времени начала кризиса феодальной системы в Эстонии.

Остались пока нерешенными также вопросы о взаимосвязи между разными силами и факторами поступательного по своему характеру общественного развития (производительные силы, классовая борьба, передовая общественная мысль) и о том, как и в какой мере они оказывали влияние на помещиков и царское правительство.

Хотя аграрные реформы 1804 года в Прибалтике уже неоднократно были подвергнуты исследованию историками-марксистами, все же и по этой теме еще не решен ряд существенных вопросов. Почему же часть помещиков боялась этой реформы? Что на деле дало бы помещикам и крестьянам последовательное проведение реформ в жизнь? Какую оценку следует дать этим реформам, особенно по сравнению с реформами 1816 и 1819 годов? Еще не изучен комплексно вопрос о том, какие

факторы и обстоятельства вынудили помещиков прийти в 1811 году к решению встать на путь формального освобождения крестьян. Напрасно мы будем также искать в исторической литературе ответа на вопрос, что конкретно дали эстонским крестьянам уже в первые годы проведения в жизнь законы об их «освобождении».

Целый круг вопросов ожидает еще решения и в области истории классовой борьбы крестьянства. Какие требования выдвигались крестьянами в ходе антифеодальной борьбы и каков был характер антифеодальной идеологии крестьянства? Какие формы принимала классовая борьба крестьянства и почему преобладали именно определенные формы борьбы? Наблюдаются ли на этом этапе антифеодальной, в основном стихийной классовой борьбы крестьянства элементы организованности? Сохранившийся на небольшой территории Эстонии богатый материал по крестьянскому движению позволил нам заняться выяснением и таких общетеоретических вопросов, как вопросы о факторах, определяющих территориальное распространение крестьянских волнений, о значении национальных противоречий в антифеодальном движении и о роли в нем отдельных социальных прослоек крестьянства.

Эти, а также и другие вопросы мы попытаемся по мере сил разрешить на последующих страницах данной книги.

Можно ли считать изучение охарактеризованной выше проблемы необходимым и актуальным?

Советские люди с уважением относятся к памяти борцов за свободу и счастье трудового народа, к числу которых принадлежат, как указывал В. И. Ленин, и борющиеся против крепостного права крестьяне.

Эстонские трудящиеся всегда относились с уважением к страданиям и героической борьбе своих предков. Характерно, что летом 1940 года, когда в Эстонии была восстановлена Советская власть, припомнили и тяжелую долю крестьян под властью помещиков. В принятой 23 июля Государственной думой декларации, объявляющей землю всенародным достоянием, говорилось: «Годами страдал эстонский крестьянин. Его принуждали гнуть

свою спину перед помещиком. Он переносил истязания со стороны баронских кубьясов».

Актуальность этой исследовательской темы особенно возросла в последнее время. За рубежом стали появляться книги, авторы которых стремятся приукрасить историю эксплуататоров типа прусских юнкеров и прибалтийских баронов. В Западной Германии разрабатывается такая трактовка истории Прибалтики, которая должна показать, что противоречия между феодалами и крестьянами якобы никогда не носили особенно острого характера и что гнет, если он вообще когда-либо существовал, был исторически неизбежен и компенсировался культурной работой немецкого «господствующего слоя» и т. д. Раскрытие истинного характера аграрной политики прибалтийско-немецких помещиков в начале XIX века будет способствовать разоблачению этих концепций.

Глава первая

Развитие сельского хозяйства в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века

Описываемые в настоящей книге события имели место в той части Европы, где крепостные крестьяне эксплуатировались феодалами, превратившими свои поместья в крупные барщинные хозяйства, значительная часть продукции которых уже шла на рынок. Они происходили в то время, когда угнетение крестьян феодальными землевладельцами типа прусских юнкеров и прибалтийских баронов стало особенно беспощадным. Во второй половине XVIII века барщинная система в царской России преобладала не только в прибалтийских, но и в других западных, а также в центральных губерниях России, от Пскова до Ярославля и от Новгорода до Курска. В своем труде «К истории прусского крестьянства» Ф. Энгельс пишет, что в обширном районе крупного помещичьего землевладения и барщинного хозяйства, простирающемся к востоку от Эльбы, процесс ухудшения положения крестьянства достиг «своего апогея в период между Тридцатилетней войной и спасительным поражением при Иене».[1] Под спасительным поражением при Иене Энгельс подразумевает разгром прус-

[1] Ф. Энгельс. К истории прусского крестьянства. (Введение к брошюре В. Вольфа «Силезский миллиард»). В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, 1961, стр. 250.

ской феодально-монархической армии французами в сражении при Иене и Ауэрштедте в 1807 году. После этой политической катастрофы прусское правительство вынуждено было срочно приступить к буржуазным аграрным реформам. Как мы увидим в дальнейшем, в эти же годы были проведены аграрные реформы и в Прибалтике.

В XVII веке через расположенный в устье Вислы Гданьск и другие порты Балтийского моря увеличился приток зерна и леса на европейский рынок. Однако это экономическое оживление привело к усилению власти помещиков в районе, расположенном к востоку от Эльбы. Советский историк-экономист Ф. Я. Полянский характеризует этот процесс развития экономики, присущий Восточной Европе, в том числе и прибалтийским территориям, как «феодальное использование ... торгово-промышленного подъема Западной Европы (особенно Голландии и Англии) после великих географических открытий ...» и подчеркивает, что «прогрессивные тенденции в экономическом развитии Европы позднего средневековья вызывали ... возрождение устаревших экономических форм на новой основе».[2]

Ввоз зерна в страны Западной Европы особенно возрос во второй половине XVIII века, когда большое количество его стала ввозить и Англия. Но в прибалтийских губерниях в XVIII веке развитие сельского хозяйства уже не стимулировалось вывозом зерна за море. В результате Северной войны, закончившейся в 1721 году заключением Ништадтского мира, Эстония превратилась из сельскохозяйственной колонии Швеции в приморскую провинцию могучей Российской империи, которая не нуждалась в хлебе из Прибалтики. После того как войска Ивана IV в 1558 году взяли Нарву, она превратилась в «торговое окно» для сообщения с Западной Европой. После же взятия Нарвы войсками Петра I в 1704 году этого не произошло, так как эту задачу выполняла

[2] Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 482—483.

теперь основанная в устье Невы новая столица. Важную роль в заморской торговле льном, льняным и конопляным семенами, а также зерном стала играть Рига, связанная водными путями с центральными районами России. Роль лифляндских помещиков как поставщиков льна, конопли и зерна за границу, как об этом свидетельствуют данные об экспорте важнейшего прибалтийского порта Риги, была на рубеже XVIII—XIX веков крайне незначительна.[3] Начиная с 1805 года в Ригу поступало из центральных областей России, в первую очередь по Западной Двине, значительно больше зерна, чем оттуда вывозилось за море.[4] Хотя в 1762 году и был издан указ Сената, разрешающий свободный вывоз зерна из прибалтийских губерний, однако в конце XVIII и начале XIX века, во время войн, царское правительство неоднократно нарушало этот указ и запрещало вывоз зерна из Эстляндии и Лифляндии.

Еще в середине XVIII века спрос на выращиваемое в лифляндских и эстляндских имениях зерно был сравнительно велик на внутреннем рынке. Так как поступавшего в счет государственных податей зерна не хватало, царское правительство вынуждено было покупать часть необходимого для снабжения расквартированных в Лифляндии войск зерна у помещиков. В то время как Лифляндия в порядке натурального оброка поставляла армии в год 30 000 — 33 000 пур ржи, лишь в одном 1746 году у помещиков было закуплено дополнительно 63 220 пур ржи и 21 474 пуры овса.[5] «В мирное время в этой провинции стоят пять полков пехоты, два полка конницы и несколько батальонов гарнизонных солдат, — писал об Эстляндской губернии в 1722 году один современник. «Большая часть флота зимует каждый год в Таллине, являющемся базой для одной эскадры. Еще два года на-

[3] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rīgā 1953, стр. 23—24, 31—34.

[4] J. Kahk. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis. Mahtra sõda. Tallinn 1958, стр. 26.

[5] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rīgā 1956, стр. 9.

зад в окрестностях Таллина было 3000 каторжников, осужденных на галеры и занятых на строительстве Балтийского порта».[6] Чтобы всех их прокормить, военные и гражданские власти должны были закупать зерно. Так, в 1766 году императрица Екатерина II распорядилась закупить в Лифляндии 210 000 четвертей ржи зерном или мукой. В ответ на это распоряжение генерал-губернатор Г. Броун сообщил: «У здешних лифляндских дворян для продажи хлеба, кроме оставшего к продовольствию полков, ничего не имеется...»[7] С большим трудом удалось выяснить, что у местных купцов имелось для продажи 9000 четвертей ржи, но, по мнению Броуна, они запрашивали слишком высокую цену. По приказу центрального правительства закупки зерна все же были произведены, однако в конце концов удалось получить примерно лишь четвертую часть требующегося количества.[8]

Но такие случайные крупные закупки со стороны правительственных учреждений, а также закупки для армии представляли собой слишком ненадежный рынок. Когда в конце 1770-х годов в связи с предстоящей Турецкой войной из Лифляндии была выведена большая часть войск, цены на зерно там быстро упали.[9] Как мы видели, прибалтийские помещики не могли возлагать больших надежд и на продажу зерна за границу.

Таким образом, прибалтийские помещики, вывозившие в XVII веке зерно в Швецию и Нидерланды, во второй половине и в конце XVIII века не могли уже рассчитывать на постоянный и растущий спрос на производимое в их мызах зерно ни внутри страны, ни за границей. В сложившейся обстановке сельское хозяйство Эстонии могло ориентироваться на животноводство и наряду с этим

[6] [Fr. U. Album]. Ueber die freye Ein- und Ausfuhre des Getraides in Betracht Estlands. Ein Beytrag zu des Hrn. Reimarus Untersuchung der wichtigen Frage von der freyen Ein- und Ausfuhre des Getraides. Riga 1772, стр. 58—59.

[7] ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 439, л. 12.

[8] Там же.

[9] M. Stepermanis, указ. соч., стр. 214.

могли сложиться предпосылки для интенсивного развития торговли и промышленности. Эта многообещающая перспектива развития, которая открылась в результате вовлечения Эстонии в сферу всероссийского рынка, в действительности стала реальной лишь тогда, когда производительные силы избавились от оков отживших свой век феодальных производственных отношений и узкие сословные интересы прибалтийских помещиков уже не препятствовали развитию экономики этой территории. В конце XVIII века, когда власть помещиков была еще незыблема, был найден другой выход. Помещики нашли новый источник дохода в виде винокурения. Таким образом, сельское хозяйство Эстонии избежало кризиса и стало во второй половине XVIII века быстро развиваться.

Примерно до 1760-х годов винокурение играло еще незначительную роль в хозяйстве эстляндских и лифляндских мыз. На местном рынке спрос на водку был относительно невелик. Во второй половине 1760-х годов в лифляндских имениях производили в год 146 000 ведер водки, из которых 100 000 ведер продавалось в местных городах. В 1766 году царское правительство дало эстляндским и лифляндским помещикам право продавать водку в русских губерниях и, в частности, в Петербурге, что привело к резкому увеличению ее производства.[10] По данным А. В. Хупеля, в 1777 году в эстляндских и лифляндских имениях производилось в год более 1 080 000 ведер водки. По мнению другого литератора того времени, Г. И. Яннау, из произведенной в Эстляндии и Лифляндии в 1778 году водки 63 процента ушло, согласно заключенным договорам, в другие губернии России, 16 процентов — за границу и 21 процент был продан в местных корчмах.

В соседних с Эстонией русских губерниях водки выкуривалось в то время значительно меньше. Например,

[10] O. Ibius. Alkoholi ja alkohoosete jookide tootmise ajalugu Eestis. Tartu 1959, стр. 181, 182, 186 (Рукопись. Хранится в Институте истории Академии наук ЭССР.)

в 1807 году в Эстляндской губернии насчитывалось 367 винокуренных заводов, производивших 416 900 ведер водки в год. В том же году в Петербургской губернии, через которую проходили направлявшиеся в столицу из эстляндских имений обозы с водкой, было всего 12 винокурен, продукция которых составляла 65 970 ведер в год.[11]

Винокурни были, по данным О. Ибиуса, почти во всех эстляндских имениях. В 1796—1810 годах винокурни имели 86 процентов поместий Эстляндской губернии (в Харьюском уезде — 97, в Ярваском — 85, в Вируском — 81 и Ляэнеском — 72 процента имений). Как указывают сохранившиеся по трем уездам северной Эстонии данные, больше половины, а иногда и три четверти помещиков продавали изготовленную в своих винокурнях водку казне или городским купцам. Для производства водки иногда не хватало зерна, выращенного на помещичьих полях. Из израсходованного в 1801—1810 годах на винокурение зерна 9,1—9,6 процента эстляндские помещики прикупали, в основном у крестьян.

По данным губернского правления, в Эстляндской губернии в 1795—1798 годах производили в год в среднем более 1 600 000 тюндеров зерна (тюндер — бочка — около 5 пудов зерна). Из этого количества на месте продавали примерно 243 000 тюндеров, или 18 процентов всего урожая, за границу вывозили 66 766 тюндеров, или 4 процента, и в другие губернии России — 8 341 тюндер, или 0,5 процента.[12] По тем же данным, в 1796—1798 годах на водку перерабатывалось в год в среднем 134 020 четвертей, или примерно 214 400 тюндеров, зерна, что составляет 13—14 процентов годового урожая.[13] В 1801

[11] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 5 А, л. 231—232; ГАЛЛО, ф. 253, оп. 1, д. 7, л. 5—6.

[12] J. Konks. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. I aastakümnel. Tartu 1960, стр. 45—46.

[13] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 5А, л. 2, 54—55, 60—61, 87—88.

году из произведенных в Эстляндской губернии 609 000 ведер водки 51 процент был продан казне, 20 процентов израсходовано в самих имениях и 29 процентов продано в местных городах и сельских корчмах[14] (последних в материковой части Эстонии в первой четверти XIX века насчитывалось более двух тысяч). Хотя российский рынок занимал ведущее место в сбыте товарной продукции имений, все же большое значение имел и внутренний рынок, т. е. выманивание у местных крестьян денег и зерна за проданную им мызную водку.

Винокурни в имениях были оборудованы весьма примитивно — в них, как правило, имелись только простые котлы и чаны. В качестве рабочей силы использовались крепостные крестьяне. Но все же в связи с общим распространением винокурения в развитии производительных сил в сельском хозяйстве произошел определенный сдвиг. В помещичьем хозяйстве появилось новое звено — специальное заведение, хотя маленькое, примитивное, основанное на крепостном труде, но все же такое заведение, которое перерабатывало выращенное на помещичьих полях зерно в рыночный продукт.

До 1790-х годов цены на водку поднимались быстрее, чем цены на зерно, и до этого времени непрерывно росло и производство водки в имениях, достигнув максимального уровня в 1799 году.

Винокурение приносило помещикам большие доходы. По данным публициста В. К. Фрибе, в середине 1790-х годов стоимость зерна, необходимого для производства бочки водки, составляла 9 рублей, в то время как казна за это количество водки платила от 15 до 18 рублей. По сути дела водка ничего не стоила помещику, так как все работы, связанные с выращиванием хлеба, изготовлением и перевозкой водки, производились крестьянами в порядке барщины.

Побывавший в конце XVIII и в начале XIX века в Эстляндской губернии литератор К. Х. И. Шлегель писал, что из этой губернии много зерна (главным обра-

[14] Там же, л. 202.

зом переработанного, в виде водки) идет на продажу. «Когда, однако, несколько сот тысяч животов в течение 5 месяцев испытывают в нем недостаток, — продолжает он, — то понятно, что довольно значительное количество хлеба может оставаться».[15]

Все расширяющаяся торговля выкуренной из зерна водкой на рубеже XVIII—XIX веков свидетельствовала не столько об интенсивном развитии сельского хозяйства прибалтийских губерний, сколько о безжалостной эксплуатации местного крестьянства. Об этом красноречиво говорят события, относящиеся к 1808 году. Ранней весной этого года деревни Эстляндской губернии были охвачены голодом (более подробно мы остановимся на этом в следующей главе). В ответ на запрос центрального правительства губернское правление сообщило, что в 1807 году в Харьюском и Ляэнеском уездах зерна было собрано на 97 048 тюндеров меньше, а в Ярваском и Вируском уездах — на 14 697 тюндеров больше, чем требовалось для сева и для нужд местного населения. Общегубернский дефицит, если к указанному количеству добавить зерно, ежегодно сдаваемое в хлебные запасные магазины, составлял 93 443 тюндера, или 56 092 четверти. Однако весь этот дефицит почти полностью покрывался уже накопившимся в сельских запасных магазинах зерном, количество которого составляло в 1808 году 49 011 четвертей.[16] Но наличие в соответствующей графе соответствующей таблицы губернского годового отчета отметки об известном количестве зерна, предназначенного «на нужды населения», отнюдь еще не означает, что все это зерно действительно было использовано для указанной цели. Баланс совершенно нарушается, если иметь в виду, что из предназначенных, согласно отчету 1807 года, «на нужды населения» 624 000 четвертей зерна,

[15] C. H. J. Schlegel. Reise über Ober- und Nieder-Sachsen und die Ostsee nach Ehstland im Jahre 178*. An einen Freund in Deutschland. Meiningen 1819, стр. 156—157.

[16] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 53 и 159.

около 100 000 четвертей в действительности ушло на винокурение.[17]

В то время как крестьяне умирали с голоду, помещичьи винокурни работали на полную мощность. В имении помещика Штрандмана в Вируском уезде ежемесячные хлебные ссуды 48 крестьянским хозяйствам составляли 96 пур (в некоторых хозяйствах приходилось всего лишь по $^1/_5$ штофа в день на человека), а на изготовление водки в помещичьей винокурне употреблялось ежедневно 20 пур зерна.[18] Крейскомиссар Билэам сообщал в апреле 1808 года, что в имении Пуртсе «ушло на курение водки свыше 500 пур доставленного крестьянами в запасные магазины хлеба, и что такое же положение существует, по-видимому, и во многих других имениях».[19] В конце апреля 1808 года эстляндскому губернатору «стало частным образом известно, что некоторые местные помещики взяли на себя обязательство поставить казне к Иванову дню водку по 50 рублей за бочку, а это значит, что за один ласт, или $14^3/_4$ четверти, зерна, израсходованного на изготовление водки, они получали 300 рублей...»[20] (тогда как по сведениям газеты «Ревальше вёхентлихе Нахрихтен» ласт ржи стоил 230 рублей). В то время как голод в деревнях усиливался, все новые и новые обозы с зерном и водкой отправлялись из имений в Таллин. По данным губернского правления, с сентября по декабрь 1807 года из сельской местности в Таллин было доставлено зерна непереработанного и переработанного, в виде водки, 18 134 четверти (в среднем 9067 четвертей в месяц), в январе 1808 года 9175, в феврале 12 547, а с 1 марта по 7 апреля 1808 года 15 399 четвертей. Из-за войны с Францией с ноября 1806 года был запрещен экспорт хлеба за границу, и у

[17] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 171, л. 23; ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, ч. I, д. 5А, л. 231—232 и 238—239.

[18] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 46.

[19] ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 2653, л. 16.

[20] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, ч. I, д. 4Б, л. 83—84.

помещиков накопились на складах в Таллине значительные его запасы. Эстляндский губернатор вынужден был признать, что большинство помещиков преднамеренно воздерживается от продажи хлеба, надеясь на дальнейший рост цен.[21] Большие запасы зерна хранились у помещиков не только в Таллине, но и в самих имениях. В мае 1808 года, по сведениям, собранным самими помещиками, в Вируском уезде например, где положение крестьян было особенно тяжелым, в амбарах мыз прихода Люганузе находилось 2215 тюндеров зерна, прихода Раквере — 3672, Хальяла — 3056, Симуна — 2591; всего в 37 приходах Эстляндии, по которым имелись сведения, запасы зерна составляли 93 040 тюндеров.[22]

Все эти данные убедительно свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII—XIX веков предпринимательская деятельность помещиков развивалась за счет недоедания крестьян.

Наблюдавшееся с 1770—1780-х годов экономическое оживление, о котором с таким большим воодушевлением писал в 1786 году литератор Г. И. Яннау, выражалось, однако, не только в развитии винокурения в имениях. Небольшие подмызки (позднее, когда широко стало развиваться животноводство, они получили название скотных дворов) появлялись при лифляндских имениях во второй половине XVIII века, по выражению латышского историка М. Степермаииса, «как грибы после дождя».[23] Основание таких подмызков позволяло лучше использовать удаленные от центра имения поля и другие угодья. Об интенсивном создании подмызков в материковой части Эстонии говорят данные нижеследующей таблицы, где указано также, какими видами предпринимательства занимались поместья.

Как видно из приведенных данных, от одной трети до трех четвертей имений в целях интенсификации своего

[21] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 268, л. 74.

[22] Там же, д. 213, л. 221—222.

[23] M. Stepermanis, указ. соч., стр. 15.

сельскохозяйственного производства организовали у себя подмызки.

Уезды	Число имений, о которых имеются сведения	Число имений, которые имели подмызки	Число имений с			В имениях было		
			1 подмызком	2 подмызками	3—5 подмызками	вязальных мастерских	лесопильных заведений	печей для обжига кирпича
Ляэнеский	131	50(38%)	40	6	4	58	12	7
Вируский	142	71(50%)	50	19	2	50	13	12
Харьюский	136	71(52%)	62	14	5	60	7	21
Тартуский	147	83(57%)	44	27	12	?	6	20
Выруский	82	48(60%)	29	12	7	?	8	10
Пярнуский	61	20(33%)	7	10	3	?	8	3
Вильяндиский	72	48(67%)	23	14	11	?	5	12

В конце XVIII века некоторые прибалтийские помещики были охвачены лихорадкой грюндерства — основывали мануфактуры и другие предприятия, изыскивали различные возможности для получения дополнительных прибылей.[24]

Эстонским крестьянам в XVIII веке, особенно во второй его половине, пришлось немало потрудиться над расширением помещичьих полей. Так как с ростом местных городов и углублением разделения труда у крестьян появлялись все более широкие возможности для продажи своих сельскохозяйственных продуктов, то они старались расширять поля и на своих участках. В результате в течение последнего тридцатилетия XVIII века, по имеющимся данным, высев зерна в Эстляндской губернии увеличился примерно вдвое. Когда осенью 1809 года землемер Бартц пытался использовать в своей работе карты имений, составленные в Лифляндии в конце XVII

[24] Л. А. Лооне. Из истории промышленного переворота в Эстонии. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 84.

века, то он вскоре убедился, что это невозможно, так как «прежние пустоши были возделаны и появились новые мызы...»[25]

С развитием винокурения в имениях была, по крайней мере частично, решена проблема удобрения полей, которая во второй половине XVIII века и на территории Эстонии становилась все более острой. Увеличить поголовье скота в прибалтийских имениях в то время было невозможно, так как в связи с расширением полей площадь лугов уменьшилась, а оставшиеся луга были малопродуктивными. Выход из возникших в связи с этим затруднений был найден в том, что для откорма скота стали использоваться отходы винокурения — барда. В имениях бардой откармливали волов, которые давали необходимый для удобрения полей поместья навоз и которых затем продавали в Петербурге.[26] Первые конкретные данные об этом относятся к 1805 году, когда через Лифляндию пригнали в Петербург восемь гуртов, состоящих из 1942 голов крупного рогатого скота.[27] Судя по годовым отчетам губернатора (данные из которого приводятся ниже), в лифляндских имениях также начали откармливать крупный рогатый скот, который затем отправляли на продажу в Петербург.

Использование волов с целью увеличения количества навоза имело, однако, и отрицательные стороны. То обстоятельство, что прибалтийские помещики могли таким путем получать удобрения, явилось одной из причин, которые позволили им еще в течение десятилетий сохранять устаревшую трехпольную систему, не обращая должного внимания на развитие животноводства и сенокосов. Таким образом, интенсивное развитие одной из отраслей помещичьего хозяйства нанесло ущерб комплексному развитию сельского хозяйства Эстонии. Использование для указанной цели волов только в неко-

[25] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 151, л. 3.
[26] O. Ibius. Piiritustööstuse põllumajanduslikust tähtsusest Eestis XVIII ja XIX sajandil. «Известия Академии наук Эстонской ССР», серия общественных наук, 1959, № 1, стр. 42—45.
[27] ЦГА Латв. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 943, л. 6.

торой степени облегчило положение. А. В. Хупель писал по этому поводу: «Редко хватает навоза для удобрения всего поля, хорошо, если удастся удобрить хотя бы половину, и, следовательно, все три участка поля будут полностью удобрены только по истечении шести лет. Во многих имениях на это уходит 9 или даже 12 лет».[28]

Количество голов откармливаемого в Лифляндии крупного рогатого скота

Годы	Крупный рогатый скот		Итого
	местного происхождения	полученный из других губерний	
1810	1745	4724	6469
1811	1894	4510	6391
1812	701	2947	3642
1813	757	3899	4656
1814	960	3158	4118
1815	729	5362	6091
1816	656	3093	3741
1817	415	3688	4085
1818	912	2130	3042
1820	2397	4036	6433

Товарное производство в имениях, как видно, стало более интенсивным и разносторонним. Однако рост производства не сопровождался изменениями в системе производства. По-прежнему в имениях господствовало однобокое зерновое хозяйство. Урожайность полей повышали лишь дедовским способом — путем их лучшего удобрения. В воспоминаниях помещика Э. Розена, записанных им в 1820-х годах, после того, как он в течение тридцати лет арендовал мызу в Вируском уезде, говорится: «Выращивают главным образом те виды зерна, которые или вывозят за границу, или употребляют в пищу на месте, или перерабатывают на водку; клевером

[28] A. W. Hupel. Oekonomisches Handbuch für Lief- und Ehstländische Guthsherren . . . т. I. Riga 1796, стр. 16.

и другими кормовыми культурами занимаются меньше, картофелю тоже только кое-где уделяется некоторое внимание. Урожайность пытаются поднять с помощью животноводства и откорма [волов]... Однако таким путем нелегко настолько улучшить почву, чтобы ежегодно получать урожай от сам-3 до сам-6...»[29]

Еще бóльшие рутина и застой царили в хозяйстве крестьян. Рижский врач О. Гун собрал в начале XIX века у местных пасторов сведения о способах обработки земли в крестьянских хозяйствах. Наиболее конкретные данные ему удалось получить о казенных имениях.[30] На основе этих данных складывается следующая картина.

Крестьяне пахали на волах или на лошадях, бороновали на лошадях. Посев в хозяйствах крестьян, которые должны были в первую очередь обработать поля помещика, производился поздно. Так, яровые высевались в конце мая и начале июня, озимые же — в августе и даже в начале сентября (по новому стилю, соответственно, в июне и в середине сентября). Яровые поля вспахивались и боронились два, озимые — три раза (и когда попадалась «легкая земля», то лишь два раза). Кютис (кубыши) и подсека применялись уже не везде. По полученным О. Гуном данным, как кютис так и подсека еще применялись в приходах Вильянди, Пыльтсамаа, Сууре-Яани, Кодавере, Торма-Лохусуу и Курси; только кютис — в приходах Вяндра, Паламузе, Экси, Маарья-Магдалена и Камбья. Крестьяне выращивали главным образом рожь, ячмень, овес, горох и бобы. Наряду с этим в Пярнуском, Вильяндиском и Сааремааском уездах сеяли сравнительно много пшеницы, а в приходах Михкли, Аудру, Каркси, Вильянди, Лайузе и Сууре-Яани — лен. Заслуживает внимания тот факт, что уже в первой четверти XIX века почти во всех южноэстонских приходах крестьяне разводили картофель, но

[29] E. v. Rosen. Die sechs Decennien meines Lebens oder mein 61-ster Geburtstag. Riga 1877, стр. 268.
[30] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1823, д. 186—189, 191 и 192.

сажали его не в поле, а в огороде, вместе с капустой, репой и бобовыми. Животноводство в Тартуском и Выруском уездах находилось, по-видимому, на довольно низком уровне. В Пярнуском и Вильяндиском уездах, напротив, животноводством занимались почти во всех приходах, однако более развитым оно было лишь в приходах Курси Тартуского уезда, Харгла, Выруского уезда, Карья и Кярла Сааремааского уезда.

«Ахиллесовой пятой» крепостнического барщинного хозяйства помещиков было наличие в нем как бы двух полюсов. Производством распоряжалось имение, в руках которого находилось основное средство производства — земля. Имение присваивало и все продукты производства. Работники же — батраки и батрачки — жили в крестьянских дворах и получали жалованье от дворохозяина, посылавшего их на работу в имение. Крестьянское хозяйство должно было давать также весь необходимый для работы в имении рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. Для повышения доходов помещик стремился увеличить производство своего хозяйства. Посылаемый же дворохозяином в имение барщинник ни в коей мере не был заинтересован в увеличении производства путем напряжения своих сил, так как это ничуть не влияло на размер получаемого им жалованья.

В сфере производительных сил произошло довольно существенное изменение — структура имения дополнилась своеобразной винокуренной «фабрикой», посредством которой помещик стремился направлять на рынок все больше товарной продукции. В то время как часть производственного процесса и часть орудий производства были, по крайней мере в некоторой степени, приспособлены к массовому производству на рынок, остальные орудия производства, которые должны были обеспечить работу первых, почти никаких изменений не претерпели, и это стало тормозить дальнейшее развитие производства. Чем интенсивнее помещик стремился расширить производство на рынок и с этой целью усиливал эксплуатацию своих крестьян, тем меньше экономически разо-

рившиеся в результате чрезмерного угнетения крестьянские хозяйства могли выполнять все требования помещика. Для увеличения товарной продукции помещикам следовало бы приобрести лучшие орудия производства (в первую очередь сельскохозяйственные машины) и завести собственный рабочий скот. Но они этого не делали. Со своей стороны крестьянин-дворохозяин, чей рабочий скот и инвентарь бо́льшую часть времени находился в имении и использовался в чужих интересах, вовсе не был заинтересован в усовершенствовании этого инвентаря или заведении нового, лучшего рабочего скота. У живущего впроголодь крестьянина просто не было для этого никаких возможностей. Размер жалованья работающего на помещичьем поле барщинника совершенно не зависел от интенсивности его работы. Наоборот, его хозяин был лишь доволен, если батрак во время работы в имении «берег» лошадь, чтобы у нее оставалось больше сил для работы в крестьянском хозяйстве. Так стремление помещиков увеличить производство наталкивалось из-за сохранения устаревших производственных отношений на стену препятствий, возникающих на пути развития производительных сил.

Когда некоторые помещики пытались проводить среди крестьян пропаганду в пользу нового сельскохозяйственного инвентаря или, например, разведения картофеля, то это вызывало у крестьян законное недоверие. Весьма образно говорит об этом граф Меллин в одной составленной им в 1803 году памятной записке. Трое крестьян из принадлежавшего ему имения Бириню получили от Лифляндского общеполезного экономического общества премии за выращивание картофеля, и их имена были отмечены в издаваемом обществом календаре. «Эти люди приходили позднее несколько раз ко мне, — пишет граф Меллин, — приносили обратно деньги и похвальные грамоты и настойчиво просили меня сделать так, как будто всего этого и не было, ибо они во всем округе слышат проклятия и упреки в том, что являются виновниками всех последующих несчастий. Это будто всего лишь новая уловка господ, предпринятая с тем,

чтобы соблазнить крестьян на предпринимательство, и скоро будет новый налог на картофель и затем на репу, как это уже не раз случалось; в результате частых обмеров и таксаций двор усердного и предприимчивого хозяина обсчитывают и оценивают более высоко. Поэтому крестьянин, как правило, поступает гораздо умнее, если он не обрабатывает свою землю как следует или по крайней мере разными путями это скрывает, чтобы отбить у помещика желание занять эту землю под подмызок или перемерить ее и повысить оценку».[31]

Латышский историк-аграрник Г. Строд указывает, что еще до 60-х годов XIX века основным сельскохозяйственным орудием в Лифляндии была та самая соха, которая применялась здесь еще в XII веке.[32] Современники (например, А. В. Хупель) были в конце XVIII века уже достаточно осведомлены о недостатках этого сельскохозяйственного орудия. Эта соха разрыхляла почву лишь на глубину 5—6 сантиметров, глубина пахоты в 7,5 сантиметров достигалась лишь тогда, когда непрерывно изо всех сил налегали на соху. Такой сохой было крайне тяжело вспахать целину, застоявшийся пар и глинистую почву. Однако в трудах тех же современников можно найти и разъяснение того, почему это малопроизводительное орудие труда, несмотря на свои недостатки, все же оставалось в употреблении. А. В. Хупель отмечает, что такую соху каждый крестьянин мог изготовить сам, и это была единственная соха, которую мог тянуть слабосильный рабочий скот крестьян. До второй четверти XIX века все изменения, направленные на усовершенствование сохи, ограничивались главным образом тем, что пытались заострить лемеха или прикрепить к ним предназначенные для подрезывания дернины острые наконечники шириной в 2—3 дюйма. Все это, однако, мало улучшило существующее положение — вспахать этой сохой

[31] Fr. Bienemann. Der russische Gemeindebesitz als Deliberandum des livländischen Landtages. «Baltische Monatsschrift», XXX. Reval 1883, стр. 840—841.

[32] H. Strods. Zemkopības sistemu attistiba Latvijā. Rīgā 1957, стр. 66.

почву на достаточную глубину было невозможно. Бороны с железными зубьями имелись, по данным Хупеля, к концу XVIII века в Лифляндской губернии только приблизительно в десяти имениях. А крестьянские суковатки и коленчатые бороны обрабатывали землю весьма поверхностно.

Интересную картину того, как господствующие крепостнические отношения препятствовали применению сельскохозяйственных машин, раскрыл нам Г. Строд в своем исследовании по истории молотилок в Лифляндии.[33] Во второй половине XVIII века даже некоторые местные помещики признавали, что на свете нет, вероятно, другой страны, где так необходима была бы машина для молотьбы, как Лифляндия, производившая в большом количестве зерно для продажи и винокурения. В 1797 году в Лифляндию было привезено из Англии шесть так называемых шотландских молотилок, изобретенных в 1786 году. Отдельные молотилки и их модели привозили в последующие годы в Лифляндию и из других мест — из Брауншвейга и Швеции. По образцу их стали изготовлять молотилки и местные мастера (некоторые такие попытки были сделаны уже раньше). В 1799 году Г. Ф. Паррот, в то время секретарь Общеполезного экономического общества, сконструировал по образцу шотландской свою молотилку. Эту молотилку вращали вручную шесть человек, причем они за час обмолачивали столько же зерна, сколько 65 барщинников, молотивших цепами. Молотилки конструировали по заданию помещиков и отдельные крестьяне.

Хотя с помощью молотилки производительность труда на молотьбе можно было повысить раз в десять, лифляндские помещики приобретали их неохотно. В их распоряжении был даровой труд крепостных и поэтому они считали бессмысленным тратить деньги на приобретение молотилок. Кроме того, в имениях, применявших лишь

[33] H. Strods. No kulmašinu konstruēšanas un ieviešanas vēstures Latvija XVIII gs. beigas un XIX gs. pirmajā pusē. Vēstures problemas II. Rīgā 1958, стр. 137—167.

труд барщинников, не было людей, умеющих починить легко выходившие из строя молотилки. Во всей Лифляндии не было мастерских и фабрик, где строились бы или ремонтировались молотилки. Если ломалась какая-либо деталь, то молотилка сразу становилась окончательно непригодной к употреблению. В результате от молотилки во второй половине первого десятилетия XIX века отказались даже те отдельные помещики, которые вначале пытались ее использовать. С 1808 года стали энергично пропагандировать вместо молотилки так называемый полевой каток, изобретенный в конце XVIII века для измельчения кусков почвы на глинистых и тяжелых землях, который в известной степени можно было использовать и при молотьбе. Но в подавляющем большинстве имений до середины XIX века молотьба производилась вручную.

Иногда помещики прямо препятствовали переходу на более рациональные методы работы. При уборке хлеба крестьяне в прибалтийских губерниях стали с конца XVIII века пользоваться вместо серпа косой, а латышские крестьяне применяли при уборке ржи даже специальную маленькую косу — раутц.[34] При употреблении косы, особенно если колосья были очень спелыми, часть зерна могла осыпаться. При жатве серпом этой опасности не было, так как охапку колосьев перегибали через серп. И поэтому прибалтийские помещики вели до середины XIX века упорную борьбу против применения косы на уборке хлеба, не понимая, что использование косы давало такую экономию рабочей силы, которая, с избытком компенсировала потерю отдельных зерен. Даже А. В. Хупель признает в 1796 году, что некоторые помещики «заставляют своих крестьян сразу после того, как с небольшого участка собран хлеб, собрать и все опавшие колосья. Это растрата времени».

В конце XVIII века во многих странах Западной Ев-

[34] История Эстонской ССР, т. I. (С древнейших времен до середины XIX века.) Под редакцией А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961, стр. 616.

ропы совершился переход от трехполья к многополью с травопольной или плодосменной системой севооборота.

Хотя новая система земледелия в конце XVIII века уже была известна и в прибалтийских губерниях, она не получила здесь распространения. «Почти везде, как в имениях, так и у крестьян, — пишет в 1796 году А. В. Хупель, — пахотная земля была разделена на три участка... В некоторых имениях, правда, было по четыре-пять участков, но это лишь номинально, как, например, в имении Г., где один участок был засеян озимыми, другой — овсом, третий — ячменем, а четвертый находился под паром».[35] Такое увеличение количества участков не вело к ликвидации пара, к выращиванию кормовых культур и не способствовало поднятию урожайности.

Разведение клевера стали пропагандировать в Эстляндии и Лифляндии уже с конца XVIII века, и первые опыты по его выращиванию в имениях имели место на рубеже XVIII—XIX веков. Однако систематически клеверу стали уделять внимание с 20—30-х годов XIX века. В 1771 году в губернаторских отчетах о посеве и урожае сельскохозяйственных культур появляется новое название — «земляные яблоки». Под этим названием в то время был известен картофель. В том году в Эстляндской губернии его было посажено 25 четвертей.[36] Культура картофеля вначале распространялась очень медленно, и в 1803—1813 годах его средний урожай по Эстляндской губернии составил немногим более 17 000 четвертей. Более массовое выращивание картофеля началось лишь в 1830-х годах.

Прибалтийских помещиков, не предпринимавших существенных изменений ни в области сельскохозяйственных орудий, ни в системе полеводства, с конца XVIII века все больше занимал вопрос, каким образом выжать из подвластных им крепостных возможно больше прибавочного труда. «Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких фор-

[35] A. W. Hupel. Oekonomisches Handbuch ..., т. I, стр. 67 и 7
[36] ЦГАДА, ф. 274, оп. 2, д. 5073, л. 6 и 15.

мах рабского, барщинного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу (в частности, в Эстонии товарная продукция имений в XVIII веке и в первой половине XIX века шла в основном на внутренний российский рынок. — *Ю. К.*), так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»,[37] — пишет К. Маркс.

В эстонской деревне проживало довольно большое число бобылей, т. е. бедных крестьян, владевших мизерными участками земли и лишенных рабочего скота и инвентаря. В конце XVIII века прибалтийские помещики стали ломать голову над тем, как при сохранении барщинной системы использовать в своих интересах рабочую силу бобылей.

Абьяский помещик Штакельберг уже длительное время был вынужден с болью в сердце наблюдать, как рабочая сила служивших у дворохозяев его имения так называемых половинщиков оказывалась для имения в значительной степени потерянной. Часто в крестьянском хозяйстве, которое должно было исполнять полтора или два дня барщины в неделю, было даже два половинщика, и каждый из них, следовательно, работал в имении в течение месяца всего по три-четыре дня. Остальное время они работали в своих небольших бобыльских хозяйствах или по найму у соседей-дворохозяев. Не ради собственной выгоды, как утверждал Штакельберг в письме к лифляндской ландратской коллегии, а лишь для того, чтобы уберечь этих половинщиков от «совершенной испорченности в результате безделья», он в 1796 году покончил с таким положением. Начиная с этого года каждый половинщик, имеющий лошадь, должен был помимо той работы, которую он выполнял, будучи батраком дворохозяина, отрабатывать с лошадью на барщине один день в неделю. Он обязан был также ходить с по-

[37] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 241.

мещичьим обозом в Пярну, Тарту и Вильянди. Половинщики, не имеющие лошадей, должны были исполнять пешую барщину. По установленному в том же году в имении Абья порядку, женщины-бобылки должны были весной работать один день в неделю на помещичьем огороде.[38]

Сведения, указывающие на стремление помещиков использовать в своем хозяйстве рабочую силу бобылей, имеются и относительно имений других районов Лифляндии. О том, что нужно принудить бобылей работать на мызной барщине, много говорилось и на помещичьих ландтагах.

Практика использования на барщине бобылей и вообще крестьян, имеющих небольшие земельные наделы, могла легко натолкнуть на мысль: не выгоднее ли перевести и всех остальных крестьян (как хозяев, так и батраков) на положение мызных бобылей, посадить их на карликовые земельные участки, заставляя все время работать на барщине в имении и выдавая им из мызных амбаров продовольствие.

Уже около 1750 года в Рижском уезде, в мызе Унгру, барон Кампенгаузен отобрал у крестьян всю землю и переселил их в другую мызу. Для работы в мызе Унгру он привез из мыз Ранну и Валгута 12 семей эстонских крепостных крестьян, которые стали работать на помещичьих лошадях и получать из имения продукты питания. Подобные опыты производились во второй половине XVIII века и в некоторых других дворянских имениях Лифляндии и в имениях рижского патримониального округа.[39] В 1796 году А. В. Хупель писал: «Здесь следует затронуть вопрос — не полезнее ли снять всех крестьян со своих мест, превратить их в обычных батраков или депутатистов и обрабатывать их земли как мызные поля».[40] И далее Хупель отмечает, что некоторые помещики уже произвели подобные опыты в своих подмызках.

[38] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības ..., стр. 105—107.
[39] M. Stepermanis, указ. соч., стр. 22—23.
[40] A. W. Hupel. Oekonomisches Handbuch ..., т. I, стр. 116.

Интересно отметить, что даже в правительственных кругах в начале XIX века обсуждался вопрос: по какому пути должно пойти развитие сельского хозяйства в прибалтийских имениях — по пути создания крупных поместий и превращения крестьян в мызных работников или по пути превращения крестьян в мелких землевладельцев. Между 1804 и 1809 годами один государственный чиновник, чье имя установить не удалось, составил «Замечания о крестьянском законе 1804 года в Лифляндии». Автор «Замечаний» категорически выступает против превращения крестьян в землевладельцев, причем в качестве аргументов он использует положения, высказанные английским экономистом И. Стевартом. «Положение о крестьянах не может иметь целью дать всем крестьянам в собственность землю, полученную ими от помещика для пользования, в противном случае пресечется обрабатывание больших вотчин или обширное земледелие и земля ко вреду промышленности и государственных доходов разделена будет между мелкими владельцами, кои употребляли бы все свои произведения для собственного их пропитания. Стеварт о таковых мелковладельцах говорит, что сельское хозяйство от того не претерпело бы ущербу есть ли бы они от земли исчезли». Однако и такое решение, в результате которого бóльшая часть крестьян будет превращена в мызных работников, трудом коих будут возделываться поля крупных поместий, не удовлетворяет автора «Замечаний», так как это привело бы «ко всеобщему порабощению крестьян...» «Когда всем состояниям представлено будет свободное употребление трудов и капиталов, то вскоре целые деревни, коих положение более выгодно для заведения фабрик, нежели для земледелия, превратятся в мануфактурные города и правительство не будет иметь нужды строить с великими издержками целые города и торговые местечки... Но до коль земледельцы, приписанные к земле и сельские работники по произволу взять быть могут помещиком в дворовые люди, до толь нельзя думать о свободном употреблении и обращении трудов и капита-

лов и о цветущем состоянии мануфактур».[41]. Из кажущегося безысходным положения автор «Замечаний» находит выход, очень характерный для позиции сомневающегося и колеблющегося во многих вопросах царского правительства. Общественно-экономическое развитие не должно направляться ни по тому, ни по другому пути, надо стремиться к тому, чтобы успешно развивались крупные дворянские имения, но в то же время сохранялись и крестьянские хозяйства и чтобы взаимоотношения крестьян и помещиков были точно определены правительством.[42]

Наиболее остро тенденция превращения крестьян в крепостных мызных батраков, лишенных земли, проявилась в Восточной Германии, откуда производился массовый вывоз зерна за границу и где этому явлению было дано характерное название «Bauernlegen», которое на русский язык можно перевести как «сгон крестьян» или «ликвидация крестьянства». Помещики сгоняли крестьян с их участков, присоединяли крестьянские поля к своим и заставляли затем мызных бобылей (в которых превращались лишившиеся своих земель дворохозяева) за жалкое натуральное вознаграждение работать на этих полях. В Мекленбурге и Верхней Померании этот процесс привел в итоге к почти полной ликвидации крестьянства как сословия мелких землевладельцев. Случаи лишения крестьян земли и принуждения их к работе на барщине в имении за натуральную плату наблюдались и в русских губерниях, где это явление в конце XVIII — первой половине XIX века называлось переводом крестьян на месячину. Что же этот процесс означал с точки зрения развития производительных сил?

В первую очередь следует подчеркнуть, что «Bauernlegen», или перевод крестьян на месячину, — это, по-существу, наиболее консеквентное выражение «неутолимой жажды прибавочного труда» со стороны производящих на капиталистический рынок феодалов. Погоня

[41] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 193, л. 40—43.
[42] Там же, л. 75 и 77.

за прибавочным трудом, получаемым в виде барщины, и расширение помещичьих полей за счет крестьянских земель должны были рано или поздно привести к экономическому разорению крестьянства и его обезземеливанию, к ликвидации крестьянства как сословия мелких землевладельцев. Крупные помещичьи хозяйства могли в результате этого, правда, выиграть, но за счет чего?

Характеризуя в третьем томе «Капитала» отработочную ренту, К. Маркс делает очень четкое различие между прибавочным, или барщинным, трудом и трудом производителя (крестьянина) на себя, который по своему характеру является необходимым трудом, подчеркивая, что именно в этом последнем виде труда содержатся возможности усовершенствования самого процесса производства и развития товарно-денежных отношений. «Предположим, напр., что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю, — пишет Маркс. — «Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, с которыми он знакомится, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем, не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и деревенскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств . . .» [43] Следовательно, увеличение доли барщинного труда за счет труда крестьянина в своем хозяйстве означало прежде всего увеличение доли

[43] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 806—807.

менее производительного труда за счет труда, производительность которого могла возрастать. Кроме того, это означало и удушение товарно-денежных отношений в деревне, сопровождавшееся сокращением внутреннего рынка, необходимого для возникновения и развития капиталистического производства. Насильственный сгон крестьян с их наделов и превращение в непосредственных слуг мызы был, однако, наиболее яркой и грабительской формой далеко идущего наступления помещиков на крестьян.

По вопросу о том, к чему в действительности привело бы широкое распространение этого процесса, сравнительно недавно проходила интересная дискуссия. Она была вызвана появлением книги И. Нихтвейса «Ликвидация крестьянства в Мекленбурге» (Берлин, 1954), и в ней приняли участие историки многих стран народной демократии.[44] И. Нихтвейс склонен видеть в этом процессе грабительского захвата крестьянских земель такую же форму выражения первоначальной аккумуляции капитала, как огораживание в Англии. И действительно, зашедшее в тупик феодальное сельское хозяйство могло бы таким путем преодолеть некоторые трудности. Но даже в области помещичьего сельского хозяйства явление это приводило к некоторым положительным сдвигам лишь в том случае, если оно сопровождалось переходом на более прогрессивную систему полеводства, выращиванием новых культур, развитием новых отраслей сельского хозяйства и т. п. При оценке этого процесса с точки зрения развития экономики всей страны нельзя не задуматься над вопросом, который другой немецкий историк, Г. Гейтц, уже в 1955 году поставил в своей рецензии на книгу Н. Нихтвейса. А что сталось бы с крестьянами? Поступили бы они в распоряжение зарождающейся капиталистической промышленности или стали

[44] См. G. Heitz. Zur Diskussion über Gutsherrschaft und Bauernlegen in Mecklenburg. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, № 2, стр. 278—296. В этой статье указаны также работы других историков, принимавших участие в дискуссии.

бы вольнонаемными работниками в сельском хозяйстве?[45] Спустя пять лет Г. Гейтц сам дал блестящий ответ на этот вопрос. После изучения многочисленных материалов, касающихся судьбы согнанных со своих наделов мекленбургских крестьян, он пришел к выводу, что «большей частью при уничтожении усадеб крестьян и бобылей превращали в поденщиков, являющихся крепостными, обязанными работать в имении. О возможности появления в результате «освобождения» крестьян от земли безземельного и лично свободного наемного работника не может быть и речи, так как ни одного подобного случая не установлено».[46] Поэтому до тех пор, пока рабочая сила изгнанных из усадеб крестьян не освободится для капиталистического производства, Г. Гейтц считает возможным говорить лишь о сугубо феодальном уничтожении крестьянских хозяйств.

Мы потому задержались на вопросе о характере помещичьих хозяйств, что это дает нам возможность лучше понять, что, по существу, означало и к чему в конечном итоге привело бы интенсивное развитие крепостнических барщинных хозяйств. Ведь ликвидация крестьянских дворов («Bauernlegen») была лишь наиболее последовательным выражением наступления на крестьянские хозяйства. Это наступление выражалось и в увеличении помещиками барщинных повинностей крестьян, как это имело место в Эстонии. Для того чтобы правильно оценить экономическую и аграрно-политическую деятельность помещиков и значение борьбы крестьян против эксплуатации со стороны помещиков, мы должны знать, куда в итоге привел бы этот процесс наступления на крестьянское хозяйство.

Во второй половине XVIII века значительно возросло товарное производство прибалтийских имений. Для переработки сельскохозяйственных продуктов и природных

[45] «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, № 4, стр. 645.

[46] G. Heitz. Feudales Bauernlegen in Mecklenburg im 18. Jahrhundert. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1960, № 6, стр. 1375.

богатств помещики создавали в большом количестве винокурни, лесопильни, печи для обжига извести и кирпича, мануфактуры. Однако уже в это время все яснее обнаруживалось, что сельское хозяйство могло бы развиваться еще более интенсивно, если бы этому не мешали отсталые производственные отношения.

В 1784 году прибалтийский генерал-губернатор Броун писал эстляндскому губернатору: «Из Эстляндии, где имеется такая подходящая для животноводства и садоводства земля, следовало бы ежегодно вывозить по крайней мере на 5000 рублей масла и сыра, но, как явствует из таможенного регистра, сюда завезено на 5949 рублей иностранных сыров и продуктов питания».[47] Скотоводство, для которого действительно имелись хорошие природные условия, совершенно не развивалось. От работающих в имении по принуждению барщинников нельзя было ожидать, чтобы они старательно ухаживали за помещичьим скотом. «И действительно, стада в имениях находятся часто еще в худшем состоянии, чем у крестьян, — писал один прибалтийский дворянин в первые годы XIX столетия, — так как последние больше заботятся о них».[48] Кроме того, вследствие сохранения трехпольной системы и слабого распространения кормовых культур ощущался и недостаток в кормах для скота. «Вообще мне кажется, — пишет в конце XVIII века служивший в имениях Эстляндской губернии в качестве домашнего учителя К. К. Л. Клее, — что для улучшения и обогащения кормов для скота можно было бы сделать еще очень многое, частично путем выращивания кормовых культур, частично путем высева на лугах хорошо растущих трав и, наконец, путем улучшения огороженных пастбищ, на которые поочередно следовало бы выгонять животных».[49] В то же время непосредственно под боком

[47] F. Bienemann. Die Statthalterschaftszeit in Liv- und Estland... Leipzig 1886, стр. 187.

[48] H. J. Tiebe. Lief- und Ehstlands Ehrenrettung gegen Herrn Merkel und Petri. Halle 1804, стр. 32.

[49] C. C. L. Klee. Eines deutschen Hauslehrers Pilgerschaft durch Land und Leben (1792—1818). Reval 1913, стр. 29.

имелись самые благоприятные возможности для продажи мяса. В конце XVIII века эстляндские помещики и крестьяне продавали в местных городах, а также в Нарве и Петербурге примерно 6400 голов крупного рогатого скота и 7650 телят в год.[50] А в 1807 году на одной только масляной неделе петербургские мясники забили 7200 голов крупного рогатого скота и 12 000 телят. В течение 1807 года мясниками было забито и продано в Петербурге 56 186 голов крупного скота, 57 365 телят и 25 427 овец.[51]

Еще сильнее крепостнические производственные отношения сдерживали развитие таких отраслей хозяйства, как торговля, промышленность и транспорт.

Изнуренные помещичьей барщиной крестьяне могли лишь поверхностно обрабатывать собственные поля. Соотношение помещичьих и крестьянских пахотных земель составляло в начале XIX века в среднем 1 : 2. Следовательно, примерно две трети всей посевной площади было недостаточно хорошо обработано именно потому, что господствующие крепостнические производственные отношения и помещичий гнет задерживали экономическое развитие крестьянских хозяйств.

В действительности же и помещичьи поля обрабатывались довольно поверхностно как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. В. Миллер недавно обратил внимание на то обстоятельство, что на острове Сааремаа, где почва обоснованно считается наиболее бедной во всей Эстонии, в конце XVIII века выращивали наиболее высокие в Прибалтике урожаи и он стоял по урожайности на одном из первых мест в России.[52] Как показал несколько позднее другой эстонский историк — Х. Лиги, это объяснялось очень просто. Структура почвы на Сааремаа более соответствовала методам земледелия того времени, когда деревянная крестьянская соха позволяла разрыхлять лишь верхние слои почвы. Когда на эстон-

[50] J. Konks, указ. соч., стр. 51.
[51] ГАЛЛО, ф. 253, оп. 1, д. 19, л. 17 и 19.
[52] V. Miller. Jooni mineviku põllumajandusest. В кн.: «Saaremaa», 1959, стр. 120.

TRU Raamatukogu

ском материке в середине XIX века в употребление вошли железные плуги и вспашка стала производиться на бо́льшую глубину, южная Эстония, где почвенный слой был более мощным и его нижние слои более плодородными, быстро опередила остров Сааремаа. Тут мы имеем дело с явлением, на которое указывает К. Маркс в третьем томе «Капитала», где он пишет, что «природное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития...» и что «с развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования».[53] Дальнейшие исследования, специально посвященные истории развития производительных сил, должны нам показать, не свидетельствует ли динамика урожаев зерновых в Эстонии в XIX веке о том, опять-таки отмеченном К. Марксом, явлении, что «истощенный при поверхностной вспашке верхний слой почвы дает при старой системе возделывания все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой при рациональной обработке начинает давать более высокие урожаи, чем раньше».[54]

Все это образно говорит о том, что при господстве устаревших феодально-крепостнических производственных отношений у земли брали лишь часть ее богатств.

В 1808 году на страницах рижского журнала «Экономишес реперториум» появилась статья, в которой указывалось, что поверхностная обработка земли барщинниками часто являлась причиной мизерных урожаев: «... Во время пахоты перед севом барщинники очень торопятся, пашут мелко и оставляют между бороздами очень широкие промежутки и поэтому семена ржи вносятся в почву очень неглубоко... Так как эти всходы никогда не могут пустить корни глубоко в землю, то они обычно становятся жертвой холодов и северных ветров,

[53] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 665 и 783.

[54] Там же, стр. 723.

столь продолжительных и частых у нас весной... Рожь сеют редко, и земля дает вместо нее лишь... сорняк. Это действительная причина того, почему у нас урожай так часто бывает низким».[55]

Уже в середине XIX века профессор анатомии Тартуского университета А. Хук, большую часть своего свободного времени посвятивший исследованию сельского хозяйства Эстляндии и Лифляндии, пришел к выводу, что к концу XVIII века возможности развития сельского хозяйства старым путем были исчерпаны. «Старое сельское хозяйство достигло, наконец, апогея вместе со старым временем»,[56] — пишет А. Хук, намекая на то, что с революцией 1789 года началась новая эра в истории человечества. А. Хук пришел к такому выводу главным образом в результате рассмотрения внешних признаков (положение крестьянства, состояние сельскохозяйственных угодий и т. д.). Однако и марксистские историки, исследовавшие развитие производительных сил и производственных отношений, пришли в основном к такому же заключению.

В приведенной ниже таблице на основе данных о производстве зерна в Эстляндской губернии, взятых из отчетов губернаторов, показаны 1) уровень производительности общественного труда в сельском хозяйстве и 2) уровень развития сельского хозяйства. Первый из этих показателей мы получаем делением валового сбора зерна (за исключением расхода на семена) на число душ населения, занятого в земледельческом производстве. Второе же — путем деления валового сбора зерна (опять-таки исключая семена для следующего посева) на все население. При этом мы ограничиваемся тем периодом, когда в Эстляндии еще господствовала барщина (заключение отработочных договоров было запрещено в 1868 году). На замедление роста посевных пло-

[55] Ursache, warum das Roggengras im Frühjahre so oft von den Feldern verschwindet. «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 2. Band, 3. Stück. Riga 1808, стр. 686—687.

[56] [A. Hueck]. Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland. Leipzig 1845, стр. 114.

щадей и прекращение повышения уровня производительности общественного труда указывают и данные, относящиеся к периоду с 1770 по 1830 год, о котором можно с еще большей уверенностью сказать, что характер сельского хозяйства и структура сельскохозяйственных угодий за это время оставались в основном неизменными. Приведенные в таблице данные достаточно красноречивы (их точность, принимая во внимание уровень статистики того времени, конечно, крайне относительна, и их можно использовать лишь для приблизительного сравнения между собой).

В первой половине XIX века производство зерновых продолжает, хотя и все более медленно, расти, так как с ростом населения должно было в известной мере возрастать и необходимое для его питания количество зерна. Однако в то же время начиная с конца XVIII века производительность общественного труда в сельском хозяйстве и количество зерна на душу населения остаются на том же уровне, а позднее даже падают, причем доля зерна, идущего на винокурение и продажу, увеличивается. Если в последние десятилетия XVIII века посевные площади растут еще относительно быстро, то с начала нового столетия положение в этой области ухудшается.

В тех разделах настоящей книги, где говорится о положении крестьян, приведены данные, показывающие, что рабочий день и рабочая неделя барщинников были во второй половине XVIII века доведены до максимума. Рабочий день продолжался от восхода до захода солнца и рабочая неделя — от восхода солнца в понедельник до его захода в субботу; их уже нельзя было больше продлить. От крестьянских хозяйств требовали столько барщинных дней в году, что их собственные поля оставались необработанными и превращались в залежи. Следовательно, выжать дополнительное количество барщинных дней было трудно. Экономически разоренные крестьянские хозяйства посылали на помещичьи поля ослабевший от недостатка корма рабочий скот и убогие сельскохозяйственные орудия. В результате всего этого

Производство зерновых в Эстляндской губернии в 1770—1870 гг.
(в четвертях)

Годы	Среднегодовой		Урожайность	Приблизительное количество трудового сельского населения	Приблизительное количество населения	На одного трудоспособного приходилось		На душу населения приходилось		Увеличение высева в %
	высев	урожай				высева	урожая	высева	урожая	
1771	103 721	465 026	сам-4,4							
1780—1789	126 218	610 131	„ 4,8	90 000	200 000	1,4	5,4	0,6	2,4	21
1790—1799	160 357	912 152	„ 5,7		210 000			0,7	3,6	32
1800—1809	170 283	849 185	„ 5,0		210 000			0,8	3,2	9
1810—1819	179 280	963 666	„ 5,4	100 000*	220 000	1,8	7,8	0,8	3,4	9
1834—1839	198 435									18
1841—1850	203 225	860 251	„ 4,2		280 000			0,7	2,0	4
1851—1860	202 681	862 119	„ 4,2		290 000			0,7	2,2	0
1861—1870	210 552	950 742	„ 4,5	135 000	310 000	1,5	5,5	0,7	2,4	7

* 18 июня 1810 года эстляндский губернатор сообщал министру внутренних дел, что, по полученным от пасторов сведениям, в губернии насчитывается 104 699 трудоспособных крестьян.

производительность общественного труда в сельском хозяйстве не могла подняться и даже стала падать.

Нельзя, конечно, считать, что исчерпывание кроющихся в феодально-крепостнической системе возможностей дальнейшего усовершенствования и развития производства в том только и заключалось, что из крестьянских хозяйств выжимали всю имеющуюся в них рабочую силу. Исчерпывание возможностей дальнейшего прогрессивного развития какой-либо формации — куда более широкое и многогранное понятие. Об исчерпывании этих возможностей свидетельствуют и факты, говорящие о том, что сами помещики, помимо обычных феодальных методов (увеличение количества и продолжительности барщинных дней, превращение толоки в обязательную дополнительную барщину), начинают искать новые приемы усиления эксплуатации крестьян. Понятно, что, например, рабочую силу мызных бобылей начинают использовать именно там, где крестьянские дворы экономически разоряются или уничтожаются помещиками. Желание, с одной стороны, увеличить товарную продукцию своего имения, с другой стороны, невозможность достижения этой цели путем увеличения барщинных повинностей заставляют помещиков искать новые приемы эксплуатации, новые методы ведения хозяйства. В одних имениях может при этом играть основную роль первый фактор, в других — второй.

О том, что помещики искали новые приемы эксплуатации, новые способы увеличения сельскохозяйственного производства, свидетельствует и широкое распространение сдельщины, или урочной системы, на барщине начиная с конца XVIII — начала XIX века. Сдельный труд на барщине применялся в некоторых имениях еще в конце XVII века, и уже тогда крестьяне жаловались на слишком большие дневные уроки. Но, как отмечают изучавшие этот вопрос историки и как прямо указывают изданные в то время сельскохозяйственные справочники, еще не были разработаны всеобщие нормы сдельщины, и справочник «Дер гетреуэ Амтманн» советует каждому управляющему имением выработать их самому. Но на

рубеже XVIII—XIX веков сдельная работа была уже настолько распространена и испытана, что на севе, сенокосе и жатве сложились применяемые повсеместно нормы сдельщины, включенные и в крестьянские законы 1804 года.

Введение сдельщины, однако, свидетельствует лишь о том, что помещики прибегали к некоторым новым приемам эксплуатации, и отнюдь не говорит о каких-либо более или менее существенных изменениях в методе эксплуатации, в области производственных отношений. Применение урочной системы облегчило надзор за работой барщинников, но не привело к повышению производительности их труда. Если уроки были слишком большие или земля была очень твердой и каменистой, то пахарь был вынужден работать и ночью или возвращался на следующее утро, чтобы закончить работу. А. В. Хупель писал в 1777 году, что на каменистой почве эстонские и латышские крестьяне со слабой лошадью должны потратить два дня, чтобы вспахать участок поля, на который было предусмотрено затратить один день. О том, что даже после широкого внедрения урочной системы на барщине производительность труда не повысилась, свидетельствуют нормы феодальной сдельщины, остававшиеся в течение десятилетий неизменными. Так, дневная норма пахоты барщинника

по крестьянскому закону 1804 года составляла в северной Эстонии 867—1323 кв. сажени, или 0,34—0,6 га,

по крестьянским законам 1845 и 1849 годов — в южной Эстонии 806—1076 кв. саженей, или 0,37—0,5 га,

по крестьянскому закону 1856 года — в северной Эстонии 867—1323 кв. сажени, или 0,34—0,6 га,

по заключенным с мызными батраками договорам в 1900—1908 годах — в южной Эстонии 1734—2646 кв. саженей, или 0,8—1,2 га.

Из приведенных данных отчетливо видно, к какому скачкообразному повышению производительности труда привели переход к капиталистическому способу произ-

водства, применение новых сельскохозяйственных орудий и вольнонаемного труда (даже в такой отягощенной феодальными пережитками форме, как труд мызных батраков). Следующий скачок в производительности труда в сельском хозяйстве Эстонии произошел лишь в связи с переходом от капиталистического производства к социалистическому, с полной механизацией полевых работ.

Таким образом, почерпнутые из различных источников сведения говорят о том, что уже на рубеже XVIII—XIX веков нельзя было при сохранении феодальных производственных отношений и, следовательно, старых и примитивных сельскохозяйственных орудий, устаревших и нерациональных методов ведения хозяйства поднять производительность труда. В то же самое время усиление феодальной эксплуатации привело к ухудшению условий жизни крестьянства, к нищете и голодовкам, которые уже с 1770—1780 годов стали принимать катастрофический характер. К концу XVIII века развитие сельского хозяйства в Эстонии пришло к важному водоразделу. До этого времени увеличение сельскохозяйственного производства достигалось главным образом путем большего напряжения физических сил барщинников, увеличения количества и продолжительности барщинных дней. Теперь настала пора добиться увеличения производства вложением в сельское хозяйство капитала с целью приобретения современных сельскохозяйственных машин, повышающих производительность труда. Необходимо было заменить работающего на помещичьем поле крепостного с его убогой деревянной сохой вольнонаемным работником, снабженным более производительным железным плугом.

В действительности же барщинное хозяйство помещичьих имений развивалось в то время совершенно в другом направлении. И этот путь развития в конечном итоге привел бы к полному разорению крестьян, в результате чего помещики в интересах увеличения производства вынуждены были бы сами приобретать рабочий скот и инвентарь, но использовали бы крестьян и в даль-

нейшем в качестве феодально зависимых наемных слуг. Однако такому ходу развития воспрепятствовала антифеодальная борьба крестьян, их ненависть к барщине, в конечном счете заставившие помещиков подумать об отмене барщинной системы. За гневом и ненавистью крестьян скрывалась опасность таких волнений, которые могли привести к свержению помещичьей власти. Недовольство крестьян барщинной системой, непрерывное сопротивление их увеличению барщинных повинностей, все антифеодальные выступления крестьян сыграли прогрессивную роль и способствовали замене барщины вольнонаемным трудом, а следовательно, и прогрессивному развитию общества.

Глава вторая

Положение эстонских крестьян в конце XVIII и в первой четверти XIX века

1. Социальная структура эстонской деревни

Эстонское крестьянство при феодализме было далеко не однородным и состояло из различных социальных прослоек. Одну основную прослойку составляли дворохозяева — держатели дворов, обложенных барщинными повинностями и натуральным оброком. В их хозяйстве служили батраки и батрачки, которые работали также в имении на барщине. В крохотных жилых банях ютились представители третьей основной социальной прослойки крестьянства — бобыли. Собственное хозяйство последних было настолько мизерным (обычно они не имели тяглового скота), что помещики не могли требовать от них исполнения конной барщины. Все эти слои крестьянства эксплуатировались помещиками, но их внутренние взаимоотношения уже таили в себе возможности, так сказать, внутрикрестьянской эксплуатации. В какой мере дворохозяева сами эксплуатировали батраков и бобылей, это зависело от того, насколько они могли использовать свое хозяйство в собственных интересах и в какой степени оковы феодализма, тормозившие развитие крестьянских хозяйств, ослабевали. Социальная дифференциация и углубление противоречий между различными слоями крестьянства, по существу, представ-

ляли одну из сторон развития элементов капитализма в недрах феодального строя.

Царившая в деревне конца XVIII и первой четверти XIX века в результате феодально-крепостнического гнета нищета существенно сдерживала развитие внутреннего рынка и торговлю крестьян с городами, однако полностью подавить их не смогла. По сведениям рижского врача О. Гуна[1], которые он собрал в начале XIX века у пасторов, особенно интенсивно занимались торговлей зажиточные крестьяне некоторых приходов южной Эстонии, главным образом Пярнуского и Сааремааского уездов. Из прихода Курси (Тартуский уезд) Гуну сообщали, что местные крестьяне продают лошадей и что «продажа телят, волов, масла, древесного угля и золы (тартуским стекольным заводам) тоже дает известный доход». В приходе Кодареве крестьяне торговали вязаными изделиями и мясным скотом. Зажиточные крестьяне прихода Харгла Выруского уезда получали значительный доход от продажи скота, льна и меда. В Пярну-Яагупи, по данным О. Гуна, зажиточный «крестьянин выращивает в год одного теленка и продает одного-двух быков». Крестьяне этого прихода часто продавали в Пярну также и картофель. Крестьяне прихода Михкли привозили в Пярну для продажи скот, лен и льняное полотно, а из Саарде приходили на рынок с различными лекарственными травами. Из Тыстамаа возили соленую салаку даже в Вильянди, Тарту и в Эстляндскую губернию. Из прихода Кярла Сааремааского уезда сообщали, что держатель полугакового хозяйства продает ежегодно от двух до четырех телят, двух жеребят, одного быка и через каждые несколько лет — одну лошадь. Местные крестьяне якобы столь широко занимаются разведением и продажей скота, что вынуждены покупать необходимое зерно в других приходах. Вязаные варежки и чулки продавали крестьяне приходов Яани и Карья острова Муху, причем крестьяне Карья торговали также деревянной посудой. Крестьяне Ансекюла возили на своих

[1] ЦГА Латв. ССР, ф. 204, д. 186—190.

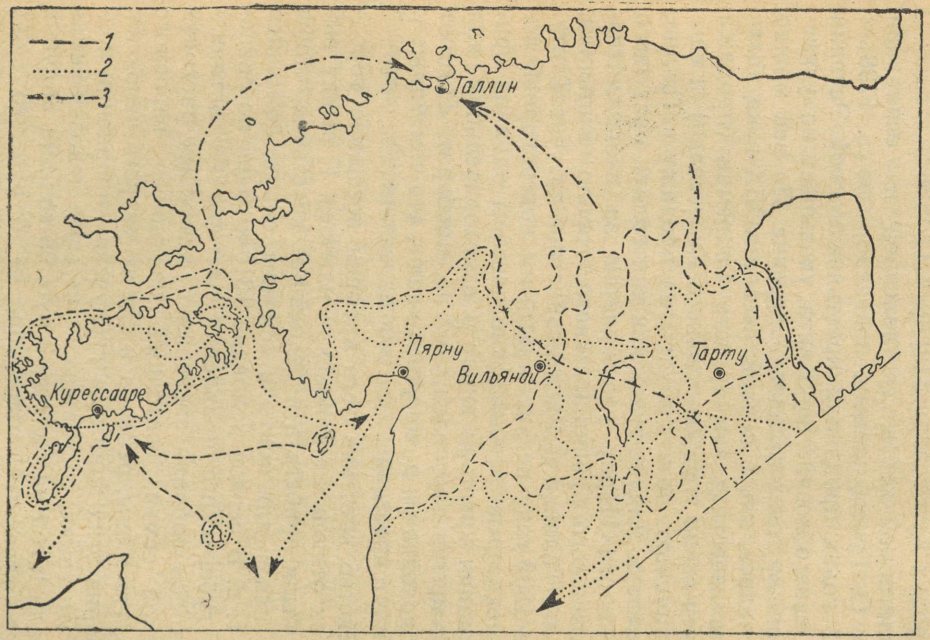
лодках салаку, картофель и древесный уголь в Вентспилс и Лиепаю, а жители Муху продавали соленую рыбу в городах Куресссааре, Пярну и Таллине.

На прилагаемой карте, составленной на основании собранных О. Гуном данных, показано, где в 1798 и 1820—1823 годах продавали крестьяне южной Эстонии продукты своего хозяйства. Карта указывает на усиление влияния крупных городов в деревне. По ней можно ясно проследить, как в первой четверти XIX века была преодолена известная замкнутость Сааремаа (продажа крестьянами своих товаров только в Куресссааре) и саареманцы начинают возить товары на продажу в Таллин, Пярну, Лиепаю. Видно также, как хинтерланд растущего торгового порта Пярну расширяется за счет хинтерланда маленького провинциального города Вильянди, как влияние Таллина и Риги возрастает за счет Тарту. Отвечая в 1802 году на высланный им консисторией вопросник, некоторые лифляндские пасторы одну из причин обнищания крестьян видят и в разорительном для крестьян занятии торговлей; другие, наоборот, считают торговлю доходной и даже утверждают, что чем ближе к городу живут крестьяне, тем они зажиточнее [2].

Большинство крестьян того времени посещало городской рынок отнюдь не в поисках наживы. К рынку вынуждены были прибегать и беднейшие крестьяне, чтобы получить деньги для покупки одежды, сбруи, домашней утвари и т. д. В первой половине 1810-х годов по распоряжению губернского правления пасторы 44 эстлядских приходов собрали сведения о денежных расходах крестьянской семьи, состоящей из одного взрослого мужчины, его жены, ребенка и одного старого человека. На основании этих данных в губернском правлении подсчитали, что такая, состоящая из четырех человек семья расходовала в год на одежду 9 руб. 98 коп., на сбрую и сельскохозяйственный инвентарь — 6 руб. 75 коп [3]. В опубликованном А. В. Хупелем в 1780 г. учебнике

[2] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 193, стр. 9, 18—19, 136—137, 307—309.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 189, л. 113 и 125—261.



Торговые хинтерланды городов южной Эстонии в 1798 и 1820—1823 годах.

1—2 — торговые хинтерланды лифляндских городов: *1* — в 1798 г., *2* — в 1820—1823 гг.; *3* — границы торгового хинтерланда Таллина в 1820—1823 годах. Стрелки, направленные острием на юг, указывают, что крестьяне данного района вели торговлю в Риге (крестьяне с полуострова Сырве — в Либпая). В правом нижнем углу карты выделена область, по которой точные данные отсутствуют.

эстонского языка приводится эстонская пословица: «В город — без денег, что в баню — без веника».

Уже в то время зажиточные крестьяне не брезговали ради денег пользоваться горем и нищетой своих более бедных соседей. В 1802 году один лифляндский пастор писал, что зажиточные крестьяне «с помощью различных приемов и под видом оказания помощи обманывают и угнетают более бедных. Они дают им ... взаймы деньги и прочее, чтобы затем в определенное время и с большой выгодой для себя потребовать их обратно»[4].

Широкое распространение получает наблюдавшееся уже и в прошлых столетиях явление — бедные крестьяне закладывают свою землю более зажиточным. Пухьяский пастор в 1802 году пишет об этом так: «Крайне преступна корысть отдельных более зажиточных хозяев, находящихся под покровительством своих помещиков и безжалостно использующих в своих интересах несчастье бедных измученных голодом ближних. Они дают им в долг весной немного продуктов, но при условии, что получат потом от нуждающегося в помощи полностью подготовленный к севу и удобренный участок земли в 1—2 пуры, который благодетели потом засевают и обрабатывают. Они требуют себе даже те шнуровые земли, которые бедный хозяин уже вспахал, но из-за недостатка зерна не мог засеять; урожай с этих участков делится между обоими, однако всегда с пользой для дающего».[5] Карулаский пастор сообщал, что зажиточные крестьяне часто дают более бедному соседу в долг лишь кюлимит зерна, а получают за это участок земли, с которого они могут собрать до 36 кюлимитов зерна.[6]

В конце XVIII и начале XIX века в крестьянских хозяйствах наряду с посторонними часто батрачили и члены своей семьи или другие близкие родственники. Но даже наиболее тесные родственные отношения не могли замаскировать того обстоятельства, что дворохо-

[4] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 193, л. 128.
[5] Там же, ф. 216, д. 193, л. 230—231.
[6] Там же, л. 258—259.

зяин эксплуатировал в известной степени их рабочую силу в своих интересах. Уже в начале XIX века записаны народные песни, в которых сестра жалуется, что дворохозяин-брат держит ее в «рабстве», а хозяйку-супругу холит за счет ее (сестры) трудов.[7]

Вопросы оплаты труда, питания, а также «отеческого наказания» вызывали часто довольно острые столкновения между хозяевами и батраками, в которых батраки отнюдь не играли роли пассивных страдальцев. Руенский пастор в 1802 году жаловался, что батрак уже «не говорит хозяину ни одного доброго слова».[8] К 1822 году относятся первые сведения о распространенной в народе песне «Батрак уходит», в которой говорится о том, как батрак противится скупому хозяину и грозит уйти к лучшему. С конца XVIII века имеются сведения о том, как слуги и пастухи в отместку злым хозяевам поджигали усадьбы.

Взаимоотношения хозяина и батрака в то время еще не были капиталистическими производственными отношениями. Нельзя забывать, что батрак, как и его хозяин, являлся крепостным. По отношению к батракам в полной мере действовали силы внеэкономического принуждения чисто феодального характера. Батрак не имел права без разрешения помещика не только покидать пределы имения, но и быть без работы. Батраков, не нанимавшихся на работу к хозяевам, направляли к ним насильно. Это явление получило еще большее распространение, особенно в южной Эстонии, после проведения аграрной реформы 1804 года. В такой обстановке между хозяином и батраком не могли сложиться трудовые отношения, основанные на вольном найме.

[7] C. H. J. Schlegel, Die Kaiserkrönung zu Moskwa in Jahre 1826. Ehstnische Nationallieder. Zusätze zu allen zehn Bändchen der Reisen in mehrere russische Gouvernements. Meiningen 1834, стр. 84, 87; V. Pino. Sotsiaalsed vastuolud eesti külaühiskonnas rahvaluule andmete põhjal. Tartus 1953, стр. 102—103. (Рукопись кандидатской диссертации. Хранится в Центральной библиотеке Тартуского государственного университета.)

[8] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 193, л. 46—52.

Исследуя экономическое положение крестьян деревни Голуни в Тульской губернии в конце XVIII века, историк Г. Н. Бибиков заметил, что количество лошадей в крестьянских хозяйствах подозрительно велико. Даже беднейшие крестьяне, в том числе и те, которых мызные слуги поймали на краже хлеба из мызного амбара, имели 5—6 и более лошадей. Вотчинная администрация уделяла этим лошадям большое внимание и следила за тем, чтобы они были обеспечены кормом. После ознакомления с относящимися к вотчинному хозяйству материалами Г. Н. Бибиков пришел к выводу, что содержание этих лошадей, используемых главным образом на барщинных работах в имении, было для крестьян дополнительной повинностью. «Но, находясь на дворах голуньских бедняков, эти лошади не могли прокормить своих новых хозяев, а продолжали оставаться по сути дела придатками барского хозяйства».[9] В положении батраков, служивших в Эстонии в крестьянских хозяйствах на рубеже XVIII—XIX веков, можно найти аналогичные черты. Их рабочая сила использовалась главным образом в имении, а содержать их должны были в основном дворохозяева.

Довольно многочисленной была в эстонской деревне на рубеже XVIII—XIX веков также прослойка бобылей. Бобыли представляли собой наибеднейшую прослойку крестьянства и отличались от батраков тем, что у них, как правило, было свое собственное небольшое хозяйство, отдельное от хозяйства крестьянина-дворохозяина. Границы этой крестьянской прослойки были весьма неопределенными, так как в разряд бобылей могли попасть представители самых разнообразных групп крестьянского населения.

Существование бобыля было частично обусловлено самой природой барщинной системы. Барщинные повинности не распределялись равномерно на весь год. Если

[9] Г. Н. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», 1938, № 4, стр. 88.

зимой шестидневный двор в северной Эстонии должен был посылать в имение одного барщинника, то летом во время жатвы имение требовало от него до четырех-пяти работников. Поэтому дворохозяева были заинтересованы в том, чтобы на окраинных землях их хозяйств жили люди, которых не надо было содержать в течение всего года, а можно было бы нанимать лишь в страдную пору.

Экономическая зависимость бобылей от крестьян-дворохозяев усугублялась еще тем, что они часто были вынуждены брать у хозяина в долг хлеб, просить у него рабочий скот для обработки своего клочка земли или огорода, выпрашивать солому для починки крыши и т. д. Основным источником средств существования для бобыля служил не свой клочок земли, который был для этого слишком мал, а работа за натуральную оплату у помещиков или крестьян. Уже в 1772 году А. В. Хупель писал о бобылях, что «так как у них нет своей земли, то они должны кормить себя и своих детей за счет различных работ».[10] В 1808 году крейскомиссар Вируского уезда так писал о бобылях: «Эти семьи, большую часть года пребывающие в нищете, летом питаются кореньями и травами, даже не мечтая о хлебе. Осенью во время уборки урожая у дворохозяев они зарабатывают несколько мер зерна, которым кормятся некоторое время, но уже в начале зимы их скудные запасы иссякают, и они часто уходят в города, в чужие деревни, бродят по дорогам и пытаются поддержать свою жизнь попрошайничеством и подаянием, будучи обузой для других людей».[11]

Наличие прослойки бобылей могло бы в известной степени благоприятствовать проникновению в разлагающийся организм феодального общества новой формы труда — вольнонаемного труда. Это отмечали уже и некоторые современники. «Несмотря на крепостничество, таких свободных работников можно было найти в Лифляндии среди местного населения с давних пор», — пи-

[10] An das Lief- und Ehstländische Publikum. [s. l.], 1772, стр. 161.
[11] ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 2653, л. 20.

сал помещик П. Сиверс в 1825 году. «Если в имениях их и не использовали, то крестьянам они были всегда необходимы, особенно при уборке урожая и строительных работах...»[12] Следует, однако, отметить, что в условиях крепостничества свобода бобылей даже в отношении дворохозяев была кажущейся. Бобыль, будучи также крепостным, не мог уйти со своего клочка земли, который он получил в пользование от хозяина и за который обязан был работать на него. Из-за бедности бобыль всегда был в долгу у соседей-дворохозяев. Поэтому он работал у них не в качестве вольнонаемного, а был своего рода феодально-закабаленным человеком. И когда, наконец, крайняя нужда заставляла бобыля покидать свой дом, то он шел искать не работу по вольному найму, а просто кусок хлеба. Помещики также использовали труд бобылей не в форме свободного найма, а требовали с них обязательных барщинных дней или превращали их в мызных бобылей, работающих из-под палки и полностью зависящих от имения. В таких мызных бобылей превратил часть своих крестьян автор приведенного выше высказывания, лифляндский помещик П. Сиверс.

В. И. Ленин в своих трудах неоднократно говорит о зарождении в недрах русской крестьянской общины капиталистических производственных отношений — зачаточного, средневекового капитализма.[13] Такие характерные для этого процесса явления, как обезземеливание беднейших крестьян и выдвижение «предприимчивых» богатеев, наблюдаются и в эстонской деревне конца XVIII — первой четверти XIX века. Но здесь еще не имел места интенсивный процесс перехода верхних групп крестьянства в буржуазию и низших — в пролетариат.[14] Как только в ходе разложения и упадка феодально-крепостнических отношений создались для этого

[12] [P. v.] Sivers. Die Entstehung der freien Arbeiter in Livland. Oekonomisch-gemeinnützige Beilage zum Ostsee-Provinzen-Blatte. 23. Junius 1825, № 7, стр. XXV.

[13] См., напр., В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 1, стр. 333.

[14] Там же, стр. 228.

условия, процесс этот сразу же стал интенсивно развиваться.

На вопросе о том, как сказывались социальные разногласия между отдельными прослойками крестьянства на ходе антифеодальных выступлений, мы остановимся в заключительной главе настоящей книги.

2. Феодальные повинности крестьян

Уже с конца XIV века эстонские крестьяне должны были посылать в имение по очереди так называемых кордов для выпаса помещичьего скота и ухода за ним, на строительство и другие работы. Старинный крестьянский обычай помогать друг другу в порядке коллективного труда, в форме так называемых толок, стали использовать в виде мызной толоки — во время наиболее интенсивных полевых работ (сенокоса, жатвы и т. п.) на мызную работу сгонялись все работоспособные крестьяне. Число барщинных дней, которых требовали дополнительно к исполняемой в течение года или лета пешей или конной так называемой постоянной, или ординарной, барщины, все возрастало.

К концу XVIII века крестьянские хозяйства, по сравнению с концом предыдущего столетия, в экономическом отношении несколько укрепились — крестьянской запашки и рабочего скота теперь на один гак приходилось больше. Но стремительно росли и барщинные повинности крестьян, особенно дополнительная, или экстраординарная, барщина, которой в конце XVII века, от полугакового хозяйства в северной Эстонии требовали меньше 100 дней в год и которая в начале XIX века уже колебалась между 130 и 190 днями.

Об усилении крепостнического гнета в XVIII веке говорят следующие явления. Если в XVII веке во многих имениях барщинники, исполняющие так называемую летнюю пешую барщину, выходили на работу с Иванова дня (24 июня) и работали до Михайлова дня (29 сен-

тября), то в конце XVIII века они во всех мызах приступали к работе с Юрьева дня (23 апреля) и заканчивали работу по-прежнему в Михайлов день. Еще до 1750-х годов барщинная неделя начиналась в понедельник утром и кончалась в субботу в то же время. В 90-е годы барщинник приходил в имение в воскресенье вечером или в понедельник утром до восхода солнца и уходил с работы в субботу лишь после заката. Пятидневная рабочая неделя превратилась в шестидневную.[15] Если раньше в имение требовали лишь взрослых крестьян (от 15 до 60 лет) то с конца XVIII века на барщине стали использовать и труд детей.

В 1796 году А. В. Хупель писал, что еще около 1760 года крестьянин, который держал так называемое $^1/_8$-гаковое хозяйство, посылал еженедельно в имение на $1^1/_2$ дня барщинника с упряжкой и летом, кроме того, еще одного барщинника без упряжки, тоже на $1^1/_2$ дня. Теперь же постоянная барщина увеличилась почти вдвое, а в некоторых имениях составляет даже четыре дня в неделю, и, кроме того, во время весеннего сева и возки навоза хозяин такой усадьбы посылает в имение еще вторую лошадь, убирает в имении зерно, работает на винокурне, ходит в обоз, работает на строительстве.[16] Правильность приведенных этим наблюдательным современником данных подтвердили проведенные в наши дни исторические исследования. Когда в 1796 году, после упразднения наместнического правления в прибалтийских губерниях была восстановлена старая административная и судебная система, лифляндская ландратская коллегия опять стала высшей судебной инстанцией, куда крестьяне могли подавать жалобы на своих помещиков. Поступившие за период с 1797 по 1803 год в ландратскую коллегию жалобы крестьян были в свое время пе-

[15] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rigā 1956, стр. 60; J. Zutis. Latvija kaušu saimniecibas sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rigā 1953, стр. 111—112.

[16] A. W. Hupel. Oekonomisches Handbuch für Lief- und Ehstländische Gutsherren . . . T. I, Riga 1796, стр. 107.

реплетены и составили четыре тома (дела), два из которых сохранились и находятся в настоящее время в Центральном государственном архиве Латвийской ССР. На основании анализа имеющихся в этих делах жалоб Я. Зутис пришел к выводу, что к 80-м годам XVIII века барщинные повинности во многих лифляндских имениях увеличились вдвое по сравнению с 50—60-ми годами.[17]

На увеличение барщинных повинностей указывают и результаты сравнения вакенбухов начала XIX века с вакенбухами, составленными в связи с ревизией 1750 года. В вакенбухах 1750 года обычно отмечается, что дополнительную барщину исполняют лишь во время уборки урожая. Иногда говорится об использовании ее во время сева и сенокоса. В порядке дополнительной барщины крестьяне должны были посылать людей и лошадей в помещичий обоз. При упоминании дополнительной барщины всегда отмечается, следует ли ее выполнять на своих или на помещичьих харчах, — таким образом, еще не отошли в далекое прошлое те времена, когда дополнительная барщина выполнялась в основном в порядке толоки, заканчивающейся угощением со стороны помещика. Иногда указывается, что если дней дополнительной барщины не хватает для уборки всего мызного хлеба, то оставшийся хлеб также должны убрать барщинники, но уже на «помещичьих харчах». Очень часто в вакенбухах употребляется выражение «дополнительная барщина, или толока».

Совсем иначе говорится о дополнительной барщине в составленных в Лифляндии и Эстляндии в начале XIX века вакенбухах. Перечень ее конкретных форм весьма обширен: дополнительная барщина требовалась для возки навоза, сева, сенокоса, жатвы, ухода за помещичьим скотом, ремонта кровель, обрезания головок, трепания и чесания льна, стрижки овец, стирки, прядения, сбора хмеля, для работы в помещичьей винокурне, боронования, гужевой повинности, провеивания зерна, на строительных работах в имении и на лесозаготовках.

[17] J. Zutis, указ. соч., стр. 94.

В связи с дополнительной барщиной уже ни разу не упоминается толока.

Дополнительная барщина, несомненно, существовала уже в XVII веке, однако во второй половине XVIII века не только увеличиваются ее размеры, но и меняется характер. Она приобретает существенное значение и занимает центральное место в барщинном помещичьем хозяйстве.

Но добиться этого помещикам было не так уж легко. Многочисленные данные о том, каким путем помещики добивались увеличения барщинных повинностей своих крестьян, можно найти, помимо архивных документов, и в посвященной этому вопросу статье латышского историка М. Аболиньи, которая продолжает и развивает дальше начатую Я. Зутисом работу.

Если раньше у отрабатывающих в имении постоянную барщину конных и пеших барщинников или работающих по очереди кордов по выполнении своей основной работы еще оставалось время для разных дополнительных работ, то во второй половине XVIII века, при интенсификации помещичьего хозяйства, положение изменилось. Их стали использовать лишь на основных полевых работах и для ухода за скотом. На дополнительные и сезонные работы (стрижка овец, стирка белья, сбор хмеля, мятье льна и т. д.) крестьянские хозяйства должны были посылать на несколько дней или недель новых работников.

Во второй половине и в конце XVIII века шла ожесточенная борьба из-за размеров барщинных повинностей. Крестьяне протестовали против резкого увеличения дополнительной барщины. Они не хотели помимо постоянной барщины без всякого вознаграждения (на собственных харчах) убирать весь помещичьий урожай, косить сено, работать на винокурне, у печей для обжига кирпича и в других местах. «Лишь постепенно можно было заставить крестьян, — отмечает в 1796 году А. В. Хупель, — убирать помещичий хлеб за счет своих дней и, кроме того, исполнять в имении постоянную барщину».

Лифляндские крестьяне убирают хлеб. Рисунок И. Х. Бротце, 1794 г.

Нам удалось обработать составленные в 1805 году вакенбухи 73 мыз Эстляндской губернии, в которых содержатся точные данные о количестве требуемых с крестьян барщинных дней. Выяснилось, что в Харьюском уезде шестидневный двор, в котором, как правило, проживало 3—4 работоспособных мужчины и имелись 3—4 рабочие упряжки, отрабатывал в год 500—600 дней барщины (из них 130—160 дней дополнительной барщины). В Ярваском уезде шестидневный двор (2—4 работоспособных мужчины и 2—5 упряжек) исполнял 450—600 дней барщины (в том числе 130—180 дней дополнительной барщины). В Ляэнеском уезде шестидневный двор (3—4 работоспособных мужчины и 3—5 упряжек) исполнял в год тоже 450—600 дней барщины (из них 130—170 дней дополнительной).

Чтобы получить возможно более точное представление о действительном положении крестьян, нельзя огра-

ничиваться лишь данными о количестве барщинных дней, отрабатываемых крестьянином в год. Положение крестьянина определялось двумя факторами: во-первых, его обеспеченностью рабочей силой и, во-вторых, экономическим нажимом со стороны помещика. В некоторых имениях от крестьянина номинально требовали очень много барщинных дней, но так как он был хорошо обеспечен рабочей силой, то находился в относительно сносном положении. В других же имениях помещики требовали от крестьян барщину, явно несоразмерную с их экономическим состоянием. Поэтому для сравнения положения крестьян в разных местах целесообразно выяснить, сколько барщинных дней в год приходилось на одну упряжку. В настоящем случае мы вычисляли их по следующей формуле:

$$x = \frac{a}{б + \frac{в - б}{2}},$$

где a — количество барщинных дней, исполняемых полугаковым, или шестидневным, двором в год;

$б$ — количество рабочих упряжек (упряжка = работоспособный мужчина + лошадь или пара волов);

$в$ — количество работоспособных мужчин в хозяйстве.

Как правило, все однотипные (например, полугаковые) дворы того или иного поместья отрабатывали одинаковое количество барщинных дней в год. Но для обозначения количества мужчин и упряжек нами были взяты наиболее часто встречающиеся, типичные цифры. Считая мужчину, оставшегося после «комплектования» всех упряжек, за половину упряжки, мы просто учитывали практику XVII—XIX веков, когда барщинный день, отрабатываемый с упряжкой, приравнивался приблизительно к двум дням барщины, отбываемым без упряжки.

Но надо признаться, что так как обычно в крестьянском хозяйстве для всех упряжек не хватало мужчин, то очень часто приходилось просто делить количество барщинных дней на число работоспособных мужчин.

К сожалению, вакенбухов сохранилось очень мало. Имеются целые районы, из которых у нас нет ни одного вакенбуха, а из многих приходов сохранились только один—два вакенбуха. Но и на основе сохранившихся материалов можно сделать кое какие выводы. Если данные обработать вышеуказанным образом, то выяснится, как это видно из нижеследующей таблицы, что, во-первых, даже в таких небольших районах, как церковный приход, насчитывающих в основном один или два десятка мыз, крестьяне были обложены барщиной по-разному. В одних местах их повинности были более тяжелыми, а в других, находящихся совсем рядом, более легкими.

Во-вторых, на более обширной территории крайности уравновешиваются, и мы отчетливо видим, что по всей губернии барщинные повинности крестьян были довольно одинаковыми. Всюду можно увидеть типичные средние повинности, но вместе с тем всюду встречаются и отдельные отклонения — сравнительно низкие или высокие повинности. Такого явления, чтобы в одном районе губернии повинности были только высокие, а в другом только средние или низкие, не наблюдается.

Попытаемся более конкретно проанализировать влияние барщинной эксплуатации на экономику самого крестьянского хозяйства.

Если, кроме хозяина и двух батраков, принять в расчет и хозяйку, и двух батрачек, то в шестидневном дворе Харьюского уезда проживало шесть работоспособных человек. Такое хозяйство должно было в течение всего лета ежедневно посылать на работу в имение одного батрака с тяглом и одну батрачку. Приблизительно с 25 июля крестьянский двор должен был посылать на уборку урожая дополнительно еще двух или трех барщинников. Если требовалось прислать трех человек, то из двора уходили на барщину все, кроме хозяйки, за-

Число барщинных дней на одну упряжку шестидневного крестьянского двора в год в разных мызах Эстляндской губернии

Уезд	Харьюский			Ярваский					Ляэнеский								
Приход	Х.-Яани	Козе	Рапла	Амбла	Тюри	Пайде	Мярьямаа	Мартна	Карузе	Ханила	Ридала	Кулламаа	Михкли	Лихула	Вигала	Пюхалепа	
100					Локута 93												
			Райккюла 112		Колу 116												
125													Кебаласте 114				
	Раазику 127		Вахакынну 127	Роосна-Аллику 137													
			Валту 134	Янеда 138					Роотси 125		Паю 133				Ядивере 130		
			Алу-Рапла 140														
			Рийдаку 142														
			Кехтна 145														
		Тухала 147	Ярваканьди 145		Пийуметса 145		Ваймыйза 144										
			Сикельди 146														
150			Кеава 146														
			Хагуди 150	Лехтсе 153	Рёа 150	Мяо 151		С.-Рыуде 150	Матсалу 151	У.-Вербла 151							
			Охекатку 150		Лаупа 150	Мюнди 153											
			Охукатсу 150		Вяэтса 151												
			Леллевере 152	Ярвайыэ 160	Т.-Аллику 151					В.-Вербла 160	Кийдева 155						
			Кодила 154	Така 166													
			Куузику 154		Сяревере 160		Мыйзамаа 170										
			Кодасуу 155						Тууди 170								
			Кабала 160														
175			Пюхату 163														
				Прууна-Тюхисоо 180	Тори 175		Люманду 180					Майдла 177					
				Линнапя 181	Мяэкюла 195			Хаэска 187	Ватла 190	Вайсте 180							
200				Рака 199					Саастна 190	Виртсу 181						Сааремыйза 190	
				Кяравете 214			В.-и У.-Касти 200	В.-Рыуде 200									
225														Лихула 208			
				Тамсалу 228													
250				Куру 230	Вахасту 235												
				Сайакопли 255													
275				Ныммкюла 272													
					Ойзу 276												
300										Мыйзакюла 300							

нятой в домашнем хозяйстве (приготовление пищи для барщинников и т. п.). О том, что имение почти совершенно лишало усадьбу рабочей силы на время уборки урожая, говорят и составленные в 1796 году так называемые мызные анкеты, а также составленные в 1803 году вакенбухи (в которых, в отличие от вакенбухов 1805 года, цифровые данные о количестве барщинных дней не приводятся). В них часто специально отмечается, что во время уборки имение забирает из крестьянского двора всех людей, кроме одного или двух. Мы знаем, что уборка урожая в имениях продолжалось по крайней мере 20 дней и, следовательно, все эти люди были оторваны от работы в своем собственном хозяйстве до 16 августа.

Лишь после уборки всего помещичьего хлеба крестьяне могли приступить к уборке урожая на своем поле и к прочим осенним работам. В крестьянской усадьбе в это время работали сам хозяин, один батрак и одна батрачка, остальные люди отрабатывали в имении постоянную барщину.

С крестьянских полей следовало в первую очередь убрать зерновые. По статье 3 крестьянского закона 1804 года в Эстляндии крестьянское хозяйство, исполняющее 6 барщинных дней в неделю, должно было засевать озимыми и яровыми около 12 тюндерных мест земли. Предположим, что две трети озимого поля засевали ячменем и одну треть — овсом.[18] На основании приведенных в статьях 40 и 43 того же закона норм работы можно подсчитать, что на уборку этого зерна требовалось примерно 57 рабочих дней (24 — на озимые, 24 — на ячмень и 9 — на овес). Уже в августе начиналась подготовка полей к осеннему севу. На эту работу шло 12 рабочих дней, даже из расчета, что за день вспахивали 0,5 га, или одно тюндерное место (в действительности по закону после 24 августа, в связи с тем, что дни ста-

[18] По данным годовых отчетов губернатора, на полях губернии в 1804—1813 годах собирали в среднем более 300 000 четвертей ячменя и около 150 000 четвертей овса.

новились короче, нужно было вспахать лишь около 0,3 га). Но в то же время имение требовало выполнения разных работ в порядке дополнительной барщины. Приходилось посылать в имение еще батрачку на 7 дней для ухода за помещичьим скотом. Людей требовали и для таких работ, как провеивание зерна в мызе (на 3 дня), обрезание головок, трепание и чесание льна (в среднем на 5 дней), стрижка овец (на 2 дня).

Для выполнения необходимых осенних работ в крестьянском хозяйстве требовалось 69 рабочих дней, в то же время в имении нужно было отработать 17 дней, итого 86 рабочих дней. Три человека могли выполнить эту работу за 29 дней. Таким образом, осенние полевые работы продолжались бы до 19 сентября, конечно при условии, если во все эти дни стояла хорошая погода. В действительности дожди часто выпадали в самое напряженное рабочее время. Курляндский пастор Ватсон в результате произведенных им в первой четверти XIX века наблюдений пришел к выводу, что август всегда был очень дождливым (в 1804 году дождливыми были три недели, а в 1806 году дождь лил беспрерывно 8 дней подряд). Другой наблюдатель на основании собранных в 1819—1826 годах данных заключает, что более половины августовских дней были дождливыми.[19] В результате осенние полевые работы на крестьянских полях затягивались до октября, хлеба долго стояли неубранными и гнили под дождем. Осенью крестьяне не успевали вспахать все свои озимые поля, запаздывали с севом озимых и т. д.

Результаты этих математических и в известной степени теоретических расчетов подтверждаются также наблюдениями современников и народными воспоминаниями.

На основании собранных в 1780-х годах в северной Эстонии данных К. Х. И. Шлегель утверждает, что у крестьян осенью много зерна оставалось под дождем и

[19] [A. Hueck]. Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland. Leipzig 1845, стр. 217.

гнило на полях.[20] В 1801 году крестьяне имения Ару жаловались в орднунгсгерихт, «что они... не могут более исполнять дополнительную барщину, так как ее требуют в страдную пору и невзирая на то, что у некоторых хозяев имеется очень мало рабочего скота и людей, так что в то время как отрабатывали дополнительную барщину, погибал их собственный урожай...»[21] Описывая положение держателя шестидневного двора в северной Эстонии на рубеже XVIII—XIX веков, помещик Э. Розен отмечал: «Судьба держателя полугакового двора, который должен из шести трудоспособных людей посылать во время уборки урожая на работу в имение четверых, была довольно тяжелой. Он должен держать по меньшей мере трех или четырех работников, чтобы во время жатвы идти в ногу с имением... Кроме того, он обязан, где это полагается, оказывать помощь имению во время сева, приводить в порядок сбрую и сельскохозяйственные орудия для батрака, его жена должна печь хлеб и содержать в порядке белье четырех человек, работающих в имении. Часто у нее дома еще столько же малых детей или больных... Сколь достойна сочувствия такая хозяйка. У нее должно быть много терпения, чтобы еще быть жизнерадостной и не ждать смерти».[22]

Из-за чрезмерно высоких барщинных повинностей работа в собственном хозяйстве крестьян была запущена, «так как барщина отнимала все время». В устных народных воспоминаниях также говорится, что «во времена крепостничества собственное хозяйство крестьян оставалось совершенно без надзора, осенью и весной приходилось сначала выполнить работу в имении и лишь тогда, когда помещичьи поля были возделаны и урожай с них был убран, можно было приступить к работе в своем хозяйстве».

[20] C. H. I. Schlegel. Reise über Ober- und Nieder-Sachsen und die Ostsee nach Ehstland im Jahre 178*. An einen Freund in Deutschland. Meiningen 1819, стр. 163.

[21] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 316, л. 14.

[22] E. v. Rosen. Die sechs Decennien meines Lebens oder mein 61-ster Geburtstag. Riga 1877, стр. 285.

В конце XVIII — начале XIX века основной формой эксплуатации крестьян были барщинные работы, однако и натуральные повинности, требуемые с крестьян имением, были для них весьма обременительны. Так, в начале XIX века одно эстляндское шестидневное хозяйство должно было поставлять имению ежегодно от 2 до 6 тюндеров ржи и столько же ячменя и овса, от 30 до 100 лисфунтов (600—2000 фунтов) сена, от 10 до 30 вязанок соломы, 1—2 овцы, от 3 до 8 фунтов пряжи, от 2 до 6 кур, от одного до шести десятков яиц, а в части имений вдобавок еще 5—6 фунтов масла, 2 гуся, от 1 до 3 сажен дров и уплачивать от 15 до 80 копеек ваковых денег.

3. О правовом положении эстонских крестьян

Феодально-крепостническая зависимость эстонских крестьян от своих помещиков была юридически оформлена в изданных в 1686 году местными шведскими властями полицейских законах. В 1739 году лифляндские помещики торжественно напомнили о своих правах в отношении крестьян в составленной ландратом Розеном декларации, поданной на имя юстиц-коллегии по делам Эстляндии и Лифляндии. В этой декларации подчеркивалось, что крестьяне в качестве крепостных рабов могут переходить по наследству от одного господина к другому, их можно продавать, дарить и закладывать. Право собственности помещика распространяется в полной мере и на имущество его крепостных. Вскоре с подобной декларацией выступили и помещики Эстляндской губернии.

Еще в конце XVIII столетия прибалтийские помещики при разборе судебных споров исходили из принципа, что если крестьянин какого-либо помещика отдавал на воспитание крестьянину другого помещика своего сына, то последний мог оставаться там лишь до женитьбы. После женитьбы господин его отца мог затребовать его обратно. Если вдова крестьянина, принадлежавшего од-

ному помещику, выходила замуж за крестьянина другого помещика и, переходя к мужу, забирала с собой детей от первого брака, то первый помещик мог потребовать возвращения этих детей. Как показывают судебные материалы, это средневековое право действовало еще и после реформы 1804 года.

Заинтересованное в росте населения правительство уже в первой половине XVIII века издало указы, запрещающие помещикам чинить препятствия к вступлению своих крестьян в брак. Но в силе оставалось требование, согласно которому желающий вступить в брак крестьянин должен был представить пастору справку за подписью помещика о том, что последний ничего не имеет против женитьбы своего крестьянина. Очевидно, это условие открывало возможности для различных злоупотреблений. Во всяком случае правительство должно было в 1791 году издать специальный указ, запрещающий помещикам под угрозой штрафа препятствовать женитьбе своих крестьян.

В конце XVIII века помещики, несмотря на содержавшиеся в документах, подобных декларации Розена, утверждения, фактически не имели права самовольно отнимать у крестьянина всю его собственность, если только крестьянин не задалживал помещику такую сумму, что все его имущество шло полностью на покрытие долгов. Именно тем, что непосредственный производитель (крестьянин) также имел собственные средства производства и свое хозяйство, крепостничество отличалось от рабства. В своей характеристике крепостнической отработочной ренты В. И. Ленин подчеркивает, что непосредственный производитель обеспечен средствами производства и, в частности, землей.[23]

В середине XVIII и начале XIX века, в условиях развивающегося товарного хозяйства, в нормы феодально-крепостнических отношений пришлось внести некоторые уточнения и поправки.

Как помещики, так и правительственные чиновники в

[23] См. В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 3, стр. 184.

середине XVIII века все больше стали интересоваться вопросом: имеет ли крестьянин право свободно распоряжаться продуктами своего хозяйства, остающимися у него после выполнения повинностей? С развитием товарного хозяйства, с одной стороны, росла заинтересованность крестьян в продаже своих продуктов, с другой же стороны, помещики стремились захватить в свои руки всю продукцию крестьянского хозяйства.

Следует отметить, что даже в декларации Розена лифляндские помещики утверждали, что они требуют у своих крестьян лишь установленные барщину и подати, все же производимое в крестьянском хозяйстве сверх того поступает в пользование самих крестьян. Однако те же помещики вели с середины XVIII века ожесточенную борьбу с городами, пытаясь ограничить право крестьян на торговлю в городах или полностью запретить ее. Помещики, по существу, добивались, чтобы крестьяне продавали все свои товары им, и они перепродавали бы эти товары городским купцам, получая таким образом дополнительные доходы. Но, уже в 1765 году лифляндские помещики должны были отступить и в принятых на ландтаге этого года решениях опять признать за крестьянином право продавать продукты своего хозяйства в городах.

Право крестьян на личную собственность, в том числе и на средства производства, и право его продавать на рынке остающиеся после выполнения мызных повинностей продукты полностью укладываются в рамки феодальных правовых отношений. Но как указывает В. И. Ленин, феодальная эксплуатация крестьян помещиками подчас принимает столь грубые и жестокие формы, что положение крестьян ничем не отличается от положения рабов.[24] Прибалтийские помещики различными способами ограничивали право крестьян продавать продукцию своего хозяйства. Они облагали крестьян столь изнурительной барщиной и столь тяжелыми повинностями, что у тех не оставалось излишков,

[24] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439.

и они залезали в долги, которые не в состоянии были погасить. Помещики пытались заставить крестьян продавать свои продукты только в мызах и запрещали им торговать в городах. Подобные попытки помещиков были вызваны развитием товарного хозяйства и свидетельствовали об их стремлении направить это развитие по самому реакционному, крепостническому пути.

Таким образом, признание за крестьянином права свободно распоряжаться продуктами своего хозяйства, остающимися у него после выполнения повинностей перед помещиком, никоим образом не подрывало основ феодализма. Однако в обстановке, сложившейся на рубеже XVIII—XIX веков, признание этого права все же представляло собой меру, направленную на ограничение помещиков в их стремлении подчинить развитие товарного хозяйства только своим узким и реакционным сословным интересам.

К числу феодальных привилегий прибалтийских помещиков относилось и так называемое право домашней расправы. В одном из полицейских справочников, составленных в конце XVIII века для эстляндских и лифляндских помещиков и мызных управляющих, написано: «Хотя каждый помещик и имеет право в качестве господина и хозяина чинить домашнюю расправу над своими крестьянами и подвергать их умеренному наказанию, все же при этом следует соблюдать христианскую сдержанность».[25] Эта фраза, хотя в ней и содержится лицемерный призыв к сдержанности, все же правильно отражает существовавшее положение и прямо показывает, что в конце XVIII века не было никаких официальных предписаний, которые ограничивали бы право помещика наказывать своих крестьян. Материалы судебной практики конца XVIII и начала XIX века свидетельствуют, что даже помещичий суд не считал полезной и оправданной бессмысленную жестокость в отношении кре-

[25] C. H. Nielsen. Handbuch zur Kenntniss der Polizeygesetze und anderer Verordnungen für Güterbesitzer und Einwohner auf dem Lande in Lief- und Ehstland, I. Dorpat 1794, стр. 105.

стьян, причиняющую в конечном счете вред и собственному хозяйству помещиков. Судебные и правительственные власти отрицательно относились к вторжению органов мызной юрисдикции в сферу деятельности полицейских и судебных учреждений. Они были и против того, чтобы помещики самолично пытали своих крестьян с целью принудить их, например, указать местопребывание беглых. Ясно, что границы между «экономически оправданной» и «безмысленной» жестокостью были очень неопределенными. Нельзя также забывать, что в этом вопросе многое зависело от точки зрения, которой придерживались восседающие за судейским столом и сочувствующие своему собрату помещики, которые к тому же считали, что крестьянин лишен настоящих человеческих достоинств и довольно равнодушен к наказаниям.

Таким образом, часть современников уже пришла к пониманию того, что право домашней расправы нуждается в известном урегулировании и поэтому более точное определение ее пределов в крестьянских законах начала XIX века не явилось неожиданным. Та же судебная практика показывает, однако, что крестьянина считали рабочим скотом, которого в интересах увеличения продукции барщинного хозяйства имений можно было безжалостно пороть и истязать. И закономерным результатом подобных правовых отношений были доходящие до бессмысленной жестокости и садизма факты насилия над крестьянами, о которых сохранившиеся судебные документы конца XVIII — начала XIX века рассказывают трагичные истории.

4. К вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы в Эстонии

Землемер С. Доберман и врач О. Гун, собиравшие в начале XIX века топографические данные об Эстляндии и Лифляндии, наряду с другими вопросами интересова-

лись и экономическим положением крестьянства. Из собранных С. Доберманом данных[26] следует, что в 26 процентах имений Эстляндской губернии крестьяне считались зажиточными, в 69 процентах имений они были лишь посредственного достатка и в 5 процентах имений — совсем бедными. Содержащиеся в записках С. Добермана материалы дают возможность установить, что именно он понимал под средним достатком крестьян. Он неоднократно отмечает, что из-за постигшего их недавно падежа скота или неурожая крестьяне были «лишь посредственного достатка». Таким образом, под посредственным достатком подразумевалось такое состояние, когда крестьяне едва могли сводить концы с концами и исполнять барщину в имении. И в таком или еще более бедственном состоянии находились, по данным С. Добермана, крестьяне в трех четвертях имений северной Эстонии.

Еще более красноречивыми являются собранные О. Гуном сведения по южной Эстонии. Присланные ему приходскими пасторами ответы сформулированы по-разному, но их содержание по подавляющему большинству приходов одинаково: к каждой весне у крестьян кончается хлеб и они бывают вынуждены брать в долг зерно в запасных магазинах.

В случае недорода или низкого урожая запасы хлеба у крестьян рано приходили к концу и в деревнях наступал голод, как это наблюдалось, например, в 1808 и 1809 годах. Уже зимой 1807/08 года у крестьян Эстляндской губернии стали иссякать хлебные запасы.

Исчерпав все возможные средства питания и распродав на хлеб все свое имущество, крестьяне были готовы на самые отчаянные поступки. Так, в имении Васта (Вируский уезд) в феврале 1808 года околело несколько волов, отданных туда на откорм нарвским купцом Гольмом. Падаль отвезли в лес. Охотник Нукаский Нигулас в надежде, что она привлечет к себе волков, засел

[26] Архив Исторического музея Академии наук Эстонской ССР, ф. 70, оп. 1, д. 2—4 и 4-а.

Лифляндские крестьяне обедают в поле. Рисунок на карте Лифляндии. (Из собрания И. Х. Бротце.)

в засаду, чтобы их подстрелить. Однако первыми стали подкрадываться к падали не звери, а два гонимых голодом крестьянина. Если бы не случайная осечка, которую дало охотничье ружье, произошло бы несчастье.[27]

Первые сведения о господствовавшем в деревне го-

[27] ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 2653, л. 16.

лоде помещики восприняли с нескрываемым негодованием. Помещица генеральша Мюллер из имения Ватку вообще не подпускала к себе крестьян, заявляя, что до Юрьева дня никому ссуды не даст. Крестьянский судья (член волостного суда) Хансуский Юри пробовал настоять на выдаче ссуды одной бобылке, которой в противном случае угрожала голодная смерть. Но генеральша передала ему через управляющего имением Мартинсона ответ: «Пусть умирает, меня это не касается».[28]

С наступлением весны и приближением поры полевых работ помещикам волей-неволей приходилось подумать о том, как предотвратить вымирание «рабочего скота» своих имений. Очень редко имения выдавали крестьянам хлебную ссуду раньше весеннего Юрьева дня. Начиная с Юрьева дня (23 апреля) помещики ссужали крестьян мукой, смешанной с мякиной. Размер выдаваемой крестьянам хлебной ссуды определялся исходя не из числа проживающих в крестьянском хозяйстве людей, а из количества барщинных дней в неделю, которые должно было отработать это хозяйство на имение. Каждый крестьянский двор получал от имения ссуду «по столько пур в месяц, сколько дней в неделю это крестьянское хозяйство отрабатывало в имении» (4 барщинных дня — 4 пуры в месяц и т. д.). Впрочем, многие имения не придерживались и этой нормы. Полученной ссуды было, конечно, недостаточно для пропитания всей семьи, и весной 1808 года среди крестьян отмечались многочисленные случаи голодной смерти.

Характерен случай, происшедший в волости Эреда. Когда барщинники из крестьянского хозяйства Красси в воскресенье вечером ушли на работу в имение, дома на восемь душ осталось всего лишь два фунта хлеба. В понедельник утром невестка разделила хлеб на восемь частей и роздала всем оставшимся дома членам семьи. До вечера следующего дня им пришлось голодать, так как в доме не оставалось «ни муки, ничего другого из съестного, да и никакой зелени на поле еще не было». Во

[28] Там же, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 257.

вторник же вечером удалось достать у одного из родственников два штофа ячменя. Из него сварили жидкую похлебку, которую ела вечером и утром следующего дня вся семья, в том числе и вернувшиеся из имения работники, — всего сидело за столом десять душ. Со среды и до пятницы, когда получили из имения новую ссуду, вся семья опять голодала. В среду пополудни слепая старая свекровь собралась к родственникам в деревню Родевиль. Ее сопровождала девятилетняя девочка. По пути они зашли в корчму деревни Кийкла, где корчмарка угостила их куском хлеба. Старуха стала есть «с жадностью, причем она благодарила бога, что по прошествии нескольких дней получила опять хлеба». Но до родных старуха так и не дошла, так как по дороге скончалась.[29]

«Небольшая хлебная ссуда, получаемая крестьянами от помещиков, рассчитана, как видно, только на работающих в имении барщинников»,[30] писал в апреле 1808 года вируский крейскомиссар Билэам. Еще более сильный голод царил среди бобылей. В поддержке и сохранении бобылей имение не было экономически заинтересовано. Помещики строго придерживались принципа давать ссуду только крестьянам — держателям дворов, исполняющим барщину, в отношении которых можно было надеяться, что они возвратят ссуду. Бобыли могли получить хлеб только за работу. Комиссия, обследовавшая летом 1808 года положение в Вируском уезде, отметила в своем протоколе: «Бобыли и бобылки получают ссуду в хлебе, когда потребуют, по одной пуре за их работу в 12 дней, но как у некоторых бобылок много детей и они живут в дальнем от помещичьего двора расстоянии, а потому детей своих ни с собой брать, ни одних дома оставлять не могут, некоторые из них работою столько доставить не могут, сколько потребно им для прокормления себя и детей своих, то претерпевают они в хлебе великий недостаток».[31]

[29] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 246—247.

[30] Там же, ф. 291, оп. 1, д. 2653, л. 19.

[31] Там же, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 242.

У бобылки Мардиской Майе из деревни Ватку, матери троих малолетних детей, уже зимой иссяк запас хлеба, а до того, как сошел снег, окончилась и репа. Она, как говорила сама, «пробовала есть, что попало, даже золу, чтобы хоть несколько утолить голод, и когда от кого-либо получала малый кусок хлеба или несколько муки, то отдавала оное своим детям, которые не хотели есть того, что она сама ела». Весной ее вместе с четырьмя другими бобылками послали вскапывать барский огород. Во время работы она пожаловалась следившему за ними ученику-садоводу, что они так ослабли от голода, что не могут как следует работать. Ученик пошел в имение и рассказал об этом; их сразу же позвали к управляющему, который якобы даст им хлеба. Как только бобылки зашли к нему, он снял со стены плеть, стал их бить и гнать из горницы, выкрикивая при этом: «Вот вам хлеб!».[32]

Бобыль того же имения Яниский Март, его жена и сын «в течение трех дней не имели ни хлеба, ни другой пищи и ничего не ели, чтобы хоть несколько подкрепиться, клали они несколько соли в воду и оную пили, также держали во рту соль». Под конец семидесятилетний Яниский Март с женой пустились в путь, намереваясь наняться в пастухи в пасторатном имении в Йыхви. По дороге Март стал жаловаться на боль в голове и в груди, опустился внезапно на землю и скончался.[33]

Выйвереский крестьянин Тынуский Яан уже давно лишился отцовского хозяйства. Надел от него отняли, а самого Яана намеревались отдать в рекруты, но ему удалось спастись, по-видимому, бегством. Позднее он снова получил арендный участок, но уже летом 1808 года выяснилось, что из-за нехватки рабочего скота и сельскохозяйственных орудий он не в состоянии держать участок. Зима 1808 года была исключительно тяжелой для бобылей и батраков Выйвере; уже в начале декабря подошли к концу хлебные запасы. Примерно 2 февраля

[32] Там же, л. 258—259.

[33] Там же, л. 248.

1809 года жена Яана Кай вместе с другими бобылками ходила в имение просить хлеба, но им сказали «что господин не может ничего дать, пока не видно будет, как он сам выйдет с хлебом». Яан нанялся в батраки к другому крестьянину. Он пытался еще подработать в имении на винокурне и на возке дров, но ничего из этого не вышло. Во всей волости «не было ни работы, ни хлеба». Идти в имение просить хлеба он не решался. Он еще помнил те времена, когда был дворохозяином, и даже тогда ему редко давали ссуду, а если и давали, то это всегда сопровождалось побоями (однажды помещик велел дать ему 2 пуры хлеба и 25 ударов розгами). Жена его Кай, как она сама заявила на суде, «обегала всё кругом, пытаясь достать чего-либо съестного, ходила также в чужие волости к знакомым искать работы, но ничего не нашла». Среди бобылей свирепствовал такой голод, что люди убивали и поедали кошек. Имение не давало бобылкам работы, так как лен на барском поле не уродился. Чтобы достать немного муки на похлебку голодающим детям, Кай понемногу продавала выданную ей из имения для прядения шерсть. Когда это стало известно в имении, Кай вызвали туда, выпороли, остригли, как преступнице, полголовы и заявили, что она не получит новой хлебной ссуды, пока не вернет имению шерсть. 4 февраля у Яана и Кай умерла пятилетняя дочь Анн; последний кусок хлеба она съела 1 февраля. Месяц спустя скончалась от кори вторая дочь, Элло, полутора лет от роду. В начале апреля дошла очередь и до восьмилетней Леены. Во вторник, 7 апреля, мать дала Леене «мучную похлебку, но ее вырвало; в среду девочка попросила хлеба; мать обегала всю деревню в поисках кусочка хлеба, но не достала. Все эти три дня девочка получала только мучную похлебку. Со вторника до четверга пополудни она вообще ничего не ела, в последний день мать пыталась дать ей молока, но девочка стиснула зубы и не пила. В полдень она скончалась».[34]

[34] ЦГИА ЭССР, ф. 863, оп. 1, д. 4155а, л. 8, 15, 25—31, 36, 39—40.

Уже одни эти перечисленные факты, число которых можно еще умножить, наглядно говорят о том, что голод сильнее всего коснулся бобылей и батраков. Убедительно свидетельствуют об этом и данные об экономическом положении крестьян и бобылей имений Поркуни, Пыдрангу и Кулина, собранные местным гакенрихтером весной 1808 года. Если свести эти данные[35] в таблицу, то получится следующая картина.

	Количество дворохозяев и бобылей,		
	у которых имелся еще хлеб и скот	у которых хлеба уже не было, но оставалось немного скота	у которых не было уже ни хлеба, ни скота
Дворохозяев	57	3	1
Бобылей	13	3	43

В 1808 году голод был и в Лифляндской губернии. Буртниекский пастор Гулеке писал в церковной хронике, что уже в 1807 году крестьяне терпели недостаток в корме для скота. Урожай в том году был очень плохой, и уже в ноябре имения стали выдавать крестьянам ссуду. «В декабре умерло необыкновенно много людей... В 1808 году смертность еще более возросла, и к 1 мая смерть унесла в могилу десятую часть моих прихожан. Нужда была исключительно большой, и изнуренное тело не могло противостоять распространявшимся вокруг болезням».[36] 10 февраля 1809 года арендатор казенного имения Бломесмуйжа К. Б. Шредер писал лифляндскому губернатору: «Вашему превосходительству хорошо известно, в какую нищету впала в прошлом году из-за неурожая 1807 года вся Лифляндская губерния и что разразившиеся в результате неурожая голод и эпидеми-

[35] Там же, ф. 902, оп. 1, д. 195.

[36] Lauma Sloka. Vidzemes draudžu kronikas (Valsts Archiva Raksti III), Rīgā 1925, стр. 226 и 232.

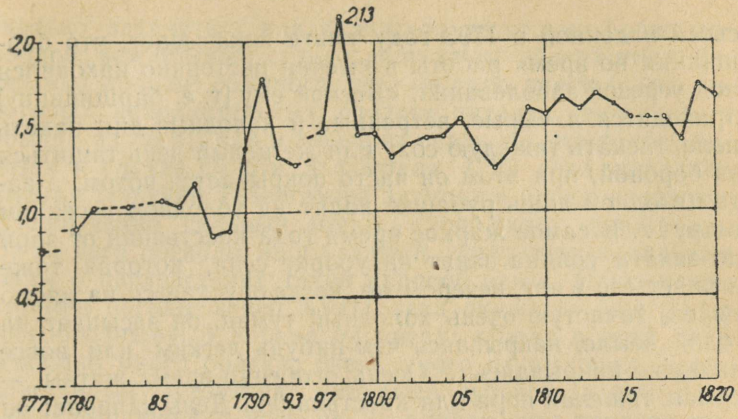
ческие заболевания вызвали резкое увеличение смертности среди крестьян».[37] Кокнесеский пастор Г. Ф. Лиениг записал в своей церковной хронике: «1807—1808 годы были очень печальными для Лифляндии и Эстляндии из-за почти повсеместного недорода в 1807 году и неизбежной в связи с этим дороговизны. Пура ржи стоила уже осенью 1807 года от 95 до 100 альбертус-талеров и даже больше... В деревне же вовсе нельзя было получить хлеба за деньги. Смертность в эти два года была очень высокой, частично из-за дизентерии, которую занесли вернувшиеся в 1807 году из Пруссии войска, частично вследствие нервных болезней, распространившихся здесь в 1808 году. В некоторых местах, особенно в Эстляндии, сыграл при этом свою роль и голод».[38]

На рубеже XVIII—XIX веков 1808 год был отнюдь не единственным голодным годом. По сведениям современников, тяжелыми для эстонского крестьянства были также 1789 и 1800. годы (конечно, в некоторых местах голод мог начаться на год или на несколько лет раньше, последствия голода могли местами сказаться и в последующие годы).[39] Если внимательно рассмотреть данные о размерах урожая в Эстляндской губернии, то оказывается, что достаточно было даже небольшого снижения урожая (в 1787—1788 гг. урожай был процентов на 15, в 1799—1800 гг. на 10—20 и в 1807 г. опять на 15 меньше урожая предшествующих лет), как в губернии сразу наступал голод, сопровождавшийся такими же трагическими последствиями для деревни, как и в 1808—1809 гг.

[37] ЦГИА ЭССР, ф. 296, «Дело о выдаче хлебной ссуды крестьянам мызы Блуменгоф — 1809 г.», л. 1.

[38] Lauma Sloka. Vidzemes draudžu kronikas (Valsts Archiva Raksti IV). Rīgā 1927, стр. 114—116.

[39] ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1937, л. 12; Hermann Bluhm — Doctor der Arzneygelahrtheit und Stadtphysicus in Reval ersuch einer Beschreibung der hauptsächlichsten in Reval herrschenden Krankheiten. Marburg 1790, стр. 48—49; ЦГИА ЭССР ф. 291, оп. 1, д. 1832, л. 5; церковная книга из Аудру за 1760—1806 гг., л. 146; Lauma Sloka. Vidzemes draudžu kronikas (Valsts Archiva Raksti III). Rīgā 1925, стр. 224; ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, ч. 1, д. 4 А, л. 161; ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. AI 40, л. 767.



Урожай зерновых в Эстляндской губернии в 1771—1820 гг. (в миллионах тюндеров). По данным годовых отчетов губернаторов.

Содержащиеся в церковных метрических книгах, которые нам удалось обработать по 11 приходам, данные убедительно говорят о том, что случаи внезапного увеличения смертности наблюдались в 1789, 1800 и 1808—1809 годах не только в северо-восточной части Эстляндии и латышской части Лифляндии, откуда мы об этом имеем прямые документальные и хроникальные данные, а повсюду в Эстонии. Материалы церковных метрических книг, в которых при регистрации случаев смерти часто записывали и причину смерти, говорят еще о том, что, помимо голода, ужасные опустошения в деревне производили и эпидемии, в свою очередь обусловленные голодом и недоеданием. И голод, и эпидемии являлись внешне отличными, но по своему существу однородными результатами одной и той же причины — феодально-крепостнического гнета. Довольно откровенно говорят об этом составленные в конце XVIII века для прибалтийских помещиков справочники по лекарскому делу. Уездный врач из Пальдиски Самуэль Рейнгольд Винклер в

своей изданной в 1793 году книге показывает, что барщинник во время работы в имении постоянно находился под угрозой заболевания. «Весной ему [т. е. барщиннику] приходится в сырые, ветренные и холодные дни пахать поле, таскать тяжелую соху или же целый день тащиться за бороной, при этом он часто покрывается пóтом, а затем в одной лишь рубашке ходит на холодном весеннем ветру... В самое жаркое время года крестьянин от зари до заката солнца занят на уборке сена, которая тоже вгоняет его в пот, вечером же, когда опускается на землю сырой, зачастую очень холодный туман, он засыпает на голой земле, накрываясь чем-нибудь легким или вовсе ничем не накрываясь... Осень, особенно время жатвы, — самая тяжелая пора для крестьянина. День напролет он трудится на поле, ночью же, после непродолжительного сна, а то и вовсе без сна, он должен молотить хлеб... Зимой крестьянину приходится в глубокий снег заготовлять дрова в лесу, причем он опять-таки потеет, и все это на морозе. Он возит сельскохозяйственные продукты в город, пребывая весь день на лютом морозе, сопровождающемся зачастую сильными метелями». Винклер правильно отмечает, что главная причина смертности или инвалидности заключается в том, что заболевшего крестьянина имение обычно оставляет без всякой врачебной помощи. Все это приводит, по мнению Винклера, к тому, что очень много крестьян умирает от дизентерии и черной оспы. Случаи массовой смертности среди крестьянских детей вызывали даже такие сравнительно легкие болезни, как коклюш и корь, не говоря уже об оспе, от которой, как указывает Винклер, у эстонских крестьян умирал каждый пятый или шестой ребенок.[40]

Изнуренный непосильным трудом в имении, живущий в нечеловеческих условиях и ослабленный постоянным недоеданием крестьянин очень легко становился жертвой эпидемических заболеваний. В конце XVIII века сложилось такое положение, что достаточно было зиме не-

[40] Samuel Reinhold Winkler — der Arzneikunst Doctor. Von einigen der gewöhnlichsten Krankheiten der Ehstländischen Bauern. Reval 1793, стр. 6—8, 77—79, 92—93, 140—142, 216 и 310.

сколько затянуться или оказаться несколько более холодной, чем обычно, стоило лишь снегу задержаться несколько дольше обычного (что лишало крестьянина некоторых дополнительных средств питания, получаемых обычно из леса), как в деревнях сразу же учащались болезни и случаи смерти. 4 февраля 1799 года владелец имения Поркуни Тизенгаузен записал в своем дневнике: «Необычайно сильный мороз продолжает держаться. Из-за него погибло много людей, получены печальные вести о последствиях такой суровой зимы. Из-за таких перемен погоды конец XVIII века окажется еще более своеобразным». 3 апреля он писал: «Люди в этом году особенно много болеют, очень много их умирает, и это, по-видимому, результат минувшей суровой зимы». Внезапно выпавший в ночь на 21 апреля снег напугал помещика. «Если эта новая зима еще долго продержится, — писал он в своем дневнике, — то бедный крестьянин, и вообще землепашец, окажется в прискорбном состоянии, так как в это время года все запасы корма для скота и сено уже израсходованы, и всеобщая нужда может привести к печальным результатам . . .» [41]

О ненормальности положения, сложившегося в конце XVIII — начале XIX века в эстонской деревне, говорят и такие объективные показатели, как данные по приросту населения, приведенные в нижеследующей сводной таблице.

На какой-либо последовательный прирост населения на рубеже XVIII—XIX веков эта таблица не указывает — значительный прирост чередуется с крайне низким. Случаи исключительного увеличения смертности имели место уже в середине XVIII века, однако с 1770—1780-х годов они наблюдаются чаще прежнего. В 1770-х годах впервые в одном приходе в течение продолжительного периода (пяти лет) количество умерших превышает количество родившихся. В следующем десятилетии такое положение отмечается в каждом втором из

[41] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, д. 780, л. 53, 62 и 64.

Абсолютный прирост населения в одиннадцат

Название прихода	1755—1759	1760—1764	1765—1769	1770—1774	1775—1779	1780—1784	1785—1789	1790—179
Йыэляхтме	59	144	146	250	269	98	86	127
Рисги	—	158	211	138	285	174	—12	256
Ханила	81	118	231	122	175	46	—52	140
Ляэне-Нигула	278	279	280	214	406	189	248	241
Анна	19	43	53	—2	103	—8	47	87
Ийзаку	87	122	148	137	130	112	77	102
Всего в вышеназванных приходах северной Эстонии	524	864	1069	859	1368	611	394	953
Кихельконна	12	238	80	329	317	135	— 28	297
Колга-Яани	70	214	286	263	302	297	188	375
Отепя	76	318	418	285	466	141	— 65	274
Карула	—	85	212	192	374	—18	—504	390
Ряпина	190	349	472	31	289	246	— 24	227
Всего в вышеназванных приходах южной Эстонии	348	1204	1468	1100	1748	801	—433	1563
Итого в вышеназванных одиннадцати приходах	872	2068	2537	1959	3116	1412	—39	2516

рассматриваемых нами приходов. При этом большая часть смертных случаев падает на вторую половину 1780-х годов, на которую приходится и голод 1789 года. Голод 1800 года не сопровождался такой высокой смертностью. Наиболее катастрофическими были результаты голода 1808 года, когда, по имеющимся данным, опять в течение пятилетнего периода умерло больше людей, чем родилось. Данные таблицы показывают, что положение не изменилось и во второй четверти XIX века, после освобождения крестьян. Превышение смертности над рож-

тонских приходах за 1755—1849 годы

795—1799	1800—1804	805—1809	1810—1814	1815—1819	1820—1824	1825—1829	1830—1834	1835—1839	1840—1844	1845—1849
177	247	185	202	149	303	259	212	168	161	— 6
202	138	—34	120	195	213	41	—	88	117	— 80
107	109	71	95	130	161	83	149	100	28	—176
355	112	105	220	330	443	—	374	442	108	—
41	18	69	32	46	123	93	147	—1	49	18
48	4	—8	—20	49	87	116	—	—	—	—
930	628	388	649	899	1330	592	882	797	523	—232
496	357	279	369	253	533	462	242	157	342	242
374	287	316	442	359	543	311	—	275	325	197
— 70	—95	—508	373	288	269	391	—112	303	430	—
—110	120	—962	232	75	122	152	—	—	—	—
262	62	—410	395	437	272	- 28	314	6	404	—168
952	731	—1285	1811	1412	1739	1288	444	831	1501	271
1382	1359	—897	2460	2311	3069	1880	1326	1628	2024	39

даемостью наблюдается и в этот период времени, особенно часто в 1840-е годы.

Попытаемся сопоставить приведенные выше данные с материалами, относящимися ко всей Эстляндской губернии, частично опубликованными в свое время в газете «Ревальше вёхентлихе Нахрихтен» и частично сохранившимися в архивном фонде консистории в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в виде отчетов пасторов или составленных на их основании сводок.

Рождаемость и смертность в Эстляндской губернии в период с 1771 по 1825 год

Годы	Родилось человек		Умерло человек		Число рождений превышало число смертных случаев или было меньше его (—)	
1	2		3		4	
1771	6585		2484		4101	
1772	?	6561	?	4648	?	+ 1913
1773	5992		6881		—999	в среднем
1774	6932		4715		2217	в год
1775	6735		4404		2331	
1781	7658	7702	5661	5986	1997	+ 1716
1782	?	(117 % по	?	(130 %) по	?	в среднем
1783	7397	сравнению	6862	сравнению	535	в год
1784	7722	с вышеука-	6123	с вышеука-	1699	
1785	7929	занными	5296	занными	—2623	
		пятью		пятью		
		годами)		годами)		
1786	7390		5114		2276	
1787	7236	7218	5318	6361)	1926	+ 847
1788	6912	(94 %)	8531	(106 %	—1619	в среднем
1789	6901		9615		—2714	в год
1790	7649		6669		978	
1791	8193		5722		2471	
1792	8565	8068	5433	5987	3129	+ 2081
1793	8742	(112 %)	5706	(949 %)	3036	в среднем
1794	6355		5616		739	в год
1795	8487		7455		1032	
1796	9103		5875		3328	
1797	8814	9115	4827	6914	3987	+ 2201
1798	9194	(114 %)	6294	(115 %)	2900	в среднем
1799	9345		8349		996	в год
1800	9118		9323		—205	
1801	8600		6672		1928	
1802	8751	8856	5570	6466	3181	+ 2380
1803	8642	(96 %)	6032	(94 %)	2610	в среднем
1804	9431		7631		1800	в год
1805	?		?		?	

Продолжение таблицы

1	2		3		4	
1806	9314		6218		3096	
1807	?	8425	?	7525	?	
1808	7640	(95 %)	10900	(116 %)	—3260	+ 901
1809	?		?		?	в среднем
1810	8322		5456		2866	в год
1811	8769		5972		2797	
1812	9047	8654	5968	6549	3079	+ 2105
1813	?	(103 %)	?	(87 %)	?	в среднем
1814	8145		8466		—321	в год
1815	?		?		?	
1816	8299		5544		2755	
1817	?		?	6127	?	+ 2472
1818	8458	8599	6947		1511	в среднем
1819	9057	(100 %)	5536		3521	в год
1820	8581		5478	(84 %)	3103	
1821	9719		5655		4064	
1822	9145	9469	6781	5465	2364	+ 4004
1823	9734	(110 %)	5066	(89 %)	4768	в среднем
1824	8968		5045		3923	в год
1825	9776		4875		4901	

Данные по всей губернии подтверждают картину, полученную при анализе материалов по отдельным приходам. Общая численность населения в Эстляндской губернии по ревизии 1782 года составляла, как об этом пишет А. В. Хупель, около 200 000 человек. По материалам ревизии 1795 года, она достигала примерно 211 000, а губернаторы в своих отчетах оценивали численность населения Эстляндии в 1811 году в 211 170 и в период с 1812 по 1815 год — в 217 523 человека. Все же для проведения более точных расчетов эти данные слишком неопределенны и поэтому можно лишь предположить, что в 1780-х годах численность населения в губернии составляла примерно 200 000, в 1790-х — 210 000, в 1800-х находилась приблизительно на одном уровне — 210 000 че-

ловек и поднялась к 1810-м годам примерно до 220 000 человек. Если исходить из этих данных, то оказывается, что в 1780-х годах на 1000 жителей в год умирал в среднем 31 человек, в 1790-х — 31, в 1800-х — 33 и в 1810-х годах — 29. Эти показатели смертности достаточно высоки по сравнению, например, с Лифляндией периода 1870-х годов, где тогда из 1000 жителей в год умирали в среднем 23 человека. Следует обратить внимание на то, что смертность была очень высокой уже в 1780-е годы и в первом десятилетии XIX века в этом отношении резкого перелома не наблюдается.

Нам удалось вычислить по данным метрических книг среднюю продолжительность жизни крестьян четырех эстонских приходов. При этом мы пользовались «методом реального поколения» Лапласа. Необходимо отметить, что демографическая наука отрицательно относится к этому методу, справедливо подчеркивая, что трудно ожидать, чтобы все люди, родившиеся в одном и том же году, до конца жизни оставались в том же административном округе, где они родились, и чтобы их рождение и смерть были зарегистрированы в одном и том же источнике. Но мы имеем дело с крепостной эстонской деревней, откуда выход крестьянина и юридически, и фактически был весьма затруднен. Поэтому мы все же позволили себе прибегнуть к этому методу и, разделив общую совокупность лет, прожитых поколением людей, родившихся в одном определенном году, на число индивидов, получили среднюю продолжительность жизни человека. Результаты вычислений приведены в нижеследующей таблице.

Конечно, на основании лишь материала по четырем приходам нельзя прийти к каким-либо определенным заключениям о продолжительности жизни крестьян в Эстонии в целом. Но все же можно сказать, что, по имеющимся данным, средняя продолжительность жизни крестьянина на рубеже XVIII—XIX веков редко превышала 30 лет и почти никогда не достигала 40 лет.

Для сравнения можно отметить, что в конце XIX века средняя продолжительность жизни в колониально угне-

Поколение	Средняя продолжительность жизни крестьян в приходах							
	Анна		Ханила		Йыэляхтме		Кихельконна	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
1755 года	35	—	22	—	22	—	—	—
1760 „	24	30	34	29	27	25	—	—
1765 „	30	29	33	31	26	26	—	—
1770 „	33	30	27	33	26	25	38	—
1775 „	28	28	38	32	23	23	41	38
1780 „	22	26	32	32	19	24	34	35
1785 „	30	26	25	31	31	22	30	33
1790 „	18	23	35	29	16	22	32	32
1795 „	30	27	27	27	19	20	35	32
1800 „	33	—	19	—	25	—	30	—

Примечание. А — вычисленная указанным выше методом;
Б — данные графы А, обработанные при помощи метода скользящей шкалы.

тенной Индии с ее страшными голодовками была 22,59 года, в России — 31,32, в Англии — 44,13 и в Швеции — 50,94 года. В настоящее время средняя продолжительность жизни в слаборазвитых капиталистических странах составляет 30—35 лет, в развитых капиталистических странах — 65 лет и в Советском Союзе — 68 лет.

Данные приведенной выше таблицы ясно показывают, что во всех четырех приходах такой основной демографический показатель, как средняя продолжительность жизни, ухудшается, и притом с 1770—1780-х годов.

Общегубернские данные позволяют лучше рассмотреть и другую сторону процесса. Во второй половине 1780-х годов естественный прирост населения уменьшается вдвое не только из-за заметного роста смертности, но и вследствие одновременного падения рождаемости. В первом десятилетии XIX века рождаемость падает, во-втором остается примерно на том же уровне, и лишь с 1820-х годов намечается новый подъем. Во второй половине

1800-х годов снижение естественного прироста населения было обусловлено тем, что в то время, когда повышалась смертность, рождаемость не увеличивалась. В нашем распоряжении имеются данные по десяти периодам продолжительностью в пять лет каждый. При этом в двух случаях можно констатировать падение рождаемости и в трех — значительное повышение смертности.

Наблюдения работавших в конце XVIII и в начале XIX века в Эстонии врачей и сочувствующих крестьянам публицистов говорят о том, что заболевшие крестьяне умирали от недостатка пищи, от изнурительного труда в имении, из-за отсутствия ухода во время болезни. В ряде случаев (1786—1789, 1800 и 1808 годы) современники прямо говорят о массовой смертности крестьян от голода. Приведенные выше общегубернские демографические данные показывают, что помимо увеличения смертности, иногда к уменьшению естественного прироста населения приводило и падение рождаемости. Преждевременное вымирание еще трудоспособных людей и подрастающего поколения в результате недостаточного питания и неблагоприятных санитарных условий наносило ущерб развитию производительных сил. В годы феодализма этот урон в известной степени компенсировался высокой рождаемостью населения Поэтому падение рождаемости в Эстонии на рубеже XVIII—XIX веков представляло собой особую опасность.

Во втором томе «Топографических известий», появившемся в 1777 году, А. В. Хупель пишет об угнетаемых крепостниками латышских и эстонских крестьянах: «... Где слишком жестокое крепостничество вызывает бедность и горе, что должно побуждать там раба к продолжению рода?.. Непрерывное бегство крестьян, многие пустующие усадьбы, хозяева, которые уже не в состоянии работать ни на себя, ни на имение, нежелание жениться, недостаток людей — неизбежные результаты всего этого». [42]

[42] A. W. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, II. Riga 1777. стр. 239.

Социальные причины описанного выше положения ясно видны. Заметное падение естественного прироста населения, вызванное как падением рождаемости, так и повышением смертности, наблюдается во второй половине 1780-х годов, когда в губернии свирепствовал голод. Демографические данные указывают на сравнительно благоприятное положение в 1790-х годах, о которых известно, что урожаи тогда были довольно высокими и крестьяне имели, следовательно, больше хлеба. Непрерывное падение рождаемости наблюдается с начала XIX века, когда в губернии в 1800 и 1808 годах опять-таки свирепствовал голод, приведший к массовому вымиранию населения. Постоянный недостаток хлеба в деревнях, иногда переходивший в катастрофический голод, был обусловлен тем, что при помощи отсталого сельскохозяйственного инвентаря крестьяне были не в состоянии как следует обрабатывать свои поля, да и барщина оставляла для этого слишком мало времени.

Неурожаи и эпидемические заболевания являются стихийными бедствиями. Сопутствующие же им массовая смертность и падение рождаемости сельского населения — это социальные явления, сигналы о том, что феодально-крепостнический гнет стал нестерпимым и уже препятствовал нормальному функционированию производительных сил не только в деревне, но и в поместье, так как и экономика барщинного имения базировалась на крестьянском хозяйстве. «В условиях крепостнического строя, особенно в период его разложения, такие стихийные бедствия, — пишет академик Н. М. Дружинин о неурожаях и эпидемиях, — были закономерным и часто повторяющимся явлением: почва была истощена, скота у крестьян было мало, сельскохозяйственные орудия были примитивными, крестьянский организм ослаблен недоеданием и лишениями».[43]

Усиление барщинного гнета было вызвано стремлением помещиков увеличить товарное производство.

[43] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 196.

В свое время П. Струве пытался объяснить очень медленный прирост населения в России в 1762—1846 годах перенаселенностью в большей части страны. «Но с таким же, если не с бóльшим правом, — возражает ему В. И. Ленин, — можно было бы сказать, что это перенаселение соответствует крепостному хозяйству, что медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах, вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба *для продажи*, а не на свои только потребности» [44]

Уже к 1950—1952 годам многие прибалтийские советские историки пришли к убеждению, что началом кризиса феодально-крепостнической формации в Прибалтике можно считать конец XVIII века (1770—1790-е годы). [45] Позднее некоторые латышские историки отмечали, что все возрастающее развитие товарного сельского хозяйства в прибалтийских имениях началось уже с 50—60-х годов XVIII века. [46] Нет основания возражать против этого утверждения. Действительно, в развитии производительных сил в сельском хозяйстве в эти годы происходят большие изменения. Однако отрицательное влияние на развитие производительных сил стремления помещиков резко увеличить производство при сохранении устаревших производственных отношений стало явно обнаруживаться, как это явствует из данных о рождаемости и смертности крестьян, лишь начиная с 1780-х годов. На это время и падает начало кризиса феодально-крепостнической системы в Эстонии.

[44] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 1, стр. 482—483.

[45] Г. Мосберг и А. Вассар. Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 67; История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 400.

[46] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rīgā 1956, стр. 60—62.

Глава третья

Антифеодальная борьба эстонских крестьян в последние годы XVIII и первые годы XIX века

А. В. Хупель в составленном им руководстве для помещиков и управляющих имениями советует им не доводить крестьян чрезмерным угнетением до отчаяния. «Не говоря уже о более крупных и общих волнениях, известных нам из далеких времен истории нашей страны, — пишет Хупель, — каждый из нас непременно помнит, между прочим, и то, что господин фон Т. был изрублен своими крестьянами на мелкие куски, господин фон Ст., господин фон Г. и госпожа Б. (известная своей тиранией) были ими застрелены. Сколько управляющих имениями уже убили крестьяне камнями, дубинами, ружьями и пр. У одного они перебили кости и под конец разбили голову. Все это я говорю для предостережения».[1] То, что подобные случаи в действительности имели место, подтверждают архивные материалы, рассказывающие, как в 1792 году был убит крестьянами отличавшийся своей жестокостью синдиский управляющий Тардель; в 1801 году — управляющий имением Норра — Тальхен, который не давал покоя и женам крестьян; в 1803 году — кубьяс имения Хыбеда — Ганс, который, придя в Хыбеда на работу, заявил, что он намерен довести все без исключения крестьянские хозяйства до разо-

[1] A. W. Hupel. Oekonomisches Handbuch ..., т. I, стр. 91—92.

рения; в 1806 году — управляющий имением Роху — Беурстен и т. д. Иногда акты отомщения подготовлялись и совершались целой группой крестьян.

В указанных случаях дело идет об убийстве помещиков, управляющих и кубьясов, своей жестокостью и систематическим преследованием крестьян прямо толкавших их на путь отомщения. В связи с этим может возникнуть следующий вопрос. Может быть эстонский крепостной крестьянин, выходец из народа, угнетаемого на протяжении столетий чужеземными господами, был в конце XVIII и начале XIX века уже так научен горьким опытом, что реагировал только на выходящие из ряда вон акты насилия, а остававшееся в обычных рамках угнетение выносил сравнительно терпеливо? Такая постановка вопроса тем более естественна, что многие литераторы того периода (в том числе и сочувствующие крестьянам Петри и Шлегель) иногда допускают в своих работах высказывания, будто бы жестокий крепостнический гнет влиял на духовный облик крестьянина, превращая его в тупое, потерявшее человеческое достоинство существо.

Ответ на этот вопрос мы пытались найти там же, где взяли данные об антифеодальной борьбе крестьян, — в судебных актах конца XVIII — начала XIX века.

Крестьяне, оказывавшие сопротивление помещикам или мызным служащим, пытавшиеся им отомстить или подававшие на них жалобу, очень часто мотивировали свои действия тем, что они, крестьяне, были наказаны несправедливо или без всяких оснований. Крестьяне считали для себя чрезвычайно оскорбительным, когда зимой мчавшиеся мимо них баре не только оттесняли крестьянские сани в сугробы, но и заставляли своих кучеров стегать мужиков кнутом. Продажа крестьян была в конце XVIII века в прибалтийских губерниях обычным явлением. Но когда ыйзуские крестьяне в 1791 году узнали, что помещик продал одного человека из их волости в отместку за недавно поданную жалобу, а следовательно несправедливо, — они тотчас же выступили с протестом (см. об этом на стр. 163). В те времена,

когда крестьян можно было продавать и покупать так же, как охотничьих собак, крестьяне считали для себя оскорбительным, если кого-либо из них называли собакой. В 1792 году, когда судья спросил у пастуха имения Синди, за что был убит мызный управляющий И. Тардель, мальчик ответил: «За то, что на прошлой неделе сказал про барщинников: они, мол, все собаки».[2] Все это ярко говорит и о том, насколько верно отражен в воспоминаниях народа, дошедших до нас сквозь мглу полутора веков, склад мысли тогдашнего крестьянина: с особой горечью вспоминает народ о том, что помещики меняли крестьян на собак и вообще обходились с ними, как с собаками. Прямо поражает, насколько правильно сумел Петри в первом томе своих «Эстонцев» отразить действительность, описывая следующий случай. «Я не собака, я — человек, — сказал один эстонец, которому его высокородный господин дал такое «почетное наименование». Естественно, за свою «наглость» он был выпорот».[3]

Нельзя, конечно, забывать о том, что проанализированные нами объяснения крестьяне давали в суде. Вполне понятно, что пытаясь оправдаться, они указывали на несправедливости, учиненные их угнетателями. Но идея собственной правоты и неправоты противной стороны, красной нитью проходящая через все их высказывания, говорит не только о стремлении оправдать себя перед судьями. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что крестьяне оказывали сопротивление мызным властям и мстили своим угнетателям не только тогда, когда их положение становилось совершенно невыносимым. Как только сам помещик или кто-либо из его прислужников проявлял хотя бы в некоторой степени произвол или бессмысленную жестокость, чаша крестьянского терпения переполнялась. Характерно, что крестьяне в своих показаниях суду говорят не столько о тяжести требуемой с них барщины или о суровых наказаниях,

[2] ЦГИА ЭССР, ф. 286, оп. 1, д. 2054, л. 129.
[3] J. Chr. Petri. Ehstland und die Ehsten, I, Gotha 1802, стр. 447.

сколько о несправедливо увеличенных повинностях или несправедливых наказаниях.[4]

Таким образом, все данные говорят о том, что и крепостной крестьянин не был лишен чувства человеческого достоинства.

Непосредственно вытекает из невыносимо тяжелого положения крестьян и другая форма их антифеодальной борьбы — побеги.

В 1790 году пятидесятилетний крестьянин Вана-Адуский Юхан убежал из Вяйке-Ляхтру, взяв с собой своего маленького сына. Дойдя до имения Ярваканьди, они попали в руки тамошнего мызного кубьяса, который задержал их и хотел передать в руки властей. У корчмы Лиховески им удалось все же сбежать и затем лесом дойти до местности Сауга в Пярнуском уезде. Они взяли направление на Пярну потому, что многие люди говорили: «Пярнуский уезд для беглецов самое безопасное место». Шесть дней они шли по лесам, получая лишь изредка пищу от работавших на лесных полянах косарей. В Сауга они вначале остановились на три недели в усадьбе Вана-Арустеского Андреса, где Юхан оставил своего сына. Сам он пошел дальше к Регоскому Марту, у которого пробыл всего четыре дня. «Так как усадьба Рего находилась слишком близко от дороги и в волости Сауга беспрестанно разыскивали беглецов, то он решил поискать крова в другом месте, — говорил Юхан впоследствии перед судом, — и пошел с этой целью через болото Янеселья (Ряэма) и шел до тех пор, пока не увидел крестьянский двор, который, как оказалось, принадлежал Пуллискому Яну». Там он пробыл четыре дня и пошел затем в волость Килинги, где остановился вначале у Валдиского Ханса и впоследствии у лесника Лехтмеского Адо, прожив там до рождества. После этого он отправился в корчму Лутсу, причем ночь провел в находя-

[4] Само собой разумеется, кто никакую эксплуатацию крестьянина помещиком, никакое чинимое над крестьянином наказание нельзя считать справедливыми. Несправедливое означает в данном случае нечто не умещающееся в обычные рамки.

щейся около корчмы бобыльской бане. Отсюда он направился к леснику Каблескому Яаку, у которого пробыл три недели. Около нового года вернулся в Синди и провел пять недель в усадьбе Лауреского Яака. Затем пошел обратно в Сауга проведать своего сына. Вместе они пошли к Куллискому Михкелю, где он оставил сына. Сам он вернулся в корчму Лутсу, пробыл там восемь дней и пошел дальше в Вейкскюлаский двор, где провел все лето и осень. Около рождества он опять переселился в волость Синди к бобылю Вазаскому Хансу и работал в крестьянских хозяйствах этой волости. Когда он ушел из Синди, чтобы снова отправиться в странствование, его поймали.[5]

Как затравленные волки бродили по расположенным в лесной глуши дворам крестьян, лесников и бобылей и другие беглецы. О трагической судьбе этих людей красноречиво говорит следующий случай, имевший место в 1812 году в Пярнуском уезде. 29 мая добралась до двора Куллимаского Михкеля в Кяруской волости женщина, которая, успев лишь сказать, что пришла из лесу, сразу же потеряла сознание. 30 мая она скончалась после того, как родила мертвых близнецов. Никто так и не узнал, как ее звали.[6]

Часто убежавшие от своих помещиков крестьяне пытались уйти в соседние губернии или даже за границу.

Бегство эстонских крестьян в русские губернии и русских в Эстонию в конце XVIII века приняло такой широкий размах, что помещики уже не надеялись только на государственную власть, но и сами стали принимать меры к поимке беглецов. В своем письме от 16 марта 1790 года Тартускому ландгерихту помещик из Вана-Пийгасте Христиан Каппель писал, что из его имения в числе других убежал в Россию и один крестьянский мальчик. «Так как теперь ко мне пришли русские крестьяне, знающие его местонахождение и могущие его разыскать, то я дал им отказную грамоту на этого маль-

[5] ЦГИА ЭССР, ф. 286, оп. 1, д. 2054, л. 8—12.
[6] Там же, ф. 291, оп. 1, ч. II, д. 2874, л. 2—3.

чика как на беглого, как это делают все помещики в Лифляндии, так как из России не вернуть ни одного беглеца...»[7] Как видно, в пограничных районах появились люди, которые покупали у лифляндских помещиков отказные грамоты на беглецов, разыскивали последних и продавали их затем вместе с отказной грамотой русским помещикам. При этом не было, конечно, никакой гарантии, что помещик покупал именно того беглеца, о котором говорилось в отказной грамоте. Но это и не интересовало ни продавца, ни покупателя. В таких условиях развернулась торговля если не «мертвыми», то во всяком случае «беглыми» душами.

К 1789 году относятся первые сведения о деятельности в Тарту конторы Иозепа Елачича, занимавшейся торговлей беглыми крестьянами. Елачич, работавший в Казенной палате переводчиком, скупал у лифляндских помещиков отказные или купчие грамоты, составленные на убежавших от них крестьян. Затем он стал ловить беглых или просто передвигающихся без паспорта крестьян и продавать их вместе с добытыми или сфабрикованными им самим документами русским помещикам или передавал их в качестве рекрутов военным учреждениям. В мае 1790 года деятельность этой конторы была раскрыта, и Елачич вместе с помощниками предстал перед судом. Суд, однако, ограничился тем, что приговорил Елачича к трем месяцам заключения.[8]

Часто крестьяне бежали и за границу, особенно в Швецию и принадлежавшую в то время Швеции Финляндию. На рубеже XVIII—XIX веков достигший побережья северной Эстонии беглец мог надеяться, что он здесь в какой-либо бухте найдет шведский или финский парусник или с помощью рыбаков (в том числе и русских) ночью переберется через залив. Это было хорошо известно и Эстляндскому губернскому правлению, которое в октябре 1797 года, идя навстречу просьбам и жалобам помещиков, приняло ряд решительных мер. Все прибывающие

[7] ЦГИА ЭССР, ф. 914, оп. 1, д. 887, л. 16.
[8] Там же, ф. 280, оп. 1, д. 891, и ф. 914, оп. 1, д. 944.

из Финляндии и возвращающиеся туда торговые суда, стали подвергаться тщательному досмотру; паруса и весла рыбачьих лодок стали убирать на ночь под замок.[9]

Если бегство в Швецию было все же сопряжено с опасностью, и на этот шаг решались в основном только молодые мужчины, то бегство во внутренние губернии России носило иной характер. Его было сравнительно легче осуществить (не надо было преодолевать охраняемую пограничниками зону) и оно более непосредственно вырастало из тех экономических связей, которые уже издавна существовали между двумя соседними народами — эстонцами и русскими. Характерные в этом смысле события имели место в 1792 году в Выруском уезде.

Казенный крестьянин по имени Иван из расположенного за Чудским озером Гдовского уезда разъезжал в начале февраля по южной Эстонии, торговал рыбой, и в корчме имения Вана-Пийгасте как-то упомянул, что ему понадобится будущим летом несколько батрачек. Когда мызный сторож Тоомас рассказал об этом своей родственнице Эве, которая когда-то «со слезами жаловалась ему, что она нигде не может найти себе пропитания», то она «с радостью согласилась» наняться на работу в Гдовский уезд. Сразу же были готовы воспользоваться случаем и две работавшие в имении на барщине батрачки, одна из которых, по имени Мари, так описывала позднее перед судом жизнь, от которой она хотела спастись бегством: «Она — дочь бедной вдовы, у которой нет хлеба... Ее заставляли всю зиму прясть в имении, и она терпела там голод, но жалобы ее остались безрезультатными». Спустя недели две опять появился Иван, на этот раз со своим братом Прошкой. Они встретились в корчме с батрачками, которых привел Тоомас, «дали им хлеба», договорились о заработке и тронулись в путь. В имении Моосте они были, однако, задержаны мызными служащими, и Иван был арестован. Его брат Прошка ударил мызных слуг хлыстом по лицу, две батрачки

[9] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 7, д. 37, л. 5—7.

(Анне и Эва) прыгнули в его сани, и всем троим удалось уйти от преследователей. [10]

Как следует из сказанного выше, движение беглецов из Эстонии в Россию и из России в Эстонию было столь интенсивным, что на этой почве могли возникать даже специальные конторы по торговле «беглыми душами». В связи с этим может возникнуть вопрос: бежало ли больше русских крестьян на эстонскую территорию, или эстонских крестьян в Россию? На страницах протокольных книг Выруского орднунгсгерихта сохранились точные данные по этому вопросу, хотя, к сожалению, лишь начиная с 1812 года. Выруский орднунгсгерихт, с одной стороны, и Псковский нижний земский суд, с другой стороны, представляли собой в то время своеобразные пункты по обмену беглых крестьян. Всех задержанных в южной Эстонии русских беглецов приводили в Выруский орднунгсгерихт, который передавал их в нижний земский суд в Пскове. Последний же передавал всех пойманных в своем округе эстонских крестьян Вырускому орднунгсгерихту. Следовательно, в протоколах Выруского орднунгсгерихта должны быть упомянуты пойманные беглецы, бежавшие как из Лифляндии, так и из Псковской губернии.

В 1812 году были задержаны и переданы Вырускому орднунгсгерихту крестьяне, бежавшие в свое время

из Лифляндии в Псковскую губернию . .	23 (+1) [11] чел.
из своей родной волости в какое-либо другое место в Лифляндии	7 чел.
из Лифляндии в Эстляндскую губернию . .	2 чел.

В 1812 году были задержаны и приведены в Выруский орднунгсгерихт

русские крестьяне	12 (+4) чел.

[10] ЦГИА ЭССР, ф. 914, оп. 1, д. 926, л. 3—7.

[11] В скобках приводится количество людей, не преданных суду, а направленных сразу в какой-либо другой полицейский суд (например, в Тартуский орднунгсгерихт), но имена которых все же фигурируют в протоколе.

Дело, однако, не только в том, что эстонских крестьян бежало на русскую территорию вдвое больше, чем русских крестьян на эстонскую. Большая часть (в 1812 году шесть из двенадцати) пойманных русских беглецов оказалась отпущенными на заработки оброчными крестьянами, которые потеряли свои паспорта или просрочили их и таким образом попали в категорию беглых.

Эстонские помещики, правда, тоже иногда разрешали своим крестьянам временно уходить на заработки в другую губернию. В 1810 году крестьянка имения Кяэри — Кадри получила разрешение «пойти в Россию» вместе с дочерью. Когда срок выданного ей «билета» истек, она и не подумала возвратиться домой. Однако только двое из всех занесенных в протокольную книгу за 1812 г. пойманных беглецов покинули свои волости в Лифляндии в поисках работы.

Многие задержанные беглецы заявили в Выруском орднунгсгерихте, что они бежали в Россию из-за голода. И многие указывали при этом на 1808 год, когда в эстонских деревнях действительно свирепствовал голод. Только об одном крестьянине (Юханеском Яане из Линнамяэ) известно, что он в 1808 году убежал в Эстляндскую губернию, и только одна крестьянка, по данным той же протокольной книги, в 1806 или 1807 году бежала из одного лифляндского имения в другое (крестьянка-батрачка Кадри; убежала из Хаанья в Линнамяэ). Все остальные крестьяне бежали в русские губернии. В начале XIX века крестьянин южной Эстонии, очевидно, хорошо знал, что скорее можно найти помощь в русской деревне, чем у такого же измученного голодом, как и он сам, эстонского крестьянина.

Сохранившаяся протокольная книга Выруского орднунгсгерихта за 1816 год полностью подтверждает картину, полученную на основании данных 1812 года.

В 1816 году перед Выруским орднунгсгерихтом предстали беглецы, бежавшие в свое время

из Лифляндии в Псковскую губернию	22 чел.
из Лифляндии в Эстляндскую губернию	9 (+2) чел.
из своего имения в другие места Лифляндии . .	0 чел.

В 1816 г. было задержано и передано Вырускому орднунгсгерихту

русских крестьян . . . . . 7 (+4) чел.

Из 22 задержанных эстонских крестьян десять заявили перед судом, что они убежали «из-за голода». В числе этих двадцати двух был лишь один, который ушел на поиски заработка в Псковскую губернию с ведома своего помещика, но впоследствии просрочил свой «билет». Напротив, из 11 задержанных русских крестьян пришли в прибалтийские губернии на заработки и просрочили свои паспорта пятеро.

Какова же была картина на севере — на пограничной линии вдоль реки Нарвы? Об этом мы можем судить лишь на основании результатов облав, организованных крейскомиссаром Вируского уезда Билэамом для поимки крестьян, скрывавшихся в Алутагузеских лесах. Билэам поймал: [12]

	Беглых эстонских крестьян	Беглых русских крестьян	Русских оброчных крестьян, просрочивших или утерявших паспорт
18 декабря 1806 г.	8	0	0
С 26 декабря 1806 г. по 1 января 1807 г.	5	2	3
13—15 января 1807 г.	3	0	0
С 21 января по 5 февраля 1807 г.	4 2	1	1
20 апреля 1807 г.		7	0
Всего	22	10	4

[12] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 158, л. 25, 28—30, 33—35.

Эти данные свидетельствуют, что в расположенных на границе Эстляндии и Петербургской губернии Алутагузеских лесах скрывалось гораздо больше эстонских крестьян, чем русских. Некоторые из эстонских крестьян шли отсюда дальше в Петербуг. Характерно, что уже в 1802 году житель Петербуга мещанин Адамсон обратился в соответствующие учреждения с ходатайством о принятии в столичную лютеранскую церковь на службу пастора, владеющего эстонским языком, так как «число находящихся в С.-Петербурге эстляндцев простирается свыше тысячи человек, кои по большею части бедны и неимущи, ... состоят из крепостных людей, бедных ремесленников и солдатов...»[13]

Но большая часть беглецов осела на побережье Чудского озера и в лесах Алутагузе, найдя здесь помощь и поддержку со стороны населения как эстонских, так и русских деревень.

Эстонский крестьянин, во двор которого заходил русский беглец, без лишних вопросов предоставлял ему кров и помогал всем необходимым. Около Иванова дня 1793 года к дворохозяину имения Йыхви — Михкли-Юрискому Адо зашел молодой русский парень, сказавший, что он «убежал из России, так как у него были очень злые господа». Адо, который был очень перегружен работой в своем хозяйстве и которого помещик как раз в это время вытребовал на строительные работы, был очень доволен, что нашел себе помощника на время сенокоса и уборки ржи. Мысль о том, чтобы сообщить о беглом русском, ему и в голову не пришла. Когда впоследствии беглец попал в руки властей, Михкли-Юриский Адо и другой крестьянин той же волости, Мардиский Яан, у которого беглый работал, были наказаны и получили у Йыхвиской церкви по 10 пар розог.[14]

К 1802 и 1805 годам относятся сведения о том, что на побережье Чудского озера и вдоль реки Нарвы существовал своеобразный район скопления беглых. 12 ноября

[13] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 254, л. 4—5.

[14] ЦГИА ЭССР, ф. 862, оп. 1, д. 2811, л. 9 и 21.

1805 года крейскомиссар Вируского уезда Билэам писал, что в окрестностях реки Нарвы беглецы «даже в двух местах построили себе хижины в лесу...». В деревнях, расположенных в Гдовском уезде и особенно на берегах реки Нарвы, в том числе и в деревнях Криуши и Омут, по данным того же крейскомиссара, «проживало очень много беглых эстонцев, которых можно было отличить лишь по языку, так как их одежда была такой же, как и у русских крестьян. Почти каждый дворохозяин держал двух таких батраков. Летом они жили в хижинах на отдаленных от деревни сенокосах или в лагерях русских лесорубов. Часто в воскресные и праздничные дни они приходили «оттуда в расположенные на другом берегу реки Нарвы корчмы Вяэска, Уусна и Городенка, исполняли свою народную музыку и оставались там до конца праздника, так как водка здесь якобы была лучше и дешевле». Если кто-либо из этих людей умирал, то его хоронили без церковного обряда «на небольшом, расположенном посередине реки Нарвы острове».[15]

Безусловно, местные власти не могли мириться с существованием такого района скопления беглецов. Уже в конце 1801 и в начале 1802 года Гдовский нижний земский суд, алутагузеский гакенрихтер и вируский крейскомиссар предприняли попытку одновременного преследования беглецов. С этой целью в начале декабря из Раквере в деревни Васькнарва, Яма и Черная была направлена мушкетерская рота. Гдовский нижний земский суд послал крейскомиссару Вируского уезда письмо с точными датами всех операций через одного крестьянина, который это письмо прочел. Очевидно, именно через него беглецы из Гдовского уезда вовремя узнали обо всех приготовлениях и успели скрыться.

В конце 1805 года энергичный крейскомиссар Вируского уезда Билэам решил взять дело в свои руки. Он представил своему начальству обширный план, согласно которому на рождестве 1805 года предполагалось одновременно с четырех сторон организовать набег на рас-

[15] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 158, л. 3.

стилающиеся по побережью Чудского озера и вдоль реки Нарвы леса. Однако пока докладная записка Билэама путешествовала по канцеляриям, прошло рождество, прошла и половина следующего года, и только в августе 1806 года крейскомиссару сообщили, что он получит в свое распоряжение 15 казаков. В действительности отряд казаков прибыл к Билэаму лишь в середине октября, и 18 октября он начал свои набеги, о результатах которых речь шла выше.

Хотя Билэам и разъезжал в сопровождении достаточно сильного воинского отряда, он все же опасался, как он сам откровенно признается в своих рапортах, заходить в более крупные русские села, чтобы арестовать проживающих там беглецов. В ночь на 14 ноября он прошел с отрядом через деревни Ката, Алайыэ, Воогна, Рымнику и Смольница. В густонаселенную «деревню Васькнарва, где по всеобщему мнению все еще скрывают беглецов...», они, однако, в этот раз не заехали, так как, пишет Билэам, «утро выдало наше приближение». Больше всего огорчало Билэама то, что как выяснилось, он не мог полностью полагаться даже на поступивших в его распоряжение солдат. В Раннапунгерья, в бобыльской бане, они поймали двух беглецов — эстонца и русского, причем русскому удалось бежать. Эстонца, сбежавшего семь лет назад из имения Карлова, они взяли с собой в Раннапунгерьяскую корчму, которую держал русский по фамилии Порфильев и где отряд остался на ночлег. Ночью жена корчмаря пыталась помочь арестованному эстонскому крестьянину. Она за кружкой вина уговорила командовавшего отрядом унтер-офицера освободить беглеца. Арестованному крестьянину и удалось бы уйти, если бы этому не помешал солдат-эстонец по имени Михкель, который следил за действиями своего унтер-офицера, поймал и опять связал крестьянина и сообщил обо всем крейскомиссару.[16]

Латышский историк Я. Зутис исследовал влияние массового бегства эстонских и латышских крестьян на аг-

[16] Там же, л. 3—4, 18, 57—58, 64—65.

рарную политику прибалтийского дворянства.[17] Он убедительно раскрыл причины, заставившие владельца имения Кокнесе А. Байера, которого прибалтийско-немецкие историки объявили сочувствующим крестьянству либералом, выступить на ландтаге 1792 года с проектом «улучшения положения крестьянства». Имение Байера, расположенное на границе Лифляндии и Курляндии, особенно страдало от бегства крестьян в Курляндию. На ландтаге 1792 года Байер от своего имени и от имени некоторых других лифляндских помещиков выразил пожелание, чтобы правительство помогло им с помощью военной силы разыскать и вернуть убежавших в Курляндию крестьян. Байер не был, однако, совершенно уверен в том, будет ли осуществлено такое мероприятие и даст ли оно удовлетворительные результаты. Поэтому на том же ландтаге он выступил с предложением предпринять что-либо для улучшения положения крестьян, так как иначе все крестьяне убегут и «поля нашей родины останутся невозделанными...» Байер предложил точно установить размеры барщинных повинностей, воздерживаться от унижения крестьян (например, не отнимать у них детей), ограничить права помещиков в отношении так называемых домашних наказаний, открыть для крестьянских детей школы и т. д. На ландтаге 1792 года эти предложения все же были отвергнуты и лифляндские помещики ограничились тем, что обязали органы рыцарства добиться возвращения сбежавших в Курляндию и Литву крестьян их прежним владельцам.

На ландтаге 1795 года по вопросу о беглых крестьянах выступил принадлежавший также к «либеральной» группировке лифляндских помещиков граф Л. А. Мелин. После очередного раздела Польши и присоединения Курляндии к Российской империи царское правительство, как всегда при расширении своих границ, издало «жалованную грамоту», в которой убежавших ранее на эти земли крестьян призывали вернуться в свои родные

[17] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rīgā 1953, стр. 130—138.

губернии, обещая разрешить им приписаться к небольшим городам. «Либеральному» графу очень не понравилось это распоряжение, по которому убежавшие из Лифляндии крестьяне могли спастись от власти своих прежних помещиков. Он предложил на ландтаге обратиться к правительству с просьбой не распространять эти распоряжения на бывших лифляндских крестьян. Граф Меллин сокрушался, что из лифляндских имений в Ригу убежали крестьяне, которые, выдавая себя за возвращающихся из Курляндии или Литвы беглецов, получали от полицейских учреждений паспорта и разрешение проживать в пригородах.

Именно энергичной деятельностью в вопросе о беглецах Ф. Сиверс завоевал в эти годы большой авторитет среди лифляндских помещиков.

Таким образом, как показал Я. Зутис, среди вопросов, которые беспокоили прибалтийских помещиков накануне реформ 1804 года, важное место занимала и так называемая проблема беглецов.

Прежде чем приступить к характеристике волнений 1797 года, мы коротко остановимся на вопросе о том, что следует понимать под крестьянскими волнениями. В марксистской литературе по истории антифеодальной борьбы крестьянства волнениями называются, по существу, два типа явлений: во-первых, сугубо локальные выступления крестьян того или иного имения, вызванные явлениями местного значения (насилие со стороны помещика, неудовлетворительный исход судебного дела и т. д.); во-вторых, широко распространившиеся антифеодальные выступления крестьян, поводом для которых послужили уже события общего значения (обнародование нового крестьянского закона, слухи о воле и т. п.) или пример (часто и призыв) крестьян соседних имений. Для большей точности было бы целесообразно именовать волнения первого типа коллективными антифеодальными выступлениями крестьян, а о волнениях говорить лишь тогда, когда мы уже действительно имеем дело не с отдельными, сугубо локальными вспышками крестьянского недовольства, а с широко распространив-

шимися среди крестьян волнениями. Во время как антифеодальных выступлений, так и волнений происходят восстания, отличительной чертой которых является вооруженное столкновение с местными властями или с высланными на защиту помещиков воинскими отрядами.

Крестьянские волнения 1797 года в Эстляндии и Лифляндии представляют собой своеобразную предысторию волнений, начавшихся в 1802 году и достигших апогея в 1805-м. В то же время они являются составной частью крестьянских волнений, прокатившихся в 1796—1797 годах по всей Российской империи, о которых сказано, что «наибольшего размаха крестьянское движение после восстания Пугачева достигло в 1796—1797 гг.»[18]

Не останавливаясь подробно на волнениях, происходивших в 1796—1797 годах в других губерниях Российской империи, укажем лишь, что специально исследовавшие эти волнения советские историки (Е. И. Коренева, Х. А. Таирзаде) показали, что это была борьба против усиления крепостнического гнета. Тенденция к увеличению барщины, столь характерная в то время для прибалтийских губерний, не была чужда и многим другим губерниям Российского государства. Как эстонские, так и русские, белорусские и украинские крестьяне боролись на рубеже XVIII—XIX веков против стремления помещиков увеличить при помощи крепостнических методов продукцию своих имений. Распространенной формой классовой борьбы являлся отказ от исполнения барщины. Борьба крестьянства носила стихийный характер. «Все движение 1796—1798 гг. представляет собой ряд хотя и происходивших одновременно, но совершенно оторванных друг от друга отдельных выступлений ...»[19] Только в редких случаях крестьяне были достаточно подготовлены к тому, чтобы вступить в вооруженную борьбу с посланными на защиту помещиков воинскими

[18] С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII — I четверть XIX века. Л., 1956, стр. 26.

[19] Е. И. Коренева. Крестьянское движение в России в 1796—1798 гг. Автореферат диссертации. М., 1954, стр. 14.

отрядами. Однако в случае таких столкновений крестьяне сражались героически, как, например, крестьяне сел Радогощи и Брассово Орловской губернии в 1797 году.

Уже Е. П. Трифильев, который первым дал, правда крайне описательный, обзор волнений 1796—1797 годов, отмечает, что в прибалтийских губерниях среди крестьян распространились в те годы такое же тревожное настроение и такие же волнения, как и в других областях Российского государства.[20] И в Эстляндскую губернию дошли сведения о большом ящике для жалоб, который новый царь Павел I приказал повесить на дверях своего дворца. Один крестьянин мызы Таммику показал в Харьюском маннгерихте, что в 1797 году «повсюду говорилось, будто скоро новым законом будет объявлено об облегчении барщины». 28 июля того же года крестьяне Таммику заявили прибывшему на место для проведения следствия гакенрихтеру, что они не признают никаких судов, подчиняются только губернскому правлению и «хотят пойти к царю».[21]

В мае 1797 года вспыхнули волнения в мызе Ранну в Лифляндии. Крестьяне жаловались на чрезмерные барщинные повинности. По установившемуся обычаю на место выехала назначенная резидирующим ландратом дворянская комиссия. Эта комиссия, состоявшая из самого ландрата и двух местных помещиков, выработала «законные» нормы барщинных повинностей. Однако крестьян не устраивали и эти нормы, и они заявили посланному на место орднунгсрихтеру, что скорее согласятся «дать себе перерезать шеи, нежели станут работать по сему работному постановлению...» По просьбе лифляндского губернатора в мызу Ранну из Таллина было послано 160 или 180 солдат мушкетерского полка,

[20] Е. П. Трифильев. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 277—278.

[21] ЦГИА ЭССР, ф. 861, оп. 1, д. 1734, л. 3; д. 1735, л. 7 и д. 1737, л. 10.

с помощью которых сопротивление крестьян было наконец подавлено.[22]

В латышской части Лифляндской губернии в июне 1797 года вспыхнули волнения в мызе Цетингоф, которые также были подавлены с помощью военной силы.

В конце июля выступили барщинники мызы Линнамяэ Выруского уезда, которые не позволили мызному кубьясу наказать себя. 13 августа на место прибыл адъюнкт орднунгсгерихта фон Толь в сопровождении роты солдат, но крестьяне по его зову не явились в мызу, а собрались в расположенном на расстоянии двух верст подмызке. Когда фон Толь, разделив солдат на три группы, приблизился, чтобы арестовать крестьян, последние догадались о его намерении и убежали в лес: арестовано было лишь 25 человек. Следующей ночью все крестьяне Линнамяэ со всем имуществом и скотом покинули свои дома и укрылись в соседних волостях.[23] О том, как в конце концов это волнение было подавлено, данных не сохранилось.

В Эстляндской губернии барщинники мызы Куйметса уже в 1795 году протестовали против слишком трудных уроков, которые им задавали во время пахоты. На следующий год их сопротивление настолько усилилось, что для его подавления были вызваны воинские части. Однако местным властям самим пришлось пойти на более точное определение уроков.

Если события в Куйметса носят еще в основном местный характер, то волнения, вспыхнувшие в 1797 году в северной Эстонии, являются уже прямым продолжением развернувшихся в этом году во всем государстве антифеодальных выступлений.

В Вируском уезде волнения возникли в имении Ярве, где крестьяне отказались отбывать непосильную барщину. Крестьяне не поддавались уговорам помещика и гакенрихтера. 19 августа в мызу прибыл советник губернского правления барон Розен в сопровождении двух

[22] Е. П. Трифильев, указ. соч., стр. 276—277.
[23] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 9627, л. 1 и 5.

местных помещиков. В распоряжении Розена было 30 солдат, с помощью которых крестьяне были приведены к повиновению. Предъявленные крестьянами жалобы были объявлены необоснованными.[24]

В мызе Таммику Харьюского уезда недовольство крестьян было вызвано прежде всего тем, что кубьяс часто и сильно избивал их и заставлял работать до поздней ночи. Кроме того, помещица стала требовать, чтобы жены батраков и бобылей работали на барщине не один день в неделю, как раньше, а чтобы во время сенокоса и уборки урожая работали по несколько дней в неделю. Барщинники договорились подать помещице жалобу на кубьяса и потребовать, чтобы рабочий день в имении длился лишь с шести часов утра до шести часов вечера и чтобы кубьяс не имел права ударять кого-либо из них более трех раз. 4 июля в мызе начались бурные переговоры между барщинниками и помещицей. Так как помещица не согласилась выполнить требования барщинников, то они прекратили работу на сенокосе и послали ходоков к губернатору в Таллин. После этого работа, правда, продолжалась, но, как записано в судебном протоколе, «при непрерывных спорах с кубьясом». 28 июля в Таммику прибыли «успокаивать» крестьян гакенрихтер Бреверн и пастор Аренс. Гакенрихтер приказал сопровождавшим его двум драгунам арестовать собравшихся на мызном дворе крестьян. Тогда «со всех сторон и из-за плетней, где они прятались, выскочило множество людей, — пишет гакенрихтер в своем рапорте, — они вырвали тех двух, которые были арестованы и, держась друг за друга цепью, не выпускали их из своего круга, так что те, которые подверглись нападению, были оттиснуты на другую сторону мызного двора». Теперь гакенрихтер и пастор сами подошли к крестьянам, и когда они опять стали их увещевать, вперед выступил крестьянин Сепаский Тоомас и сказал: «Вспомните о владельце имения Кивило, который был застрелен. Того, кто его убил, наказали, однако оставили в живых, нас же хотят умертвить». Остальные

[24] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. А 1, д. 51, л. 7—8.

крестьяне кричали, что хотят идти к царю, признают только губернское правление и утверждали, что советник правления Розен будто бы сказал им, что право на их стороне. В конце концов гакенрихтер и пастор были вынуждены уйти ни с чем.

Вскоре после этого в Таммику прибыл советник губернского правления Блюм с воинским отрядом, и крестьян заставили подчиниться помещичьей власти.[25]

При подавлении волнений в мызах Хяргла и Сааремыйза, расположенных по соседству с Таммику, выяснилось, что местные крестьяне через переводчика Таллинской управы благочиния Шварца послали в Петербург прошение. Узнав об этом, Эстляндское губернское правление затребовало Шварца из Петербурга, и после вынесения приговора он был подвергнут телесному наказанию и сослан на поселение в Иркутск.[26]

Барщинники трех деревень мызы Кехтна весной 1797 года отказались подчиняться домашней расправе. В середине июля дело дошло до открытого столкновения. Когда утром 15 июля мызные слуги повели одного из барщинников в мызу и стали по распоряжению и в присутствии помещика пороть его розгами, то на помощь пострадавшему поспешили другие барщинники, ворвавшиеся на мызный двор. Так как помещик угрожал им заряженным ружьем, то барщинники опять отступили с мызного двора. Но и помещик не осмелился продолжать порку барщинника. Позднее этот барщинник вместе с тремя другими ходил в Таллин жаловаться на несправедливое наказание, но, конечно, безуспешно.[27]

Скудные и не совсем ясные сведения сохранились о волнениях в мызе Кодасуу, где крестьяне тоже прекратили сопротивление лишь тогда, когда узнали, что поблизости находятся солдаты.[28]

В 1797 году волнения происходили и на острове Сааремаа. Около Юрьева дня этого года барщинники мызы

[25] ЦГИА ЭССР, ф. 861, оп. 1, д. 1734 и 1735.
[26] Там же, ф. 29, оп. А 1, д. 51, л. 25—30 и 41—49.
[27] Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1732.
[28] Там же, д. 1733.

Тийнузе прекратили выполнение лишь недавно назначенных помещиком дополнительных барщинных дней. Помещик Деллингсгаузен вызвал всех крестьян в мызу и потребовал, чтобы они исполняли барщину по его указанию. Когда крестьяне отказались выполнить это требование, он приказал мызному кубьясу выпороть одного из них, Нирринаского Павла. Так как остальные крестьяне не позволили кубьясу этого сделать, то помещик поехал в Курессааре и вернулся оттуда вместе с орднунгсрихтером.

Когда крестьян затем вызвали к орднунгсрихтеру, они в корчме и по дороге договорились «держаться всем вместе». Тех же, кто не захотел бы «принять участие в общем деле, решили сурово наказать». Некоторые крестьяне, отправляясь в имение, захватили с собой колья.

В имении орднунгсрихтер потребовал, чтобы Нирринаский Павел немедленно пришел к нему. Так как тот не явился и «орднунгсрихтер приказал солдатам привести его, они (т. е. крестьяне. — *Ю. К.*) выхватили из находящейся поблизости груды дров по полену, чтобы защищаться ими от вооруженных ружьями солдат». Между крестьянами и солдатами завязалась рукопашная схватка, в которой двое солдат было ранено. Вся эта история завершилась опять жестоким и кровавым наказанием крестьян у церкви Ансекюла.[29]

Крестьяне мызы Кыльяла (Сааремаа) были недовольны арендовавшим эту мызу бароном Нолькеном и просили ландрата Сакена, представлявшего интересы владельца имения, расследовать на месте их жалобы. Прежде чем ландрат успел явиться в мызу, там вспыхнули волнения. Поводом для них послужили удары палкой, которыми в один апрельский вечер управляющий имением Фромгольд наделил барщинников. Так как Фромгольд пожаловался помещику, что крестьяне «напали на него, пытаясь его убить», то 5 мая в имение был вызван орднунгсрихтер со своими адъюнктами и

[29] Там же, ф. 968, оп. 1, д. 1895, л. 3, 6, 13—14 и 19.

нотариусом. Хотя крестьяне и батраки и собрались у мызного амбара, но к орднунгсрихтеру они не явились.

По просьбе орднунгсрихтера, который определил поведение крестьян как «открытый бунт», на место были посланы солдаты. В ночь на 8 мая адъюнкт орднунгсрихтера Экеспарре с 50 солдатами прибыл в имение Кыльяла и в течение трех дней ловил здесь «зачинщиков бунта», в результате чего 10 крестьян были арестованы.[30]

Бóльшая часть крестьянских волнений 1796—1797 годов проходила в русских и белорусских губерниях, и там можно проследить, как волна крестьянских выступлений поднялась, достигла наивысшего уровня и затем стала спадать. В Эстляндской и Лифляндской губерниях, расположенных на окраине Русского государства и сравнительно мало захваченных волнениями, такой ясной картины не наблюдается. Крестьянские волнения происходили здесь в виде отдельных выступлений, которые властями поодиночке и подавлялись. Опасения лифляндского губернатора Рихтера, боявшегося, что волнения в мызе Ранну могут иметь «самые худые следствия... они заразят немедленно другие поместья, так что обратятся в совершенный бунт»,[31] на этот раз не подтвердились.

Волнения 1796—1797 годов были, как мы уже отмечали, предвестниками волнений, вспыхнувших с особой силой в 1802 году. Но в некотором смысле они явились и их началом, так как отдельные выступления наблюдались и после 1797 года и не прекращались до нового подъема классовой борьбы.

В октябре 1798 года крестьяне мыз Мынисте, Роосна и Рыуге подали в Лифляндскую ландратскую коллегию жалобу на своего помещика Кошкюла, который требовал с них «чрезмерную барщину». Вернувшись из Риги, четыре крестьянских ходока, по утверждению местного орднунгсрихтера, «взбудоражили» крестьян всех дере-

[30] ЦГИА ЭССР, ф. 968, оп. 1, д. 1896, л. 5, 11, 15—17 и 23.
[31] Е. П. Трифильев, указ. соч., стр. 276.

вень, через которые они проезжали. Занимавшийся по заданию ландратской коллегии расследованием жалобы крестьян гакенрихтер Шульман, сам местный помещик, нашел, конечно, что жалоба была безосновательной.[32]

В 1798 году крестьяне мызы Ваабина решили отомстить свирепому кубьясу и, вооружившись кольями, подстерегли его. Так как им не удалось поймать кубьяса, то в один из августовских дней в помещичью усадьбу явились 30 крестьян, которые заявили владельцу имения графу Игельштрему резкий протест против невыносимых барщинных повинностей и набросилось на кубьяса. Помещик сделал попытку арестовать нескольких «подстрекателей». Между крестьянами и мызными слугами завязалась рукопашная схватка. Крестьяне напали даже на самого графа и сбили с ног кубьяса. После этого барщинники разошлись по домам, и работа в имении приостановилась. Крестьяне не выходили на барщину в течение нескольких недель, и даже для ухода за помещичьим скотом пришлось использовать дворовых. Неспокойно было и в мызах Антсла и Кяргула.

В конце концов местный орднунгсрихтер решил прибегнуть к военной силе. Ваабинаские крестьяне, узнав о приходе солдат, отправили ходоков в соседние волости, призывая крестьян к «сопротивлению и восстанию». Когда орднунгсрихтер во главе военного отряда дошел до корчмы Кяргула, он встретил там большой отряд крестьян, вооруженных кольями и собиравшихся, очевидно, напасть на военный отряд и освободить арестованных гакенрихтером крестьян. По приказу гакенрихтера солдаты напали первыми и ружейными прикладами и штыками разогнали крестьян.[33]

В 1799 году выступили крестьяне помещика Пистолькорса, владельца мызы Кивиярве, до того неоднократно обращавшиеся в суды с жалобами на своего помещика. Во время сенокоса крестьяне договорились, что они все вместе окажут сопротивление помещику, если тот попы-

[32] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības..., стр. 116—117.
[33] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 314, л. 163—164.

тается кого-либо из них наказать. Когда однажды помещик собирался выпороть одного крестьянина, остальные не допустили этого. Они не послушались и тогда, когда им в субботу вечером было приказано начать молотьбу, и разошлись по домам. Во время сева озимых барщинники должны были явиться в имение с двумя лошадьми, но они не выполнили и это приказание.[34]

Терпение крестьян мызы Пёэравере лопнуло, когда владелица мызы графиня Магдалена Христина Делагарди стала бесцеремонно увеличивать повинности и сгонять с участков даже добросовестно исполняющие свои повинности крестьянские семьи. 28 июня 1800 года она сообщила в Ригу, что крестьяне больше ее не слушаются. Крестьяне мызы Халлингу, писала она дальше в своем письме, также собираются уже в отряды, чтобы заставить своего господина пойти на уступки. В посланном 2 июля письме графиня просила срочно выслать на место войска, ибо крестьяне трех деревень объединились и заявили ей, что вообще не признают ее более своей госпожой, так как они вскоре перейдут в ведение казны. Крестьяне больше не выходили и на барщину в имение. Когда управляющий приказывал им выполнить какую-либо работу, они грозили его убить.

Прибывшему в Пёэравере орднунгсрихтеру удалось подавить сопротивление без применения военной силы. Он велел вызвать к себе всех крестьян и указал им, что они ошибочно считают, будто после подачи в суд жалобы на помещика они не должны более исполнять барщину. Одного из батраков, которого он признал «главным зачинщиком», орднунгсрихтер приказал высечь на глазах у других крестьян. К 14 июля сопротивление крестьян, таким образом, было подавлено.[35] Однако, как будет показано в следующей главе, уже 13 июля выступление крестьян Пёэравере привело в движение неуклюжие и малоподвижные шестерни политической машины царизма.

[34] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības..., стр. 116.
[35] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 315, л. 122—123.

Глава четвертая

Аграрные реформы 1804 года в Лифляндии и Эстляндии

1. О влиянии французской буржуазной революции в Прибалтике. Развитие передовой общественной мысли и ее влияние на ход аграрной политики

В первые же дни французской революции 1789 года вести о ней доходили и до Российской империи. В книжных лавках Петербурга и Москвы на первых порах даже продавались французские революционные журналы.[1]

Лишь совсем недавно литературоведом М. Лепиком были обнаружены в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина 52 номера «Дёрптше Цейтунг» — «политической и ученой» газеты, издававшейся в Тарту в 1789 году. Содержание этой газеты не только свидетельствует о том, насколько хорошо в Прибалтике были осведомлены о событиях французской революции, но и позволяет в некоторой степени судить об умонастроениях тогдашнего прибалтийского бюргера, позволяет уяснить себе, как ему рисовали французскую революцию и как он сам к ней относился.

Номера «Дёрптше Цейтунг» сохранились начиная с 1 июля 1789 года, и уже во втором из имеющихся номеров, от 4 июля, сообщается: «В Париже между дворя-

[1] М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 47, 54—57.

нами и третьим сословием произошла большая распря из-за того, что депутаты третьего сословия присвоили себе новое название, объявив себя Национальным собранием; дворянство утверждает, что решение так называемого Национального собрания колеблет королевскую корону на голове монарха». Через несколько дней газета выражает удовольствие по поводу «благополучного воссоединения» трех сословий, но с тревогой отмечает, что «тем беспокойнее становится плебс...»

В номере от 15 июля газета говорит о намерении «плебса» захватить Бастилию, а уже 29 июля подробно сообщает о происшедших 14 июля народных волнениях и о взятии Бастилии восставшими. Пространно рассказав о том, как был убит народом комендант Бастилии, газета заканчивает свое описание словами: «Победа, порождающая ужас!»

С еще большей тревогой говорится в газете о крестьянских волнениях в провинциях. В связи с убийством богатого промышленника и помещика Фулона газета отмечает, что он был убит потому, что посоветовал голодающим крестьянам своих имений питаться соломой. Как раз за два года до этого, в 1787 году, в одном журнале, вышедшем в Таллине, была опубликована статья, где с иронией говорилось: по мнению помещиков, крестьянин — «это всего-навсего скотина, созданная для того, чтобы добывать овес, которым другая скотина питается».[2] А в 1789 году тартуская газета публиковала все новые и новые вести о том, как во Франции народ ответил на подобное к себе отношение. В заметке, касавшейся города Везуля (Франш-Конте), газета приводила сенсационное и, видимо, искаженное сообщение, гласившее, что народ «не только сжег и разгромил замки и уничтожил архивы», но совершил подкоп и заложил мину во дворе одного из замков, а затем взорвал на воздух все благородное общество, собравшееся для танцев как раз над этим подкопом. Вести из Франции весьма выразительно напоминали дворянству о том, что

[2] «Für Geist und Herz», Reval 1787, стр. 6.

их праздная, роскошная жизнь действительно стала своего рода пляской над пороховым погребом народного гнева, грозящим с минуты на минуту взорваться. С явным чувством облегчения газета сообщает об историческом ночном заседании Национального (Учредительного) собрания 4 августа, когда было провозглашено упразднение всех феодальных повинностей и зависимости. «Глиняному великану, все еще державшемуся на ногах, были нанесены сильные удары... А потом понадобилась всего минута для того, чтобы полностью уничтожить ненавистное рабство. После различных речей все дворянство порешило, что с беспорядками в провинциях необходимо покончить и что начиная с этой минуты оно, дворянство, не только будет платить все подати наравне со всеми гражданами, но что оно упраздняет на вечные времена все права, связанные с действительным или личным рабством и крепостной зависимостью, все сеньориальные ренты и ленные книги...» Анализируя более подробно решения Учредительного собрания, газета отмечает, что все привилегии, основанные на ленном праве, можно откупить, что каждый крестьянин имеет право путем выкупа освободиться от десятины и т. д. Толкование газетой решений Учредительного собрания очень ярко характеризует политические позиции остзейского бюргерства. Газета рада тому, что дворянство лишается привилегий, которыми оно пользовалось по сравнению с третьим сословием. Она очень довольна тем, что уничтожается феодальный гнет, постоянно вызывавший волнения среди крестьянства и тем самым ставивший под угрозу общественное спокойствие. Но вместе с тем принцип частной собственности никак не должен быть ущемлен — крестьяне обязаны выкупить свои феодальные повинности, как положено, а главное — нельзя допустить никаких насилий со стороны «плебса» ни в городе, ни в деревне.

Уже в 1792 году революционные события докатились

и до территории самих прибалтийских губерний. В столице Курляндского герцогства Елгаве восстали подмастерья-мельники, и на улицах маленького прибалтийского города зазвучали лозунги французской революции, хорошо известные восставшим. В 1794 году в Польше вспыхнуло восстание под водительством Тадеуша Костюшко, и войско, состоящее из литовских крестьян, вступило в Курляндию. По словам автора одной современной брошюры, оно «несло на своих знаменах лозунги свободы и равенства... Манифесты, возвещавшие об освобождении крестьян от всех повинностей перед помещиком, как бы шествовали во главе этого войска, их зачитывали в церквах...»[3] Конфедераты вначале провозгласили полную свободу передвижения для крестьян, а также, исходя из принципов опубликованного в лагере под Поланцем «универсала», — известное облегчение барщины; вскоре, правда, повстанческие власти снова ограничили свободу передвижения крестьян и укрепили положение помещиков, но из памяти крестьянства не изгладились первоначальные обещания реформ и свободы. Если помещики сами не шли на уступки, то крестьяне многих курляндских поместий оказывали сопротивление, бросали работу на господских полях, делили между собой хранившиеся в помещичьих закромах запасы зерна. Когда один из курляндских помещиков решился подвергнуть своего крестьянина порке, крестьяне пожаловались конфедератам, помещик был отвезен в Лиепаю и передан в руки властей, а его кнут сожжен палачом на рыночной площади. После того как крестьяне Курляндии начали присоединяться к повстанческому войску, курляндские помещики стали убегать в Лифляндию, под защиту царских войск, и просить у них помощи.[4]

[3] G. F. von Fircks. Die Letten in Kurland oder Vertheidigung meines Vaterlandes gegen die Angriffe von G. Merkel in dessen Letten. Kurlands Edlen gewidmet. Leipzig 1804. стр. 76.

[4] Die polnischen Conföderirten in Curland. Ein kleiner Beytrag zur Geschichte unseres Jahrzehends. Altone 1705, стр. 23—24, 26, 29 и 32.

После подавления польского восстания, русские войска оккупировали и герцогство Курляндское, до той поры номинально независимое. «Независимость» его рухнула, как карточный домик, отчасти и потому, что в огне классовой борьбы крестьянства это маленькое государство оказалось неспособным защитить классовые интересы помещиков.

Хотя после 1794 года театр революционных событий снова отодвинулся дальше, да и в самой Франции революция вскоре «вошла в более спокойное русло», — все происшедшее заставило о многом задуматься жителей прибалтийских губерний. Франц Меринг так характеризует влияние французской революции в Германии: «Тем красным петухом, которого французские крестьяне пускали под крышу в замках своих угнетателей, они основательно просветили юнкерские головы...»[5] То же самое можно сказать и в отношении остзейских баронов. Как пишет в своих воспоминаниях К. Т. Герман, работавший в те годы в Лифляндии домашним учителем, «урок, который волей-неволей пришлось вынести из событий французской революции, был еще значительнее и внушительнее. Даже человек ограниченный вынужден был задуматься над тем, к чему в конце концов приводит постоянная несправедливость; все чувствовали, что когда-нибудь придет и их черед».[6] И понятно, почему, например, в дневниковой записи помещика Тизенгаузена из Поркуни за 3 апреля 1798 года сквозят такой страх и озабоченность. В недавно полученной газете Тизенгаузен прочел, что французские войска выгнали папу из Рима и учредили там республику, что в Швейцарии введена новая, более демократическая конституция, а в Западной Германии ликвидированы курфюршества духовных князей. «Я вынужден переживать столь огромные, неожиданные перемены... Но в северной части

[5] F. Mehring. Historische Aufsätze zur preussisch-deutschen Geschichte. Berlin 1952, стр. 229.

[6] Fr. Bienemann. Altlivländische Erinnerungen. Reval 1911. стр. 44.

Европы еще царит покой и благоденствие. Все правители стремятся поправить свое финансовое положение, чтобы таким путем укрепить свою оборонительную мощь на случай, если французская революция распространится еще дальше».[7]

Когда немецкий писатель И. Г. Зейме летом 1805 года, путешествуя по Лифляндии, ехал в Пыльтсамаа, он нанял в качестве возницы некоего «образованного эстонца», который, «кроме своего родного языка, знал русский, немецкий и шведский и одно время жил в Париже...»[8] Через таких людей, как этот возница, как слуга из лифляндского имения Муяни — Готард Иогансон (о котором мы расскажем более подробно в связи с восстанием в Каугурах), могли доходить до крестьян не только вести о событиях французской революции, но и ее идеи. Еще в 1780 году К. Х. Шлегель во время своего морского путешествия в Таллин встретил на судне какого-то портного родом из Эстонии, который теперь возвращался в родные места. Этот портной «много читал Руссо и Вольтера» и в хорошую погоду «собирал вокруг себя других ремесленников и подробно разъяснял им, почему то или иное положение в церковном вероучении, которое им в прежние годы внушалось, не могло быть истинным...»[9]

Что крестьяне думали обо всем этом, какие выводы они делали из этих известий, — они, разумеется, помещикам и чиновникам не докладывали. Естественно, что в архивах сохранились по этому вопросу лишь крайне скудные данные. Вернее, такие данные имеются только в отношении 1807 года, а именно — о крестьянах из окрестностей Синди, причем эти сведения являются довольно уникальными в масштабе всей Российской империи. Судя по описи дел архива Государственного совета, такого рода сведения о настроениях крестьянства

[7] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, д. 780, л. 4.

[8] J. G. Seume. Mein Sommer 1805. [Б. м.] 1806, стр. 48—49.

[9] C. H. J. Schlegel. Reise über Ober- und Nieder-Sachsen und die Ostsee nach Ehstland im Jahre 178*. An einen Freund in Deutschland. Meinigen 1819, стр. 97—98.

по всей Российской империи за период с 1807 по 1811 в центральных архивах сохранились лишь по Пярнускому уезду в Эстонии и по Вологодскому уезду, причем в обоих случаях данные относятся к 1807 году.[10]

К концу 1806 года некоторые лифляндские помещики и пасторы стали опасаться, что французские войска, до тех пор довольно успешно действовавшие в Пруссии, могут вторгнуться и в Лифляндию. Однажды в воскресенье, в середине ноября, как об этом говорится в сохранившемся в фонде Пярнуского ландгерихта судебном деле,[11] супруга саардеского пастора призвала к себе крестьянина казенного имения Килинги — Вейкскюлаского Яака, пришедшего в церковь, и спросила его: не знает ли он среди крестьян кого-либо, кто сумел бы так заколдовать ружья французов, чтоб этим оружием больше нельзя было пользоваться. Но велико было изумление и испуг госпожи пасторши, когда Яак ответил, что он, мол, «никакого такого способа не знает, да его и нельзя применить против французов, так как народ ждет французов и надеется, что тогда его положение улучшится...» Мнение Яака вполне разделял и его батрак Юхан; на рождественских праздниках 1806 года и в первые дни 1807 года они рассуждали между собой о том, что сейчас самое подходящее время осуществить следующий план. Если им прикажут выступить против неприятеля, они «отправятся в имение и потребуют, чтобы барин непременно пошел вместе с ними. Если он добровольно не пойдет, они собьют замок на винном погребе, помещик обязательно выбежит спасать свое вино, а они тут-то и используют случай, чтобы убить своих господ».

Свои мысли и намерения Яак и Юхан не держали под спудом. 11 января 1807 года, возвращаясь из Пярну, куда они вместе с другими крестьянами ездили записываться в земское ополчение, Яак и Юхан завернули в

[10] Опись дел Архива Государственного совета, т. XVI. Комитет 1807 года об охранении общей безопасности.

[11] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2392.

корчму в Синди. Яак, хотя, наверное, и заметил, что в корчме находится один помещик, начал ходить по комнате из угла в угол и держать речь к сидевшим здесь четырем-пяти крестьянам из Синди, Таали, Таммисте и Рейу. Яак говорил о том, что сейчас самое время поубивать всех бар, что это, «возможно, очень легко удастся, так как время благоприятное. До сих пор у крестьян не было возможности собраться, а теперь сами баре, очутившись в беде, созывают их во множестве, чтобы с помощью мужиков защитить себя; мужики сейчас от самих господ получают все, что требуется для их уничтожения. А кто сможет справиться с крестьянами, когда их соберется много тысяч? Уж конечно, не эта горсточка господ, они уж давно все на счету и, как известно, их сейчас в деревне очень мало». Яак сказал, чтобы все спокойно вступали в народное ополчение: «Как только все соберутся вместе и смогут немного посоветоваться — они повернут в обратную сторону и поубивают не французов, а всех господ и затем получат из рук французов свободу». Помещик Брёмзен, со страхом слушавший все это, не решился ничего предпринять здесь, в корчме, где крестьяне с жаром поддерживали Яака; кроме того, уже и раньше «среди крестьян то тут, то там слышны были такие разговоры». Но, приехав домой, Брёмзен тотчас же сообщил обо всем властям, после чего Яак и Юхан были арестованы. После некоторого запирательства крестьяне признали большинство предъявленных им обвинений, но пытались оправдаться тем, что были пьяны. 13 февраля 1808 года Правительствующий Сенат постановил выслать Вейкскюлаского Яака на поселение в Сибирь. По дороге из Пярну в Ригу, между Рейу и Тахкуранна, Яаку удалось, однако, бежать вместе с женой.

Если учесть все сказанное выше, не приходится удивляться тому, что в конце 1806 года в Лифляндии и Эстляндии скептически отнеслись к идее создания и вооружения земского ополчения из эстонских крестьян. 27 декабря 1806 года ректор Тартуского университета Паррот обратился к правительству с запиской, в которой говорилось: «Народное ополчение из латышей и эстонцев —

сомнительное мероприятие. Крестьянин во всеуслышание заявляет, что он ждет Бонапарта как своего освободителя. Следовательно, надо было бы держать эти части земского ополчения под надзором регулярных войск... Труднее всего будет потом их расформировать; если они станут сопротивляться, что весьма вероятно, — что тогда делать без вооруженной силы? Если кое-где некоторые помещики захотят применить строгие меры — как тогда предотвратить кровопролитие? А уж если оно начнется, то распространится, как лесной пожар. Пламя восстания удастся погасить только после того, как половина помещиков будет убита и половина поместий разгромлена». [12]

В последнее время исследованием этого же периода в истории Германии занимался историк Германской Демократической Республики Х. Гейтцер, работы которого по праву заслужили высокую оценку.[13] В своей вышедшей в 1959 году книге [14] Гейтцер утверждает, что войны, которые вела Франция, именно в 1805—1806 годах потеряли характер революционных оборонительных войн и превратились в несправедливые захватнические войны. А поскольку во Франции пришла к власти крупная буржуазия — для своего времени, правда, прогрессивный, но все же эксплуататорский класс, — она предала демократические и антифеодальные идеи французской революции, как только они оказались в противоречии с ее интересами, связанными с эксплуатацией покоренных стран. Гейтцер в своей книге подробно рассматривает политику правительства марионеточного короля Жерома, поставленного у власти Наполеоном I, в так называемом Вестфальском королевстве. В этом королевстве был, правда, проведен ряд аграрных реформ, но характер

[12] Fr. Bienemann. Der Dorpater Professor Georg Friedrich Parrot und Kaiser Alexander I. Reval 1902, стр. 353.

[13] См. рецензию И. Штрейзанда («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, № 8, стр. 1863—1865).

[14] H. Heitzer. Insurrectionen zwischen Weser und Elbe-Volksbewegungen gegen die französische Fremdherrschaft in Königreich Westfalen (1806—1813). Berlin 1959.

этих реформ был таков, что, по мнению Гейтцера, здесь можно говорить о развитии капитализма в сельском хозяйстве по так называемому прусскому пути.

В некоторых отношениях положение крестьян в Вестфальском королевстве, являвшемся вассалом Франции, было сходно с положением эстонского крестьянства под властью остзейских баронов. Одной из наиболее тяжких для эстонского крестьянина мызных повинностей была дополнительная барщина на уборке помещичьего хлеба. Но и в Вестфальском королевстве тоже были изданы постановления, обязывавшие крестьян «помогать» помещикам во время уборки урожая. Если крестьяне протестовали против этого, то для подавления их выступлений посылались французские солдаты.

Мы не знаем, доходили ли до эстонских крестьян сведения о том, как жилось крестьянину в странах, оккупированных наполеоновскими войсками и ставших зависимыми от Франции. Во всяком случае, позже (см. стр. 316) некоторые крестьяне южной Эстонии кое-что узнали о положении прусских крестьян. Но нам точно известно, что летом 1812 года в прибалтийских губерниях по приказу Наполеона появились именно прусские войска, так как прусский король и дворянство надеялись на аннексию балтийских провинций. Если в свое время войска Тадеуша Костюшко вступили в Курляндию с революционными манифестами, то теперь командующий прусским корпусом генерал Граверт в своем извещении объявил крестьянам, что его солдаты пришли сюда не затем, чтобы свергнуть власть помещиков, а наоборот — чтобы упрочить ее. В то же лето 1812 года в южной Эстонии и на Сааремаа, превратившихся в непосредственный тыл фронта, был усилен полицейский надзор за крестьянами. В архиве сохранились донесения полицейских чиновников (орднунгсрихтеров) о настроениях крестьянства, представлявшиеся генерал-губернатору. Из этих донесений видно, что приближение иностранных войск не вызвало особенного оживления классовой борьбы и что крестьяне уже не связывали с французами никаких надежд

на освобождение.[15] За пять лет, прошедших с 1807 года, не осталось даже и следов того незначительного влияния, которое французская буржуазная революция оказывала на эстонское крестьянство непосредственно. Но влияние идей французской буржуазной революции продолжало сказываться в развитии передовой общественной мысли.

Конечно, прибалтийские губернии воспринимали идейные влияния не только с запада, но и с востока. Известно, однако, что смелое революционное выступление выдающегося представителя русской антикрепостнической философской мысли А. Н. Радищева было царским правительством жестоко подавлено в самом зародыше. Отпечатанные экземпляры книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» были конфискованы и уничтожены, и среди читателей она тайно распространялась только в рукописных списках. Несмотря на это, сведения о Радищеве и его книге проникли даже за границу[16]

Предположения латышских историков и литературоведов о том, что друг А. Н. Радищева Герман Даль «мог привезти список «Путешествия» в Ригу...» и что это произведение «было известно участникам «клуба пророков», среди которых был и Г. Меркель», остаются, к сожалению, и сейчас еще только предположениями. Но в то же время исследователи совершенно правильно указывают на то, что произведения «Радищева и Меркеля близки своим обличительным и освободительным пафосом» и что они оба боролись против крепостничества. «Общим для русского и латышского народа в 18-м веке было феодальное рабство . .,» пишет М. Николаев и указывает, что в конце XVIII века «с небывалой остротой встала задача освобождения русского и латышского народов от крепостного права. Горячее стремление во что бы ни стало решить эту задачу и вызвало к жизни

[15] ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, ч. II, д. 2836, 2873, 2874 и 2876.

[16] Georg Sacke. Radiščev und seine «Reise» in der westeuropäischen Literatur des 18. Jahrhunderts. «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Herausgegeben von Horst Jablonowski und Werner Philipp», I. Berlin 1954, стр. 47, 48 и 50.

книги Радищева и Меркеля. Оно и породило то общее, что в них отразилось».[17]

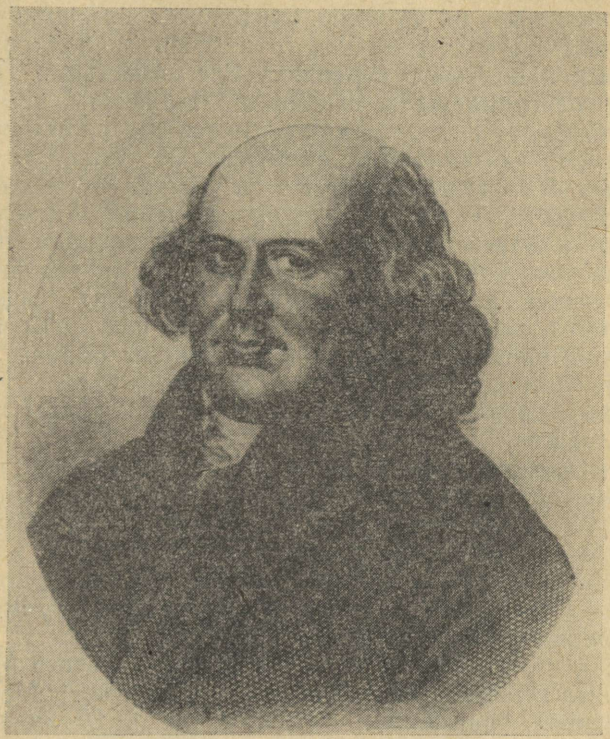
Если представитель русской передовой общественной мысли Радищев был в прибалтийских губерниях сравнительно мало известен, то имя Пугачева, вожака русских крестьян, поднявшихся против помещиков, здесь знали широко. Как во время крестьянских волнений 1784 года, так и в 1805 году — через тридцать с лишним лет после подавления этой русской крестьянской войны — перед глазами остзейских помещиков грозно вставал страшный для них образ «злодея» Пугачева.[18] Можно сказать, что на грани XVIII и XIX веков прибалтийские помещики чувствовали себя точно между двух огней. С одной стороны, их пугали воспоминания о крестьянской войне, развернувшейся под водительством Пугачева, а с другой — вести о французской революции.

Уже начиная со середины XVIII века крепостничество и в прибалтийских губерниях подвергалось критике. С критикой в адрес крепостнических порядков выступали Эйзен и Яннау; отдельные замечания, осуждающие крепостническую эксплуатацию, можно найти также в работах Хупеля и Фрибе. Но это были всего лишь кроткие увещевания: авторы статей и брошюр взывали к здравому смыслу самих помещиков, стараясь доказать, что для самих владельцев имений выгоднее улучшить положение крестьянства, ибо усердно, с известной заинтересованностью работающий крестьянин принесет своему господину больший доход.

На грани XVIII и XIX веков на историческую арену вышло новое поколение, выступления представителей которого в печати носили уже совершенно иной характер. В 1796 году молодой Гарлиб Меркель, работавший до этого домашним учителем в лифляндских мызах, опубликовал в Германии свое первое произведение «Ла-

[17] М. Николаев. К истории русско-латышских литературных связей. «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1960, № 2 (151), стр. 45 и 49.

[18] История Латвийской ССР, т. I. С древнейших времен до 1860 года. Рига, 1952, стр. 317. См. также настоящую монографию, стр. 265



Г. Г. Меркель. Современная гравюра.

тыши, особенно в Лифляндии, в конце философского века», завоевав себе этим всеобщую известность. Меркель писал: «Народ уже перестал быть рабски покорным, как дворовая собака ... Он — тигр, который в молчаливой ярости грызет свои цепи и страстно ждет минуты, когда он сможет разорвать их и смыть кровью свой позор. Бесчисленные признаки возвещают об этом, как подземный гул — о начинающемся землетрясении». Гарлиб Меркель уже не говорил помещикам, что для них

было бы выгоднее улучшить положение крестьян или даже отпустить их на волю. Он говорил помещикам, что если они этого не сделают, то разразятся волнения, о которых и подумать страшно. «Все поместья и города будут разгромлены и сожжены. Владельцы поместий должны будут смотреть, как глумятся над их семьями, а потом всех их замучат до смерти; даже лучшие из них в общей сумятице не избегнут этой участи. Все немцы будут убиты...»[19] Со страниц произведений Меркеля говорила с остзейскими помещиками сама современность, полная революционных потрясений; с ними говорил, по выражению самого Меркеля, «дух времени» (Geist des Zeitalters), голос которого «после того как события во Франции насильно пробудили все народы Европы от их древней спячки, зазвучал столь мощно, что даже у лифляндских дворян не хватило высокомерия, чтобы пренебречь им».[20]

В настоящем исследовании мы не ставим себе целью дать полный исторический обзор развития антикрепостнической общественной и философской мысли в Прибалтике. В данном случае воздействие этой мысли интересует нас как общественный фактор, как сила, которая наряду с классовой борьбой крестьянства штурмовала отживший феодально-крепостнический строй. И надо сказать, что размах этого наступления, начатого Меркелем, был в первое время очень велик. Примеру Меркеля последовал приехавший из Германии в Эстляндию в 1784 году и работавший здесь также домашним учителем Иоган Христоф Петри. В своих произведениях, опубликованных в 1800 и 1802 годах после того как Петри уже вернулся в Германию, он, быть может, не с таким пафосом, но так же резко и последовательно атаковал эстляндских помещиков и требовал создания человеческих условий существования для крестьян, освобождения

[19] G. Merkel. Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beytrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipzig 1797, стр. 226 и 231.

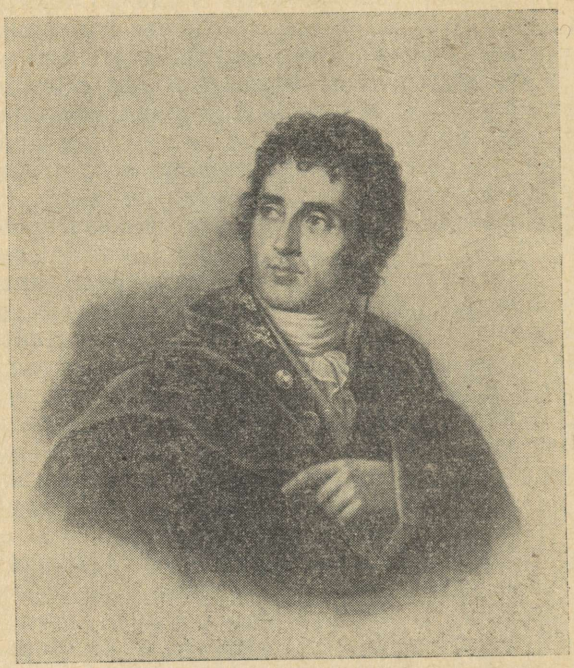
[20] G. Merkel. Die Letten... Zweite, verbesserte Auflage. Leipzig 1800, стр. 395.

их от крепостной зависимости. Гуманно настроенного Петри возмущало жестокое обращение помещиков с эстонскими крестьянами. Ни в малейшей степени не верил Петри в «либерализм» некоторых дворян. «Нет, никогда, никогда не следует ожидать от дворян восстановления гражданских прав..., — писал он. — Если правительство само, в конце концов не примет мер, чтобы положить предел этому ужасающему спектаклю, или же если кровавый кулак отчаяния сам не осуществит справедливость, то лифляндское (также и эстляндское) дворянство будет еще много веков лицемерно провозглашать человеколюбие и творить бесчеловечные деяния». Неограниченная власть дворянства в прибалтийских губерниях является, по мнению Петри, уже ничем не оправданным историческим анахронизмом. Говоря о восстаниях крестьян против помещиков, Петри делает вывод: «Все это ясно показывает, что [крестьяне] уже созрели для свободы и что длительная подготовка для этого не нужна».[21] Размах начатого Меркелем и Петри публицистического наступления был так широк, что оно увлекло с собой и тех людей, которые впоследствии удалились в тишь своих ученых кабинетов или даже изменили и перешли в лагерь реакции.

В 1802 году в эту борьбу включились некоторые ученые из только что основанного Тартуского университета. Ректор университета профессор Паррот уже 22 мая 1802 года в речи, произнесенной по случаю проезда Александра I через Тарту, призывал обратить внимание на тяжелое положение латышских и эстонских крестьян; в июле-августе этого же года он представил правительству записку,[22] в которой, судя по заголовку, должно было говориться об общественном значении основания университета, а в действительности больше шла речь о необходимости улучшить положение крестьян Лифлян-

[21] J. Chr. Petri. Ehstland und die Ehsten oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Ehstland. Gotha 1802. т. I, стр. 447 и т. II, стр. 142.

[22] A. Altements. Viens Vidzemes agrārās reformas ieorosinājums. «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1937, № 2, стр. 269—295.



Г. Ф. Паррот. Литография Кюгельгена-Смирнова.

дии. Паррот указывает, что следствием крепостнических порядков является физическое и духовное изнурение крестьянства. Повторяя в этом вопросе мысли Руссо, Паррот считает, что необходимо начать подготовку крестьян к свободе. Для этого надо прежде всего обеспечить крестьянину право собственности на его движимое имущество и запретить продажу людей. На землю, находящуюся в пользовании крестьянина, надо дать ему право владения. С предельной точностью надлежит определить повинности крестьянина по отношению к поместью, чтобы лишить помещиков всякой возможности самоуп-

рабства. Крестьянина надо взять под защиту закона и суда. Для разбора спорных вопросов между помещиками и крестьянами необходимо создать смешанные трибуналы, в которых имелось бы одинаковое число представителей со стороны как крестьян, так и помещиков. И наконец, следует значительно улучшить дело просвещения крестьян.

26 октября 1802 года Паррот, находившийся в то время в Петербурге по делам университета, снова обратился к царю, причем теперь его побудили к этому известия о восстании в Каугурах. По желанию царя, Паррот вместе с ландратом Ф. Сиверсом приступили к выработке предложений по крестьянскому вопросу. В исторической литературе до сих пор остается невыясненным, каким образом Паррот был в конечном счете отстранен от подготовки реформы. Известно только, что проект, выработанный Парротом в 1803 году и представленный царю, был отвергнут как слишком радикальный, и Александр I даже велел через Сиверса сообщить Парроту о своем недовольстве по этому поводу.[23] Но исследователи не отметили того, что Паррот в том же 1803 году очень внимательно следил за работой ландтага лифляндских помещиков. В фонде его рукописей в Государственном центральном архиве Латвийской ССР сохранились подробные заметки о ходе этого бурного ландтага, на чем мы более детально остановимся в связи с характеристикой аграрной реформы.[24] Как недовольство царя, так и работа ландтага, по-видимому, ясно показали Парроту, что ни со стороны правительства, ни со стороны помещиков нечего надеяться на выработку реформ, действительно отвечающих интересам крестьянства.

О пушечных залпах, прозвучавших в 1802 году во время подавления восстания в Каугурах, заговорили и на фронте публицистической борьбы. В 1803 году в Пе-

[23] Э. Э. Мартинсон. История основания Тартуского (б. Дерптско-Юрьевского) университета. Ленинград, 1954, стр. 49—50, 60—61, 76—77.

[24] ЦГА Латв. ССР, ф. 7350, оп. 1, д. 2, л. 268—346.

тербурге вышла брошюра лифляндского помещика барона В. фон Унгерн-Штернберга «Соответствует ли государственному строю России проектируемое некоторыми дворянами Лифляндии дарование свободы крестьянскому сословию?» Автора книжонки приводит в бешенство не только то, что крестьяне осмелились «бунтовать», но и то, что вследствие этих беспорядков даже некоторые помещики считают нужным вступить на путь реформ! Между тем всякие новшества, по мнению автора брошюры, могут привести только к кровавым катастрофам. С крестьянами надо разговаривать только языком пушек, картечью.

Этой вспышке реакционной ярости дал отпор выдающийся представитель русской передовой общественной мысли Андрей Кайсаров. В начале своей диссертации, написанной в Геттингене на латинском языке и вышедшей в 1806 году, Кайсаров указывает, что к написанию диссертации именно на эту тему ему дала толчок брошюра Унгерн-Штернберга.[25] В диссертации он подчеркивает, что крестьянин — наиболее полезный и достойный член общества, поскольку плодами его труда живет все остальное общество. Но крепостнический гнет не позволяет развиваться способностям крестьянина. В результате крепостных порядков умирает очень много детей, численность населения не растет, тормозится развитие фабрик и мануфактур. Кроме того, если жестокость тиранов доведет крестьян до крайности, они могут в конце концов сами себя освободить. Если у помещиков не отнять право самим наказывать крестьян, подчеркивает Кайсаров, то «народ, вот увидите, сам освободится от этих оков». Кайсаров энергично выступает за освобождение крестьян. В крестьянских законах, изданных для Эстляндии и Лифляндии в 1804 году, он видит разумную

[25] Литературно-публицистическая деятельность Кайсарова обстоятельно исследована Ю. М. Лотманом (Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. «Известия Тартуского государственного университета», 1958, вып. 63).

уступку, но все же — только начало подлинного разрешения крестьянского вопроса.

Хотя диссертация Кайсарова вышла за границей и была написана на далеком от современности латинском языке, она все же свидетельствует о том, что автор был хорошо знаком с крепостничеством и его гибельными последствиями. Достаточно хотя бы сопоставить вывод Кайсарова о том, что крепостная зависимость препятствует росту населения, с данными о смертности среди крестьянства, приведенными в настоящем исследовании. Выдвигая в своей диссертации требование — пойти дальше в области крестьянских реформ, — Кайсаров коснулся самого щекотливого вопроса аграрной политики остзейского дворянства. Царское правительство, недовольное волнениями 1805 года, стало на ту точку зрения, что изданием закона 1804 года нисколько не завершается разрешение крестьянского вопроса, по крайней мере в Эстляндии, и что в области реформ необходимо сделать дальнейшие шаги.

В 1805 году невольно оказался вовлеченным в публицистическую борьбу вокруг крестьянского вопроса уже пользовавшийся в то время широкой известностью немецкий драматург Аугуст Коцебу. Его, по-видимому, толкнули на этот «скользкий путь» либеральные фразы Александра I, которыми тот часто кокетничал. Так, например, он призывал всех своих подданных откровенно сообщать ему о различных недостатках, встречающихся в государстве (об этих словах царя Коцебу сам говорит в своей статье).

В 1803 году Меркель, уже первым своим произведением завоевавший широкую популярность и в Германии, начал издавать журнал «Эрнст унд Шерц». По настоянию Коцебу он объединил этот журнал с издававшимся Коцебу журналом «Дер Фреймютиге» («Свободомыслящий). В июле 1805 года Коцебу приехал в Эстляндию к своему тестю помещику Крузенштерну, владельцу расположенной недалеко от Таллина мызы, и провел здесь лето. 4 сентября он через Ригу снова выехал за границу, а уже в начале октября с одним торговым суд-

ном прибыли в Таллин номера журнала «Дер Фреймютиге» со статьей «Некоторые сомнения в связи с новым крестьянским законом в Эстляндии», написанной Коцебу.[26]

Коцебу, изучив изданные для Эстляндии в 1802 году крестьянские регулятивы и изданные в 1804 году для Эстляндии и Лифляндии крестьянские законы, пришел на основе их анализа и сравнения к ряду довольно остроумных выводов, которые изложил в виде 21 пункта. Он указал, что созданная в Эстляндии на основе крестьянского закона 1804 года судебная система носит узко сословный характер: крестьянин для защиты своих прав вынужден обращаться к своему же барину, а тот может каждую его жалобу объявить проявлением «непокорности» и под этим предлогом оставить без рассмотрения. Коцебу отмечает также, что данное помещикам право наказывать своих крестьян «домашним способом» (до 30 палочных ударов) помещики могут использовать с большой жестокостью. «Известны случаи, когда даже меньшее количество ударов, но нанесенных толстой палкой, приводило к кровавому кашлю со смертельным исходом». Коцебу опроверг утверждения помещиков о том, будто у крестьян, после выполнения мызных повинностей, остается еще достаточно времени для своих работ. Какая польза от этого времени и рабочей силы, спрашивает Коцебу, если они остаются у крестьянина в такую пору, когда он не может их использовать? Ведь дело обстоит так, что «на крестьянские поля светит то же самое солнце, что и на господские, а следовательно они должны быть возделаны в одно и то же время...» Весьма неприятным для помещиков, стоявших на страже «особого остзейского порядка», было замечание Коцебу о том, что только в прибалтийских губерниях судебные учреждения совершенно независимы

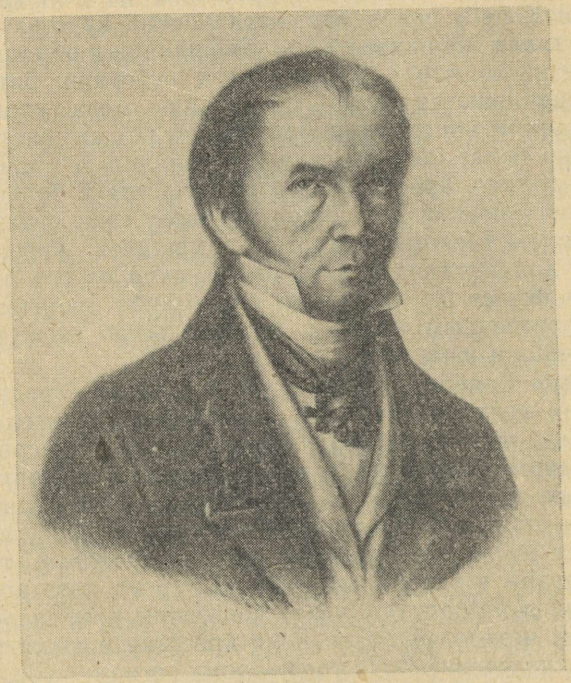
[26] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 142—143; A. Kotzebue. Einige Bedenklichkeiten über die neue Bauer-Verfassung in Ehstland. «Der Freimüthige, oder Ernst und Scherz», 1805, 16, 19, 22 и 23 июля [№ 141, 143, 145 и 146].

от правительственного контроля. В заключение своей статьи Коцебу сравнивает эстляндский крестьянский закон с таким же законом для Лифляндии и обращает внимание на то, что в Лифляндской губернии барщинные дни оцениваются выше, предельная мера «домашнего наказания» наполовину меньше, судебная система несколько более выгодна для крестьянина, а право помещика сгонять крестьянина с его участка в большей степени ограничено. Заканчивает Коцебу свою статью угрожающим намеком по адресу помещиков: крестьянский закон для Эстляндской губернии, судя по его содержанию и форме, не является каким-либо окончательным государственным актом и правительство может его в дальнейшем изменить.

Статья Коцебу произвела в Эстляндии среди власть имущих великое смятение. Губернатору Лангелю стало известно, что эти номера журнала «вызвали среди публики много разговоров и толков насчет тех вопросов, о которых там идет речь...» «Вольнодумные рассуждения, — писал губернатор в донесении министру внутренних дел от 10 октября 1805 года, — подобные тем, что напечатаны в указанных номерах, могут, хотя крестьяне сами их и не прочтут, через разговоры иных неосмотрительных читателей дойти и до крестьян и вызвать дурные последствия».[27] По тревожному сигналу губернатора, предводитель дворянства Эстляндии Розенталь тотчас же принял контрмеры. Ему удалось встретиться с Коцебу и после трехчасовой беседы добиться от него обещания отказаться от своих взглядов. В 1806 году Коцебу опубликовал в № 67 журнала «Дер Фреймютиге» разъяснение, в котором полностью взял обратно свои высказывания, опубликованные в предыдущей статье.[28] Этот свой

[27] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 142.

[28] Г. Меркель, с которым у Коцебу уже в октябре 1805 года возникли разногласия из-за того, что Меркель, по мнению своего соредактора, стремился сделать журнал «слишком политическим», к тому времени уже отказался от сотрудничества с Коцебу. (O. von Petersen. Merkel und Kotzebue. «Baltische Monatsschrift», 1928, стр. 325).



И. Ф. Г. Эверс. Литография Клюндера.

шаг Коцебу объяснял странными мотивами, вроде следующих: дескать, в его беседе с предводителем дворянства Розенталем, протекавшей «в гуманном духе», приведенные Розенталем аргументы оказались «справедливыми и удовлетворительными»; сравнивая лифляндский крестьянский закон с эстляндским, он, Коцебу, «в некоторых пунктах допустил ошибки»; и, наконец, он якобы, когда писал первую статью, недостаточно хорошо знал распоряжения правительства по крестьянскому вопросу.

Предательство Коцебу привело в негодование доселе

стоявшего в стороне от публицистической борьбы И. Ф. Г. Эверса, который в то время работал домашним учителем в имении Вяймела близ Тарту, а впоследствии стал профессором истории в Тартуском университете. После опубликования объяснений Коцебу Эверс поместил сперва в приложении к иенской газете «Аллгемейне Литератур-Цейтунг», которое называлось «Интеллигенцблатт» (№ 46 за 4 июня 1806 года), а затем выпустил отдельной брошюрой свою работу «Несколько вопросов к каждому, кто в состоянии на них ответить, а особенно — к господину коллежскому советнику фон Коцебу». Ядовито высмеивая Коцебу, Эверс опроверг все приведенные им для оправдания деятельности эстляндского дворянства аргументы. Непонятно, чего Коцебу вдруг испугался, пишет Эверс, «но этот страх, как видно, был очень велик...» «Угнетенный народ... надеялся в течение столетий — и напрасно; неужели же он вечно должен надеяться напрасно?» — спрашивает Эверс. «Двигаться вперед постепенно — это, конечно, весьма похвально, — иронически пишет Эверс, — но движению надо положить начало лучше, чем это сделало эстляндское рыцарство своим последним регулятивом. Они поставили себе столь отдаленную цель, что ее достигнут, может быть, только их внуки, если станут работать над этой задачей так же медленно, как их деды, страшная осторожность которых вызывает в нас жуткое чувство... «Намекая на восстание в Козе-Ууэмыйза 2 октября 1805 года, Эверс спрашивает: неужели действительно эстляндским помещикам всегда «нужны т а к и е свидетельства, чтобы убедиться в необходимости ступить еще один шаг дальше?»

Коцебу не смог, в сущности, ничем отразить эту атаку. В октябрьском номере журнала «Фама фюр Дейч-Руссланд» за 1806 год он лишь в плаксивом тоне заявил, что мог бы, разумеется, ответить своему анонимному критику, но не делает этого, мол, потому, что критик «нагрубил» как ему, так и эстляндскому дворянству. Эверс, однако, этим не ограничился и в декабре 1806 года опубликовал в Тарту опять-таки анонимную книжку, в названии которой снова иронически указывает

на Коцебу; в этой брошюре он при помощи точного математического анализа доказывает, насколько несовершенен и невыгоден для крестьянства Эстляндии изданный для него закон, по сравнению с законом, изданным для Лифляндии.[29] На эту книжку Эверса появилась в «Дёрптше Цейтунг» за 30 декабря 1806 года рецензия, в которой давалось понять, что для подготовки к «грядущему освобождению» крестьянам надо дать более значительные льготы, нежели до сих пор.

Эти работы также вызвали ярость среди реакционеров. В январе 1807 года названная выше брошюра Эверса и опубликованная в «Дёрптше Цейтунг» рецензия попали в руки сенатору Игнатию Тейлю, прибывшему в Прибалтику по делам создания земского ополчения. 9 февраля этот сенатор послал из Таллина письмо царю. В нем он выражает крайнее негодование по поводу того, что люди, называющие себя образованными, «используют свои знания для ведения гибельных разговоров о свободе и равенстве, которых ведь не могут иметь люди ни в каком обществе, ввиду состава самого общества, ибо тогда не существовало бы ни подчинения, ни какого бы то ни было общественного порядка, ни даже необходимости в законах». По мнению обозленного сенатора, эта книжечка подстрекает «не только к бунту против помещиков, но, осмеливаюсь утверждать, к недовольству вообще против высших властей».[30]

Когда тартуский полицмейстер Жильцов потребовал, чтобы ректор университета назвал фамилию автора книги, ректор, сославшись на автономию университета и данные университету права в области цензуры, ответил, что фамилия автора — в запечатанном конверте, находящемся у него, ректора, но что он вскроет этот конверт только с разрешения самого автора или по распоряжению своего высшего начальства. Местные власти

[29] Joh. Ph. G. Ewers. Vom Zustande der Bauern in Livland und Ehstland. Ein Wort zu seiner Zeit; auch dem Herrn Kollegien-Rath von Kotzebue zur Beherzigung empfohlen. Dorpat, December 1806.

[30] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 185, л. 14 и 24.

вынуждены были ограничиться тем, что конфисковали все экземпляры книги Эверса, какие нашлись в типографии и книжных лавках.[31]

Еще сто лет назад прибалтийско-немецкие историки начали понимать, что исторические заслуги Меркеля и его соратников не удастся замалчивать или попросту отрицать. Тогда остзейский историк Юлиус Эккардт выступил с такой аргументацией. Мысли Гарлиба Меркеля, утверждал Эккардт, весьма благородны, но не имеют никакой практической ценности. Несмотря на то, что Меркель еще в 1798 году написал специальную работу,[32] в которой критиковал выработанные лифляндским ландтагом для занесения в вакенбухи нормы повинностей и метод исчисления размеров крестьянских хозяйств в гаках (адрамаа), — Эккардт упрекает Меркеля в том, будто в его произведениях вообще не встречаются понятия «вакенбух» и «гак». И, наконец, по утверждению Эккардта, в работах Меркеля якобы кроются «зачатки роковых ошибок 1818 и 1819 годов». Иначе говоря, ответственность за своекорыстную и реакционную аграрную политику остзейского дворянства сваливают на Меркеля![33] Мысли Эккардта тотчас же подхватил Х. Дидерихс. Он опубликовал специальную статью о Меркеле и его предшественниках, в которой называет Меркеля теоретизирующим, проникнутым пошлым оптимизмом, абстрактным проповедником свободы.[34] Такой взгляд был усвоен и многими другими, в том числе и

[31] Там же, л. 5 и 11—12.

[32] Изданная сначала отдельной брошюрой, а позже — в виде приложения ко второму изданию книги «Латыши, особенно в Лифляндии...» критика решений ландтага 1797 года.

[33] [J. Eckardt]. Zur Livländischen Landtagsgeschichte. 2 — Die Anfänge der Agrarfrage. «Baltische Monatsschrift», 1869, стр. 455 и 463. Позднее он повторяет это в своем предисловии к книге Garlieb Merkel über Deutschland zur Schiller—Goethe-Zeit (1797 bis 1806). Berlin 1887 стр. 9—10.

[34] H. Diederichs. Garlieb Merkel als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. «Baltische Monatsschrift», 1870. стр. 68—72.

буржуазными историками, как, например, А. Швабе.[35] Кстати, именно Швабе подчеркивал, будто Меркель фактически был соратником такого дворянского политического деятеля, как Ф. Сиверс.[36] Правда, в своих работах и письмах Меркель кое-где намекает, что Сиверс борется за то же дело, что и он.[37] Но эти субъективные и во многом явно ошибочные суждения Меркеля не должны мешать историку видеть, что о б ъ е к т и в н о Меркель и Сиверс находились в противоположных, враждебных лагерях.

Неужели же борьба Меркеля и его единомышленников и вправду была лишь пустым жонглированием отвлеченными истинами, как пытались представить дело прибалтийско-немецкие дворянские историки?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, посмотрим прежде всего, как расценивали деятельность Петри, Меркеля и Эверса их современники — помещики, на себе самих испытавшие остроту их полемической шпаги.

Меркель и Петри перед лицом всей российской и даже всей европейской общественности предъявили остзейским помещикам тяжкие обвинения, которые те могли, конечно, встретить со злобой, но которых нельзя было игнорировать. «В результате усилий двух немецких литераторов, — уныло констатировал в 1804 году Х. Ф. Тибе, — Лифляндия и особенно лифляндское дворянство и духовенство, как я сам был тому свидетелем, стали в Германии ненавистными...»[38] Еще в 1797 году, по словам самого Меркеля, один лифляндский помещик,

[35] Karl Christoph von S t r i t z k y. Garlieb Merkel und «Die Letten am Ende des philosophischen Jahrhunderts». Riga 1939, стр. 35; Arveds Š v ā b e. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. Latvijas agrārā reforma. Rīgā 1930, стр. 128.

[36] A. Š v ā b e, указ. соч., стр. 129.

[37] G. M e r k e l. Supplement zu den Letten oder Erklärung über die im zehnten Stück des Intelligenz-Blatts der allgemeinen Litteratur-Zeitung erschienenen Anfrage des Herrn Ritter von Brasch nebst einer Urkunde. Weimar 1798, стр. 44.

[38] H. F. T i e b e. Lief- und Esthlands Ehrenrettung gegen Herrn Merkel und Petri. Halle 1804. (Предисловие.)

находясь в Лейпциге, говорил, что «лифляндское дворянство должно было бы собрать несколько тысяч талеров, чтобы сослать меня на галеры».[39]

27 мая 1802 года предводитель дворянства Эстляндии жаловался на ландтаге: «Все еще господствует всеобщее предвзятое мнение, будто с местным крестьянством обращаются слишком сурово, бесчеловечно, что ему не обеспечена собственность и этим обусловлены его бедствия и нищета».[40] Когда в 1803 году съехавшиеся на ландтаг лифляндские помещики собрались в рижской Мариинской церкви на торжественное богослужение, пастор Зоннтаг прочел молитву, в которой просил у бога защиты от нападок публицистов, подобных Меркелю.[41] Открывая ландтаг в 1805 году, лифляндский предводитель дворянства Самсон с грустью говорил о том, как лифляндские помещики, «ошельмованные перед всей Европой», вынуждены были бороться с нападками таких публицистов, как Меркель.[42] В том же году предводитель дворянства Эстляндии в своей речи на ландтаге выразил надежду, что «о рыцарскую доблесть помещиков разлетится в прах клевета, являющаяся плодом низкой зависти и еще более презренного эгоизма, клевета, которая не может скрыть свою судорожную дрожь даже под железными доспехами, надетыми якобы во имя борьбы за гуманность и человеческие права». В декабре того же года эстляндскому дворянству пришлось послать министру внутренних дел специальную объяснительную записку для опровержения статей Коцебу, опубликованных в этом же году на страницах «Фреймютиге».[43] А 5 марта 1810 года помещики Ярваского уезда жаловались на ландтаге, что дворянское сословие пре-

[39] G. Merkel. Supplement zu den Letten . . ., стр. 22.
[40] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А3, д AI 41, л. 31.
[41] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 21, л. 38—39.
[42] [J. Eckardt]. Zur livländischen Landtagsgeschichte. 3. — Die Bauerverordnung von 1804 und die Verfassungsfrage. «Baltische Monatsschrift», 1870, стр. 151.
[43] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 44, л. 9, 149—150, 288—289.

вратилось в мишень для «всяких писак», которые желают ему гибели.[44]

Весь этот злобный вой, поднятый помещиками, никак не говорит о том, что выступления Меркеля, Петри и их единомышленников были отвлеченными и не оказывали никакого действия.

Чтобы показать, насколько сильно влияли эти публицистические выступления на развитие аграрной политики в прибалтийских губерниях, достаточно будет, если мы, опережая ход событий, упомянем лишь о нескольких обстоятельствах.

На ландтаге 1795 года лифляндские помещики выработали, а на ландтаге 1797 года еще раз утвердили проект крестьянского закона, который предусматривал нормирование крестьянских повинностей лишь в части постоянной барщины, в то время как в отношении большинства видов дополнительной барщины помещику предоставлялась возможность действовать всецело по своему усмотрению. Меркель немедленно опубликовал этот проект вместе со своими критическими замечаниями, в которых указывал, что таким образом большая часть крестьянских барщинных повинностей остается ненормированной. И это был один из факторов, которые заставили лифляндских помещиков и царских чиновников искать путей для проведения и регулирования дополнительной барщины. На том, какую роль сыграли труды Эверса накануне 1811 года, когда эстляндское дворянство, скрепя сердце, наконец решилось пойти на отмену крепостничества, мы остановимся в следующих главах. Чрезвычайно характерна судьба одного из экземпляров книжки Эверса «О положении крестьян в Лифляндии и Эстляндии». В связи с жалобой сенатора Тейля, министр юстиции Лопухин представил царю один экземпляр книжки Эверса вместе с соответствующим докладом. Как сообщил об этом впоследствии сам министр юстиции, Александр I велел переслать доклад в комитет, созданный в Петербурге для руководства аграрной рефор-

[44] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 49, л. 72.

мой, «но присланную вместе с докладом книгу государь император соизволил оставить у себя».[45] Приказав своим чиновникам изъять брошюру Эверса из книжных лавок, царь тем не менее счел возможным сам ею воспользоваться, чтобы получить данные о положении крестьянства в прибалтийских губерниях. Позже царское правительство само признало, что выступления демократически настроенных публицистов оказали на него влияние. В одной из записок, составленной министерством внутренних дел в связи с подготовкой крестьянского закона 1816 года для Эстляндии, говорилось, что причины неожиданно печальных последствий крестьянского закона 1804 года были объяснены «во многих периодических изданиях, и составленные на их основе замечания представлены его императорскому величеству».[46]

Антикрепостническая общественная мысль была не только прогрессивной, но весьма и весьма значительной силой в общественной жизни прибалтийских губерний на рубеже XVIII и XIX веков. И то, что в этой борьбе прогрессивные публицисты не позволили себя впрячь в колесницу «положительной программы» (положительной для помещиков!), в чем обвиняют их историки вроде Эккардта, только делает им честь.

Признавая важность охарактеризованного выше публицистического наступления на крепостнические порядки и его довольно большой общественный резонанс в тот период, нужно вместе с тем подчеркнуть, что оно было, в свою очередь, порождено гораздо более значительными общественными силами. Из Франции доходили до прибалтийских губерний не только идеи Руссо и Вольтера, но и вести о действиях народных масс, поднявшихся на борьбу против феодального гнета. Меркель в своих предостережениях помещикам мог привести такой устрашающий для них пример, как крестьянские волнения 1784 года, связанные с введением подушной подати. Самым острым оружием в борьбе прогрессивных публи-

[45] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 185, л. 22.
[46] Там же, д. 187, л. 84.

цистов против феодальной системы была возможность угрожать дворянству мощными крестьянскими волнениями, а это оружие вложил в руки публицистов сам народ. Увещевания и предостережения Меркеля и Петри мало чего стоили бы в глазах помещиков и правительства, если бы латышские и эстонские крестьяне не показали в 1784 и 1797 годах, что они действительно готовы в любую минуту подняться против своих господ. Важно отметить и то, что выступления прибалтийских прогрессивных публицистов имели в своей основе не какие-либо, пусть благородные, но книжные, отвлеченные идеи и суждения, а были вызваны гнетущей крепостнической действительностью, окружавшей публицистов на каждом шагу. Очень образно рассказывает об этом Петри в своих «Письмах о Таллине». Изображая эстонских крестьян, прибывших в город с помещичьим обозом, Петри пишет: «Представьте себе бледные или до черноты загорелые изможденные лица, глядящие из-под нависших полей круглой шляпы; лица, на которых никогда не увидишь радостной улыбки... Представьте себе такого человека — как он после многодневной поездки бредет по жидкой грязи улиц или тащится в тележке высотой в два фута; в нее впряжена изголодавшаяся клячонка... Представьте себе таких людей, в таком виде, в такой веренице телег и спросите себя: можно ли остаться равнодушным, видя подобное зрелище? И можно ли в этом городе, где каждый раз, выходя из дому, встречаешь такие картины, — можно ли ощущать полноту радости жизни?... Но сострадание, возникающее при виде этих людей, должно у каждого немца обязательно смениться жгучим негодованием... когда он подумает о том, что эти несчастные — не какие-нибудь пришлые, что они были хозяевами этой земли, пока не явились из чужой страны их тираны и не похитили у них все их достояние, их свободу и человеческие права».[47] Еще более харак-

[47] [J. Chr. Petri]. Briefe über Reval nebst Nachrichten von Ehst- und Liefland. Ein Seitenstück zu Merkels Letten. Deutschland 1800, стр. 24—26.

терно событие, которое дало Меркелю толчок к написанию его «Латышей...» Однажды во время поездки он случайно услышал в корчме, как крестьянин из поместья Яунлайцене угрожающе заявлял, что всех бар надобно убить. «Эти страшные слова, — пишет Меркель, — побудили меня заняться исследованием положения латышей и стали таким образом первым стимулом этой моей работы».[48]

Угрожая дворянству крестьянскими восстаниями, Меркель и Петри сами все же не призывали крестьян к восстанию. Они возлагали свои надежды в основном на реформы, которые должна была провести центральная власть.

2. О причинах аграрных реформ 1804 года

Приведенные в первой и второй главах материалы говорят о том, как поступательное развитие производства привело к тому, что феодально-крепостнические отношения оказались уже слишком узкими для дальнейшего развития производительных сил. Самым животрепещущим вопросом на грани XVIII и XIX веков был крестьянский, т. е. вопрос о том, что предпринять в отношении крепостного крестьянина, как и каким путем преобразовать существующие производственные отношения. Представители передовой общественной мысли, с которыми мы познакомились в предыдущем параграфе, требовали кардинального решения этого вопроса — освобождения крестьян от крепостной зависимости. Но правящий класс помещиков и царское правительство, которые отнюдь не хотели этого, но все же вынуждены были признать необходимость некоторых перемен, предпочли путь частичных уступок и реформ.

Прежде чем перейти к изложению истории проведенных в Прибалтике на рубеже XVIII и XIX веков аграрных реформ, мы должны попытаться выяснить, в каком

[48] G. Merkel. Die Letten... 1797. стр. 226—227.

отношении друг к другу стояли все перечисленные выше факторы общественно-экономического развития, какую систему они собой представляли.

В конце XVIII и начале XIX века доходы остзейского помещика зависели уже в основном от того, сколько продукции его имение производило для рынка. Поэтому вполне понятно стремление помещиков увеличить объем продукции своих хозяйств. Но, как мы видели, помещики знали в основном лишь один способ достижения этой цели — повышение барщинных повинностей крестьян, применение еще более жестких принудительных мер. Я. Зутис показал, что на рубеже XVIII и XIX веков так называемая либеральная группировка лифляндских помещиков (которую возглавлял ландарт Фридрих фон Сиверс, возведенный прибалтийско-немецкими историками в ранг героя) ставила своей главной целью узаконить повышенные нормы барщины и в первую очередь непомерно вздутую дополнительную барщину.[49] Позже другие латышские историки — М. Степерманис и М. Аболинья своими исследованиями еще более доказательно обосновали это мнение. Во второй половине XVIII века помещикам удалось значительно увеличить число барщинных дней, требуемых от крестьян в порядке дополнительной барщины. Но, как об этом убедительно рассказывает в своей книге М. Степерманис,[50] эта победа помещиков еще не была полностью закреплена. Крестьяне беспрерывно, то в одной, то в другой мызе, протестовали против увеличения дополнительной барщины, жаловались, что она несправедлива и незаконна. Да и позиция помещичьих ландтагов в этом вопросе не была еще во второй половине XVIII века вполне определенной: несколько раз принимались решения о том, что за «излишне» требуемую с крестьян дополнительную барщину последние должны получать плату. Помещики

[49] J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadzimata sākumā (1804—1819). Rīgā 1954, стр. 20.

[50] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rīgā 1956.

взваливали на крестьянина все новые повинности, но новые, повышенные размеры барщины надо было еще закрепить в законодательном порядке.

Кроме того, в связи с быстрым развитием товарного помещичьего хозяйства возникли и другие проблемы экономического характера, требовавшие урегулирования законодательным путем. В 1796 году лифляндский ландтаг принял постановление, обязывающее безземельных бобылей также отрабатывать барщину в пользу поместья, а в 1798 году ландтаг постановил, что каждый бобыль обязан отбывать на мызе один барщинный день в неделю.[51] Один из руководящих членов либеральной группировки граф Л. А. Меллин в 1796 году представил ландтагу проект закона, касавшийся регулирования взаимоотношений между крестьянами-хозяевами и крестьянами-батраками. Выработанный Меллином проект свидетельствовал о том, что помещиков начали интересовать и такие вопросы: как добиться, чтобы батраки-барщинники, посылаемые крестьянским двором на мызу, были как можно более трудоспособны (получали от крестьянина-дворо держателя достаточно жалованья) и чтобы рабочая сила батраков как можно больше использовалась в поместье и как можно меньше — в крестьянском хозяйстве. Кое-кто из лифляндских помещиков в конце XVIII века пробовал для опыта более рационально разделить землю между крестьянами, так, чтобы количество работоспособных людей везде распределялось равномерно и чтобы не было таких случаев, когда в одном крестьянском дворе оказывалось, с точки зрения интересов мызы, слишком много рабочей силы, а в другом — слишком мало[52]. В процессе этих исканий некоторые помещики даже пришли к мысли — не будет ли выгодно применить русскую тягловую систему и в прибалтийских губерниях, т. е. превратить всех крестьян в мелких дворо держателей, которые отбывали бы барщинную повин-

[51] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rīgā 1953, стр. 104—105.

[52] Там же, стр. 113—114.

ность в поместье не с помощью батраков, а сами. И наконец, помещикам доставляли немало хлопот массовые побеги крестьян. И эти трудности помещики надеялись преодолеть путем урегулирования положения крестьянства.

Но из всех указанных вопросов главным был вопрос о размерах барщинных повинностей крестьян; развитие товарного хозяйства снова и снова выдвигало его со всей остротой. И в разрешении этого вопроса были заинтересованы, разумеется, не только помещики. Об этом убедительно говорят события, происшедшие в конце XVIII века в лифляндском поместье Ыйзу.

В 1790 году крайне обострился конфликт между помещиком Аугустом фон Сиверсом и его крестьянами.[53] Положение крестьян в этом имении стало из-за чрезмерно высоких барщинных повинностей очень тяжелым. Хуже всего было то, что помещик требовал людей в порядке дополнительной барщины одновременно на самые различные работы, совершенно не считаясь с тем, что в крестьянских хозяйствах иногда просто не было такого количества людей, какое он требовал.

В августе 1790 года йызуские крестьяне наконец потеряли терпение и не выслали барщинников на мызную толоку. 29 августа крестьян вызвали в имение, где их должны были наказать, но они не допустили этого. Позже, когда в деревню пришли слуги помещика, чтобы увести одного из крестьян в мызу для наказания, другие крестьяне пытались отбить его у слуг. Вечером того же дня несколько крестьян направились верхом к поместью, чтобы освободить своего товарища, но с полдороги все же повернули обратно.

По просьбе помещика и по распоряжению губернского правления 19 октября в Ыйзу прибыл нижний земский суд, который в течение пяти дней вел переговоры с крестьянами, пытаясь внушить им, что они обязаны выполнять все требования помещика.

[53] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 1052.

Однако 3 июня 1791 года представители крестьян из поместья Ыйзу явились в тартуский нижний земский суд с ходатайством о снижении мызных повинностей. Не успел еще суд приступить к новому рассмотрению вопроса, как положение еще более обострилось, потому что тем временем и помещик, со своей стороны, предпринял кое-какие шаги для «решения» крестьянских дел.

В сентябре 1791 года в Ыйзу оказался, как он себя назвал, бывший студент Московского университета Николай Торопогрицкий. Встретившись с ним, помещик Сиверс тотчас же воспользовался случаем и предложил ему купить одного из своих крестьян — Ренго-Микуского Маркуса, который во время вышеописанных событий выделялся «строптивостью» и жалобами на барина. Договор купли-продажи был заключен, «бывший студент» уплатил помещику 30 рублей серебром и 120 рублей ассигнациями и отправился в деревню за купленным имуществом. Но тут выяснилось одно досадное обстоятельство: у этого живого товара (Торопогрицкий купил Маркуса вместе с его женой) оказалось пятеро малолетних детей, из которых младшему было всего семь месяцев. Ребятишек быстро рассовали по соседним дворам, и Торопогрицкий отбыл со своей покупкой в Вильянди. Но когда старшие сыновья Маркуса узнали, что их отец продан, они созвали товарищей и вдесятером отправились его освобождать. Им удалось найти дом, где остановился Торопогрицкий, и после небольшой рукопашной схватки между одним из крестьян и «бывшим студентом» они увели Маркуса с собой и все вместе явились к тартускому уездному предводителю дворянства. Они объяснили ему, что Маркус был продан помещиком незаконно, только из мести, и просили отпустить Маркуса домой. Так же, как и во время представления первой жалобы, наибольшую активность проявили крестьяне Курвитсаский Хенн, Киммоский (или Риммоский) Юхан и Вингиваллаский Михкель.

В связи со всем этим нижний земский суд был вынужден снова 15 октября 1791 года выехать в Ыйзу. Хотя в этот раз помещик обещал пойти на некоторые незна-

чительные уступки, уже во время судебного следствия было ясно, что крестьяне и теперь остались недовольны решением суда. 18 июня 1792 года посланцы от крестьян Ыйзу явились в губернское правление в Риге и снова подали жалобу по поводу непосильных и никем точно не определенных барщинных повинностей. Когда в тартуский нижний земский суд поступило распоряжение еще раз расследовать дело по жалобе ыйзуских крестьян, судейские чины пришли просто в отчаяние. В своем ответном письме в губернское правление суд сообщил, что он уже несколько раз выезжал в Ыйзу и установил, что барщинные повинности крестьян в точности соответствуют нормам, которые предусмотрены регулятивом, составленным ыйзуским помещиком в 1784 году. Ведь губернское правление само всегда подчеркивало, что при разрешении подобных споров необходимо исходить из данных мызных регулятивов, заведенных по решению ландтага 1784 года. А теперь это же самое губернское правление приказывает снова расследовать дело о «слишком высоких» барщинных повинностях! «Поэтому суд покорнейше просит указания — насколько он может отклоняться от составленного в прошлый раз протокола и от вышеупомянутых регулятивов...»

Губернское правление не дало суду никаких четких директив, заменив их набором ханжеских наставительных фраз. Как говорится в его письме суду, оно, губернское правление, и раньше всегда ссылалось на решения ландтага от 1784 года, исходя при этом из того, что составленные на их основе регулятивы «не только отвечают хозяйственным возможностям крестьян, всеобщей справедливости и господствующим в стране традициям, но и самими крестьянами признаны таковыми...» А как определить, что соответствует хозяйственным возможностям крестьян и какова эта «всеобщая справедливость» — это предоставлялось решить и выяснить самому суду. Суд должен был точно установить размер всех тех барщинных повинностей, которые в регулятиве мызы Ыйзу от 1784 года были указаны слишком неопределенно, а «обременительные повинности» вовсе отменить. Вопрос о

размерах дополнительной барщины велено было решать, учитывая «господствующие в стране традиции».

К счастью для нижнего земского суда, к нему в этот раз на помощь поспешил сам помещик: он обещал точно размежевать землю своих крестьян, произвести ее оценку и в дальнейшем требовать выполнения мызных повинностей на основании этих данных. Но крестьяне не намерены были так долго ждать. В начале 1793 года они подали новую жалобу, и 15 марта 1793 года суду все же пришлось опять выехать в Ыйзу. Теперь суд поинтересовался тем, сколько же раз крестьяне ездили в Ригу жаловаться. Выяснилось, что Курвитсаский Хенн, Киммоский Юхан и Нахксепа-Тийдуский Март ездили в Ригу с ходатайствами четыре раза, еще один крестьянин — три раза, четверо крестьян — дважды и еще четверо — по одному разу. Ввиду того что крестьяне и на этот раз дали понять суду, что они недовольны его решением, «главным жалобщикам» было велено явиться в губернское правление в Риге. 22 июня 1793 года Курвитсаский Хенн во главе группы из двенадцати ыйзуских крестьян прибыл в Ригу. Девятерых из них выпороли палками и отправили домой, а Курвитсаский Хенн, Киммоский Юхан и Нахксепа-Тийдуский Март были на шесть месяцев сосланы на каторжные работы.

В начале следующего года в Ригу явились новые ходоки из Ыйзу. 17 января 1794 года четыре дворохозяина из этой волости добились приема у генерал-губернатора и стали жаловаться на непосильные мызные повинности, особенно дополнительную барщину. 13 февраля 1794 года нижний земский суд был вынужден снова расследовать дело на месте. Когда претензии крестьян были выслушаны, помещик объявил, что размежевание и оценка земель уже почти закончены, и попросил отложить решение вопроса до тех пор, когда все эти работы будут полностью доведены до конца. 15 июня суд продолжал в Ыйзу свою работу и вынес решение, обязывающее крестьян отныне выполнять мызные повинности на основании новых вакенбухов. Но спустя два года, 26 июня 1796 года, 14 выборных от ыйзуских крестьян

опять прибыли в Ригу в губернское правление с жалобой на помещика Аугуста фон Сиверса, который при обмере земли и выдаче новых вакенбухов «очень их обидел». 9 июня 1796 года земский суд выехал в столь ему знакомое поместье Ыйзу и, конечно, постановил, что у крестьян земли достаточно и что требуемые с крестьянских хозяйств мызные повинности вполне соразмерны с количеством и качеством их земли. Крестьян Кангруского Тооса и Китси-Отиского Юхана суд приговорил «за подстрекательство других» к году каторжных работ.

Таким образом, в результате постоянных жалоб крестьян и их многократного обращения в суд, помещик был в конце концов вынужден перемерить и оценить землю и на основе этих данных составить новые вакенбухи. Аугустом фон Сиверсом были проведены в поместье Ыйзу мероприятия, которые в начале следующего столетия осуществили лифляндские помещики в масштабе всей губернии в силу крестьянского закона 1804 года.

Чья же воля заставила ввести в поместье Ыйзу новые вакенбухи? Воля фон Сиверса или Курвитсаского Хенна и его соратников? Думается, что развернувшаяся в Ыйзу борьба служит яркой иллюстрацией того, как на рубеже XVIII и XIX веков недовольство латышских и эстонских крестьян существующим положением вещей вынудило помещиков против своей воли приступить к урегулированию мызных повинностей. Ведь если не понял этого Аугуст фон Сиверс, то помещики, подобные Фридриху фон Сиверсу, начали понимать: для всех помещиков крайне невыгодно и опасно, если вследствие жестокостей и произвола одного помещика из деревни в деревню поскачут доведенные до крайней грани озлобления крестьяне, если они станут проникать даже в города, чтобы освободить своих арестованных товарищей.

Такая же борьба, как в Ыйзу, шла в конце XVIII века по всей Лифляндии.

Самым нетерпимым считали крестьяне такое положение, когда в вопросах мызных повинностей и барщины не было определенного порядка, когда, как жаловались, например, крестьяне имения Кесквере, «они не знали

своих определенных барщинных дней и податей, а должны были отбывать барщину и платить поборы, как заблагорассудится помещику».[54] Латышский историк М. Аболинья приводит в своей статье[55] данные о судебных конфликтах между помещиками и крестьянами на рубеже XVIII и XIX веков по 12 поместьям, причем в восьми случаях помещики вынуждены были перемерить и оценить земли крестьянских хозяйств и выдать крестьянам новые вакенбухи. Иногда, правда, это делалось и до того, как крестьяне подавали жалобу. Но это говорит лишь о том, что в последнем случае помещики оказались более предусмотрительными и решили заблаговременно запастись новыми вакенбухами, чтобы представить их судебным властям, если крестьяне будут протестовать против увеличения повинностей. М. Аболинья отмечает, что обмер и оценка земель с целью повышения барщинных повинностей крестьян практиковалась лифляндскими помещиками в конце XVIII века весьма широко. На это мероприятие указывалось и в современной печати. «Ничто не может быть полезнее, чем тот принцип, что помещик должен состоять с крестьянином в строго определенных взаимоотношениях и что поэтому помещик ни в коем случае не должен иметь права поступать с крестьянином как ему вздумается, по своему неограниченному произволу; но необходимо найти правильное мерило ... — писал некий анонимный автор еще в 1782 году. — Землемерное размежевание и деление на участки пахотной земли и покосов, находящихся в пользовании крестьян, — единственный способ прийти к этому...»[56] Дальше автор статьи рекомендует использовать систему оценки земли, выработанную еще шведской администрацией в конце XVIII века. Прийти к по-

[54] ЦГИА ЭССР, ф. 863, оп. 1, д. 986, л. 17.

[55] M. Ābolіņa. Vidzemes zemnieku klaušas un nodevas 18. gs. beigās. Vēstures problemas, I. Rīgā 1957, стр. 5—93.

[56] Plan zu einer etwanigen Eintheilung der lief- und ehstländischen Bauerländer, und was in dieser Absicht zum Fundament könte gelegt werden. Der nordischen Miscellaneen 5-tes Stück. Riga 1782, стр. 238—239.

ниманию этих простых истин заставили лифляндских помещиков латышские и эстонские крестьяне, не желавшие мириться с самоуправством господ и произвольным увеличением барщинных тягот.

Как в Ыйзу, так и в других лифляндских имениях крестьяне встретили составленные с целью увеличения их повинностей вакенбухи гневным протестом. Жалобы лифляндских крестьян по поводу заведенных самими помещиками новых вакенбухов к концу XVIII века настолько участились и приобрели такую остроту, что губернское правление вынуждено было возбудить вопрос о том — не следует ли вообще запретить подобную, проводимую в частном порядке оценку земель и составление вакенбухов. Начиная с 1795 года вопрос о составлении вакенбухов стал предметом обсуждения и на лифляндских ландтагах. В связи с этим начали вырабатываться проекты проведения всеобщего обмера и оценки земель.[57]

Все это можно считать проявлением тенденции, которую отмечает К. Маркс в «Капитале», говоря, что «господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее положение как закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения».[58] Помещикам удалось значительно повысить крестьянские повинности, и они, естественно, были заинтересованы в том, чтобы придать возросшим нормам барщины силу закона. Но конечный результат этих устремлений господствующего класса вовсе не был предопределен заранее. Он зависел от того, сможет ли правящий класс держать под контролем весь ход событий и остановить этот процесс именно тогда, когда это ему будет выгодно, иными словами — закрепить в законодательном порядке существующее положение и высокие нормы барщины. Как мы увидим далее, события развивались иначе. Крестьянство продолжало борьбу, оно заставило с собой считаться;

[57] M. Ābolіņa, указ. соч., стр. 43.

[58] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 806.

общественно-экономическое развитие в прибалтийских губерниях не «законсервировалось» на уровне 1804 года.

В Эстонии вопрос урегулирования размера мызных повинностей обострился примерно в то же время, что и в Лифляндии. В связи с крестьянскими волнениями в мызе Хяргла, происшедшими в 1797 году, губернатор Эстляндии 2 сентября докладывал императору Павлу I, что поскольку крестьяне этого имения жаловались, что с них требуют «больше работы на барщине по сравнению с другими крестьянами губернии, то я, во избежание в дальнейшем подобных жалоб и недовольства, попросил ландрата господина Паткуля, знающего применяемый в губернии порядок обмера земли, чтобы он поговорил об этом с помещиком ... и если барщина у этих крестьян окажется действительно более обременительной, чем у других, — убедить его, чтобы он уравнял своих крестьян в отношении отбывания барщины с другими мызными крестьянами этой губернии».[59]

Таким образом, в результате развития товарного мызного хозяйства, с одной стороны, и упорного сопротивления крестьян увеличению барщинных повинностей — с другой, часть помещиков и государственных чиновников в конце XVIII века поняла, что взаимоотношения помещиков и крестьян необходимо в известной мере урегулировать. Возникла мысль узаконить повышенные барщинные повинности путем введения официальных вакенбухов; помещики надеялись таким способом соблюсти свои хозяйственные выгоды и лишить крестьян последней возможности протестовать против непомерных барщинных повинностей. Правда, царские власти и помещики зачастую избегали говорить о подлинных мотивах своих действий, предпочитая разглагольствовать о своем «человеколюбии» и «благородных целях». Но причинная связь между положением крестьянства, его классовой борьбой и аграрной политикой господствующего класса слишком очевидна, чтобы можно было верить подобным объяснениям. Для крестьянина были самыми невыноси-

[59] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 51, л. 24.

мыми два вида помещичьих притеснений. Во-первых — увеличение мызных повинностей и произвол в их истребовании. Во-вторых, произвол в отношении самой личности крестьянина. Порка и другие наказания, практиковавшиеся в имениях, как мы видели (см. стр. 105), часто вызывали протест со стороны крестьян, стремление отомстить угнетателям. Даже самое тяжкое бремя барщины и унизительные наказания не превратили крестьянина в тупое, лишенное человеческого достоинства животное, каким его считали помещики. Год за годом крестьяне давали понять помещикам и местным властям, что не потерпят самоуправства со стороны помещиков и их управляющих и могут ответить на «несправедливые» и «чрезмерные» наказания даже убийством своих истязателей. Протест против обоих этих видов притеснений ярко проявился и в волнениях 1797 года: крестьяне требовали уменьшения и точного определения барщинных повинностей и возмущались несправедливыми наказаниями. И когда господствующие классы в конце концов были вынуждены снова энергично взяться за разработку аграрной реформы, им пришлось в первую очередь сосредоточить внимание на двух вопросах: точное определение и нормирование размера мызных повинностей крестьян и более точное установление прав и власти помещика в отношении личности крестьянина.

На рубеже XVIII и XIX веков голод и эпидемии косили крестьян не только в прибалтийских губерниях. «Происходившие в то время неоднократные неурожаи и, как их следствие, голодовки населения, — пишет в одной из своих последних работ известный советский специалист по аграрной истории К. В. Сивков, — вызывали естественный повышенный интерес со стороны правительства и общества к вопросам сбора зерна в государстве, обеспечения им населения... Царское правительство, как известно, во второй половине XVIII века вело активную внешнюю политику. Войны с Турцией и Крымом и Швецией — все это требовало создания крупных сухопутных и военно-морских сил и, следовательно, их надежного продовольственного обеспечения... Прави-

тельство отдавало себе отчет в том, что всякая нехватка хлеба создает недовольство среди населения, с чем приходилось считаться, и пыталось выработать меры, которые должны были бы ослабить степень этого недовольства, предупредить перерастание его в открытые выступления, в восстания против помещиков и властей».[60]

Начиная с середины XVIII века царское правительство стало предпринимать кое-какие меры по обеспечению населения продовольствием также и в прибалтийских губерниях. Уже в 1763 году здесь было отдано распоряжение о создании в каждом поместье постоянного запаса зерна (5 тюндеров ржи на каждый гак).[61] В 1790-х годах вопросами снабжения крестьянства хлебом были вынуждены заниматься на своих ландтагах и лифляндские помещики. В 1792 году на лифляндском ландтаге был поставлен вопрос об организации так называемых крестьянских или сельских запасных магазинов. На ландтагах 1795 и 1798 годов также шла речь о необходимости создать склады зерна, куда крестьяне сами должны свозить хлеб.[62] Но все эти постановления помещиков оставались лишь на бумаге, пока в это дело не вмешалось снова царское правительство.

После воцарения Павла I вопрос о хлебозапасных магазинах был поднят снова, причем уже с самого начала было ясно, почему царские власти так им интересуются. 16 ноября 1796 года эстляндскому губернатору Лангелю было велено сообщить, в каких местах расположены резервные склады (сельские амбары), сколько и какого зерна в них находится. Как говорилось в соответствующем письме, эти сведения были необходимы для того, чтобы военно-провиантский департамент мог при помощи

[60] К. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», 1958 г. Таллин, 1959, стр. 25 и 31.

[61] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 100—101.

[62] J. Jenšs. Vidzemes zemnieku pārtikas jautājums 18. gs. un 19. gs. sākumā. «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938, № 3, стр. 382.

этих складов «при случающихся иногда внезапных перебросках войск из одной местности в другую удовлетворять свои нужды, заимствуя продовольственное зерно из сельских амбаров».[63] Указом от 24 ноября 1799 года предписывалось создать во всех губерниях сельские хлебозапасные магазины, в которых хранить такое количество зерна, которого хватило бы для продовольствия на два года.[64]

Так помещики с помощью царских властей стали перекладывать на плечи крестьян все трудности, связанные с борьбой против последствий недорода, против голода; до сих пор эти трудности приходилось частично нести и помещикам.

В дореволюционной исторической литературе зачастую дело изображалось так, будто проводимая Александром I внутренняя политика как день от ночи отличалась от политики его предшественника Павла I. Но что касается вопроса о хлебозапасных магазинах, то здесь ясно видно, что Александр I перенял от своего отца эту наболевшую и трудноразрешимую проблему, которую тот, в свою очередь, получил в наследство от матери, Екатерины II. В конце XVIII и начале XIX века царское правительство регулярно собирало сведения об урожае хлебов по всей империи, постоянно беспокоясь о том, как бы недостаток продовольствия не вызвал где-либо угрожающих волнений, и о том, чтобы хватило провианта для воинских частей, направляющихся на театры военных действий. Губернаторы были обязаны ежегодно уже в начале июля докладывать, какой урожай — плохой, средний или хороший — обещают посевы зерновых.[65]

Вполне понятно, что такое постоянное напряжение могло в конце концов надоесть царскому правительству и оно могло задуматься над вопросом: нельзя ли путем известного урегулирования положения крестьянства из-

[63] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, т. I, д. 4 А, л. 12.

[64] Там же, л. 50—52.

[65] Там же, ф. 291, оп. 1, д. 2545, л. 38.

бавиться наконец от вечной угрозы голода и обеспечить необходимое для ведения активной внешней политики устойчивое положение внутри страны и нужные запасы хлеба.

С этой задачей был тесно связан и другой вопрос. Чтобы предотвратить опасные для господствующего класса выступления крестьян, делались попытки направить проявления их протеста против помещичьего гнета в русло известной «законности». В первой половине XVIII века эстонские крестьяне практически имели очень ограниченные возможности подать куда-нибудь жалобу на помещика. Во второй половине столетия такое положение уже стало невозможным. Чтобы крестьянин сразу не схватился за дубину, надо было ему разрешить пойти в суд; здесь его оглушали потоком юридических словоизвержений и в конце концов «доказывали» ему «неосновательность» жалобы. В необходимости учредить специальные суды для рассмотрения крестьянских жалоб на помещиков убедилось к этому времени как местное дворянство, так и царское правительство; разногласия были лишь в том, быть ли этим судам целиком в руках дворянства или же им действовать при участии и под контролем государственных чиновников.

Как уже отмечалось, вторая половина XVIII века была периодом не только непрерывного повышения мызных повинностей крестьянства, но и беспрерывных судебных тяжб крестьян с помещиками по этому вопросу. Все чаще в эти споры оказывались втянутыми и местные государственные учреждения, в первую очередь губернские правления. Недовольные решением суда крестьяне шли жаловаться губернатору; если крестьяне отказывались выполнить постановление суда, губернатор для их «усмирения» посылал солдат. Генерал-губернаторы, губернаторы и их чиновники были при этом глубоко убеждены, что крестьянин должен послушно и рабски трудиться на своего господина. Но в их повседневной практике все чаще вставал вопрос: сколько же крестьянин должен работать на помещика? «Непокорные» крестьяне, стоя перед чиновниками в губернаторских канцеля-

риях или перед присланными в поместье воинскими отрядами, утверждали, что с них несправедливо требуют выполнения слишком тяжких повинностей, гораздо больших, чем в прежние времена. В повседневной практической жизни все острее возникала необходимость установить какое-то определенное единое, всеобщее и сопоставимое мерило, при помощи которого можно было бы решать, кого из крестьян выпороть за подачу необоснованной жалобы, а кого — за противозаконный способ подачи жалобы.

Историк А. В. Предтеченский, изучавший внутреннюю политику царизма в начале прошлого столетия, пришел к заключению, что в первые годы XIX века царское правительство занимало в крестьянском вопросе очень нерешительную, колеблющуюся позицию. С одной стороны, непрерывная борьба крестьян против помещиков убедительно показывала, что нужны какие-то реформы и уступки. С другой же стороны, правительство опасалось, как бы реформы не вызвали новых «беспорядков». Характеризуя выступления влиятельного царского сановника графа Строганова в ноябре 1803 года в Негласном комитете, созданном Александром I, Предтеченский пишет: «Строганов явно не может решить, что от чего зависит: волнения от реформ или реформы от волнений. В одном он совершенно уверен — в постоянной готовности крестьян поднять восстание. Это он знает твердо. Но что лучше сделать для предотвращения этой опасности, он решить не в состоянии».[66]

Эти колебания, сопровождавшиеся характерным для царизма в конце XVIII и начале XIX века заигрыванием с либерализмом, на которое указывал В. И. Ленин,[67] и явились причиной первоначальной сдержанности и нерешительности царского правительства в вопросе крестьянской реформы.

В начале 1802 года двое лифляндских дворян предста-

[66] А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, стр. 155.

[67] См. В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 5, стр. 30.

вили Н. Н. Новосильцеву проект закона, который должен был регулировать права помещика в отношении крестьян, и заявили, что хотели бы обсудить этот проект на лифляндском ландтаге. Они просили также, чтобы царь или правительство указали генерал-губернатору на возможность обсуждения подобного вопроса, иначе можно опасаться, что генерал-губернатор его вовсе запретит.

20 января 1802 года Новосильцев сообщил об этом другим членам Негласного комитета, и в тот день заседание комитета было целиком посвящено этому вопросу. Протокол заседания,[68] составленный графом Строгановым, дает убедительный ответ на вопрос — было ли у прибалтийских помещиков до середины 1802 года основание опасаться, что царское правительство будет толкать их на урегулирование крестьянского вопроса.

Новосильцев, внесший просьбу лифляндских помещиков на рассмотрение комитета, высказался в том духе, что разрешение им следует дать, поскольку подобные вопросы обсуждались на лифляндских ландтагах еще во время царствования Павла I. Он утверждал даже, что «рано или поздно... придется сделать первый шаг и всеобщее освобождение нельзя и начинать иначе. Помещики сами все это начали, и при том способе, каким это делается в одной губернии и который послужит примером для всей империи... возможен некоторый успех дела...» Князь Чарторижский поддержал мнение Новосильцева. Граф Кочубей заявил, что «это вопрос весьма деликатный и требует серьезного размышления». Он указал, что о царе и так уже говорят, будто он намерен освободить крестьян. Если в одной губернии этим вопросом начнут заниматься открыто, это будет очень опасно. Лучше постепенно завоевывать поддержку этой идеи. Граф Строганов категорически возражал: если уж заниматься этим вопросом, то не на ландтаге, т. е. не на та-

[68] Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи имп. Александра I, т. II, СПб., 1903, стр. 166—168.

ком совещании, в котором участвуют лица, лично заинтересованные в решении вопроса в угодном для них направлении, а в правительстве. Но вообще необходимо предотвратить публичное дискутирование вопроса. «Поскольку вопрос являлся деликатным и каждый защищал свою точку зрения, его величество решило, что необходимо посоветоваться с некоторыми лицами, в том числе с графом Воронцовым. Это было поручено Новосильцеву, а обсуждение данного вопроса — отложено». Такими словами заканчивает Строганов свой протокол. Но вторично вопрос в Негласном комитете вообще не разбирался. Дальнейшее обсуждение продолжалось уже в специальных комитетах и только после восстания в Каугурах.

Подведем краткие итоги. Роняя красивые фразы о «всеобщем освобождении», Новосильцев в то же время считал, что заниматься крестьянским вопросом следует постольку, поскольку им хотят заниматься сами помещики. Эту точку зрения разделял Чарторижский. Остальные члены Негласного комитета — Кочубей и Строганов — были решительно против всякого публичного обсуждения крестьянского вопроса, также и в Лифляндии, и полагали, что вообще его разрешение — дело далекого будущего.

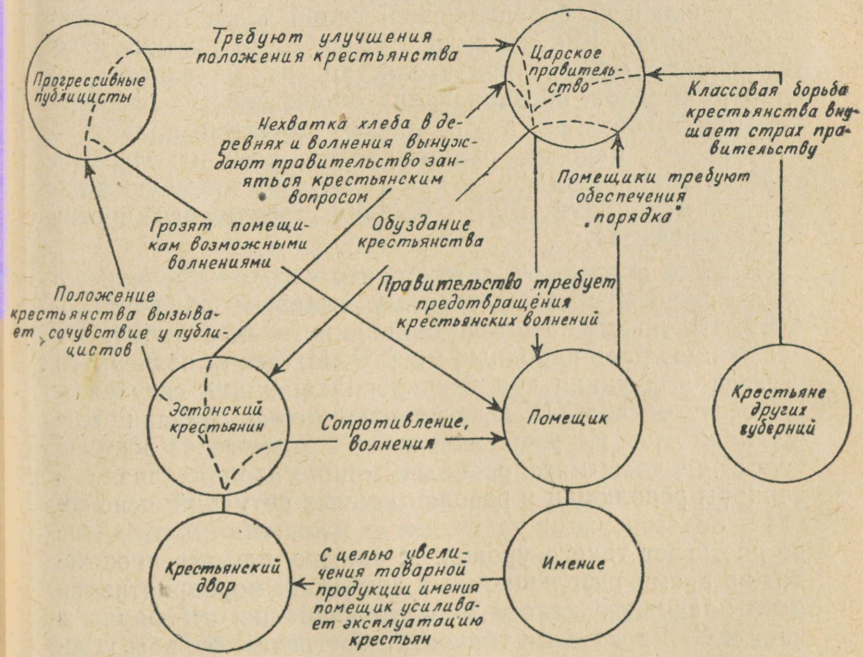
Царское правительство начало оказывать на помещиков давление лишь после восстания в Каугурах. Всякий раз, когда царские власти требуют от помещиков уступок в крестьянском вопросе, в конце концов выясняется, что подоплекой этих требований является страх перед классовой борьбой крестьянства. «Мы всегда учили и учим, — писал В. И. Ленин, — что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований».[69]

И то обстоятельство, что царское правительство стало впоследствии оказывать некоторое давление на дворян,

[69] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 9, стр. 333—334.

объясняется его большей заинтересованностью в быстром решении вопроса. Помещики были заинтересованы в повышении своих доходов, но с этим можно было особенно не спешить. А царское правительство подстегивали то и дело возникавшие перед ним проблемы внутренней и внешней политики. В любую минуту могли понадобиться (и действительно оказывались необходимыми) крупные мобильные армии, в достаточной мере снабженные провиантом и конным обозом. В любую минуту крестьянские волнения могли стать слишком опасными для внутреннего положения государства и для тыла армий, сражавшихся на западных границах.

На нижеследующей схеме мы попытаемся показать, в каком отношении стояли друг к другу и какое влияние



Схема, поясняющая причины аграрных реформ в Прибалтике.

оказывали друг на друга все охарактеризованные выше факторы общественно-экономического развития. Эта схема, как и всякая другая, отражает действительность весьма условно. Но в некоторых отношениях она все же достаточно поучительна. Она убедительно показывает, что первоосновой общественного развития является развитие производительных сил, выражающееся в данном случае в росте товарной продукции помещичьих имений. Ясно видно также, какую существенную, решающую роль играет классовая борьба крестьянства, как она влияет на развитие передовой общественной мысли и заставляет помещиков и царское правительство считаться с собой. И наконец, очень интересно проследить, какой зависимый, третьестепенный фактор представляет собой царское правительство, которое в свое время считало себя решающей, определяющей силой всего общественного развития. Как мы видим, на схеме от кружка, обозначающего царское правительство, не начинается ни одна из стрелок, обозначающих общественные стремления или требования, а это значит, что схема правильно изображает царское правительство как исполнителя воли класса помещиков и как силу, вынужденную в известной мере считаться с борьбой, ведущейся против крепостничества.

Из всего сказанного следует, что «верхи» убедились в невозможности жить по-старому главным образом потому, что «низы» не хотели больше жить по-старому. Эту решающую роль народных масс В. И. Ленин подчеркнул в своей дефиниции понятия «революционная ситуация». В России начала XIX века революционная ситуация еще не сложилась. Но решающая роль исторической деятельности народных масс, особенно мощно проявляющаяся в периоды революций и революционных ситуаций, ясно обнаруживается уже и тогда, когда классовая борьба еще не достигает такого уровня. И так же, как это происходит во время революционных ситуаций, мероприятия самого правящего класса в прибалтийских губерниях в начале XIX века дали толчок к обострению борьбы угнетенных масс. Опубликование крестьянских законов 1804

года как бы пробило в феодально-крепостнической системе трещину, «в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов».[70]

При исследовании вопросов, рассматриваемых в настоящей работе, автор неоднократно обращался к учению В. И. Ленина о революционной ситуации, в основном к той его части, которая говорит о революционных ситуациях, еще не приведших к революции. В. И. Ленин в своих трудах говорит о том, что революционная ситуация существовала в Германии в 1840-х и 1860-х годах, в России на рубеже 50-х и 60-х годов, в 1879—1880 годах и в начале XX века.[71] В одной из своих работ В. И. Ленин отмечает, что учение о революционной ситуации применимо «во все эпохи революций на Западе...»[72] Таким образом, ленинское учение о революционной ситуации охватывает широкий круг явлений, и В. И. Ленин сам использовал его при анализе событий, происходивших в различных странах и в разные исторические периоды.

В данном случае учение о революционной ситуации, рассматривающее период предельного напряжения классовой борьбы накануне революции, мы применяем при анализе исторических явлений, менее значительных по силе, масштабу и характеру. Такой метод использовался В. И. Лениным при оценке революционной ситуации, создавшейся в России в середине XIX века. Он подчеркивал, что хотя по сравнению с началом XX века революционная борьба в середине XIX века была гораздо слабее, для ее анализа можно обращаться к учению о революционной ситуации. «Правда, на наш современный взгляд, — писал В. И. Ленин в 1901 году, — кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что́ можно назвать революционным движением и революционным натиском».[73]

[70] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 26, стр. 218.

[71] Там же, т. 23, стр. 299—300 и 329; т. 26, стр. 219 и 238; Соч., т. 31, стр. 65.

[72] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 26, стр. 219.

[73] Там же, т. 5, стр. 28.

Проводя, таким образом, ясное различие между исторической обстановкой в Эстонии на рубеже XVIII и XIX веков и подлинной революционной ситуацией, мы все же можем отметить, что и тогда наблюдались некоторые явления, по существу, характерные для периода революционной ситуации.[74]

В .И. Ленин указывает, что для революционной ситуации в Германии 1840-х годов характерны настолько широко распространенные настроения протеста, что «все рвется к политике, все кипит оппозиционным возмущением против правительства»,[75] даже люди, как по своему социальному происхождению, так и по положению принадлежащие к господствующему классу. Во время революционной ситуации, отмечает В. И. Ленин, говоря о России в 1905 году, наблюдается и «брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни...»[76] Подобные явления мы замечаем и в прибалтийских губерниях на рубеже XVIII и XIX веков. Интеллигенты, которые до этого, да и впоследствии, держались в стороне от политической борьбы, начинают выступать если не против правительства, то по меньшей мере против господствующего класса, причем в этом наступлении при-

[74] Такой же методологический прием применил, например, историк Германской Демократической Республики Х. Гейтцер при анализе национально-освободительного движения в Германии в 1806—1813 годах. «Приведенные в заключении выводы основываются на характеристике признаков революционной ситуации, данной Лениным. Безусловно, против этого можно возразить, что национальное восстание (социальая сущность которого, к тому же, является спорной) нельзя отождествлять с революцией или революционной ситуацией. Это безусловно правильно. Но основная мысль Ленина, а именно, что к объективным условиям должен присоединиться и субъективный фактор, чтобы ниспровергнуть или пошатнуть старую власть, эта основная идея, по существу, — как учит соответствующий исторический опыт, — применима и к национально-освободительному восстанию» (H. Heitzer. Insurrectionen zwischen Weser und Elbe — Volksbewegungen gegen die französische Fremdherrschaft im Königreich Westfalen 1806—1813, Berlin 1959, стр. 157).

[75] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 24, стр. 266.

[76] Там же, т. 10, стр. 218.

нимают участие даже такие политические хамелеоны, как драматург Коцебу. Прибалтийская лютеранская церковь начинает искать «новые формы жизни»: генерал-суперинтендент Зоннтаг добивается, чтобы с церковных площадей были убраны столбы для телесных наказаний, уже ставшие позорным пережитком в глазах цивилизованного мира, и чтобы роль церкви в репрессиях против крестьян в дальнейшем ограничивалась лишь «словесным внушением».

Итак, мы пришли к выводу, что аграрные реформы, проведенные в Прибалтике в начале XIX века, были обусловлены следующими факторами.

В интересах развития товарного мызного хозяйства помещики усиливали барщинную эксплуатацию крестьян. Крестьяне не хотели с этим мириться и отвечали упорным сопротивлением, открытыми проявлениями протеста. Все это заставило прибалтийских баронов и царское правительство понять, что формы взаимоотношений между помещиками и крестьянами уже не отвечают требованиям времени и не могут больше обеспечить нужный господствующим классам «порядок». Помещики усиливали в отношении крестьян экономическое и внеэкономическое принуждение, и им было необходимо подкрепить эти меры принуждения авторитетом государства — превратить мызные вакенбухи в официально обязательные.

Аграрные реформы начала XIX века в Прибалтике явились результатом столкновения классовых интересов помещиков и крестьян. Но кроме решения задач, непосредственно связанных с этими проблемами, царскому правительству пришлось в то время искать действенные средства для борьбы с принимавшим подчас катастрофические размеры голодом, так как недостаток продовольствия ставил под угрозу и снабжение армии. Свое влияние на проведение реформ оказали и тревожные для господствующих классов вести о французской буржуазной революции, а также направленные против феодально-крепостнической системы выступления прогрессивных публицистов.

3. Подготовка и проведение аграрных реформ 1804 года

В конце XVII века шведское правительство провело в принадлежавших ему прибалтийских провинциях редукцию имений, т. е. объявило большую часть поместий собственностью государства, а помещиков перевело на положение арендаторов государственных мыз. В связи с этим в редуцированных поместьях был введен точный учет, при помощи которого шведские власти пытались установить, сколько земли и какого качества находится в пользовании у крестьян и сколько государственное имение может с этих земель получить барщины и прочих поборов. Эти меры, принятые прежде всего в интересах точного определения государственных доходов и их регулярного поступления, нельзя считать каким-либо признаком разложения феодализма или интенсивного развития элементов капитализма. Мероприятия, проведенные в конце XVII века в Прибалтике шведскими властями, принципиально отличаются от преобразований начала XIX века. Но в связи с этими мероприятиями были выработаны методы для определения соотношения между количеством и качеством находящейся в пользовании у крестьян земли и размером требуемых с этой земли феодальных повинностей. В соответствующих, так называемых ревизских вакенбухах отмечались условная оценка крестьянских хозяйств и размеры феодальных повинностей, которые эти хозяйства должны были нести.

Таким образом, в конце XVII века были установлены официальные нормы повинностей для крестьянских хозяйств разных категорий.

Как же сложилось в этом вопросе обстановка в XVIII веке после присоединения Эстонии к России? «Было бы явным преувеличением говорить, — пишет занимавшийся этим вопросом В. Файнштейн, — что нормы крестьянских повинностей вообще потеряли в первой четверти XVIII века всякое значение. Конкретный документаль-

ный материал опровергает измышления прибалтийско-немецких авторов (перекочевавшие затем в книги буржуазных и даже некоторых советских историков и до сих пор окончательно не развеянные), будто со времени присоединения Латвии и Эстонии к России прекратилось какое бы то ни было нормирование крестьянских повинностей... В тех случаях, когда спор крестьян с помещиками доходил до губернаторской канцелярии или суда, жалобщики и судьи обосновывали свои претензии, разъяснения и решения обычными нормами повинностей, существующими со старых времен».[77] В. Файнштейн показывает также в своей статье, что уже вскоре после окончания военных действий властями были выработаны нормы постоянной барщины с одного ревизского гака. Объем же дополнительной барщины вообще не регулировался.

Правда, контроля за соблюдением этих норм правительство не осуществляло. Но при каждой очередной ревизии они все же отмечались. Крестьяне в своих жалобах часто ссылались на эти данные. И только в 1748 году генерал-губернатор по требованию помещиков издал распоряжение, которым запрещалось принимать от крестьян жалобы на непосильную барщину, за исключением тех случаев, когда их заставляли работать по воскресеньям или в церковные праздники.[78]

Прибалтийско-немецкие дворянские историки, а вслед за ними и эстонские буржуазные историки были склонны считать, что лифляндские помещики, приступая к реформе 1804 года, просто вернулись назад к аграрно-политическим приемам конца XVII века. Но это не так. На деле помещики хотели избавиться и от последнего наследия этой политики. В ревизских вакенбухах, составленных на основании традиций конца XVII века, не было

[77] V. Fainštein. Olukorra normaliseerumine Eesti külas aastail 1710—1721. В кн.: Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiuurimusi. Toimetanud A. Vassar. Tallinn 1960, стр. 167.

[78] A. Gernet. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval 1901, стр. 41.

просто места для перечисления всех видов возросшей на протяжении XVIII века дополнительной барщины. На рубеже XVIII и XIX веков лифляндские помещики хотели сызнова перемерить все крестьянские земли для обоснования повинностей, отвечающих повышенным требованиям поместья.

В 1783 году царское правительство ввело и в Прибалтике установленное в других частях империи еще в 1775 году Учреждение о губерниях и в связи с этим довольно значительно ограничило автономные права местного дворянства в административной и судебной областях. Усилился контроль со стороны государственных чиновников и в судах, разбиравших споры между крестьянами и помещиками.

В 1795 году под руководством ландрата Ф. Сиверса была послана в Петербург делегация, которая, между прочим, израсходовала на взятки влиятельным сановникам свыше 30 000 рублей. В то время как в Петербурге делегация добивалась восстановления сословных судов и органов дворянской автономии, существовавших до введения так называемого наместнического правления, такие же требования были выдвинуты и в Риге на ландтаге 1795 года. Но на ландтаге все это преподносилось под вывеской «улучшения положения крестьян». «Протоколы и решения ландтага 1795 года ясно показывают, — писал в свое время изучавший эти документы латышский историк А. Альтемент, — что рыцарство совсем не намеревалось улучшить положение крестьян, а стремилось восстановить прежнюю, утраченную дворянством власть (здесь нужно, конечно, добавить, что утраченную только до некоторой степени и что это касается только судебной власти. — *Ю. К.*) над крестьянами». Ландтаг принял решение об учреждении особых уездных комиссий в составе трех представителей дворянства, коим впредь должно было подлежать ведение всех дел по жалобам крестьян. Конвенту было поручено выработать основные правила для точного определения крестьянских повинностей, «принимая во внимание

повышенные в настоящее время повинности и их оценку».[79]

Когда лифляндский ландтаг собрался снова в 1797 году, «опасность» вмешательства со стороны правительственных учреждений во взаимоотношения остзейских помещиков и крестьян значительно уменьшилась. Новый царь, Павел I, отменив большую часть так называемых наместнических реформ, восстановил прежние сословные органы остзейского рыцарства и судебные учреждения узкосословного характера. Но охарактеризованные нами в предыдущем параграфе причины, толкавшие дворянство на путь реформ, оставались в силе. Поэтому проект реформы, представленный либералами уже на ландтаге 1795 года, был с некоторыми изменениями утвержден и этим ландтагом.

В решении ландтага 1797 года ясно сказано, что, по мнению помещиков, оценка крестьянской земли не всегда находится в соответствии с барщиной, отбываемой крестьянами на основании регулятивов 1765 и 1784 годов; поэтому каждому помещику предоставляется право выработать новые, разумеется более высокие, нормы барщины. Делая вид, будто они требуют от крестьянина барщину только за находящуюся в его пользовании землю, помещики решили, что постоянная барщина должна определяться в соответствии с оценкой используемой крестьянином земли, причем и ту и другую надо оценивать по способу, применявшемуся при ревизии земель шведскими властями в конце XVII века. Однако в решении этого же ландтага были перечислены 16 видов дополнительной барщины (вывозка навоза, жатва, молотьба и т. д.), которые при исчислении барщины в расчет не принимались; следовательно, объем их также и в дальнейшем должен был определяться только по усмотрению помещика.

[79] A. Altements. Vidzemes zemnieku reformas jautājums 1795—97. g. «Latvijas vēstures institūta žurnāls». 1938, № 1, стр. 83; История Латвийской ССР, т. I, стр. 445.

Помещики хотели урегулировать и унифицировать размеры требуемой с крестьян барщины в части ординарных работ и в масштабе уездов. Вакенбухи, присланные из всех поместий, должны были быть просмотрены тремя избранными местным дворянством помещиками, в известной мере унифицированы и отправлены обратно каждому помещику для проверки и утверждения. После этого копии всех мызных вакенбухов надлежало передать в архив рыцарства, и в дальнейшем они должны были служить основанием при разрешении споров о размере повинностей, возникающих между помещиками и крестьянами. Для рассмотрения тяжб между самими крестьянами предполагалось создать особые крестьянские суды, причем роль «высшего судьи» сохранялась за помещиком. «Домашние наказания», применяемые помещиками к крестьянам, признавались вполне законными, но для них устанавливался максимальный предел: 30 палочных ударов или 10 пар розог, или 24 часа тюремного заключения. Расследование жалоб крестьян на помещиков было, как и раньше, оставлено в компетенции самих помещиков и поручалось той же самой комиссии из трех лиц, которая занималась унификацией размеров мызных повинностей.

Но решения ландтага 1797 года не пришлись по вкусу петербургским сенаторам из прибалтийских немцев (Ховен, Гейкинг, Ребиндер, Липгардт), которым эти решения были переданы для просмотра перед окончательной разработкой проекта закона. Эти сородичи остзейских баронов возражали против дерзкой попытки затронуть «священное право» помещиков Российской империи продавать своих крестьян и утверждали, что принятие заключающихся в постановлениях ландтага правил, по которым лифляндских крестьян можно было продавать только в пределах Лифляндской губернии, — означало бы нарушение принципа «свободной торговли». В то же время в Петербург начали поступать от лифляндских помещиков жалобы на деятельность Ф. Сиверса, который был обвинен в чрезмерной ретивости в крестьянском

вопросе, и он был даже временно удален от занимаемых им должностей.[80]

В то время как члены Сената сомневались в том, является ли вообще законной какая-либо деятельность по регулированию крестьянского вопроса, правительство вдруг проявило в этом самом вопросе неожиданную активность.

4 июля 1800 года прибалтийский гражданский генерал-губернатор Л. Нагель отдал приказ орднунгсрихтеру Брюммеру — с помощью военного отряда привести к повиновению крестьян поместья Пёэраверe в Пярнуском уезде и в то же время выяснить причины их недовольства. В тот же день генерал-губернатор послал об этом донесение царю и приложил к своему рапорту некоторые сведения о жалобах, поданных крестьянами во время их выступления против помещика.[81] Но, к величайшему удивлению генерал-губернатора, царь не ответил на это, как обычно, распоряжением подавить беспорядки с помощью военной силы, а прислал изданный в Петербурге 13 июля указ, в котором предписывалось оповестить всех лифляндских помещиков о следующем: «... Если они станут требовать от крестьян и возлагать на них больше, нежели предусмотрено в вакенбухах, их поместья будут отобраны в казну; если же выяснится, что не во всех частных поместьях имеются вакенбухи, поручить коллегии ландратов как можно скорее дать им регулятивы, учитывая уже имеющиеся, но избегая, разумеется, чрезмерного отягощения крестьян работами и податями».[82]

После этого генерал-губернатор Нагель вызвал к себе ландратов Меллина и Будденброка, сообщил им о царском распоряжении и потребовал, чтобы ему представили списки тех поместий, где уже имеются утвержденные вакенбухи, и тех, где их еще нет. Граф Меллин от имени всех помещиков поблагодарил царя за его требо-

[80] ЦГИАЛ, ф. 1347, оп. 64 (1), д. 410, л. 3—4, 11, 43 и 321.

[81] J. Zutis. Latvija klaušu ..., стр. 121—122.

[82] Ю. Самарин. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Окраины России. Серия I, вып. VI. Berlin 1876, стр. 29.

вание, чтобы они «точно придерживались определенных хозяйственных правил в интересах обеспечения постоянного спокойствия...» В то же время Меллин доносил, что хотя во многих поместьях имеются регулятивы, составленные на основе решений ландтага 1765 года и определяющие крестьянские повинности, но эти регулятивы нуждаются в «окончательном исправлении». Однако вместо требуемых от них предложений по составлению общеобязательных вакенбухов, ландраты в конце концов представили Нагелю только решения ландтага 1797 года вместе с несущественными поправками, внесенными в них на ландтаге 1798 года. 18 сентября генерал-губернатор переслал эти материалы царю и, желая как можно точнее выполнить распоряжение правительства, со своей стороны добавил проект вакенбуха. Как отмечает Нагель в сопроводительном письме, этот проект составлен им по образцу вакенбухов, используемых в казенных имениях .В отличие от решений ландтага 1797 года, разработанный Нагелем проект вакенбуха основан на принципе, согласно которому, кроме постоянной барщины, должна быть точно определена и соответствовать оценке земли, находящейся в пользовании у крестьянина, также и дополнительная барщина. Нагель предлагал с крестьянского двора, земля которого оценивается в 90 талеров, требовать постоянной барщины на 40 талеров и натуральных повинностей на 20 талеров. «Остальные, так называемые экстраординарные работы и дополнительная барщина, как молотьба, сев, уборка хлеба и сена, вывозка навоза, перевозка продуктов, порядковые дни и прочие могущие встретиться работы и повинности, какое бы название они не носили, должны оцениваться по той же самой шведской системе измерения, стоимость их не должна превышать 30 талеров и они, следовательно, должны быть точно определены в вакенбухах». Прослойку бобылей Нагель предлагал вовсе ликвидировать — превратить их в батраков крестьянских хозяйств или же наделить клочком земли, за который они должны

исполнять барщину.[83] В остальном предложения генерал-губернатора совпадают с решениями ландтага 1797 года.

Здесь уместно напомнить, что в действительности Нагель не был первым, кто обратил внимание правительства на необходимость точно нормировать также и дополнительную барщину и привести ее в соответствие со стоимостью земли, находящейся в пользовании у крестьянина. Еще в 1798 году Г. Меркель выдвинул это требование в своей книжке «Дополнение к «Латышам»...»

Указом от 26 сентября 1800 года царь обязал Сенат рассмотреть все представленные генерал-губернатором Нагелем проекты. Сенат и рассматривал их в течение трех лет. В 1801 году на престол взошел Александр I. В 1802 году вспыхнуло крестьянское восстание в Каугурах, а в 1803 году был учрежден особый комитет по подготовке крестьянских реформ, которому 11 мая того же года были переданы все материалы, имевшиеся в Сенате по этому вопросу.

9 октября 1802 года в Каугурах снова, как и в 1784 году, прозвучало гневное требование крестьян: не хотим быть собственностью помещика, хотим быть только царскими подданными. Вожак восставших, барщинник Вители Янис, крикнул крестьянам, собравшимся в Каугурах, что они «теперь вольные люди и принадлежат его царскому величеству».[84] Тревожные вести о восстании в Каугурах дошли и до Петербурга. Ректор Тартуского университета Г. Ф. Паррот, только-что приехавший в Петербург по делам университета, узнал о восстании вечером 15 октября, находясь в гостях у художника Кюгельгена. Здесь рассказывали, что дело приняло опасный оборот, выступили четыре тысячи вооруженных крестьян и что в первой битве их было убито 28 человек. Паррот решил воспользоваться случаем и попытаться убедить царя в необходимости принятия самых срочных мер для

[83] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 1, л. 15—16, 21, 25 и 35.

[84] Там же, д. 2, л. 2.

улучшения положения крестьян. Составив докладную записку о восстании в Каугурах, Паррот утром 16 октября посетил доверенных лиц императора Чарторижского и Новосильцева, и заверил их, что лучший способ избежать крестьянских волнений в дальнейшем — это провести необходимые реформы. Скоро Паррот был принят и самим царем. «Начнем с дела, которое требует самого быстрого решения и является самым важным . . .», — сказал царь Парроту и попросил его высказать свое мнение о крестьянском вопросе в Лифляндии. «Положение изменится к лучшему, но все это требует большой осмотрительности, — жаловался царь Парроту. — Я сталкиваюсь при этом со многими трудностями».[85]

К этому времени глава «либеральной» группировки лифляндских помещиков Ф. Сиверс пришел к заключению, что пора в урегулировании крестьянского вопроса перейти на позиции правительства. Он еще в августе информировал об этом царя в посланном ему письме.[86] Сиверс был согласен с тем, что при регулировании размера крестьянских повинностей необходимо точно определить и привести в соответствие с оценкой земли, находящейся в пользовании у крестьянина, и дополнительную барщину. Но этому принципу Сиверс в значительной мере придал новое содержание. Еще в решении ландтага 1797 года было предусмотрено, что оценка как земли, так и барщинных и натуральных повинностей должна производиться по таксационному методу, применявшемуся шведским правительством во время ревизии 1686 года. Тогда при так называемой талерной оценке крестьянского гака принимались в расчет самые различные обстоятельства: качество почвы, удаленность крестьянской усадьбы от города, обеспеченность сенокосными и прочими угодьями и т. п. Теперь же Ф. Сиверс утверждал, будто во время шведской ревизии крестьянские по-

[85] Fr. Bienemann. Der Dorpater Professor Georg Friedrich Parrot und Kaiser Alexander I. Reval 1902, стр. 147—149 и 151.

[86] A. Tobien. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. I. Berlin 1899, стр. 158.

косы вообще в расчет не принимались. В настоящее же время следовало учесть дополнительную барщину и принять в расчет также сенокос и огородную землю — компенсировать дополнительную барщину сенокосными и огородными угодьями. Сиверс предлагал исходить из того расчета, что на каждый гак, включающий пашню, оцененную в 60 талеров, приходится на 20 талеров сенокосных угодий и что соответственно этому теперь следует с каждого крестьянского гака требовать барщины и податей не на 60 талеров, как в конце XVII века, а на 80. Таким приемом Ф. Сиверс надеялся облегчить легализацию возросших по сравнению с концом XVII века крестьянских повинностей. Сиверс обещал царю, что местное дворянство отступит от решения 1797 года и определит дополнительную барщину также в соответствии с оценкой земли.

Характерно, что царское правительство не поспешило воспользоваться создавшейся обстановкой; оно вспомнило о письме Сиверса лишь после того, как латышские крестьяне своими антифеодальными выступлениями еще раз напомнили о необходимости немедленных изменений в аграрных отношениях. В октябре 1802 года, в связи с вспыхнувшими в Лифляндии крестьянскими волнениями и восстанием в Каугурах, губернатор Рихтер доложил 29 ноября 1802 года министру внутренних дел Кочубею, что между крестьянами распространяются «понятия о вольности, о существующем только в воображении равенстве и принадлежащих человеку по его существу правах...» и что «самая малая безделица может родить вдруг воспаление с убийством и зажигательством соединенное». По мнению Рихтера, причиной частых разногласий и даже волнений является большая неразбериха в нормах повинностей и отсутствие точных норм дополнительной барщины. Рихтер считал нужным, чтобы «сии работы для каждой мызы единожды на всегда с точностью постановлены были ...», подчеркивая при этом трудности этого мероприятия, указывал на необходимость проведения его комиссией из представителей мест-

ного дворянства.[87] Напуганное волнениями 1802 года, правительство вначале и не думало брать контроль над проведением аграрной реформы непосредственно в свои руки. В ответном письме Ф. Сиверсу от 24 декабря 1802 года Александр I, выразив пожелание, чтобы созываемый в следующем году ландтаг выработал новые постановления по крестьянскому вопросу, заявил, что полагается «на человеколюбивое усердие всего рыцарства...»[88]

Собравшиеся 17 февраля 1803 года на ландтаг (описания которого даны как Тобином, Самариным, так и Зутисом) лифляндские помещики действительно проявили усердие, но в прямо противоположном направлении. Они выступили с нападками на Сиверса и протестами против предполагаемой реформы. В решении ландтага 1797 года (в составлении которого Сиверс принимал столь активное участие, что это решение стали называть «регулятивом Сиверса») говорилось, что в соответствии с оценкой земли должна устанавливаться только постоянная барщина. От прежних своих позиций Ф. Сиверс как бы перекинул мост к новым с помощью замысловатого маневра. Во втором пункте утвержденного царем 30 января 1803 года предварительного проекта (так называемых 12 пунктов), составленного Сиверсом, говорилось: «Нужно принять в расчет и не учтенные шведским таксационным методом дополнительные работы, считая, что они выполняются за выделенные крестьянские покосы, которые до сих пор при оценке не учитывались».[89] Выгодный для политической карьеры Ф. Сиверса маневр не удовлетворял, однако, очень многих помещиков, которые сразу же поняли, что построенный им «мост» не выдержит тяжести взваленной на плечи крестьян дополнительной барщины.

Об умонастроениях большинства лифляндских помещиков свидетельствует составленный помещиком Ф. Вейс-

[87] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 4—5 и 7—8.

[88] A. Tobien, указ. соч., стр. 163.

[89] Там же, стр. 164.

сом и принятый ландтагом мемориал. Выступая против предложений Сиверса, Вейсс сказал: «... Нам предъявлено было 12 пунктов, которым придавалось значение предложений, непосредственно исшедших от самого государя... Всмотревшись в эти предложения, мы увидели, что большая их часть клонилась к пожертвованию принадлежавшими нам доселе правами и нашим состоянием, наследственным или благоприобретенным. Прежнее единодушное общество людей, собравшихся для задуманного ими доброго дела, распалось; возникли партии, противоположность мнений разлучила брата с братом, сына с отцом, порвались дружеские связи, и зал, в котором прежде происходили дружеские сходки людей, связанных единством цели, превратился в поприще нестройных столкновений. Страсти перекричали холодный рассудок... Люди, дорожащие превыше всего своею честью... но которых имения обременены тяжелыми долгами, содрогались при мысли о неверности будущего и о предстоящем сокращении доходов; их пугала потеря возможности удовлетворить своих кредиторов, и в будущем они видели самих себя и детей своих с нищенским посохом в руке. Даже богачи... и те дрогнули при мысли о сокращении своих доходов. Люди скромные, старанием и честным трудом устроившие себе приличный домашний обиход, видели себя наперед отданными в жертву крайней нужде».[90]

Не добившись своей цели на ландтаге, противники реформы обратились непосредственно к правительству. В Петербург хлынул поток писем и петиций помещиков. Помещики Липгардт, Криденер, Нуммерс и Левенштерн заявили в своем письме, что «сии так называемые экстраординарные, а в самом деле законные... вспомогательные работы суть необходимы для сохранения нашего хозяйства и не иначе могут быть уничтожены, как с совершенным разорением хозяев и с нанесением великого вреда земледелию сей провинции...» Причина возникшей вдруг у помещиков боязни «уничтожения дополни-

[90] Ю. Самарин, указ. соч., стр. 61—62.

тельной барщины» видна из другого письма вышеупомянутого помещика Липгардта, датированного 12 апреля 1803 года, где сказано, что «до сих пор не учтенные покосы и огородные земли крестьян в множестве имений не такие, чтобы, принимая их в расчет, можно было бы найти достаточную компенсацию для самых важных дополнительных работ...» Против реформы выступили и губернатор Рихтер, и генерал-губернатор князь Голицын, выдвигая на первый план ту реакцию, которую предполагаемые мероприятия могут вызвать среди крестьян, «у коих разгоревшиеся уже головы».[91]

Но правительство, зная из сообщений генерал-губернатора, что слухи о предполагаемой реформе уже распространились в народе, считало, что при «разгоревшихся головах» самым опасным было бы остановиться на полпути. Как показал Я. Зутис, готовившееся к войне с Францией царское правительство в это время было особенно заинтересовано в скорейшем проведении реформы, с тем, чтобы к началу войны иметь в пограничных губерниях «спокойный тыл». Так как местное дворянство, а на этот раз и губернские власти явно не желали двигать вперед дело реформы, указом царя от 11 мая 1803 года в Петербурге, как уже упоминалось выше, был учрежден особый комитет для рассмотрения лифляндских дел. В состав комитета вошли министр внутренних дел В. П. Кочубей, его заместитель П. А. Строганов, сенатор С. П. Козодавлев и два представителя от лифляндского дворянства — ландраты Г. Будденброк и Р. Анреп. Фактически в работе комитета участвовал и сам царь, утверждавший все его решения и протоколы.

Комитет с самого начала был осведомлен о том, что положение в Лифляндии напряженное, что крестьяне волнуются и требуют новых вакенбухов и что поэтому с проведением реформы медлить нельзя. В протоколе заседания комитета от 20 августа 1803 года было записано,

[91] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 4—8 и д. 35, л. 44—45, 274 и 281—286.

«что общее спокойствие Лифляндии требует скорого определения повинностей крестьян и составления вакенбухов, которые в настоящем положении дел, по причине возбужденного ожидания крестьян, одни могут предупредить недоразумения...» и что «состояние дел в Лифляндии требует для сохранения общего спокойствия, чтобы... комиссии для определения повинностей крестьян... как возможно скорее отправлены были...»[92] бы на место.

Уже осенью 1803 года сановники, принимавшие участие в работе комитета, ясно дали понять, что царское правительство требует от помещиков не какого-либо сокращения крестьянских повинностей, а лишь точного их определения. На заседании 10 сентября эти сановники повели речь о том, что поскольку при оценке земли по «шведскому методу» сенокосные угодья вовсе не учитывались, то можно считать, что и объем требуемой за них дополнительной барщины был в XVII веке очень незначителен. «В дальнейшем же эти работы настолько возросли, что равны половине стоимости всех остальных повинностей и являлись часто главной причиной жалоб и угнетения крестьян. Но поскольку ныне лифляндское рыцарство намерено привести стоимость повинностей крестьян в строгое соответствие со стоимостью их земли, следует уменьшить величину повинностей, нарушающих это равновесие, то есть уменьшить вспомогательную барщину, но не прочие повинности...» Но, встретив яростное сопротивление со стороны участвовавших в комитете ландратов, утверждавших, что такая мера причинила бы огромный ущерб развитию сельского хозяйства Лифляндии, сановники сразу взяли свое предложение обратно. Это отступление обосновывалось следующими фарисейскими рассуждениями: «...Имея в виду, что сие может нанести урон не только лифляндскому дворянству, но и вообще этой стране, если хозяйство ее придет в расстройство и земледелие пострадает; имея в виду также, что важнейшим и неоценимым благодеянием

[92] Там же, д. 149, л. 4.

в отношении крестьян явится то, что им в их повинностях не будет больше угрожать никакой произвол . . .», — комитет отказывался от принципа уменьшения дополнительной барщины. 6 сентября 1805 года комитет занес в свой журнал, что целью всей его работы было лишь ликвидировать «неопределенность, имеющуюся в размерах различных повинностей . . .»[93]

Остановливаясь в своем исследовании подробно на деятельности указанного комитета, Ю. Самарин пытается изобразить дело так, будто царские сановники были несчастными жертвами махинаций лифляндских дворян и особенно членов комитета — ландратов. Эту точку зрения переняли латышские и эстонские буржуазные историки. А. Швабе упрекал петербургский комитет в том, что он не изучил достаточно серьезно аграрное законодательство шведского правительства и вследствие этого не обнаружил, что еще в конце XVII века при определении размеров крестьянских повинностей учитывалась также и стоимость сенокосных угодий.[94] «Неверно толковались шведские принципы таксации в отношении сенокосов крестьянских хозяйств. Для упрощения делопроизводства шведская ревизия отдельно не обмеряла крестьянские покосы, исходя из предположения, что в каждом крестьянском хозяйстве имеется, соответственно пашне, известная площадь сенокосных угодий . . .»[95] — так говорится в книге, претенциозно названной «Историей эстонского народа» и выпущенной в буржуазной Эстонии. Но протоколы лифляндского комитета свидетельствуют, что во всяком случае в этом вопросе члены комитета совсем не были такими несведущими, как их считали эти историки. 10 августа 1805 года комитет вынес такое суждение: по таксационному методу шведского правительства, «сенокосы, без которых невозможно держать лошадей, а следовательно — невозможно и об-

[93] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 149, л. 20—21 и 107.

[94] A. Švābe. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture. Latvijā agrārā reforma. Rīgā 1930, стр. 137—139.

[95] Eesti rahva ajalugu. Toimetanud Juhan Libe, August Oinas, Hendrik Sepp, Juhan Vasar, Tartu 1932, стр. 1480.

рабатывать поля, считались такими неотделимыми от пашни частями усадьбы, что стоимость пахотной земли включает в себя и стоимость сенокосов...»[96] Царские сановники хорошо знали, что «учет сенокосных угодий» в таком виде, как это предлагал ландрат Сиверс, в действительности является обманом и преследует цель добиться увеличения крестьянских повинностей. Но это их нисколько не беспокоило, так как они никогда и не стремились облегчить крестьянские тяготы, а лишь добивались их точного определения. И если конкретное применение положений крестьянского закона 1804 года привело в некоторых отдельных поместьях к сокращению мызных повинностей, то это было вызвано не стремлением царского правительства действительно их уменьшить, а явилось «побочным продуктом» попытки точно нормировать и унифицировать эти повинности.

Первое заседание петербургского комитета состоялось 3 августа 1803 года, а уже 4 февраля 1804 года проект нового крестьянского закона был представлен на утверждение царю. Но и после этого комитет продолжал свою работу в качестве высшего руководящего и контролирующего органа по проведению в жизнь крестьянской реформы.

Сохранив без изменения прежнюю систему эксплуатации, крестьянский закон 1804 года в Лифляндии гарантировал в известной мере право крестьянина на его хозяйство, при условии выполнения им всех назначенных поместьем повинностей. Продажа дворохозяев была законом запрещена. Дворохозяина, аккуратно выполняющего свои обязанности, помещик мог согнать с участка лишь в том случае, если, под предлогом нехватки земли, получал соответствующее разрешение от суда. После смерти держателя хозяйство его переходило к его наследникам. В очередной раз помещикам запрещалось чинить препятствия крестьянам, желающим вступить в брак (соответствующие указы правительства не раз из-

[96] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 149, л. 100, также л. 136.

давались еще в XVIII веке). Право помещика подвергать крестьянина домашней расправе сохранялось, но определялась максимальная мера наказания (пятнадцать ударов палкой или два дня ареста на хлебе и воде).

Лифляндские помещики хотели оставить за дворохозяином только право пользования (Nutzungsrecht) землей хозяйства; это значило, что крестьянин имел бы право оставаться в своем хозяйстве лишь постольку, поскольку он использовал его для содержания батраков и батрачек, отбывающих барщину в имении. В проекте закона, принятом на ландтаге 1803 года, предусматривалось немало случаев, когда помещик имел «законное» право отобрать у крестьянина его землю и присоединить ее к помещичьим угодьям. Однако в окончательном официальном русском тексте закона, выработанном петербургским комитетом, соответствующий параграф был сформулирован так, что крестьянину давалось право владения землей (§ 32 — «каждый участок, отданный помещиком крестьянину... оставаться должен во владении крестьянина и его наследников неотъемлемо...»). Предусматривался только один случай, когда помещик мог согнать крестьянина с его участка, а именно, если барская запашка была, по сравнению с площадью крестьянской пашни, недостаточно велика (в непосредственном пользовании помещичьего хозяйства было менее 36 пурных мест на каждый гак, имевшийся у крестьян, или же менее 6 пурных мест на каждый требуемый от крестьянина тягловый день постоянной барщины). В других случаях помещик мог согнать дворохозяина с земли только по решению суда. В отличие от представленного ландтагом проекта, закон устанавливал, что крестьяне имеют право покупать свои усадьбы в собственность. В свое время А. Агте показал, что при издании закона 1804 года на немецком языке лифляндские помещики умышленно исказили перевод соответствующей статьи, так что по этому тексту крестьянам опять-таки предоставлялось только право пользова-

ния землей.[97] Как доказал тот же автор, в немецком тексте закона, фактически применявшемся в Лифляндии, имеются и другие фальсификации подобного рода. Но еще А. Швабе показал, что на деле помещики мало что выиграли от фальсификации статьи закона, трактующей о праве крестьянина распоряжаться землей. Другие статьи закона все же ограничивали произвол помещика в отношении крестьянской земли, и крестьянство как сословие получило известное право владения землей.[98] По закону 1804 года в Лифляндии были также созданы специальные крестьянские суды.

В 1803 и 1804 годах центральное правительство и местные власти считали, что ввиду чрезвычайного обострения классового антагонизма в Прибалтике доверить проведение в жизнь нового закона местным дворянам слишком опасно. Новый генерал-губернатор Буксгевден доложил 2 апреля 1804 года Кочубею, что «крестьяне здешние своих помещиков и пасторов принимают за имеющих связь противу их, крестьян...» и что когда они получат не отвечающий их чаяниям новый закон от помещиков и пасторов, могут возникнуть новые волнения. 16 апреля 1804 года Александр I в соответствии с предложением Буксгевдена предписал, чтобы новые временные вакенбухи раздавали крестьянам председатели ревизионных комиссий, в состав которых входили бы русские чиновники.[99]

Вскоре выяснилось, что, как опасались многие помещики еще в 1803 году, покосы нисколько не «компенсировали» повинностей, требуемых с крестьян в виде дополнительной барщины. 31 июля 1804 года председатель Тартуской комиссии и 10 сентября того же года председатель Рижской комиссии донесли министру внутренних дел, что крестьяне не имеют «законной пропорции» покосов и просили совета, как поступать: можно ли заме-

[97] A. Agthe. Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland (Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaft. Ergänzungsheft XXIX). Tübingen 1909, стр. 68—69.
[98] А. Švābe, указ. соч., стр. 142—143 и 149.
[99] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 1, л. 433—435.

нять сенокосы какими-либо другими угодьями или придется уменьшать повинности или подати крестьян и какие именно. 19 марта 1805 года лифляндский комитет, продолжавший в Петербурге свою работу и после издания закона 1804 года, вынес такое решение: если действительно нет достаточного количества лугов и общая оценка крестьянских земель по этой причине понижается, придется соответственно уменьшить и повинности крестьян.[100] Во время составления проекта нового закона представители лифляндского дворянства в лифляндском комитете ландраты Анреп и Будденброк добились такой формулировки соответствующих статей закона, согласно которой при оценке барщинных дней сохраняли силу старые, имеющиеся в шведских законах нормы, для сенокосов же устанавливались новые, более высокие таксы. Однако по настоянию Ф. Сиверса, находившегося в то время в оппозиции к большинству лифляндских дворян, комитет 5 ноября 1804 года восстановил старые «шведские таксы» также и в отношении сенокосов. Собравшийся в феврале 1805 года ландтаг вновь поднял вопрос об оценке сенокосов. Правительству было представлено ходатайство о повышении их такс, причем в составленном на ландтаге проекте изменений закона 1804 года прямо говорилось, что нужно найти пути для увеличения дополнительной барщины, «потому что без того хозяйство никак не могло бы существовать, ибо какие бы имело последствия, если бы собранный с полей хлеб нельзя было сожнуть или смолотить». В июне 1805 года лифляндский комитет отклонил ходатайство дворянства. Во второй половине 1805 и в начале 1806 года лифляндское дворянство все по тому же вопросу послало в Петербург одну за другой пять депутаций, причем генерал-губернатор уведомил министра внутренних дел, «что если отказано будет в сей просьбе, то весь дворянский корпус приедет в Петербург». Еще в ноябре 1805 года депутатов дворянства в Петербурге встретили

[100] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 10, д. 18, л. 7 и д. 149, л. 84.

довольно недружелюбно.[101] Однако в начале 1806 года положение изменилось. После тщательного рассмотрения предложений лифляндского дворянства правительство хотя и снова отклонило просьбу о повышении оценки сенокосов, но сформулировало этот отказ так, что помещикам все же была открыта возможность увеличения дополнительной барщины за счет сенокосов.[102]

В начале 1806 года лифляндский комитет постигло огорчение. Оказалось, что в законе, который должен был внести ясность в вопрос о крестьянских повинностях, очень нечетко было определено, какие источники (предъявленные помещиками во время проведения реформы ведомости или составленные в прежние времена вакенбухи) должны служить основой при установлении размеров крестьянских повинностей. Несмотря на все усилия, лифляндский комитет так и не сумел внести ясность в этот вопрос.[103] Как бы подводя итог всей неудачной деятельности комитета, его председатель граф Кочубей писал: «По возникавшим непрестанно жалобам на отягощение крестьян лифляндских учрежден был здесь комитет. Получив председательство оного, я вступил в карьеру совершенно для меня новую. Не имея никакого понятия в подробностях хозяйства лифляндского, трудно было судить... при рассмотрении множества повинностей и работ крестьянских, обременяются ли они или

[101] Ю. Самарин, указ. соч., стр. 163—164, 194—198, 202 и 206—212; А. Tobien, указ. соч., стр 210—215.

[102] В дополнительных правилах к закону 1804 года это изложено таким образом: «... В поместьях, имеющих недостаток в сенокосе, где при составлении новых вакенбухов... комиссия действительно усмотрит, что по самому малому пространству сенокосов оценка крестьянских участков столько уменьшится, что нужные вспомогательные работы не могут быть исправлены, и что сенокосы сии не принадлежат ни к одной из определенных в предыдущей статье степени, а действительно с них снимается большее количество возов сена... полагает воз в $11^1/_4$ грошей и оценивает таким образом крестьянские участки...» (ПСЗ, т. XXX — 1808—1809 гг. СПб., 1830, стр. 820).

[103] Ю. Самарин, указ. соч., стр. 288—300, 331—333, 344—345 и 352—353.

нет».[104] За этим приведенным во вступлении «оправданием» следует изложение совершенных комитетом ошибок: первоначально комитет думал, что в лифляндских имениях не сохранились старые вакенбухи, впоследствии выяснилось, что они имеются; вначале полагали, что дополнительная барщина составляет 1/4 всех повинностей крестьян, впоследствии пришлось увеличить ее удельный вес; выяснилось, что сенокосы не компенсируют дополнительную барщину, и т. д. И в конце концов, кроме всего прочего, оказалось, что при проведении в жизнь закона, который должен был установить общегуберинские нормы крестьянских повинностей, ревизионные комиссии «... Венденская, Перновская и Рижская в рассуждении реверсов руководствовались одними правилами, Дерптская — другим. Все роздали вакенбухи, посредством чего в одной и той же провинции вышли разные для крестьян положения».[105]

Постараемся теперь внести ясность в вопрос о том, каким образом изменилась величина крестьянских повинностей в результате реформы 1804 года. Как мы дальше увидим, составление временных вакенбухов происходило в обстановке крестьянских волнений, что в ряде случаев заставляло идти на уступки крестьянам. Но какие же повинности взвалили на плечи крестьян окончательные вакенбухи, составленные после длительных измерительных и таксационных работ?

Ю. Самарин, рассматривая результаты реформы, считал, что, поскольку в конце XVII века при таксации крестьянских земель и установлении в соответствии с этим повинностей один гак приравнивался к 60 талерам крестьянских повинностей, а по закону 1804 года — к 80 талерам, то повинности крестьян по сравнению с уровнем конца XVII века увеличились (по его мнению на одну треть).[106] И после Самарина, при изучении этого вопроса исследователи брали за отправную

[104] Ю. Самарин, указ. соч., стр. 341—342.
[105] Там же, стр. 346.
[106] Там же, стр. 31—32.

единицу гак, т. е. выясняли, сколько гаков имелось в том или ином имении до и после измерительных работ, проведенных в ходе реформы 1804 года. В результате все занимавшиеся этим вопросом прибалтийские советские историки, в том числе и автор данной работы, до самого последнего времени считали, что реформой 1804 года во всех без исключения лифляндских имениях барщинные повинности крестьян были увеличены, притом в довольно значительном размере.[107] При этом упускалось, однако, из виду, что если после издания закона 1804 года размер отбываемых крестьянами повинностей зависел от площади и качества их земель, исчисленных в гаках и талерах, то до 1804 года дело обстояло иначе. Количество гаков частного имения до 1804 года не отражает размера требуемых с крестьян повинностей. Если размеры постоянной барщины еще в какой-то степени соответствовали величине крестьянского участка (от держателя четверть-гака, как правило, требовали 6 дней постоянной барщины в неделю, от держателя $^1/_8$ гака — 3 дня и т. д.), то дополнительная барщина — а именно она стремительно росла в XVIII веке — никакому сопоставлению с количеством гаков не поддавалась. Кроме того, применявшийся при расчетах между крестьянами и помещиком «крестьянский гак» вовсе не соответствовал казенному, или экономическому, гаку, который до введения подушной подати в 1783 году употреблялся местными государственными учреждениями при взыскании с помещиков казенных податей. Вопрос о расхождениях между «крестьянским» и казенным гаком исключительно сложен. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в нем окончательно запутались и составители закона 1804 года (см. § 25 инструкции ревизионным комиссиям).

Но при выяснении этого вопроса вовсе не нужно исходить из таких неопределенных данных, как количество

[107] J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes . . ., стр. 92—97; История Латвийской ССР. С древних времен до 1953 г. Рига, 1955, стр. 122; История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней). Таллин, 1958, стр. 198—199; Eesti NSV ajalugu, I kd. Toimetanud A. Vassar. Tallinn 1955, стр. 560; Põhjooni majandusliku mõtte ajaloost Eestis XIX sajandil. Tallinn 1958, стр. 12.

гаков и талеров. Для этого имеются гораздо более точные, ясные и достоверные источники. В Центральном государственном историческом архиве в Тарту в фонде Ревизионной межевой комиссии сохранились в огромном количестве представленные в 1804 и 1805 годах помещиками в ревизионные комиссии ведомости (Eingabe), в которых они давали знать, какие повинности несут их крестьяне, и составленные этими комиссиями и впоследствии Валгаской комиссией временные и окончательные вакенбухи. В достоверности составленных помещиками ведомостей особенно сомневаться не следует, так как помещики отлично знали, что точность и достоверность всех представленных ими данных ревизионные комиссии будут проверять в присутствии представителей крестьян, а крестьяне держали себя в 1804 и 1805 годах весьма смело.

Сопоставление этих ведомостей с окончательными вакенбухами, составленными после проведения измерительных и таксационных работ, может нам дать ответ на вопрос — привело бы осуществление лифляндского крестьянского закона 1804 года к увеличению помещичьих повинностей крестьян или нет?

Пока удалось провести эту работу только в отношении семи имений эстонской части Лифляндии. Для этого пришлось заняться подсчетом повинностей 306 крестьянских дворов. Хотя этот материал еще не дает исчерпывающего ответа на поставленный вопрос, он все же заставляет нас пересмотреть многие господствовавшие до сих пор положения.

Полученный материал, во-первых, ясно говорит о том, какое шаткое основание для выяснения размера барщинных повинностей представляют собой данные о количестве гаков. Из упомянутых семи имений в пяти (Кяревере, Карула, Аре, Лелле, Куремаа) количество гаков в результате обмежевания увеличилось, при этом, однако, в трех имениях объем барщинных повинностей крестьян увеличился, а в двух — уменьшился.

Во-вторых, бросается в глаза пестрота в размерах крестьянских повинностей после реформы. Если до 1804

тода в имении насчитывались два, три или четыре разряда крестьянских дворов и 5, 10, 20, даже 40 дворов имели одинаковые повинности, то после реформы количество разрядов сильно возросло, причем одинаковые повинности имели только 3—5 и, как правило, не более десяти дворов. Из этого явствует, что если до реформы размер повинностей устанавливался самим помещиком и весьма произвольно, то после реформы пришлось учитывать такие различные факторы, как площадь и качество крестьянских земель.

До реформы одинаковые по количеству людей и скота дворы в разных имениях были обложены повинностями по-разному. Это отчетливо видно из следующей сводной таблицы.

Название имения	В крестьянском хозяйстве было				Сколько барщинных дней в год отбывал двор	
	мужчин	женщин	лошадей	крупного рогатого скота	до 1804 года	по окончательному вакенбуху
Кяревере	3	3	3	6	536	341
Аре	3	3	2	6	549	434
Лелле	3	2	3	6	190	314
Куремаа	3	2	2	6	765	382
Палупера	3	2—3	?	?	700	421
Абья	3	3	3	6	753	494
Кяревере	2	2	2	4	262	183
Аре	2	1	2	4	260	296
Лелле	2	2	2	5	95	216
Куремаа	3	2	1	3	561	224
Палупера	2	2	?	?	467	378
Абья	2	2	2	4	318	344

Понятно, что при таком положении установление общегубернских норм крестьянских повинностей должно

было дать разные результаты. Как мы видим из нижеследующей таблицы, три помещика (в Аре, Лелле, Абья) довольно значительно выиграли от реформы в отношении размеров крестьянских повинностей, у одного (в Карула) они остались почти на прежнем уровне, зато три помещика (в Кяревере, Куремаа, Палупера) довольно много потеряли. К сожалению, нет еще возможности установить, какую картину дала бы реформа в общегубернском масштабе — превысило бы число крестьян с увеличившимися барщинными повинностями число крестьян с пониженными нормами барщины или наоборот. Во всяком случае ясно, что говорить об абсолютно всеобщем и значительном увеличении крестьянских повинностей нет основания.

Название имения	Количество крестьянских дворов в имении	Из них дворов, в которых				Поместье получало барщинных дней от всех крестьянских дворов	
		барщина		натуральные повинности			
		увеличилась	уменьшилась	увеличились	уменьшились	до реформы	после реформы
Аре	19	19	—	?	?	6623	7641
Лелле	45	44	1	21	24	5775	10486
Абья	58	52	6	—	58	19482	21275
Карула	99	90	9	—	99	48065	50431
Кяревере	19	—	19	—	5*	10466	6658
Куремаа	46	—	46	—	46	33966	20140
Палупера	20	—	20	6	14	12136	7701

* В остальных 14 крестьянских дворах натуральные повинности остались на прежнем уровне.

Владелец поместья Кудина, Реттих, в своем письме от 3 апреля 1812 года просил Валгаскую ревизионную межевую комиссию выслать ему окончательные вакенбухи по возможности к Юрьеву дню, «чтобы, в конце концов,

все же получить с крестьян столько барщинных дней, сколько с них полагается в соответствии с оценкой используемой ими земли». «Как различны желания людей, — пишет Реттих далее. — Многие помещики вовсе не хотят еще получать свои вакенбухи, а для меня ничто не может быть желательнее, ибо от этого зависит мое спокойствие, и я хочу наконец внести ясность в это дело».[108]

К счастью, мы располагаем еще одним источником, при помощи которого можем установить, что принесла бы лифляндским помещикам крестьянская реформа 1804 года, если бы она была проведена до конца. При проведении реформы надо было привести в некое равновесие количество требуемых с крестьян повинностей с размерами находящейся в их пользовании земли; величина господской запашки должна была находиться в известном соответствии с числом трудоспособных крестьян и площадью используемой крестьянами земли. В результате помещики, у которых барская запашка слишком разрослась или барщинные повинности непомерно увеличились, нередко стояли перед альтернативой, либо пойти на их сокращение, либо прибавить земли крестьянам и основать новые крестьянские дворы, чтобы «уравновесить» размеры барщинных повинностей и барской запашки. Помещики, разумеется, предпочитали последний способ и закладывали на окраине своих владений, зачастую на очень скудной, непригодной земле новые крестьянские усадьбы. Но даже это представляло для помещиков известное неудобство. Если раньше они могли расширять свои поля, сколько им вздумается, и взваливать на крестьян новые повинности, то теперь им иногда приходилось заниматься созданием новых дворов. В материалах лифляндского комитета удалось найти данные по этому вопросу примерно по 400 поместьям.[109] Оказалось, что если 82 процента помещиков разрешили эти вопросы, по-видимому, без особых труд-

[108] ЦГИА ЭССР, ф. 2057, оп. 1, д. 42, л. 49.

[109] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 95—107, 130—143 и 148.

ностей, то 18 процентов помещиков вынуждены были либо заложить по два-три новых крестьянских хозяйства, либо сократить площадь барской запашки. Характерно то, что подавляющее большинство этих попавших в некоторое затруднение помещиков были из Тартуского уезда, меньшая часть владела имениями в Пярнуском уезде, а в латышских уездах насчитывались их лишь единицы. Не случайно на ландтаге 1803 года самыми яростными противниками реформы были именно помещики из Тартуского уезда.

В общей оценке реформы 1804 года среди советских историков уже давно определились две точки зрения. Большинство историков (Я. Зутис, А. Траат, А. Вассар, автор настоящей книги и др.) не расценивают эту реформу с отрицательной стороны, считая, что в конечном счете она способствовала дальнейшему социально-экономическому развитию. Другой точки зрения придерживается историк-экономист Л. Лооне. Правильно подчеркивая, что реформа была предпринята с целью узаконения чрезвычайно взвинченных феодальных повинностей, Л. Лооне, однако, далее говорит: «Установление определенного количества дней и сроков для выполнения тех или иных полевых работ законсервировало существовавшую систему земледелия. Новые вакенбухи не предусматривали никаких нововведений, никакая рационализация сельского хозяйства не вмешалась в эту строгую систему». В другой своей работе она подчеркивает: «Сохраняя феодальный способ производства, законы 1804 года усиливали крепостнический гнет... Развитию производительных сил эти законы не способствовали».[110]

Надо сказать, что мнение, будто рамки закона 1804 года были крайне узкими, до некоторой степени преувеличено. Правда, вакенбухи предусматривали для некоторых работ максимальное число дней, но это были такие

[110] Л. А. Лооне. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии в первой половине XIX в. «Исторические записки», т. 60, стр. 220; статья под тем же названием в сборнике «К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики». Таллин, 1956, стр. 145.

необходимые сельскохозяйственные работы, как вывозка навоза, сенокос, жатва и т. д., без которых не могло обойтись ни одно поместье, каким бы оно не было «передовым». Что касается основной массы барщинных дней, то помещику предоставлялась возможность распределять их между отдельными видами работ по своему усмотрению. И до реформы дни постоянной барщины распределялись на весь год, а не сосредотачивались по желанию помещика на каком-то определенном отрезке времени. Так что в этом отношении реформа 1804 года ничего нового не принесла, никаких «узких рамок» не установила. Наоборот, закон 1804 года, легализуя значительно повышенные нормы дополнительной барщины и давая помещику возможность сосредотачивать барщинные дни этого вида в самые напряженные периоды (сенокос и жатва), отвечал потребностям развития товарного сельскохозяйственного производства в поместьях.

Хотя реформа 1804 года была обусловлена непосредственно экономическими интересами лифляндских помещиков, их жаждой прибавочного труда,[111] мы не должны упускать из виду, что и во время подготовки реформы, и во время ее проведения в жизнь вокруг этого вопроса шла борьба д в у х классов, сталкивались противоположные антагонистические интересы. Точное определение норм барщины было в интересах не только господствующего класса и не всегда оказывалось в его интересах. В первой главе настоящей работы отмечалось, что К. Маркс, рассматривая в III томе «Капитала» отработочную ренту, устанавливает резкое различие между барщиной, отбываемой для поместья, и работой непосредственного производителя (крестьянина) на самого себя, на своих полях. И именно этот, второй вид работы Маркс выдвигает на первый план, подчеркивая, что он развивается и становится производительнее в связи с ростом товарной продукции, что этот труд может охватывать также сельские домашние промыслы и вообще заключает в себе «возможности экономического

[111] К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 240.

развития».[112] Поскольку нормы закона 1804 года иногда не давали помещику возможности получать с крестьян барщинные дни в таком количестве, как ему хотелось, и тогда, когда ему хотелось, постольку эти нормы могли отрицательно влиять на развитие мызного хозяйства. Но это еще не значит, что они отрицательно сказывались на развитии сельского хозяйства вообще, тормозили его. Борьба, которую вели крестьяне в 1803—1805 годах за возможность использовать для работы в поместье как можно меньше дней, а в собственном хозяйстве как можно больше, объективно являлась борьбой не только за более успешное развитие своего хозяйства и увеличение его товарной продукции, но и вообще за быстрейшее развитие товарно-денежных отношений, что способствовало бы проникновению в эстонскую деревню элементов капиталистического производства. Дать в этом разрезе общую оценку реформы 1804 года очень трудно, поскольку нам еще неизвестно, во многих ли случаях конкретное применение реформы приводило к увеличению барщинных повинностей крестьян и часто ли оно, наоборот, приводило к их снижению. Но уже сейчас ясно, что крестьянский закон 1804 года для Лифляндии в известной мере препятствовал увеличению объема барщинного труда за счет труда, остающегося в распоряжении крестьянина. И в этом можно видеть одну из важнейших положительных сторон закона, особенно по сравнению с решениями ландтага 1765 года по аграрному вопросу.

Эстляндских помещиков, как и лифляндских, на рубеже XVIII и XIX веков стала все больше занимать проблема более рациональной эксплуатации своих крестьян. В некоторых поместьях начиная с 1789 года вводились так называемые «домашние законы», в которых предусматривалось, как крестьяне должны вести себя по отношению к помещику и как сами помещики должны с ними обходиться.[113]

В декабре 1795 года эстляндские помещики, собрав-

[112] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 806—807.

[113] A. Gernet, указ. соч., стр. 97—99 и 102—103.

шись на ландтаг, приняли решение, в котором обязались не требовать со своих крестьян больше повинностей, чем обозначено в вакенбухах. В действительности же помещики только приступили к составлению этих обязательных вакенбухов, поэтому имели все возможности определить мызные повинности крестьян именно в таком объеме, какой они в тот момент считали нужным и выгодным. Крестьянское движимое имущество, если оно не входило в так называемый железный инвентарь и крестьянин не был за него должен имению, помещики обещали больше не захватывать. Продавать решено было впредь только «плохих» крестьян. В телесных наказаниях было обещано в дальнейшем соблюдать «умеренность», причем степень этой умеренности определял сам помещик. Поскольку помещики, как это признал и предводитель дворянства, опасались крестьянских волнений, о решениях ландтага крестьянам объявлено не было. [114]

В 1800 году до правительства дошли вести о «брожении» среди лифляндских крестьян. В начале 1800 года царь Павел I отдал генерал-губернатору Эстляндии и Лифляндии распоряжение о том, чтобы жалобы крестьян на помещиков были подвергнуты внимательному рассмотрению; при этом следовало избегать публичной огласки и действовать с возможно большими предосторожностями. Эти правительственные распоряжения вызвали среди эстляндского дворянства некоторое замешательство и были восприняты как тревожный сигнал о том, что царское правительство может взять вопрос аграрных реформ непосредственно в свои руки.

Весной 1802 года конвент эстляндского рыцарства (Ritterschafts-Ausschuss) начал подготавливать вопрос о крестьянских реформах для обсуждения на ландтаге. 18 июня предводитель дворянства Берг выступил на ландтаге с соответствующими предложениями. В течение недели был выработан специальный крестьянский регулятив, в котором, по сравнению с тем, что было обещано крестьянству еще на ландтаге 1795 года, делались

[114] Там же, стр. 100—101.

некоторые новые уступки. Хотя в регулятиве указывалось, что крестьянское хозяйство может переходить по наследству к детям крестьянина, но в то же время помещики сохранили за собой право сгонять крестьянина с его участка, переселять на окраинные земли и даже продавать. Правда, все эти действия нужно было как-то оправдать, но для этого достаточно было обвинить крестьянина в «распутстве», в невыполнении им барщинных повинностей или заявить о «большой нехватке земель» в имении. Соответствующее решение помещик обязан был вынести совместно с вновь созданным учреждением — волостным судом. Эти волостные суды в основном занимались решением возникавших между крестьянами споров. Жалобы крестьян на своих господ должны были рассматриваться в приходских судах, обязанных «примирять» стороны. В очень неопределенной форме приходским судам поручилось также следить за тем, чтобы помещики не требовали с крестьян «слишком тяжелых» повинностей и не обходились с ними «слишком жестоко».

Постановление ландтага было доведено до крестьянства в виде краткого регулятива на эстонском языке, построенного в форме наставления помещика своим крестьянам. В исторической литературе регулятив этот известен под названием «Игаюкс» («Каждый») — этим словом начиналась первая строка эстонского текста. 14 июля 1802 года Александр I утвердил регулятив и сообщил в своем письме эстляндским помещикам: «С восхищением взираю на картину благоденствия, царящего в стране, где два гражданских сословия, которые до сего времени были разъединены одно от другого, ныне соединены взаимным доверием и доброжелательством . . .»[115]

У эстонских крестьян положение, сложившееся после издания регулятива, вызвало куда меньший восторг, чем у царя. Тотчас же после обнародования регулятива крестьяне имения Перила на собственном опыте убедились, что ни существование «Игаюкса», ни приходские суды не защищают их от несправедливых требований и жесто-

[115] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 183, стр. 17.

кости помещика. О событиях в Перила будет идти речь ниже, но здесь необходимо указать, что из-за упрямства помещика это судебное дело дошло до Петербурга. Помещик Мореншильдт, озлобленный решением дворянского конвента, выехал в Петербург, и дворянство поспешило само информировать правительство об этом конфликте, боясь, как бы в результате жалоб разобиженного помещика в Петербурге не приняли опрометчивых мер. Сенат, которому Мореншильдт представил свою жалобу, ничего не предпринял по этому делу. Но в ходе обсуждения и расследования дела в Таллине, Петербурге и Риге стало вполне очевидным, что такой, состоящий из пустых обещаний регулятив, как «Игаюкс», ни в малейшей мере не разрешает сложного крестьянского вопроса.

23 февраля 1803 года новый предводитель дворянства Г. фон Розенталь выразил на ландтаге мысль о «необходимости найти единое мерило, согласно которому крестьянские повинности были бы приведены в справедливое соответствие с собственностью крестьянина». Но на этом ландтаге помещики еще твердо стояли на той точке зрения, что единственным всеобщим мерилом может быть лишь их коллективная воля: вакенбухи отдельных поместий будут унифицироваться самими помещиками сперва в масштабе приходов, а затем и уездов, исходя из существующего уровня мызных повинностей крестьян.[116] Эта работа и была проведена в 1803 году специальной комиссией, избранной дворянством; были составлены и соответствующие вакенбухи. Как это ясно показал Я. Конкс, этим не были достигнуты ни снижение крестьянских повинностей, ни их унификация; был лишь, с незначительными изменениями, в основном зафиксирован существующий объем этих повинностей.[117]

Эстляндские помещики, собравшись на очередной

[116] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 42, л. 59 и 61.

[117] J. Konks. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. I. aastakümnel. Tartu 1960, стр. 130—138. Но важно отметить, что и в Эстляндии проведение этой работы в некоторых случаях все же привело к снижению барщинных повинностей. (Там же, стр. 427.)

ландтаг в 1804 году, также решили, что «общеобязательный вакенбух», даже в том виде, в каком он был выработан для соседней губернии, для Эстляндии якобы неприемлем, и необходимо ограничиться сохранением существующих размеров мызных повинностей. Исходя из этого принципа и был составлен принятый на ландтаге крестьянский закон 1804 года для Эстляндии. В законе просто указывалось, сколько барщины и прочих поборов можно требовать с крестьянского двора каждого из существующих разрядов (с двухдневного, трехдневного, четырехдневного, пятидневного, шестидневного двора). Как помещики сами признали на ландтаге, нормы повинностей, предусмотренные в законе, «были исчислены весьма жестко, они заключают в себе крайние пределы — что возможно с крестьянина требовать и что крестьянин в состоянии исполнить».[118] Лишь в тех случаях, когда крестьяне предъявляли на этот счет прямые требования, предусматривались обмежевание и оценка земли, с тем чтобы установить, соответствуют ли повинности данного двора оценке земельного участка.

В остальном крестьянский закон для Эстляндии был очень схож с лифляндским. Однако статьи, говорящие о личных правах крестьян, в эстляндском законе были сформулированы более туманно и права эти были более ограничены. В отличие от лифляндского, в эстляндском законе не предусматривалось, что дворохозяина можно согнать с земли только по решению суда (пусть даже зависящего от помещика). Максимальная мера домашнего наказания крестьян была вдвое выше — 30 ударов палкой вместо 15-ти. Для разрешения споров между крестьянами в Эстляндии также были созданы волостные суды; продолжали действовать и приходские суды.

27 августа 1804 года Александр I утвердил Положение о крестьянах Эстляндской губернии, но в то же время заявил, что в некоторых несущественных вопросах оно требует дополнений. Осенью и зимой этого же года началось составление вакенбухов. В 1805 году крестьян-

[118] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 43, л. 6—7 и 11.

ский закон вышел также и на эстонском языке. К сентябрю 1805 года в большинстве имений вакенбухи были составлены и утверждены и их начали раздавать дворохозяевам.[119]

Реформы 1804 года в Прибалтике по своему характеру напоминают те реформы, которыми во многих землях Австрийской империи были введены так называемые урбарии, в западных губерниях Украины — инвентари и т. д. Глубокий и всесторонний марксистский анализ аграрных реформ такого типа дал академик Н. М. Дружинин. «В России так же, как и в других восточноевропейских странах, происходило разложение феодальной формации со всеми явлениями, характерными для этого процесса: массовым обезземелением крестьянства, непомерным увеличением крестьянских повинностей, вырождением феодальной зависимости в самое жестокое рабство, проникновением капиталистических отношений в деревню... При этих условиях законодательное ограничение помещичьего произвола — т. е. определение и охрана крестьянского надела, точное установление феодальных повинностей и создание официальных инстанций для крестьянских жалоб — шло по линии социально-экономического развития, создавало для борющегося крестьянства некоторую легальную опору для противодействия усиливающейся эксплуатации... Правда, инвентари вводились дворянским государством при непосредственном и самом активном участии помещиков; нередко инвентари санкционировали повышенные барщинные и оброчные нормы... Тем не менее инвентари были противовесом безграничной эксплуатации крестьянства и, как показывает пример австрийских урбариев, служили исходным пунктом для новых законодательных актов, постепенно подтачивавших основы феодальных отношений. Нигде и никогда, в условиях разложения феодализма, инвентари не могли укрепить шатающееся здание крепостного порядка; везде и всюду они служили симптомом ослабления средневекового строя и возбуж-

[119] A. Gernet, указ. соч., стр. 120—123.

дали сопротивление и злобу со стороны помещиков; крестьяне, а частью и буржуазно настроенные чиновники пользовались инвентарями, урбариями, вакенбухами и тому подобными актами, чтобы наносить удары отживающей феодально-крепостнической системе. Именно в этом — ограниченное, но относительно прогрессивное значение подобных паллиативов. Но нет никакого сомнения, что инвентари входили органической частью в феодальную систему и предполагали ее сохранение и более правильное функционирование».[120]

В Прибалтике крестьянские реформы 1804 года явились результатом резкого столкновения классовых интересов помещиков и крестьян и были проведены в жизнь в обстановке обострения классовой борьбы. Накануне реформы крестьянство выдвинуло на первый план требование об ограничении помещичьего произвола в отношении личности крестьянина и его хозяйства — крестьяне протестовали против того, что помещики совершенно своевольно их наказывали и требовали от них барщины, сколько им хотелось. Закон 1804 года несколько ограждал личность крестьянина от произвола помещика, что было достигнуто в результате упорной классовой борьбы крестьянства и безусловно имело положительное значение.

Кроме того, реформа 1804 года в Лифляндии ставила некоторые преграды на пути вторжения барщины в сферу труда крестьянина на самого себя, сдерживала, говоря словами К. Маркса, «неутолимую жажду прибавочного труда», которой в то время были охвачены помещики-крепостники. И в этом можно видеть положительное значение реформы, так как борьба крестьян за более широкие возможности использования своего рабочего времени в собственном хозяйстве для производства продуктов на рынок, за развитие сельского промысла объективно являлась борьбой за создание более благоприятных условий для дальнейшего развития товарно-денежных отношений, за развитие капитализма в деревне.

[120] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 277—278.

Глава пятая

Антифеодальная борьба крестьянства в годы 1802—1807

1. Крестьянские волнения 1802—1803 годов

Антифеодальная борьба крестьянства в прибалтийских губерниях вспыхнула с новой силой в 1802 году. Достигнув здесь сильного размаха, крестьянское движение продолжалось с незначительными перерывами до 1807 года, захватывая все новые и новые местности сначала в северной Лифляндии, а затем и в Эстляндии. Поводом для крестьянских волнении 1802 года послужили распоряжения правительства, касавшиеся взимания государственных налогов и, следовательно, непосредственно не затрагивавшие взаимоотношений помещиков и крестьян. Волнения, охватившие несколько мыз, и восстание в Каугурах явились очередным предупреждением царскому правительству и свидетельствовали о том, что неуклонно возрастающая напряженность в отношениях между помещиками и крестьянами уже начинала мешать нормальному функционированию государственного аппарата: даже обнародование постановлений, непосредственно не касавшихся этих отношений, приводило к волнениям. И, как мы видели в предыдущих главах, восстание в Каугурах и послужило последним толчком, заставившим царское правительство всерьез заняться крестьянской реформой. Но и слухи о подготовке новой

реформы уже в 1803 году послужили поводом для крестьянских волнений, которые с особой силой разгорелись тогда, когда правительственные власти приступили к проведению реформы в жизнь.

Полагая, что указ об отмене натурального стационного сбора означает освобождение от всех повинностей и барщины, крестьяне латышской части Лифляндии — Валмиерского, Буртниекского, Раунаского и Цесисского уездов — летом 1802 года выступили против своих помещиков. В патенте Лифляндского губернского правления от 12 мая, изданном по поводу отмены стационного сбора, содержались демагогические рассуждения о милости царя, будто бы облегчившего налоги своих подданных. Но в действительности в результате изменения порядка взимания государственных податей в выигрыше оказались помещики, так как им предоставлялось право требовать с крестьян в счет казенных податей вместо прежнего натурального оброка барщину. И когда крестьяне поняли это, их возмущение не замедлило перерасти в открытые волнения, для подавления которых в деревни были высланы воинские отряды. Крестьяне мыз Кокмуйжа и Каугуры, узнав, что по просьбе помещиков в эти мызы прибыли судьи в сопровождении воинских команд, тотчас же обратились в соседние волости за помощью. Крестьяне открыто грозили расправой графу Менгдену, вызвавшему солдат. Наиболее крупная сходка крестьян состоялась 8 октября в Кокмуйже, в корчме Бесте. Активно выступил на сходке лакей из мызы Муяну — Готард Иогансон, по национальности латыш. Впоследствии Готард Иогансон показал на суде, что он «дважды в неделю читает газету и знает, что произошло во Франции...»[1], намекая на французскую революцию.

10 октября между крестьянами, собравшимися около мызной усадьбы в Каугурах, где содержались под стражей их арестованные товарищи, и присланной воинской командой произошло столкновение. Когда по приказа-

[1] A. Kāpostiņš. Vidzemes zemnieku nemieri Kaugurumuižā 1802 g. Rīgā 1924. (Valsts Archiva Raksti I), стр. 48.

нию председателя ландгерихта Унгерна-Штернберга шестеро гренадер открыли по крестьянам огонь, насмерть сразив двух из них, один из вожаков восставших, батрак из усадьбы Вители — Янис крикнул солдатам: «Стреляйте, сколько вам угодно, вам еще доведется увидеть кровь... Мы — свободны, мы принадлежим одному лишь царю... Крови! Крови!» «И если сотни из нас будут убиты, — кричали другие крестьяне, — то те тысячи, что останутся, раздавят все, и не должно остаться камня на камне».[2] Так как крестьяне не испугались ружейного огня, Унгерн-Штернберг приказал стрелять из пушек. Картечь, выпущенная с близкого расстояния, произвела страшные опустошения в рядах крестьян, но даже это вначале не возымело действия. «Наступающие толпы крестьян подверглись пушечному обстрелу, — писал об этом событии в своем докладе Унгерн-Штернберг. — Сначала стреляла лишь одна пушка, но и этого оказалось недостаточно. Несмотря на многочисленные потери, толпы крестьян наступали со страшным шумом и выкриками. Теперь к первой пушке присоединилась вторая. Это вынудило крестьян несколько отступить, однако все же не смогло их полностью рассеять. Наоборот, они понемногу возвращались отдельными группами, но вели себя при этом смирно...» В ответ на уговоры судьи крестьяне заявили, что не выдадут своих вожаков, «не уйдут и больше никогда не подчинятся своим господам...»[3]

Восставшие потеряли четверо человек убитыми и 18 ранеными, от полученных ран скончалось впоследствии 10 человек. Среди раненых были крестьяне из Кокмуйжи, Валмиеры, Муяны, Цемпе и Каугур.[4] С наступлением темноты крестьяне отступили в лес и по прибытии новых крупных воинских подразделений постепенно разошлись. В конечном счете в Каугурах были сосредо-

[2] Там же, стр. 116 и 128.

[3] Там же, стр. 122.

[4] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rigā 1953, стр. 147.

Восстание в Каугурах в 1802 году. Акварель неизвестного художника, приложенная к делу о расследовании восстания.

точены одна рота гренадер, один эскадрон драгун, три батальона канониров, две роты конной артиллерии, команда донских казаков из 80 человек и шесть пушек.[5]

В патенте об отмене стационной подати, обнародованном весной 1802 года, говорилось также, что крестьяне могут впредь сами платить подушную подать. Основываясь на этом, крестьяне Адавереской волости решили избавиться от многочисленных дополнительных барщинных дней[6], которые помещик до этого времени с них требовал в счет подушной подати. Несмотря на возражения помещика, они летом 1802 года подали соответствующее прошение губернскому правлению в Риге и добились разрешения самим вносить подушную подать. Однако арендатор мызы Фитингоф, разгневанный таким оборотом дела, потребовал ареста крестьянских вожаков. Вместе с тем с крестьян стали со всей суровостью взыскивать зерновые взносы для сельского запасного магазина.[7]

Весной 1803 года адавереские крестьяне обратились к арендатору мызы с требованием сокращения барщины. Несмотря на отказ помещика, они начали отрабатывать лишь часть барщины.[8]

Еще осенью 1802 года слухи о выступлении адавересцев побудили к борьбе также и других окрестных крестьян. Старый крестьянин из Адавере, Кимаский Тоомас, заявил в сентябре этого года на мельнице: «Так, как этого хочет наш барин, дальше продолжаться не может, и если мы при этом будем молчать, то наши дети и внуки проклянут нас».[9]

Незадолго до Михайлова дня 1802 года рутиквереские крестьяне заявили на мызе о своем намерении отправиться в Ригу за разъяснениями относительно уплаты стационного сбора, а также с жалобой «на слишком

[5] A. Kāpostiņš, указ. соч., стр. 72, 74, 84 и 122.
[6] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2249, л. 4.
[7] Там же, л. 4—5.
[8] J. Zutis, указ. соч., стр. 154—155.
[9] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2249, л. 6.

тяжкую барщину, возложенную на них».[10] По возвращении из Риги рутиквереские крестьяне отказались платить своему помещику натуральный оброк и ликвидировать свою задолженность сельскому запасному магазину.

Говоря о факторах, послуживших поводом к волнениям среди государственных крестьян в 30-е годы XIX века, академик Н. М. Дружинин отмечает, что среди этих факторов важное место занимала внезапно открывшаяся перед государственными крестьянами ужасающая перспектива быть переведенными на положение удельных крестьян.[11] Совсем иная перспектива открылась перед эстонскими крестьянами в 1803 году. Царское правительство и органы самоуправления дворянства вдруг начали расточать крестьянам обещания улучшить их положение, и те на первых порах поверили им. Однако и эта «радостная перспектива», вопреки упованиям правящих классов, не успокаивала крестьян и на деле превратилась в фактор, побуждающий их к волнениям.

Летом 1803 года крестьяне нескольких волостей приходов Пыльтсамаа и Пилиствере самовольно сократили размеры отрабатываемой на мызе барщины.

Во второй половине июня четверо крестьян Выревереской волости отправились в путь, с тем чтобы «добиться ясности относительно предстоящих изменений в несении барщинной повинности». Они побывали на мызе Ренцени, где проживал ландрат Ф. Сиверс. Тот принял крестьян и в первую очередь сделал им строгое внушение, добиваясь, чтобы «они вернулись домой и продолжали работать на барщине до тех пор, пока не будут обнародованы новые постановления». Напомнив крестьянам о «бунте в Каугурах», он заявил, что ни в коем случае нельзя действовать «так, как в прошлом году поступили латыши, понесшие за это суровое наказание».[12] Но,

[10] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2249, л. 7.

[11] Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 206.

[12] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2304, л. 3.

кроме того, он рассказал им в нескольких словах и о характере готовящейся реформы. Как известно, лифляндские помещики лицемерно разглагольствовали о своем намерении снова ввести прежние «барщинные нормы времен шведского владычества», увеличив их лишь в незначительной мере. Сиверс сказал крестьянам об этом, заверив их, что в будущем «сохранится лишь часть теперешней барщины». И этого было достаточно, чтобы крестьяне поверили, будто вводится «прежняя барщина шведского времени».[13]

Однако ходоки выревереских крестьян, по-видимому, не удовлетворились разъяснениями Сиверса и захотели еще узнать, с какого же времени будет снова введена «прежняя барщина». С этой целью они побывали и в Риге, где были приняты генерал-губернатором. К сожалению, сведений о беседе генерал-губернатора с крестьянами не сохранилось. В воскресенье 28 июня крестьяне явились к владельцу мызы майору Фитингофу и заявили, будто бы им в Риге сказали, что «крестьянин трехдневного двора впредь не обязан отрабатывать более полутора тягловых дня в неделю ..., а также не обязан платить натуральный оброк, кроме зерна, причем и зерна не будут требовать до тех пор, пока не будут произведены обмер и оценка их земель казенным землемером. Далее, будто бы ни один доворохозяин не обязан отрабатывать после Иванова дня более 15 установленных дней дополнительной барщины. Кроме того, в будущем не надо более убирать урожай и обрабатывать землю в подмызках. И в конце концов все это привело к

[13] Там же, л. 3—4 и 6.

Поскольку власти во время подготовки и проведения реформы часто говорили о своем намерении исчислять барщину по «шведскому методу», то не удивительно, что крестьяне выразили свое намерение добиться прежних, уменьшенных против настоящего времени норм барщины словами «мы хотим барщину времен шведского владычества», отнюдь не выражая этим каких-то особых симпатий к шведским властям. В конце XVIII века барщинные повинности крестьян были более высокими по сравнению с повинностями конца XVII столетия, а уровень последних был намного выше, чем в конце XVI столетия.

тому, — пишет майор Фитингоф далее в своем письме от 2 июля на имя губернатора, — что на прошлой неделе волость дала из предусмотренного количества барщинников лишь половину, а в прошлый вторник все дворохозяева увели даже и этих барщинников с мызного сенокоса к себе домой».[14]

Сопротивление оказали также и крестьяне принадлежащей тому же владельцу мызы Имавере, где на работу стала выходить также лишь половина обычного числа барщинников.[15]

Слухи о том, что обнародованные с церковных кафедр патенты являются якобы подмененными и что введению подлежит «прежняя барщина», распространились также и среди кабаласких и адавереских крестьян. Как мы видели, адавереские крестьяне исполняли в мызе с весны лишь часть барщины. И в этот раз активностью отличался Кимаский Тоомас, твердивший выревереским крестьянам о том, чтобы «они, раз уж отменили часть барщины, стойко придерживались этого...»[16]

По примеру выревереских крестьян в Ренцени у Сиверса побывали также и крестьяне Кабалаской волости. По возвращении ходоков из Ренцени кабалаские крестьяне заявили своему помещику, что они будут впредь отрабатывать в неделю попеременно лишь три пеших дня и три дня с упряжкой. На уборку урожая в мызе они соглашались давать лишь одного барщинника на три дня, причем мыза должна была его кормить. За работу на мызной винокурне и в мызном обозе крестьяне потребовали денежного вознаграждения. Несколько кабаласких крестьян явились 8 июля в Ригу в ландратскую коллегию с жалобой на своего помещика. Крестьяне жаловались на непомерные тяготы барщины и на то, что помещик, ссужая их весной недоброкачественным продовольственным зерном и негодными семенами, осенью при возвращении ссуды принимает лишь

[14] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2304, л. 25.
[15] J. Zutis, указ. соч., стр. 155.
[16] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2304, л. 6.

чистое зерно, взимая сверх того в виде роста одну шестую. Помещик платит за крестьян подушную подать, но в счет этого требует с них дополнительной барщины, которая, непрерывно возрастая, в конечном счете по своим размерам не уступает постоянной барщине.[17]

Усмирение крестьян было поручено ландрату Анрепу, в распоряжение которого губернские власти предоставили целый батальон солдат. В жестокой расправе с крестьянами принимал участие и ландрат Сиверс, специально прибывший на место событий. Крестьяне оказывали упорное сопротивление — на подавление каждой волости карателям пришлось потратить по два дня. После продолжительного увещевания кабаласские крестьяне в конце концов согласились отрабатывать барщину в прежних размерах, но лишь до «обнародования нового регулятива». В Паюзи крестьяне, вооружившись при приближении карателей дубинами и камнями, заявили ландратам, что они требуют прежних норм повинностей и что «за жатие же хлеба, сидку вина и подводы им должно платить деньгами». И в Паюзи, и в Лустивере каратели подвергли многих крестьян наказанию поркой. В Кабала, Паюзи, Адавере и Лустивере были размещены на постой солдаты. Лишь в начале августа губернские власти могли донести правительству, что «спокойствие в этом районе восстановлено».[18]

Осенью 1803 года весьма реальным было опасение, что и в эстонской части Лифляндской губернии, а именно в Вастселийна, вспыхнет такое же восстание, как в Каугурах.

Патент 22 мая 1803 года о подготовке новой реформы был крестьянами Вастселийна истолкован в таком смысле, что новый крестьянский регулятив уже издан и его лишь скрывают от них. «Да, большинство из этих людей... находится в таком напряженном состоянии, —

[17] J. Zutis, указ. соч., стр. 153—154; ЦГИАЛ, ф. 1528, оп.1, д. 2, л. 21; ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 70.

[18] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2304, л. 3, 5, 11 и 19—20; ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 19—20 и 32.

писал местный орднунгсрихтер, — что ждет не дождется того времени, когда будет издан новый регулятив, лелея надежду на то, что барщина будет полностью отменена или же сохранена лишь в незначительных размерах».[19]

Еще до выступления вастселийнаских крестьян вспыхнули волнения в волости Орава, о которых в документах, к сожалению, не сохранилось никаких более конкретных сведений.[20] Вскоре после волнений в Орава вастселийнаские крестьяне собрались 3 сентября в приходской корчме на сходку, где Куреский Танель, Кивиский Семен и Хинсоский Иван пространно говорили «о прежнем вакенбухе времен шведского владычества и призывали крестьян требовать введения барщинных норм того времени».[21] В первую очередь крестьяне обратились к пастору, но, не получив от него «удовлетворительного ответа», отправились в мызу. При этом руководившие другими крестьяне уверяли, что «тот, кто пойдет за ними, будет принадлежать царю, как в России, а тот, кто этого не сделает, останется под властью помещика».[22]

60 крестьян ворвались в мызный двор, потребовали «нового закона» и под конец увели из мызных риг крестьян, молотивших там хлеб в порядке дополнительной барщины. С этого дня вастселийнаские крестьяне не посылали в мызу на дополнительную барщину ни одного человека.

11 сентября в Вастселийна прибыл орднунгсрихтер барон Будберг. В тот же день в мызу явилось несколько сот дворохозяев, с которыми орднунгсрихтер и пастор Марпург вступили в переговоры, продолжавшиеся свыше четырех часов, но окончившиеся безрезультатно. Крестьяне заявили, что «они не в силах и не считают себя обязанными исполнять дополнительную барщину». На

[19] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 12634, л. 2.
[20] Там же, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 143.
[21] Там же, л. 145—146; ф. 4, оп. 1, д. 12634, л. 4.
[22] Там же, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 146.

заявление орднунгсрихтера о том, что они живут на земле помещика и поэтому должны ему повиноваться, крестьяне ответили, что и сам помещик со своей землей принадлежит царю. Наконец крестьяне разошлись по домам, а орднунгсрихтер вытребовал роту солдат.[23]

В понедельник 15 сентября в мызе опять должны были приступить к молотьбе, и крестьянам приказали к утру этого дня прислать в мызу работников. Но уже в ночь с воскресенья на понедельник в деревню был направлен отряд солдат из 20 человек. Трое крестьян, обративших на себя внимание в ходе волнений, — Куреский Танель, Сепсиский Тыну и Пяртли-Самблаский Пээтер — были арестованы и доставлены в мызу. В понедельник около 12 часов дня кубьясы явились к помещику с известием, что крестьяне все вскоре придут к помещичьей усадьбе. Около двух часов дня к мызным воротам приблизилась толпа крестьян в 400 человек, вооруженная кольями. Крестьяне заявили, что желают говорить с орднунгсрихтером. Орднунгсрихтер в сопровождении офицеров и управляющего мызой подошел к крестьянам, сложившим свои колья на землю. Они заявили судье, что живут «в такой нищете, что у большинства крестьян дома вообще больше нет хлеба, и поэтому они и не могут исполнять барщины». Так как «им все равно больше нечего терять, то они не будут для мызы отрабатывать никакой другой барщины, кроме постоянной, каковы бы ни были последствия». Крестьяне потребовали также освобождения своих арестованных товарищей. На отказ судьи, приказавшего им разойтись по домам, «крестьяне ответили громким ропотом, схватили колья и заявили, что не сдвинутся с места до тех пор, пока арестованные не будут им выданы». Орднунгсрихтер приказал вывести солдат и зарядить ружья. Когда солдаты двинулись на крестьян, «дикая толпа отступила, остановившись на одном пригорке на мызном поле». Солдаты вернулись на мызный двор, но перед мызной усадьбой был расставлен усиленный караул. Вместе с тем,

[23] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 12634, л. 120 и 122—123.

судья приказал объявить крестьянам, что если «они попытаются освободить арестованных силой, то будут встречены по всем правилам». Крестьяне оставались на пригорке до 11 часов вечера, но с наступлением темноты постепенно разошлись.[24]

Вечером того же дня, 15 сентября, в мызные риги на работу вышли лишь семь человек. К 17 сентября число вышедших на барщину возросло уже до 56 человек, а 19 сентября часть дворохозяев явилась в мызу с повинной. Когда же 21 сентября из Тарту прибыли еще три роты солдат, то судья решил, что они ему больше не нужны, и отправил их обратно.[25]

В 1803 году волнения отмечались и в двух мызах Эстляндской губернии. Владелица мызы Путкасте на острове Хийу в то лето сократила барщину своих крестьян на несколько дней в неделю. Это придало смелости крестьянам Сууремыйза, и в воскресенье 5 июля, перед началом богослужения, они столпились на мызном дворе, требуя сокращения барщины.

Владелец мызы Унгерн-Штернберг был в то время в отсутствии, а его мать, увидев разъяренных крестьян, спряталась от них за запертыми дверьми. Увещевания пастора и настоятеля церкви, поспешивших ей на выручку, не возымели действия. Крестьяне не успокоились до тех пор, пока им не разрешили направить с жалобой в Петербур своих ходоков, которым были выданы паспорта. Таким образом, четверо сууремыйзаских крестьян отправились в путь, но дошли лишь до Таллина, где подали свою жалобу губернатору. Остальные же крестьяне, как сетовал помещик, исполняли барщину весьма «своевольно», так что уборка урожая в мызе оказалась нелегким делом. Однако прибывшему 15 июля на место гакенрихтеру удалось в течение нескольких дней сломить сопротивление крестьян. [26]

Более острое столкновение между крестьянами и по-

[24] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 131—137.

[25] Там же, л. 138 и 140; ф. 4, оп. 1, д. 12634, л. 10.

[26] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, д. 1244, л. 1—3, 5 и 8—9.

мещиком, имевшее, как в свое время справедливо отметил историк Нигулас Лооне, написавший об этих событиях специальную статью [27], весьма далеко идущие последствия, произошло в Эстляндской губернии, в принадлежавшей периаскому помещику деревне Сильмси.

Весной 1803 года владелец мызы Перила Мореншильдт решил отобрать у крестьян деревни Сильмси одно поле, но крестьяне воспротивились этому грабежу и приступили к пахоте. Явившись по вызову в мызу, они сказали помещику, что если они откажутся от этого поля, то этим обрекут себя на голод. Несмотря на то, что крестьяне обратились с жалобой к губернатору, по распоряжению которого приходский суд приступил к расследованию дела, помещик отправился 3 июня верхом в сопровождении слуг в деревню, чтобы захватить поле. Однако крестьяне решительно воспротивились этому, и между ними и мызными слугами завязалась рукопашная схватка. Последним удалось лишь с большим трудом принудить крестьян к отступлению.

2. Волнения 1804—1805 годов в северной Лифляндии

Местные власти в Лифляндской губернии с большой тревогой шли навстречу проведению в жизнь реформы 1804 года. Кроме всего прочего, их беспокоило и следующее обстоятельство: если раньше крестьянские волнения возникали, как правило, после обнародования новых законов и во время их введения, то теперь они происходили еще до этого.

Весьма характерным для настроений, царивших в то время среди лифляндских помещиков и высших чиновников губернии, было письмо, направленное генерал-губернатором Голицыным в начале 1803 года министру внутренних дел Кочубею. Князь Голицын опасался, что

[27] N. Loone. «Iggaüks» ja Silmsi talupojad a. 1803. «Ajalooline Ajakiri», 1933, стр. 206—218.

крестьянин, «будучи с малолетства приучен видеть в господине своем своего тирана, употребит первый порыв своей вольности к нанесению прискорбия помещикам. Я сам знаю, что в Риге уже некоторые крепостные люди явно говорили, что они скоро будут вольными. Без сомнения, — продолжал генерал-губернатор, — не допущу я во всяком случае до большого возмущения и, силою данной мне власти и помощью войск, приведу все в прежний порядок и повиновение... По мнению моему всеобщего возмущения в России быть не может, а могут быть от введения подобных правил частные мятежи, которые без кровопролития утушены быть не могут, а от убавления людей убавятся и силы государства. Вся Европа заражена химерическою вольностью, которая, как зараза, прилипчива. Пограничные наши завоеванные провинции, как Литва и Курляндия, истинно нам не весьма преданы и, конечно, воспользуются сею искрою и раздуть могут большой огонь».[28]

Больше всего князя Голицына беспокоило следующее обстоятельство. В десяти городах и многочисленных мызах Лифляндии проживало, по имеющимся у генерал-губернатора данным, 897 вольных ремесленников и служащих — немцев и представителей других национальностей. Эти люди общаются с крестьянами, «читают газеты и распространяют среди них идеи свободы и существующего лишь в воображении равноправия и естественных прав человека... Произведения Меркеля, Петри и других им подобных, изданные в недавнем прошлом, ...изображающие лифляндских помещиков грабителями исконной собственности латышского народа, известны этим лицам немецкой национальности и служат им поводом для различных злостных россказней».[29] По мнению генерал-губернатора, любая попытка к одновременному в обеих губерниях урегулированию барщинных повинностей крестьян могла привести лишь к волнениям,

[28] Ю. Самарин. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Окраины России, вып. VI. Berlin 1876, стр. 57—58.

[29] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 4.

ибо у одной части крестьян барщинные повинности неизбежно будут снижены в меньшей мере, чем у другой, и это вызовет ропот и возмущение.

Летом 1804 года дело реформы продвинулось уже так далеко, что в деревни выехали специальные ревизионные комиссии, чтобы создать волостные суды и раздать крестьянам, по мере их составления, так называемые временные вакенбухи. В условиях крестьянских волнений, о которых более подробно будет сказано ниже, ревизионным комиссиям подчас приходилось идти на уступки. Интересные данные сохранились о деятельности Тартуской ревизионной комиссии. Когда в августе 1804 года комиссия приступила к составлению временного вакенбуха для мызы Вяйке-Конгута, то ее арендатор, помещик Шульц, заявил, что крестьяне отрабатывают у него барщину по два дня в неделю на человека, но что вообще «состоявшие у него в аренде крестьяне все без исключения столь худого поведения, что он не одобрывает никого в судейские звания, просит суда крестьянского из них не избирать, а причислить к другому имению». Когда же были вызваны крестьяне, то, по словам председателя комиссии Пущина, выяснилось, что показания Шульца «о работе несправедливы, ибо вместо двух дней от начала его правления исправляют работу по шести дней в неделю с крайним изнурением, сверх того употребляет их в другие приходы на приготовление и возку извести и отправляет обозы в самое распутное время [?!][30], от чего, [как] крестьяне показывают, лишились лошадей и не могут по недостатку ему обработать своих земель и засевов и принуждены нашлись для пропитания занимать у него хлеб и впали в неоплатные долги».[31]

[30] Здесь перед нами типичный образчик языковой «культуры» прибалтийских немцев, исполняющих обязанности секретарей и советников ревизионных комиссий, председателями которых являлись царские чиновники.

[31] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 17.

Вполне возможно, что эти противоречивые данные были обусловлены тем, что помещик разделил общее количество барщинных дней

Случай с помещиком Шульцом красноречиво говорит о том, что крестьяне иногда пользовались вызовом в ревизионную комиссию для подачи жалоб на своего помещика. В конце концов крестьяне Вяйке-Конгута добились даже некоторого уменьшения барщинных повинностей. Сохранились отчеты Тартуской ревизионной комиссии о ее работе по составлению временных вакенбухов в 1804 году в 26 имениях.[32] В отношении 15 мыз в отчетах прямо сказано, что повинности крестьян этих мыз пришлось уменьшить; в отношении одного имения говорится, что там общая площадь земель не соответствовала объему крестьянских повинностей (и последние пришлось, очевидно, уменьшить); в трех мызах комиссия по просьбе крестьян предоставила им право самим платить подушную подать, и, таким образом, помещики лишились тех барщинных дней, которых они до того времени требовали в счет подушного налога; в шести мызах существующие повинности были утверждены без изменений; в отношении одной мызы ясные указания отсутствуют. По ведомости Пярнуской ревизионной комиссии, составленной 22 декабря 1804 года, в пяти мызах района ее деятельности крестьянские повинности остались на прежнем уровне, а в 15 мызах были уменьшены.[33]

Крестьяне встретили проведение в жизнь нового закона еще бóльшим протестом, чем дворяне. Во вступительной части закона и во многих его статьях крестьянам обещали отныне требовать повинности лишь соразмерно количеству и качеству земель, находящихся в их владении, и притом по старой «шведской таксе». Но ревизионные комиссии приступили к раздаче временных вакенбухов, в которых повинности были зафиксированы в существующих размерах и лишь изредка с незначительными уменьшениями. Дело осложнялось еще и тем,

на общее количество крестьян (включая и членов крестьянских семей и бобылей) и подсчитал, что на одного крестьянина приходится не более двух дней, чиновник же в ходе допроса крестьян выяснил, что они отрабатывают по шести дней со двора.

[32] Там же, л. 16—26.
[33] Там же, л. 26—33.

что одновременно с раздачей временных вакенбухов ревизионные комиссии должны были учредить волостные суды и привести к присяге избранных в члены этих судов дворохозяев. Крестьяне стали опасаться, что дав присягу, они будут вынуждены беспрекословно исполнять все зафиксированные в вакенбухах повинности. Во многих местах крестьяне летом 1804 года предполагали, что с началом деятельности ревизионных комиссий их повинности должны быть немедленно уменьшены.

Крестьяне волости Пангоди (приход Нью Тартуского уезда) в июле 1804 года отказались избирать судей и самовольно сократили барщину. Вскоре их примеру последовали крестьяне мызы Ару того же прихода. Когда местные власти собирались наказать некоторых их вожаков, крестьяне силой освободили арестованных. К началу октября волнения распространились и на соседние приходы — против своих помещиков выступили крестьяне мыз Тяхтвере и Отепя. Для подавления этих волнений из Таллина была выслана рота мушкетерского полка.[34]

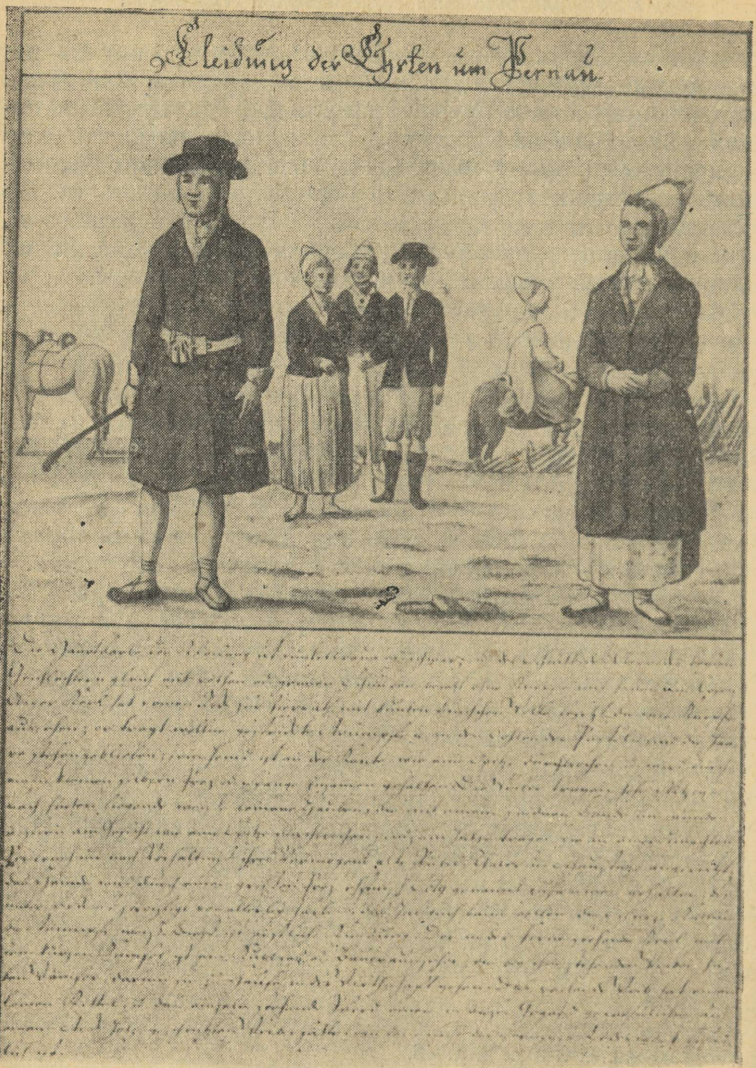
В сентябре-октябре 1804 года крестьяне приходов Рауна, Дзербене, Кримулда, Ледурга, Сигулда и Баушкална отказались выбирать крестьянских заседателей в новые суды и принимать вакенбухи. Для расправы с сопротивляющимися крестьянами были посланы две роты солдат и 50 казаков.[35]

В январе 1805 года крестьянские волнения начались на морском побережье Пярнуского уезда. Принимая вакенбухи, заседатель приходского суда Кавараский Энн из волости Поотси заявил, «что по оным исполнения чинить не будут, ибо ими недовольны». Примеру поотсиских крестьян последовали и крестьяне Сели, к ним собирались присоединиться и аудруские крестьяне. В начале марта в эти волости была послана воинская команда.[36]

[34] Там же, л. 9 и д. 2, л. 48.

[35] Там же, д. 2, л. 41, 43—44 и 47.

[36] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2341; ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 53—54.



Эстонские крестьяне из окрестностей г. Пярну. Рисунок И. Х. Бротце.

Летом и осенью 1805 года в Тартуском уезде вспыхнули новые сильные крестьянские волнения. Уже в конце мая в мызы Рынгу и Соонтага для усмирения крестьян, отказавшихся от принятия новых вакенбухов, были посланы две роты. В июле сильные крестьянские волнения охватили приход Отепя — крестьяне Отепяской, Видрикуской и Пюхаярвеской волостей отказались принимать вакенбухи; туда была направлена одна рота. В октябре, по донесению местных властей «общее по всему кирхшпилю (т. е. приходу. — *Ю. К.*) возмущение...» вспыхнуло в Сангасте. Высказывалось опасение, что если к сангастеским крестьянам присоединятся еще крестьяне соседнего прихода Карула, то количество «возмутившихся будет до 10 000 мужиков». Вожаки сангастеских крестьян знали о крестьянских волнениях, происходивших в начале октября в соседней Эстляндской губернии, и, по сообщению председателя местной ревизионной комиссии, уверяли своих односельчан в том, что в «Ревельской губернии упорно отлагаются от послушания и что все те, кто упорно настоят, получат свободность».[37]

Для подавления крестьянских волнений в лифляндские деревни направлялись все новые и новые воинские команды. Проезжая около 20 октября через Тартуский уезд, председатель Рижской ревизионной комиссии Арсеньев заметил, «что от самого Дерпта [Тарту] до Венденского [Цесисского] уезда все селения наполнены солдатами, коих не смеют, однако же, вывести, ожидая возмущения».[38]

Занятое сначала подготовкой к войне с наполеоновской Францией, а затем самой войной, царское правительство испытывало в тот период подчас значительные трудности при подавлении крестьянских волнений в Прибалтике. 29 апреля 1805 года царское правительство было вынуждено распорядиться об отправке в Лифляндию целого казачьего полка, несмотря на трудности, с которыми была сопряжена сложная передислокация

[37] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 54—59, 66, 97 и 99—100.

[38] Там же, л. 100.

Солдаты на почтовом тракте около г. Тарту. Рисунок Ф. Шлатера, середина XIX в.

войск вдоль всей западной границы Российского государства. Донской казачий полк под командой подполковника Андронова должен был на Волыни сменить полк войскового старшины Малахова, последний же, в свою очередь, должен был прийти на смену 17-му казачьему полку Грекова в Литве, который получил приказ двинуться в Лифляндию. Но, когда полк Андронова прибыл на Волынь, его, как и полк Малахова, «включили» в Волынскую армию и отправили на театр военных действий. Даже часть 17-го казачьего полка, уже переброшенная в Лифляндию, была осенью 1805 года отозвана и послана на фронт. В результате всего этого в сентябре того же года, к изумлению министра внутренних дел, казаков в Лифляндии не оказалось.

Казаки, направляющиеся в Лифляндию издалека, «затерялись» в пути. Лишь когда местные власти забили

тревогу, генерал-адъютант Ливен дал им 11 октября знать о распоряжении царя об отправке в Лифляндию трех казачьих сотен из полка Бобрикова. В Лифляндию казаки прибыли в начале ноября.[39]

Но и без них в эстонской части Лифляндии находились значительные контингенты войск. В течение 1804—1805 годов в эстонские деревни Лифляндской губернии для подавления волнений были направлены 280 солдат и офицеров рижского гарнизона, 60 солдат пярнуского гарнизона, две роты Севского полка и две роты мушкетерского полка.

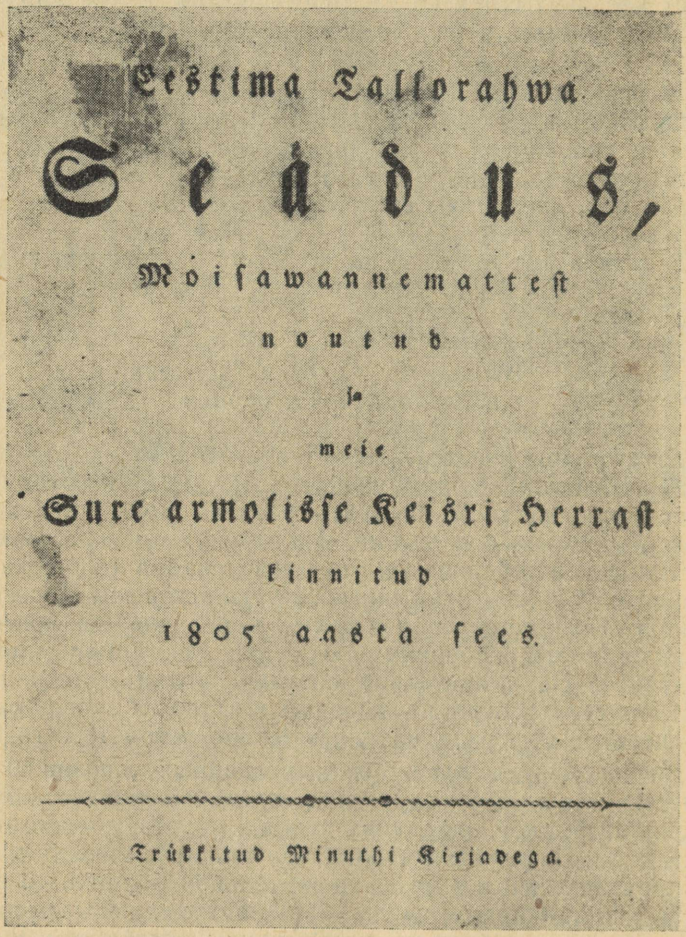
В латышские уезды губернии было направлено шесть рот.

3. Начало крестьянских волнений в Эстляндской губернии

Экземпляры Положения о крестьянах Лифляндской губернии были розданы крестьянам уже в 1804 году, и летом того же года началась раздача новых вакенбухов. Указ царя о введении Положения о крестьянах Эстляндской губернии был издан 1 декабря 1804 года, и лишь в 1805 году был напечатан его эстонский перевод. Закон был обнародован в июле, к раздаче же составленных на его основании вакенбухов приступили лишь в сентябре. Не удивительно поэтому, что и волнения в Эстляндской губернии, поводом к которым послужило проведение реформы, начались только летом 1805 года.

Во временных вакенбухах, розданных лифляндским крестьянам в 1804 году, было отдельно указано число барщинных дней, затрачиваемых на молотьбу, — это значит, что в Лифляндии ночи, затрачиваемые на молотьбу, приравнивались к дням дополнительной барщины и вычитались из общего числа барщинных дней, которые должно было исполнять крестьянское хозяйство. В то

[39] ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, т. I, д. 869, л. 93—95; ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, л. 116.



Eestima Tallorahwa

Seädus,

Moisawannematteſt

noutud

ja

meie

Sure armolisse Keisri Herraſt

kinnitud

1805 aastа seest.

Trükkitud Minuthi Kirjadega.

Титульный лист эстонского издания Положения о крестьянах Эстляндской губернии 1804 года.

же время в лифляндском крестьянском законе отмечалось, что две трети работ по молотьбе следует выполнять в порядке постоянной барщины, а одну треть — в порядке дополнительной барщины. В розданных в Эстляндии вакенбухах вообще не было и речи о молотьбе. В этом вопросе помещикам была предоставлена полная свобода действия. Они могли заставить барщинников выполнять для мызы всю работу по молотьбе в порядке постоянной барщины, удлиняя их рабочий день за счет сна. Если эта работа отчасти и выполнялась в счет дополнительной барщины, то в вакенбухах обычно не отмечалось, сколько людей нужно было присылать в имение и на какой срок.

Разницу в подсчете работы на молотьбе по лифляндскому и эстляндскому законам крестьяне, конечно, должны были заметить, и она им действительно бросилась в глаза.

Наиболее ясные данные о том, что подразумевали эстляндские крестьяне, когда они требовали, чтобы с ними поступали по лифляндскому закону, сохранились в архивном деле, касающемся событий, происходивших осенью 1806 года в Пальмсе. Среди пальмсеских барщинников шел разговор не о каком-то «новом законе» или «царском законе», а прямо о «лифляндском законе», и они требовали, чтобы с ними поступали в соответствии с этим законом, так как «иначе этот закон здесь не продавали бы». Они требовали, чтобы «молотьба производилась днем и чтобы ее выполняли как дневную барщинную работу...» или в крайнем случае, чтобы за ночную молотьбу помещик платил им отдельно.[40]

Но правильнее всего было бы сказать, что лифляндский крестьянский закон 1804 года взволновал крестьян соседней губернии не столько своим трудным для понимания содержанием, сколько одним лишь своим существованием. Содержание розданных крестьянам экземпляров нового эстляндского крестьянского закона совершенно не оправдало их ожиданий. Тогда они уз-

[40] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. А I, д. 202, л. 14—15.

нали, что имеется еще другой закон, тоже на эстонском языке, изданный царем и предназначенный для крестьян. Его продавали в Таллине в книжной лавке Борнвассера, и отдельные его экземпляры попали также в руки крестьян Эстляндской губернии.[41] Большинство крестьян своими глазами не видело этого закона и только лишь знало о его существовании. Но и этого было достаточно для того, чтобы стали распространяться тревожные слухи. Среди крестьян Эстляндской губернии слышались разговоры о том, что царь запретил ночную молотьбу и что им роздали экземпляры не настоящего закона, а какую-то составленную помещиками «на посмеяние грамоту».[42]

Возникновение среди крестьян слухов о «настоящем законе», который помещики скрывают от них, следует считать не случайным, а, напротив, весьма характерным для антифеодальной классовой борьбы крестьян явлением. Неся повинности на помещика или работая на барщине в мызе, крестьянин все время ревниво следил за тем, чтобы помещик поступал с ним «справедливо» и неоднократно ловил его и его помощников на «несправедливых» поступках. Таким же образом относилось крестьянство как класс и к помещикам как к классу. Со стороны помещиков постоянно опасались всякого рода насилия, обмана и несправедливости. Вследствие этого для антифеодальной классовой борьбы крестьян весьма характерным и закономерным является тот факт, что почти все издаваемые правящим классом законы, касающиеся крестьян, последние объявляли поддельными. Хотя крестьяне при этом формально и ошибались, так как никакого «настоящего закона» фактически не существовало, все же, по сути дела, они были правы. Выработанный для них помещиками и царским правительством закон, не удовлетворявший чаяниям и требованиям крестьян, не был для них «настоящим». И кре-

[41] ЦГИА ЭССР, ф. 29 оп. 11, д. 43, л. 6; ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 261—262; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 1.

[42] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 284—285.

стьяне, конечно, были правы, что боролись против введения его, требуя коренного изменения существующего положения.

14 августа губернские власти обратились к крестьянам со специальным публикатом, в котором призывали их «не бросать работы на мызах» и «жаловаться только по инстанциям». Но «успокоительные» публикаты уже не действовали на крестьян. Участились столкновения между помещиками и крестьянами, возникавшие по самым разнообразным поводам.

Первые волнения крестьян Эстляндской губернии начались в приходе Амбла, в волости Роосна. Крестьяне мызы Роосна раньше отрабатывали четыре дня постоянной барщины в неделю. Но восемь лет назад помещик изменил порядок выполнения барщинных работ. Барщинников заставили во время сенокоса вместо четырех дней в неделю с упряжкой отрабатывать шесть пеших дней. Таким образом, у них не оставалось времени для того, чтобы накосить сена своей корове и выполнить другие работы у себя дома, и сами барщинники говорили, «что у них отняли всякую возможность прокормить своих жен и детей...»[43]

В начале июля 1805 года барщинники снова стали самовольно работать на мызном покосе лишь по четыре дня в неделю, как и в былые времена. Когда мызный амбарщик потребовал от барщинников, чтобы они повиновались своему господину, то один из них ответил: «Что за свой господин? Разве ты не знаешь, чьи мы? Мы все принадлежим казне...»[44] Вскоре барщинники в конце каждой недели стали оставаться дома, и часть их помогала своим хозяевам на сенокосных работах.

16 июля владелица мызы госпожа Баумгартен сообщила властям о происходящих в Роосна событиях. Но гакенрихтер Бэр прибыл туда лишь 15 августа, и даже

[43] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 307; ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 12 и 146.

[44] Там же, ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 307.

тогда ему не удалось принудить крестьян к повиновению.[45]

Уже в начале августа выступили также крестьяне-дворохозяева мызы Кукевере. Они «договорились, что ни в коем случае не позволят господину подвергать их порке...» Когда помещик собрался наказать одного из них поркой, другие помешали этому. Все же явившемуся 14 августа на место событий гакенрихтеру Бэру удалось подавить сопротивление дворохозяев, и он назначил каждому из них по 60—100 ударов палкой.[46]

Крестьяне Ярвеской волости Вируского уезда в первой половине августа купили у одного корчмаря из прихода Люганузе за пять рублей экземпляр эстонского издания лифляндского крестьянского закона. После этого они отказались посылать людей на жатву в порядке дополнительной барщины, заявив, что у них имеется «книга закона», которая освобождает их от этого. Люганузеский приходский судья майор Эссен приговорил продавшего экземпляр закона корчмаря к наказанию 80 ударами палкой, и после этого, как об этом Эссен 15 августа сообщил предводителю дворянства, крестьяне волости Ярве снова приступили к выполнению барщинных работ в мызе.[47]

29 августа о волнениях, вспыхнувших в ее мызах, сообщила губернатору владелица мызы Эйвере Марта фон Пиллар. Барщинники отказались работать по четыре ночи в неделю на молотьбе, они согласны были работать только три ночи. Сопротивление барщинников мызы Эйвере продолжалось по меньшей мере до конца сентября, так как еще 30 сентября гакенрихтер южной части Ярваского уезда сообщал, что барщинники все еще не молотят хлеб в четвертую ночь, но вообще крестьяне выполняют барщину исправно.[48]

[45] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 7—11.
[46] Там же, л. 10.
[47] Там же, ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 261—262.
[48] Там же, л. 312; ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 23 и 170.

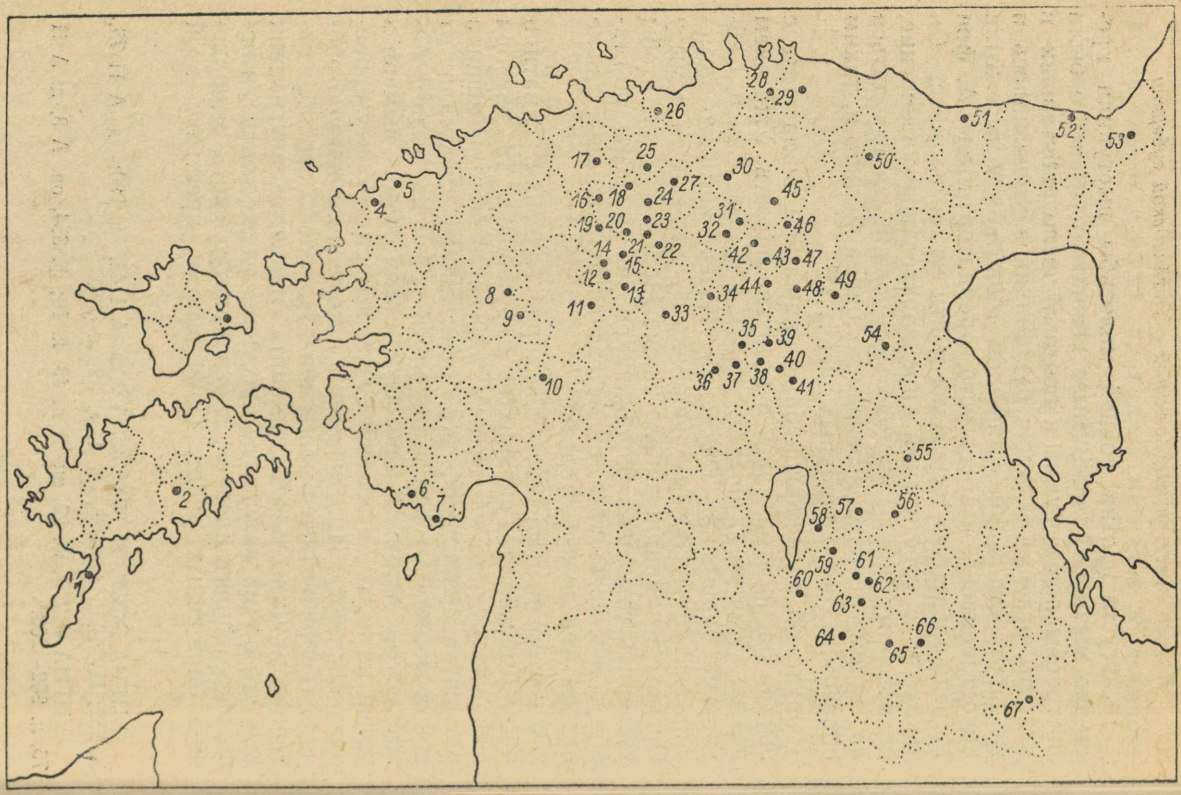
10 августа против ночной молотьбы выступили крестьяне мызы Сейдла. В мызе незадолго до этого были построены новые гумна и поэтому число работавших в каждом отдельном гумне барщинников уменьшилось и их работа стала более тяжелой. Молотьба в мызе была приостановлена, и 15 августа арендатор мызы А. фон Моренштильдт был вынужден пойти на компромисс. Он заключил с крестьянами «предварительное соглашение, по которому половина молотьбы должна производиться по старому обычаю, а вторая половина — днем и, таким образом, в счет барщинных дней...»[49]

Слухи об одержанной барщинниками Сейдла победе быстро распространились и в другие волости. Уже днем позже, 16 августа, об этом узнали и в мызе Сакси. Сейдлаский барщинник Тассиский Пээтер, которого помещик считал «главным зачинщиком», отправился в мызу Оргметса, принадлежащую также Моренштильдту, чтобы уговорить тамошних барщинников не молотить по-старому, и к 22 августа оргметсаские барщинники также прекратили ночную молотьбу.[50]

Во второй половине сентября волнения охватили мызу Лийгвалла. Гакенрихтер Бэр сообщил 19 сентября губернатору, что, по словам лийгваллаского помещика ротмистра Ребиндера, его барщинники отломали от конца мерки, которой вымерялись уроки на мызной пахоте, кусок длиной в один фут, стали сами вымерять уроки на пахоте и вообще не разрешали кубьясу проверять их работу. По отношению к помещику они употребляли «непристойные выражения». Но уже 27 сентября губернатор Лангель мог сообщить министру внутренних дел, что в Лийгвалла, где крестьяне также «оказали небольшое сопротивление», снова приступлено к выполнению барщинных работ. По-видимому, крестьяне этой

[49] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 44, л. 250; д. А II 75, л. 282; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 436.

[50] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 43, л. 10; ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 282—283.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67

Крестьянское движение в Эстонии в 1797—1807 гг.

Точками обозначены мызы, крестьяне которых участвовали в волнениях и коллективных антифеодальных выступлениях.

1 — Тийнузе
2 — Кыльяла
3 — Сууремыйза
4 — Ныва
5 — Вихтерпалу
6 — Сели
7 — Поотси
8 — Оргита
9 — Хаймре
10 — Пёэраверe
11 — Кехтна
12 — Инглисте
13 — Кайу
14 — Майдла
15 — Куйметса
16 — Таммику
17 — Каутъяла
18 — Козе-Ууэмыйза
19 — Хяргла и Сааремыйза
20 — Лустивере
21 — Харми
22 — Трийги
23 — Оясоо
24 — Равила
25 — Перила
26 — Кодасоо
27 — Алавере
28 — Пальмсе
29 — Анниквере
30 — Кукевере
31 — Оргметса
32 — Сейдла
33 — Вяэтса
34 — Эйвере
35 — Выревере
36 — Кабала
37 — Имавере
38 — Адавере
39 — Рутиквере
40 — Паюзи
41 — Лустивере
42 — Орина
43 — Карину
44 — Кайу
45 — Роосна
46 — Аавере
47 — Лийгвалла
48 — Вяйнъярве
49 — Селли
50 — Пылула
51 — Ярве
52 — Пяйте
53 — Аувере
54 — Кивиярве
55 — Тяхтвере
56 — Ару
57 — Пангоди
58 — Ранну
59 — Рынгу
60 — Соонтага
61 — Отепя
62 — Пюхаярве
63 — Видрику
64 — Сангасте
65 — Ваабина
66 — Линнамяэ
67 — Вастселийна

мызы в течение некоторого времени не выходили на барщину.[51]

В июле или в начале августа 1805 года мызный садовник Йыэпереский Яан решил отправиться с жалобой в Петербург. Помещик Клодт собирался выгнать его из усадьбы и превратить в барщинника. Но Яан отправился в Петербург не только по этому личному делу. Перед отъездом он встречался со многими соседними крестьянами и взял с собой в путь один экземпляр эстляндского крестьянского закона. Его сопровождал в качестве переводчика барщинник из Мядапеаской волости Якобиский Тыну. «Он думал, — говорил позже перед судом Яан, — что легче добьется своей цели, если минует все нижестоящие учреждения...»[52]

Как мы видели, в 1805 году среди эстляндских крестьян распространился слух о том, что существует какой-то другой, лучший, изданный царем закон, который принесет крестьянам облегчение. Еще в 1802 году до латышских крестьян Лифляндии дошли слухи, что проживающим в окрестностях Петербурга крестьянам якобы уже дарована свобода. В связи со всем этим вполне понятно, что крестьяне некоторых мыз Вируского уезда решили направить к царю ходока с тем, чтобы выяснить, роздан ли им настоящий закон, или выйдет какой-то другой закон, действительно облегчающий их участь, и будет ли им предоставлена свобода.

В Петербурге путешественники остановились в трактире, называвшимся ревельским, и стали искать человека, который составил бы им прошение по форме. Один лакей эстонской национальности привел к ним некоего «старого секретаря» Иоханна Поля (или Боля), которому они заплатили пять рублей но, по-видимому, тот не справился с составлением прошения, и, очевидно, потому, что не владел эстонским языком. Во всяком случае он привел к ним в ревельский трактир одного

[51] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 85; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 79.

[52] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 84—85 и 88.

офицера, некоего капитана Миллера (или Мюллера), который хорошо говорил по-эстонски. Секретарь Поль надеялся, что капитан составит прошение для крестьян вместе с ним. Капитан, однако, не согласился на это и, взяв от крестьян 10 рублей и от Поля полученные тем 5 рублей, повел Яана на постоялый двор, расположенный на краю Московского тракта, чтобы там написать прошение. Но капитан не успел еще выполнить свое намерение, как явились полицейские, которых направил сюда разгневанный на своего конкурента Поль. Сначала Яана держали некоторое время под стражей на постоялом дворе, а затем увели в тюрьму, где поместили в одну камеру с арестованным также Полем. 16 августа Петербургское губернское правление сообщило эстляндскому губернатору, что в столице задержаны два пришедших с жалобой крестьянина — Денис Яковлев и Иоханн Пертель. Вскоре Яан, который, по его собственным словам, отсидел в петербургской тюрьме четыре недели, был выслан под конвоем в Таллин. Там его продержали еще два дня и отправили затем обратно в Раквере, куда он прибыл 2 или 3 сентября и где его отпустили на свободу.[53]

Уже 3 сентября вечером Яан пошел в деревню Ассамалла мызы Поркуни, где держал в корчме большую речь. Яан сообщил, что один «знатный господин» в Петербурге дал ему с собой письмо, которое преследует двоякую цель: оно должно не только указать крестьянству, какие подлинные права ему принадлежат, но и помочь ему для завоевания этих прав «собирать крестьян целыми массами». Он, Яан, обязан хранить это письмо как святыню и никому его не отдавать, особенно помещикам и судьям, так как цель письма — «упразднить власть помещиков и судей».[54]

Несколькими днями позже слухи о выступлении

[53] Там же, л. 45 и 228—230; ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 21.

[54] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 46; ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 41.

Йыэпереского Яана дошли до помещиков и местных чиновников. 7 сентября Яан был вызван в Кадринаский приходский суд, и от него потребовали таинственное письмо, о котором он говорил. В суде Яан держался смело и даже вызывающе. Он сказал, что письма у него с собой нет и что он принесет его, чтобы показать господину судье, если с ним пойдет столько крестьян, что никто не сможет силой отнять у него письмо.[55]

За такие «мятежные речи» Яана арестовали и бросили в ракверескую тюрьму. Хотя ему и удалось оттуда бежать, но вскоре он был снова пойман и по распоряжению министра внутренних дел отправлен в Петербург. Здесь он был допрошен 14 октября в присутствии министра юстиции. После этого министр юстиции, военный министр и министр внутренних дел на совместном совещании пришли к заключению, что разговоры Яана являются «выдумкой и глупостью» и его следует отправить обратно в Таллин для наказания. 3 ноября 1805 года Йыэпереский Яан, согласно приговору Виру-Ярваского маннгерихта, был наказан 31 парой розог и после этого сослан в Сибирь на поселение.[56]

7 сентября Йыэпереский Яан подтвердил перед приходским судом, что все то, что он говорил о «знатном господине» и его письме, является чистой правдой. 14 октября в Петербурге в присутствии министра юстиции он поклялся перед образом, что все это было выдумкой, и что он в приходском суде сделал это признание «по совету крестьян, с коими говорил при отъезде в Санкт-Петербург в корчме на большой дороге близ мызы Еве (Йыхви. — *Ю. К.*) ...и которые меня уверяли, что я через такое показание избегу всякого за побег мой наказания».[57] Министр, который был рад, что упрямый крестьянин наконец сознался, остался этим доволен. Но едва ли может так легко удовлетворить

[55] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 46.
[56] Там же, л. 238; ЦГИА ЭССР, ф. 862, оп. 1, д. 2979, л. 23—24.
[57] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 228.

подобное объяснение историка, исследующего данный вопрос. Итак, Яан сказал, что крестьяне из окрестности Йыхви научили его придумать версию о таинственном «знатном господине», чтобы не попасть впросак перед местными полицейскими и судебными властями. Образ «знатного господина» был, по заверению Яана, нужен ему лишь как средство борьбы против господ судей, и именно так он им и воспользовался 7 сентября в приходском суде. Почему же тогда 3 сентября он говорил другим крестьянам о «знатном господине»? В то время ему со стороны властей еще ничего не угрожало, а эти разговоры о «знатном господине» именно и явились причиной всех его злоключений.

Ясно, что Йыэпереский Яан сознательно пытался изобразить свои разговоры как какую-то не имеющую значения вынужденную ложь. Также мог быть выдуман им и разговор с крестьянами из окрестностей Йыхви.

Следовательно, в показаниях Яана и вообще в материалах следствия мы не находим убедительного подтверждения тому, что он в своем разговоре о «знатном господине» и о письме лгал бы. Остается лишь одна возможность — попытаться проверить, достоверны ли данные, сообщенные Яаном, или нет.

Прежде всего следует отметить, что во всем остальном показания Йыэпереского Яана соответствуют истине вплоть до мелочей. К министру юстиции 14 октября были вызваны также горожанин Поль и капитан Миллер, им сделали очную ставку с Яаном, и они подтвердили, что все сказанное им относительно составления прошения является правдой.[58]

Нам известно, что почти точно такие же «бунтарские мысли», как и Яан, высказали годом позже, в конце 1806 года, крестьяне казенной мызы Килинги Пярнуского уезда — Вейкскюлаский Яак и его батрак Юхан (см. стр. 135). Также и они говорили: необходимо собрать всех крестьян и тогда покончить с помещиками. Высказанные Йыэпереским Яаном в корчме деревни

[58] Там же, л. 232.

Ассамалла мысли — это типично крестьянские мысли, которые в те времена легко могли зародиться в головах крестьян. Не было никакой необходимости в том, чтоб их нашептал ему на ухо какой-то «знатный господин». Крестьянин умел и сам думать и умел, если в этом была надобность, после и «следы заметать». Кроме того, для Йыэпереского Яана не представляло особых затруднений придумать образ «знатного господина» и заинтересовавшее местных властей «письмо». Уже хульяский помещик Розен в своем письме к губернатору от 11 сентября 1805 года высказал мнение, что, по всей вероятности, письмо, показанное Яаном другим крестьянам, было выданной ему в Петербурге и снабженной печатями подорожной.[59] Когда Яана из петербургской тюрьмы отправляли под конвоем в Таллин, то весьма вероятно, что при этом мог присутствовать какой-либо полицейский чин или даже начальник тюрьмы, который передал отправляемому арестанту подорожную, письмо для передачи местному губернатору и немного денег на дорогу (Яан и говорил, что ему было дано д в а письма и деньги).

Крестьяне, отправившие Йыэпереского Яана в Петербург, надеялись, что он там встретится с царем или с каким-либо другим высоким начальником и добьется улучшения их положения. Весьма понятно, что Яан, возвратившись из столицы, стремился оправдать надежды людей, доверившихся ему. Но этим надеждам он придал со своей стороны по-крестьянски боевое содержание.

Спустя приблизительно полтора месяца после того, как Йыэпереский Яан угрожал, что пустит по рукам письмо, которое лишит помещиков власти, действительно появилось письмо, оповещавшее помещиков и судей, что «так это больше не должно оставаться!» Однако появилось это письмо не в Вируском уезде, а в другом конце губернии — в приходе Михкли.

Когда михклиский пастор Гланцштрём 20 октября 1805 года взошел на кафедру, чтобы начать проповедь,

[59] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 39—40.

он нашел на полу письмо, написанное по-эстонски. Пастор спешно отправил это письмо михкли-тори-пярнуяагупископу приходскому судье лейтенанту фон Эттингену, которого содержание письма так напугало, что он просил в срочном порядке прислать солдат и разместить их в деревнях. Одновременно он направил в губернское правление немецкий перевод найденного в церкви письма.[60]

«О, вы, судьи неправедные, как вы старались, чтобы поглотить наши права и упразднить их, — было написано в нем. — Но это не должно больше так оставаться... Благодарение богу, что мы получили царскую грамоту и также нашли кого-то, кто изложил наши требования так, что их может прочесть сам царь. Дай бог, чтобы мы смогли вручить их царю. Я верю, что тогда исчезнут, как прошлогодний снег, кокнесеский Эттинген и михклиский пастор, и никто не узнает, как это случилось. Чтобы нам не пришлось отвечать за этот шаг перед вечным судьей, мы сообщаем об этом вам заранее. Вы не должны, однако, знать, кто это написал, в какой час и из какой деревни. Больше мы не будем обращаться в суды за решением. Так как у них с вами одинаковые намерения, вы ослепили их своими деньгами. Если кое-кто из помещиков поговаривает, что голова царя скоро будет у ног помещиков, то это значит, что у вас у всех одинаковые планы. Сегодня у вас одно право, завтра другое, а от предписаний царя вы очень отступаете. Все это будет мною как следует разъяснено в одном письме к царю».

Ничего другого в архивах мы не нашли относительно этого письма, его авторов и их участи. По аналогии с делом Йыэпереского Яана, можно полагать, что как в Кадрина, так и в Михкли, крестьяне окончательно разочаровались в судах, находившихся в руках помещиков, и решили обратиться к самому царю, питая наивные надежды, что он поступит с ними справедливо. Но, надеясь на царя и на бога, крестьяне в то же время высказы-

[60] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 13718, л. 1—2.

вали весьма воинственные угрозы в адрес правящего класса. Крестьяне понимали, что «судьи неправедные» и связанные с ними неразрывными узами помещики должны исчезнуть, как «прошлогодний снег». Они, однако, не знали еще, каким путем это должно произойти.

4. Восстания в Карину и Козе-Ууэмыйза

И до Каринуской волости Ярваского уезда дошли слухи о том, что ночная молотьба «настоящим законом» запрещена. Узнав, что в расположенной неподалеку мызе Сейдла был изменен порядок молотьбы, каринуские барщинники 28 августа вечером заявили своему помещику, что они больше не будут молотить хлеб по ночам. Несколькими днями позже их примеру последовали также барщинники соседней мызы Орина, где молотьба мызного хлеба была также приостановлена. В начале сентября включились в борьбу оринаские и каринуские дворохозяева и перестали посылать людей на жатву помещичьего хлеба.

В распоряжение гакенрихтера восточной части Ярваского уезда для подавления волнений было послано 120 солдат, и 12 сентября он приказал всем барщинникам явиться в Карину. 11 сентября вечером в оринаской деревенской корчме встретились представители крестьян Карину и Орина и договорились в случае прибытия солдат взаимно помогать друг другу. Было решено, «что если солдаты придут в Карину, то оринаские люди пойдут туда, но если они пойдут в Орина, то каринуские придут им (т. е. оринаским барщинникам. — *Ю. К.*) на помощь».[61] Каринуских барщинников на совещании представляли Эвартиский Адо и Сасси-Яниский Юхан, оринаских — Наэлаский Март. Последнего помещики и пасторы считали крайне тупым и ленивым человеком, и в написанной пастором его характеристике сказано:

[61] ЦГИА ЭССР, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 116.

«Вообще, всякая добродетель или всякий порок, которые требуют хотя бы мало-мальского физического или умственного усилия, по-видимому, чужды его характеру».[62] Но когда дело касалось не мызной работы, а крестьянских дел, то Наэлаский Март мог быть достаточно проворным и энергичным. Уже на следующее утро, 12 сентября, еще до того, как другие крестьяне встали и пошли на работу, он успел обойти все дворы деревни Койка и оповестить крестьян о принятом в корчме решении.

Так как барщинники в то утро предполагали, что солдаты пойдут прежде всего в Орина, то они поскорее послали погибшего впоследствии в схватке Ууталу-Андрезеского Каарела за каринускими людьми. Барщинники отправились по деревенским улицам в сторону Орина, и часть их часов около десяти утра встретилась с направлявшимся как раз в Карину гакенрихтером Бэром. Последний стал спрашивать у крестьян, кто из них первым сказал, что больше не надо производить молотьбу по ночам. В ответ на это выступил вперед барщинник Арья-Матсиский Яан и сказал: «Я хочу быть этим первым... мы знаем, зачем солдаты идут в Карину, но и мы туда пойдем!»[63]

Хотя Бэр приказал явиться в мызу только барщинникам, каринуский управляющий вызвал также дворохозяев, которые одни и пришли. Но и они отказались войти во двор мызы. Гакенрихтер как раз разговаривал с ними, стоя в воротах мызного двора, когда, часов в одиннадцать или в половине двенадцатого, прибыла воинская команда. Бэр приказал солдатам «окружить и арестовать» дворохозяев, среди которых находились и отдельные батраки. Их всех загнали в мызный двор, и гакенрихтер собирался начать их допрашивать. Но он так и не успел приступить к допросу.

Оринаские крестьяне и поспешившие на место событий пешком или верхом на лошадях каринуские 12 сен-

[62] Там же, л. 38.
[63] Там же, л. 53.

тября утром собрались у оринаской церковной корчмы. Эта корчма находилась менее чем в 300 метрах от Ярва-Яниской церкви и от проходившей перед ней дороги, ведущей из Таллина в Карину. Когда солдаты, направляясь в Карину, миновали церковь, крестьяне пошли за ними по пятам, но так, что воинская команда их не заметила. Около Паюской корчмы сделали остановку. Здесь дворохозяин Кока-Юриский Густав крикнул: «С сегодняшнего дня в Карину должно войти в силу новое право». [64] Позже в суде он категорически отрекся от этих слов, но и барщинник Сасси-Яниский Юхан, который утверждал, что он именно так и сказал, твердо стоял на своем.

В полуверстве от мызы навстречу приближающимся крестьянам прибежал работавший в тот день в мызной пивоварне барщинник Трейери-Юриский Яан и закричал: «Спешите, спешите. Дворохозяева арестованы!». [65]

Заметив приближавшихся к мызе крестьян, гакенрихтер Бэр дал командовавшему солдатами капитану распоряжение «без надобности не отдавать приказа стрелять, но в случае нападения крестьян отогнать их прикладами, стараясь по возможности задержать их. Но для того, — пишет дальше в своем рапорте гакенрихтер, — чтобы собравшиеся в мызном дворе дворохозяева не смогли поспешить другим на помощь, я приказал загнать их в один угол двора и держать там под караулом». [66]

Хотя крестьяне и мчались в Карину во весь опор, они напали на солдат не очертя голову и не вслепую. Управляющий мызой, который видел все это своими глазами, следующим образом описывает столкновение крестьян с солдатами. На место прискакало большое число барщинников, «и первые из прибывших, около 20-ти, привязали своих лошадей, после чего часть их, примерно от 8 до 10-ти, проникла во двор и с кольями в руках наброси-

[64] ЦГИА ЭССР, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 65 и 155.
[65] Там же, л. 167; ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 356.
[66] Там же, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 28.

лась на солдат, защищавшихся прикладами ружей и штыками...» Десять барщинников, вооруженных лишь кольями, пошли против 120 солдат, дула ружей которых были направлены на них, и вступили с ними в бой. «Это длилось короткое время, — рассказывает дальше управляющий мызой, — так как когда некоторые из них пали, то другие обратились в бегство и стали отступать к толпе крестьян, которые, прибывая постепенно на место, верхом на лошадях или пешими, стояли в стороне...» [67]

Из крестьян погиб оринаский барщинник Уусталу-Андрезеский Каарел и было ранено и захвачено в плен пять человек.

Отступающие от ворот мызы крестьяне отнюдь не считали борьбу законченной. Прежде всего были посланы гонцы за подмогой в соседнюю мызу Выхмута, но из-за вмешательства мызных слуг тамошние батраки не осмелились пойти с каринусцами.

Вскоре после столкновения крестьяне собрались снова перед господской усадьбой, в этот раз в еще большем числе, чем раньше.

В руках крестьян, уставившихся на солдат, гакенрихтер увидел обитые железом колья, «которые были заострены в виде пик... Я приказал зарядить ружья пулями, — пишет дальше гакенрихтер, — но не стрелять, прежде чем они не нападут, отправив одновременно к ним крестьянских заседателей, чтобы они уговорили их вернуться к повиновению, обещая, что главные зачинщики будут наказаны умеренно, те же, кто меньше виноваты, будут прощены. Но они ни на что не были согласны, а остались стоять вооруженными до вечера...» [68]

Ночью крестьяне разошлись, но часов около одиннадцати утра снова появились у ворот мызы. К этому времени гакенрихтер получил от местного пастора Миквитца сообщение о том, что отовсюду из окрестных волостей на помощь каринусцам спешат восставшие крестьяне.

[67] Там же, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 114.

[68] Там же, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 28.

По приглашению скопившихся у мызы крестьян Бэр подошел к ним и говорил с ними два часа, призывая их к повиновению. «Когда они после этого отступили от ворот, — пишет об этих событиях гакенрихтер, — и остановились так, что их скрывал хлев, то я хотел попытаться окружить их и таким образом задержать. Итак, я велел половине солдат обойти кругом, позади хлева, по сенокосу, а с другой половиной пошел сам навстречу крестьянам. Но как только они увидели солдат, сразу же пришли в движение. Солдаты выпустили в них от 5 до 6 пуль, в результате чего один оринаский крестьянин был ранен. Это повлияло так, что на следующий день оринаские крестьяне пришли к помещику с повинной и сразу, следовательно 14-го числа, стали выполнять все работы. Каринуские же разбежались...»[69] И в этой волости власти восстановили «порядок» только в октябре.

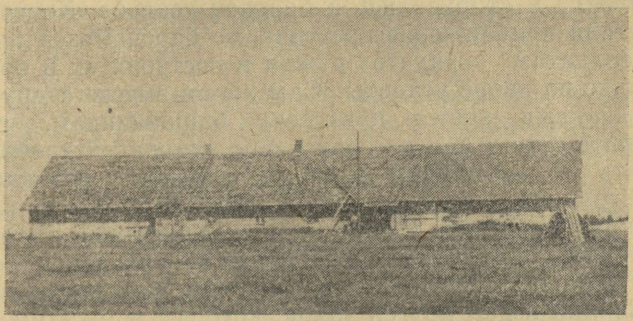
11 сентября вечером барщинники мызы Козе-Ууэмыйза в Харьюском уезде отказались выйти на ночную молотьбу. Уже на следующий день конфликт резко обострился. Помещик Тизенгаузен приказал схватить батрака Кыллиского Тоомаса, заподозренного в «подстрекательстве» барщинников, и хотел отправить его в Таллин, чтобы передать там в руки властей. Узнав об этом, 50 барщинников верхом на лошадях погнались за арестовавшим Тоомаса управляющим мызой, заставили его вернуться в Козе-Ууэмыйза и освободили арестованного. С этого дня козе-ууэмыйзаские барщинники перестали молотить хлеб по ночам, и с этого самого времени Кыллиский Тоомас стал одним из наиболее активных вожаков сопротивления.

21 сентября местный гакенрихтер пытался арестовать «зачинщиков», однако батраки отказались выдать их, заявив, что они стоят «все за одного и один за всех».[70] В это время на помощь козе-ууэмыйзаским крестьянам подоспели 40 батраков из Равила, которые не ушли

[69] ЦГИА ЭССР, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 40.

[70] Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1700, л. 64.

раньше, чем гакенрихтер не отпустил домой и всех козе-ууэмыйзаских батраков.



Куйвайыэская корчма в Козе-Ууэмыйза.

С самого начала козе-ууэмыйзаские барщинники связались с крестьянами соседних волостей и уговаривали их также отказаться от ночной молотьбы. Активные действия козе-ууэмыйзаских крестьян привлекли к себе внимание крестьян многих соседних волостей. Поэтому, когда 30 сентября по просьбе помещика из Таллина прибыл с воинской командой советник губернского правления барон Розен, козе-ууэмыйзаские барщинники сразу же получили помощь и поддержку от окрестных крестьян В тот же день, 30 сентября, барщинники стали собираться у Куйвайыэской корчмы, в трех километрах от Козе-Ууэмыйза.

«Мы о многом говорили между собой, — так охарактеризовал поведение собравшихся у Куйвайыэской корчмы крестьян один из арестованных впоследствии барщинников, — один подстрекал другого, и тогда приняли решение — в случае крайней необходимости оказать сопротивление войскам и никого из своих не выдавать, никого не позволить наказать».[71]

[71] Там же, л. 129.

30 сентября в полдень барщинники выстроились в две шеренги, и Кыллиский Тоомас с Хармиским Эвартом их пересчитали. Вооружившись кольями, они построились в колонну и отправились к барской усадьбе. Когда там заметили приближение крестьян, то барон Розен приказал солдатам зарядить ружья и построил их в боевом порядке во дворе усадьбы. Сам же он вместе с другими чиновниками пошел навстречу барщинникам, чтобы вступить с ними в переговоры. Барщинники потребовали выдать им «настоящий закон», на котором через каждые три страницы должна стоять подпись царя, а в конце — две красные печати и одна черная. Чиновники пытались объяснить, что лифляндский крестьянский закон действует только в Лифляндской губернии, для крестьян же Эстляндии издан другой закон, который и был им роздан. Барщинники им на это ответили, что «так как все Русское государство находится под одним правителем, то и законы должны быть одинаковыми во всем государстве».[72] Все чаще и чаще голоса чиновников тонули в шуме, поднимаемом крестьянами, которые хором выкрикивали, что они не будут молотить ночью и хотят получить настоящий царский закон.

Так как увещевания ни к чему не привели, да и голоса чиновников притом, как отмечает в своем отчете Розен, совсем охрипли, то решили прекратить длившиеся три часа переговоры. К тому же крестьяне в ходе переговоров становились все более суровыми и воинственными. Они хотели знать, почему прислали солдат, и заявили, что солдаты подкуплены помещиками. Лишь с большим трудом удалось договориться о том, что часть барщинников пойдет на следующий день, в воскресенье, в церковь, чтобы выслушать зачитываемое там официальное объявление, изданное губернским правлением.

Чиновники и солдаты ушли с этих переговоров молчаливыми, барщинники же — колонной, с криками «ура».

По возвращении в господский дом Розен сел за стол и написал губернатору письмо, прося о помощи. К рави-

[72] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 257.

ласким и ууэмыйзаским крестьянам уже присоединились и оясооские барщинники, писал Розен, и люди отчаянно смелые. Имеющихся сейчас на месте 100 солдат не хватает, и срочно требуется еще по меньшей мере 100 солдат.[73]

Часов в восемь вечера из Таллина прибыло с курьером несколько экземпляров напечатанного официального объявления губернского правления, которое должны были зачитать на следующий день в церкви.

Вокруг барской усадьбы были выставлены сторожевые посты и ночью ходили патрули. Но с мызного двора увидели, как писал впоследствии Розен, что также и крестьяне выставили конную стражу на ближайшем холме, по-видимому на пригорке против мяэского гумна.

Вернувшиеся с переговоров барщинники сложили свои колья в кучу у Куйвайыэской корчмы. С наступлением вечера стали расходиться по домам. Но прежде договорились, что в понедельник все вернутся к корчме и каждый возьмет с собой свое оружие — ружье или кол.

Окрестность Куйвайыэской корчмы опустела. Но там остались развеваться два знамени восставших, которые они выкроили из старых рубашек, пропитанных потом барщинников, трудившихся на мызной барщине, и водрузили их перед корчмой.[74]

В воскресенье утром укрывавшиеся в мызной усадьбе установили, что в окрестностях Куйвайыэской корчмы крестьян нет. После этого Розен и другие чиновники решились пойти в церковь, но весьма скоро они пожалели об этом, так как по дороге узнали, что многие крестьяне будто бы говорили, что чиновников нужно перебить, тогда они, крестьяне, все предстанут перед высшим судом в Петербурге и судить их будет сам царь.

Проповедь пастора Штридтгера пришедшие в церковь в воскресенье 1 октября барщинники выслушали равнодушно. Но когда в конце богослужения им было зачитано объявление губернского правления, в котором крестьян

[73] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 122—124.
[74] Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1700, л. 231.

призывали к повиновению, в церкви поднялся угрюмый ропот и шум. Вспомнив о том, что они услышали утром, чиновники поспешили обратно в мызу, причем все время, как чистосердечно признался сам Розен, опасались, что на них нападут крестьяне.

В тот же день были разосланы во все стороны крестьянские гонцы. Из Куйметса поскакали верхом на лошади в Кайускую волость шестеро крестьян. Они явились в Кайу с известием о том, что в Ууэмыйза уже приготовлено два воза березовых кольев и 82 или 120 ружей (одни говорили о 82-х, другие — о 120 ружьях). Прибыв в деревню Касванду волости Кайу, гонцы «созвали в корчме кайуских людей». Когда кайуские люди собрались, им, кроме данных о вооружении, раздобытых козе-ууэмыйзаскими крестьянами, сообщили также, что в Ууэмыйза будет объявлен «новый закон» и что «они должны идти в Козе-Ууэмыйза, чтобы в крайнем случае оказать сопротивление и войскам — у кого имеются ружья, должны их взять с собой».[75]

Когда 47-летний барщинник из Оясоо Нейтсимяэский Март вместе с другими крестьянами своей волости прибыл в понедельник к Куйвайыэской корчме, ему показалось, что все собравшиеся там крестьяне были очень молоды. «Все мы были молодые и глупые...»,[76] говорил судьям один из вожаков восстания 26-летний Пауна-Мадизеский Иоозеп, надеясь таким образом добиться смягчения наказания для себя и своих сообщников. И они действительно были молоды. Относительно 17 барщинников, прибывших верхом на лошадях на подмогу козе-ууэмыйзаским людям из Кайу, нам известно, что одному из них было 20 лет, одному — 21 год, одному — 22, одному — 23, одному — 24 года, пятерым — 25, двум — 26, двум — 28 и трем самым старшим из них — 29 лет.[77]

Пришедшим после других к Куйвайыэской корчме

[75] ЦГИА ЭССР, ф. 861, оп. 1, д. 1700, л. 250, 259 и 281.

[76] Там же, л. 159.

[77] Там же, л. 15—16.

Эстонский барщинник. Гравюра Нейера, 1805 г.

кайуским людям показалось, что прибывшие раньше их крестьяне не относятся к делу так серьезно, как это необходимо. «Мы смотрели, — так описывал барщинник Виллеми-Хансуский Тийтс положение, господствовавшее при их прибытии к Куйвайыэской корчме, — как другие играли на музыкальных инструментах и вытворяли всякие ребяческие шутки».[78] Эти «ребяческие шутки» состояли и в том, что в то время как двое барщинников играли на скрипке, многие другие танцевали.

Среди собравшихся у корчмы барщинников вначале раздавались отдельные довольно робкие голоса. Некоторые крестьяне предлагали послать двух-трех делегатов или идти всем вместе в усадьбу и послушать, что там говорят. Но больше и громче говорили о том, что нужно бороться. Часть крестьян уже с самого начала была убеждена, что дело дойдет до сражения и до ружейной стрельбы. Конкретно это удалось установить только в отношении Каэла-Мадизеского Ханса, который сказал «Сегодня один человек погибнет от моей руки, и я не буду стрелять в какого-либо солдата, а нацелюсь прямо в офицера...»[79] Слова Ханса свидетельствуют также о том, что как 53 года спустя перед господским домом в Махтра, так и в 1805 году в Козе-Ууэмыйза эстонский крестьянин считал своим врагом не простого солдата, а офицера и помещика. Вообще, собравшиеся у Куйвайыэской корчмы восставшие особенно не боялись солдат. Тяжело раненный в столкновении с солдатами Вилуаллика-ский Хиндрик во время допроса, который ему учинили перед смертью, сказал следующее: «Наконец... некоторые из собравшихся у Куйвайыэской корчмы рассказывали, что солдаты не осмеливаются стрелять в крестьян из ружей, заряженных пулями, и поэтому и в Карину стреляли не пулями, а холостыми патронами, и это, так как они верили этому, особенно придало им храбрости».[80] Это были одни из последних слов Вилуаллика-

[78] ЦГИА ЭССР, ф. 861, оп. 1, д. 1700, л. 18.
[79] Там же, л. 131—132.
[80] ЦГИАЛ, ф. 1286, он. 1, д. 32, л. 285.

ского Хиндрика. По-видимому, он многого не рассказал допрашивающему его пастору и, может быть, в числе прочего об одном распространившемся среди крестьян слухе, который каким-то иным путем все же дошел до властей. Об этом говорится в письме управляющего имением Куйметса Забеля пастору Штридтеру от 4 октября 1805 года, с которым познакомились и занимавшиеся подавлением восстания губернские власти. «Я слышал много и весьма разных толков, — писал Забель, — между прочим и о том, что солдаты заодно с крестьянами и советовали крестьянам убивать только офицеров, и тогда они перейдут на их сторону...» И так как ему самому эти толки показались ужасными и даже малодостоверными, то Забель сделал в конце письма специальную приписку: «NB. То, что солдаты обещали оказать помощь крестьянам — правда, это я знаю из достоверных источников».[81] Конечно, — у страха глаза велики. Не имеется никаких данных о том, что находившиеся в Козе-Ууэмыйза солдаты послали бы к восставшим барщинникам до или после боя каких-либо делегатов или вели с ними переговоры каким-либо иным путем, но отбросить эти сообщенные Забелем данные, как чистый вздор, мы также не можем. Для сравнения полезно припомнить то, что произошло во время другого известного в истории Эстонии крестьянского восстания — войны в Махтра в 1858 году. 2 июня крестьяне, которые окружили построившуюся перед господским домом воинскую команду, потребовали, чтобы солдаты отдали им ружья и выдали офицеров и чиновников. Как могли представить себе развитие предстоящих событий собравшиеся 2 октября 1805 года у Куйвайыэской корчмы барщинники? По-видимому, приблизительно в том же роде. Они встретятся с солдатами, в бой с этими «царскими людьми» они сами не вступят, но потребуют выдать офицеров и чиновников. И в то время как одни говорили так, другие могли выкрикнуть, что офицеров надо вовсе убить. До господского же дома в Куйметса дошли в пре-

[81] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 154—155.

увеличенном и искаженном виде слухи о том, что солдаты сами хотят перейти на сторону крестьян и убить своих офицеров.

Во второй половине дня 2 октября 1805 года барщинники направились от Куйвайыэской корчмы в сторону помещичьей усадьбы. Двигались довольно правильной колонной, во главе которой несли два знамени, сделанных из старых рубашек. За знаменосцами шли музыканты — два барщинника со скрипками и один с импровизированным барабаном из печной дверцы. Большинство барщинников взяли с собой колья из кучи, находившейся около корчмы, некоторые же раздобыли себе «оружие» лишь во время марша, из придорожных частоколов. Лишь у шестерых барщинников были охотничьи ружья и у одного — пистолет.

Находившаяся в усадьбе воинская команда получила к этому времени подкрепление. Когда барщинники приблизились, барон Розен выстроил во дворе мызы все войско — всего 192 человека вместе с офицерами, только на 50 человек меньше, чем было вооруженных кольями барщинников Лейтенант Крабби остался с несколькими солдатами стеречь мызные ворота. Капитан Мускейн с остальными солдатами двинулся навстречу барщинникам.

Увидев, что вышедшие из ворот солдаты развернулись в цепь, их примеру пытались последовать и барщинники. При этом шагавший во главе колонны Хармиский Эварт остался в центре, на левом фланге командовал Пыуа-Пяэрнаский Майт, в то время как на правом фланге и в тылу пытался руководить боем Кыллиский Тоомас. Но сам бой завязался совершенно стихийно. Один крестьянин струсил и побежал к капитану Мускейну, прося пощады. Последний счел это за нападение и отдал приказ стрелять. К началу боя барщинники не сумели развернуться в цепь. Часть их находилась еще в хвосте колонны, а на правом фланге люди были скучены. После того как солдаты открыли огонь, барщинники ринулись на них с кольями. Сражавшаяся на левом фланге отряда инвалидная команда таллинского гарнизона вначале об-

ратилась в бегство. За ней бросились и барщинники, сражавшиеся на левом фланге крестьян. Гарнизонная рота на правом крыле солдатского фронта устояла и начала обстреливать наступающих на нее спереди и сбоку крестьян. Под прикрытием этого огня оправились от испуга солдаты, находившиеся в центре и на левом фланге, остановились, зарядили ружья и также стали стрелять. Барщинники, вооруженные кольями, а многие и без всякого оружия, не могли устоять против огня почти 150 ружей. После того, как битва уже длилась полчаса и солдаты израсходовали половину своих патронов (у каждого было по 10 патронов с пулями), барщинники оставили поле боя. Они захватили с собой своих раненых. Воинская команда не осмелилась преследовать их.

Потери восставших составили шесть убитых и семь тяжело раненых. Одного из павших в бою вожаков восставших — Хармиского Эварта — советник губернского правления Розен, руководивший подавлением восстания, назвал «человеком с пугачевской душей».[82] Воинский отряд потерял своего командира капитана Мускейна и одного унтер-офицера; одиннадцать солдат были ранены.

Лишь 4 октября в 2 часа пополудни в Козе-Ууэмыйза прибыло подкрепление, которым командовал капитан первого ранга Хастфер и которое состояло из 170 вооруженных пистолетами и пиками матросов, 80 солдат и 13 полицейских. У каждого солдата было от 35 до 40 патронов. Воинский отряд имел при себе две пушки.

Крестьяне не могли и думать о том, чтобы вступить в бой с такими превосходящими силами противника, и в последующие дни, сдаваясь, стали приходить в мызную усадьбу.

Однако характерно, что и после неудачного для них сражения одна группа крестьян сделала попытку, так сказать с оружием в руках, дойти до царя. До барщинников мызы Инглисте вести дошли слишком поздно, и поэтому они прибыли в Козе-Ууэмыйза лишь тогда, когда восставшие барщинники потерпели уже пораже-

[82] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 167.

ние. Но они остались еще на одну ночь и одно утро вместе со многими другими крестьянами у Куйвайыэской корчмы. 3 октября утром здесь у корчмы начали поговаривать, что нужно как-нибудь добраться до Петербурга, чтобы сообщить о всех событиях царю. Когда инглистеские барщинники в этот день скакали от Куйвайыэской корчмы домой, их задержал у ржаного поля Кыллиский Тоомас. Здесь договорились о поездке в Петербург. Кыллиский Тоомас сказал, что он умеет читать и писать и может быть им полезен в дороге и обещал, кроме того, со своей стороны собрать 20—30 человек. Инглистеские же крестьяне должны были «в количестве около 20 человек снова прийти в четверг и взять с собой провиант и ружья, так как это могло пригодиться в дороге».[83]

Во вторник 3 октября инглистеские барщинники собрались около гумна своей мызы и провели там следующую ночь. Утром они заявили кубьясу, что их уже достаточно угнетали и теперь они пойдут «искать новое право». Не помогло и то, что помещица пригласила барщинников к себе и старалась их уговорить. Барщинники вызывающе отвечали, что если козе-ууэмыйзаские люди их еще раз позовут, они снова пойдут. «Если господа нас убивают, то и мы их будем убивать»,[84] сказал Кохтуский Хиндрик. Пятеро инглистеских барщинников, вооруженные ружьями, и один хярглаский барщинник отправились наконец в дорогу. Они продолжали свой путь даже и тогда, когда выяснилось, что козе-ууэмыйзаские люди их у Куйвайыэской корчмы не ожидали. Прибыв в Раквере, они по совету встретившихся им по дороге пальмсеских крестьян повернули на Таллин. Губернатор, к которому они обратились с жалобой на чрезмерно тяжелые барщинные повинности, быстро умыл руки, и направил их к предводителю дворянства. Тот, конечно, «разъяснил им», что их жалоба необоснована, и после 15-дневного отсутствия они наконец вернулись домой.

[83] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 409.
[84] Там же, л. 410.

6 октября утром один из инглистеских барщинников встретился на улице Виру около лавки Ольтениуса с двумя крестьянами, из которых одним был Микуский Яан, родом из Арукюла. Инглистеский крестьянин говорил, что из их волости все были в Козе-Ууэмыйза, и они пошлют еще, если понадобится. В ответ на это Микуский Яан из Арукюла сказал, что «когда я вернусь домой, то и от нас пойдут туда 27 человек». Оба другие крестьянина ответили на это: «Когда мы там справимся, то обратимся против города и станем сильнее царских войск».[85]

Слышавший случайно этот разговор купец Георг Фридрих Люттер побежал сразу же докладывать об этом в ратушу. Но когда городская стража прибыла на место, она нашла там только Микуского Яана, два других крестьянина уже ушли. В наказание за «мятежные речи» Микускому Яану назначили 10 ударов розгами.

Когда молва о восстании в Козе-Ууэмыйза дошла до более отдаленных мест, она приняла еще более воинственный характер. 12 октября, по сведениям владельца имения Вяйке-Ляхтру Ляэнеского уезда, среди тамошних крестьян господствовало «известное напряженное выжидательное настроение, причиной которого, по-видимому, были вести о крестьянских волнениях по другую сторону Таллина. Через ходивших в обозе с хлебом и других здешних людей, побывавших в Таллине, среди простонародья распространился слух, что господин фон Тизенгаузен из Козе-Ууэмыйза убит, войско у этой мызы разбито, два офицера и несколько рядовых убиты и (это кажется мне совершенно невероятным) также потеряны две пушки . . .»[86] Свое письмо к губернатору встревоженный помещик заканчивает покорнейшей просьбой сообщить ему, можно ли вообще в случае возникновения волнений надеяться на присылку солдат из Таллина.

В начале октября 1805 года представителям правящего класса казалось, что борьба идет уже не на жизнь,

[85] ТГА, ф. 230, оп. 6, д. 3, л. 490.
[86] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, д. 1258, л. 48.

а на смерть. Возвратившегося из Козе-Ууэмыйза в Таллин советника губернского правления барона Розена губернатор Лангель поблагодарил за проявленное им во время подавления восстания усердие, благодаря которому «не только в Козе-Ууэмыйза и в соседних имениях, но, по всей вероятности, и во всей Эстляндии была защищена собственность и сохранен порядок».[87]

5. Подавление волнений в Эстляндии

В середине августа 1805 года гвардия вышла из Петербурга. Русские войска продвигались на запад, чтобы совместно с австрийскими войсками вступить в бой с армиями Наполеона I. В Витебске Александр I догнал гвардию и продвигался вместе с ней в Брест-Литовск, где он 16 сентября сделал смотр войскам. На следующий день царь выехал в имение Чарторижских — Пулавы и оставался там в течение продолжительного времени. Положение было весьма напряженным. Чтобы соединиться с австрийцами, русские войска должны были пройти через территорию Пруссии, и было неизвестно, как посмотрит прусское правительство на это нарушение своего нейтралитета.[88]

В Пулавах 26 сентября царю впервые доложили о вспыхнувших в Эстляндии волнениях. Александр отдал распоряжение пока не посылать в оную губернию войск, но в случае необходимости сделать это, не спрашивая от него согласия.

13 октября царь выехал в Берлин и встретился там с прусским королем. Неделю спустя он узнал, что австрийский генерал Мак к 20 октября капитулировал со своей восьмидесятитысячной армией. Так как Пруссия по-прежнему придерживалась позиции нейтралитета, то те-

[87] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 405.

[88] М. И. Богданович, История царствования императора Александра I и Россия в его время, т. II. СПб., 1869, стр. 2 и 5—6.

перь, по существу, Россия и Франция остались один на один. В конце октября Александр I выехал в штаб-квартиру войск в Троппау.

В Троппау царю 31 октября, за двадцать дней до исторической битвы под Аустерлицем, снова доложили о волнениях в Эстляндии и об имевшем место в Козе-Ууэмыйза восстании. Царь приказал направить в Лифляндию и в Эстляндию по одному резервному полку.[89] Но приказ царя остался невыполненным.

В сравнении с крупными военными и политическими событиями, происходившими в то время в Европе, крестьянские волнения в Эстляндской губернии были песчинкой на морском берегу. Но все же и они отвлекали внимание очень занятого в то время царского правительства и даже беспокоили его в напряженные в политическом и военном отношении периоды.

Когда эстляндский губернатор Лангель 30 сентября получил от барона Розена сообщение, что в Козе-Ууэмыйза еще нужны солдаты, он сразу же обратился с соответствующим требованием к военному губернатору Таллина адмиралу Спиридову. Он потребовал, чтобы было выслано столько солдат, сколько возможно, и посоветовал послать на сторожевые посты артеллеристов. Однако адмирал Спиридов нашел возможным дать только 50 артиллеристов без ружей. Вместе с тем он заявил, что по уставу для охраны расположенного в Таллине 21 военного объекта необходимо было бы 409 солдат, у него же имеется для этой цели 174 солдата, а три объекта остаются совсем без охраны. Губернатор добавил к упомянутым 50 артиллеристам 36 солдат инвалидной команды, и они 2 октября прибыли в Козе-Ууэмыйза.[90]

Но когда 2 октября вечером в Таллин пришло сообщение о столкновении с восставшими крестьянами и Розен потребовал еще солдат и пушек, то губернатор Лан-

[89] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 345.

[90] ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, т. I, д. 869, л. 34—35; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 100.

гель не захотел больше слышать никаких отговорок со стороны адмирала Спиридова. Он категорически потребовал еще 300 солдат и две пушки, заявив, что пусть на сторожевые посты пошлют хотя бы городских обывателей и молодых купцов из братства черноголовых. Военный губернатор проявил теперь значительно больше энергии, чем прежде. Он велел снять с работы матросов стоящих в Таллине военных кораблей и канониров морской артиллерии — всего 170 человек. К ним была присоединена команда расположенного в Таллине 3-го полка морской пехоты (4 офицера, 17 унтер-офицеров и 23 рядовых) и отставшие от Петербургского гренадерского полка, только-что выписавшиеся из госпиталя 1 унтер-офицер и 39 рядовых. С двумя пушками были отправлены в путь 15 артиллеристов. Все эти 268 военных, к которым губернатор добавил еще 13 солдат инвалидной команды, и образовали высланную в Козе-Ууэмыйза команду капитана первого ранга Хастфера.[91]

В соответствии с данным уже раньше распоряжением, из Лифляндии в Эстляндскую губернию нужно было отправить сразу же подкрепление, если тамошний губернатор этого потребует. И как только Андреас Лангель после восстания в Козе-Ууэмыйза 4 октября обратился к инспектору гарнизонов Лифляндии генерал-лейтенанту Риттеру с просьбой о присылке 500 солдат, они были сразу же высланы в путь. Из Пярну были отправлены 100 солдат под командой 4 офицеров, из Даугавпилса — 4 офицера и 125 солдат, из Курессааре — 4 офицера и 150 солдат, из Елгавы — 4 офицера и 125 солдат. Все эти команды скорым маршем отправились в сторону Таллина.[92]

6 октября в Петербурге специально собрались министры военный, юстиции и внутренних дел для того, чтобы рассмотреть доклады губернатора Эстляндии Лангеля о восстании в Козе-Ууэмыйза и вынести необходимое ре-

[91] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 100; ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, т. I, д. 869, л. 60.

[92] ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, т. I, д. 869, л. 49—50.

шение. Министры нашли, что высланных на место событий 268 солдат должно пока хватить и что необходимо действовать без малейшего послабления, применяя наиболее действенные и строгие меры. Все ярмарки в Эстляндской губернии были запрещены. В то же время губернатору было дано распоряжение указать дворянам на необходимость при надобности временно не посылать крестьян на ночную молотьбу.[93]

Оправившись от первого испуга, Лангель 7 октября сообщил генерал-лейтенанту Риттеру, что он больше не нуждается в присылке 500 солдат из соседней губернии, так как восстание подавлено, и желательно было бы получить вместо них 200 казаков. Вслед за даугавпилсской и елгавской командами были посланы гонцы, и команды вернулись обратно в свои города. Отбывшая же из Пярну команда в дороге изменила направление и была отправлена в Ляэнеский уезд для подавления волнений, вспыхнувших в Оргита. 16 октября возвратились в свой город направлявшиеся форсированным маршем в Таллин солдаты курессааресского гарнизонного батальона. 27 октября начали обратный марш и солдаты пярнуского гарнизона.[94]

14 октября снова собрались военный министр и министры юстиции и внутренних дел. Они констатировали, что волнения в Эстляндии начинают стихать. Однако нашли, что барон Розен действовал чересчур медленно и должен был бы с присланным ему подкреплением незамедлительно «восстановить порядок».[95]

Крестьянские же волнения в то время продолжались, распространяясь теперь из центра губернии на запад и восток.

Когда в мызе Оргита Ляэнеского уезда 5 октября пытались раздать вакенбухи, то крестьяне-председатели и

[93] Там же, л. 41—42; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 116—120.
[94] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 270, 276 и 329. Просьба губернатора Лангеля о присылке казаков была выполнена лишь частично и со значительным опозданием. Лишь 27 ноября 1805 года в Таллин прибыло 70 казаков (ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 380).
[95] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 184.

-заседатели волостных судов отказались их принять, сказав, что они скорее готовы умереть. Крестьяне отказались также платить помещику натуральный оброк хлебом и заявили, что они имеют, по сравнению с размером повинностей, слишком мало земли. С большим трудом удалось наконец приходскому судье раздать вакенбухи. Но в своем отказе платить натуральную подать крестьяне упорствовали и также не выполняли дополнительную барщину.

Однажды вечером они ворвались даже в господский дом и заявили, что оброк платить не будут и не позволят кубьясу наказывать себя. По просьбе местного гакенрихтера губернатор направил в Оргита прибывших из Пярну под командой подполковника Реймана 100 солдат, дав им с собой еще две пушки. 13 октября карательный отряд прибыл в Оргита, и трое отличившихся своей активностью в ходе волнений крестьян были арестованы и преданы суду. 17 дворохозяев должны были получить наказание на месте от гакенрихтера.[96]

В Аниквере Вируского уезда крестьяне прекратили ломку плитняка, которую помещик от них требовал отчасти в счет натурального оброка и отчасти в уплату долгов.[97]

В те же дни выступили и барщинники мызы Вяэтса. Они не позволили наказать себя. Но так как помещик, по совету гакенрихтера, проявил уступчивость, то крестьяне вскоре «успокоились» и не приостановили исполнения барщины.[98]

В то же время, когда в приходах Козе и Юуру были расквартированы войска, прибывшие сюда для подавления восстания, во многих других местах приходские суды приступили к раздаче крестьянам новых вакенбухов. И при этом они с самого начала натолкнулись на сопротивление крестьян. 10 октября Мярьямааский приход-

[96] J. Konks. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. 1. aastakümnel. Tartu 1960, стр. 241—242.

[97] Там же, стр. 243.

[98] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 175—176.

ский судья Икскюль из мызы Хаймре сообщил губернатору: «Крестьянские заседатели заявили перед приходским судом, что так как крестьянский закон подменен и ненастоящий, то они не примут вакенбухи и не собираются отрабатывать дополнительную барщину и платить оброк. Это мнение и всех других крестьян, и они скорее пожертвуют своей душой и своим телом и пойдут на смерть, чем откажутся от этого. Они не могут верить тому, что зачитал им пастор как объявление губернского правления, так как это он сделал по приказанию господина, а они ведь все заодно».[99]

Из Хагери приходский судья Клуген 10 октября сообщил, что крестьяне его судебного округа считают новые вакенбухи поддельными и надеятся, что в будущем барщина будет уменьшена наполовину. Приходский судья решил начать раздачу вакенбухов лишь после того, как восстание в Козе-Ууэмыйза будет окончательно подавлено.[100]

Ристиский приходский судья пригласил 12 октября в мызу Нывa крестьянских заседателей волостных судов и приходского суда, чтобы раздать им новые вакенбухи, Но после того, как он произнес речь и зачитал эстонский текст вакенбуха, заседатели заявили, что они, «опасаясь преследований» со стороны крестьян, все же не могут принять вакенбухи. Никакие увещевания и уговоры не помогли, и вакенбухи остались нерозданными.

Такая же история повторилась 13 октября в мызе Вихтерпалу. Хотя туда были вызваны все крестьяне, но явились только заседатели волостных судов и еще некоторые дворохозяева, да и те отказались принять вакенбухи.[101]

В тот же день, 13 октября, вызванные в усадьбу имения Селли Вируского уезда дворохозяева приняли новые вакенбухи. Но 19 октября они снова явились к помещику и заявили, что так как во всех окрестных мызах

[99] Там же, ф. 854, оп. 1, д. 1258, л. 44.
[100] Там же, л. 45.
[101] Там же, л. 50—51.

число барщинных дней крестьянам уменьшено, то и их господин должен сбавить несколько дней в неделю. Когда помещик отказался это выполнить и велел им обратиться в приходский суд, крестьяне заявили о своем намерении отрабатывать впредь барщину на один день в неделю меньше. 20 октября все дворохозяева отозвали с мызы своих батраков. Не хотели они платить также натуральный оброк.[102] К сожалению, не сохранилось данных о том, чем закончилось выступление селлиских крестьян.

В конце сентября 1805 года началась длившаяся два года упорная борьба пальмсеских крестьян.

Когда пальмсеским крестьянам роздали новые вакенбухи, они стали протестовать против слишком высоких повинностей, зафиксированных в этих вакенбухах. Крестьяне говорили, что так как они должны отдавать помещику так называемую ваковую овцу, то остальные оброчные повинности должны быть уменьшены, вообще же их барщина по сравнению с количеством и качеством земли слишком высока. Угрозами вызвать солдат помещику удалось на первых порах предотвратить открытое выступление крестьян.[103]

24 сентября крестьяне собрались после богослужения у часовни. Здесь они говорили о том, что их земли следует обмерить, что они должны стать казенными и для того чтобы добиться этого, надо подать прошение. 27 сентября 30 дворохозяев явились в мызу и потребовали допустить их к господину. Помещик принял лишь двух представителей крестьян, которые заявили ему, что «главное требование пальмсеских крестьян состоит в том, чтобы стать казенными и только казне платить назначенные им подати».[104]

4 октября представители пальмсеских крестьян явились к губернатору. В поданном ему прошении крестьяне жаловались на свою участь и просили оказать им ми-

[102] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 401—402.
[103] Там же, ф. 862, оп. I, д. 3011, л. 31 и 35.
[104] Там же, л. 52; ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 502 и 509.

лость, так как «с той земли, которой мы сейчас владеем, не получаем столько урожая, чтобы могли сами прожить и при этом платить еще помещику все налоги и исправно отрабатывать барщинные дни». Они просили обмерить их землю и оценить ее и «по мере возможности принять нас в число казенных крестьян». Ходоки показали губернатору имеющийся у них экземпляр лифляндского закона и просили разъяснить, какой же закон действует.[105]

Губернатор Лангель пробрал их за то, что они пришли в город в таком количестве, объяснил им, что действителен только эстляндский крестьянский закон и, дав им с собой один экземпляр напечатанного объявления губернского правления от 28 сентября, велел идти домой. Только трое дворохозяев были оставлены в городе до тех пор, пока предводитель дворянства Розенталь вернется в Таллин и «разъяснит» им дело о повинностях. 6 октября Розенталь это и сделал, и тогда также и эти крестьяне были отправлены домой.

Той же осенью выступили пальмсеские барщинники и добились отмены ночной молотьбы на мызе. Осенью следующего, 1806 года мызное правление решило снова «установить порядок». Но так как и теперь барщинники оказали упорное и единодушное сопротивление, то власти под конец вызвали воинский отряд. 25 сентября закованные в цепи барщинники были доставлены солдатами в приходский суд, прибывший в Пальмсе. Но и там у многих из барщинников хватило мужества стоять на своем и даже призывать других не уступать помещикам.[106]

После того как наиболее активные участники сопротивления были арестованы и отправлены в Таллин, пальмсеские барщинники вынуждены были снова молотить помещичий хлеб по ночам.

Уже в мае 1806 года во время возки навоза в мызе Майдла Харьюского уезда положение было напряженным. Крестьяне отказались прислать на дополнительную

[105] Там же, ф. 862, оп. 1, д. 3011, л. 5—6.
[106] Там же, д. 3008, л. 17—21.

барщину столько людей, сколько их требовалось по вакенбуху. Предводителю дворянства Икскюлю, который лично прибыл на место, удалось заставить крестьян повиноваться.[107]

В середине июля 1806 года вспыхнули волнения в мызах Аувере и Пяйте Вируского уезда. Крестьяне стали отрабатывать меньше барщинных дней, чем от них требовал помещик. Их примеру готовились последовать также крестьяне мызы Йоала, которые, однако, хотели раньше выждать, пока не выяснятся результаты выступления аувересцев. Но местным властям удалось к 21 июля сломить сопротивление как ауверескнх, так и пяйтеских крестьян. Активно участвовавшие в выступлении члены волостного суда были отстранены от должности.[108]

В начале ноября 1807 года владелец мызы Пылула в Вируском уезде барон Штакельберг сообщил, что крестьяне деревни Мийла вышли из послушания. Приходский судья вызвал членов волостного суда и приказал им привести к нему сопротивляющихся крестьян для расследования дела. Но 4 ноября к нему снова явились только члены волостного суда и сказали, что крестьяне в большинстве своем остались дома и отказываются подчиняться помещику. Чтобы этот «мятежный дух» не распространился дальше и не вспыхнуло восстание, приходский судья попросил прислать в мызу 70 солдат. Из Раквере и было отправлено 70 солдат Ростовского мушкетерского полка, с помощью которых приходский судья 20 ноября восстановил «порядок».[109]

11 июля 1806 года ауверескнй крестьянин Лизаский Яан, выслушав проповедь пастора, в которой тот призывал к миру и послушанию, пошел в корчму и сказал там: «Если бы какая-нибудь другая более крупная волость была такой же, как ауверескне крестьяне, то у нас у

[107] J. Konks, указ. соч., стр. 245—246.

[108] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 159, л. 450, 462 и 464.

[109] Там же, л. 470—471, 475 и 477.

всех была бы совершенно иная барщина!»[110] Но вся беда заключалась именно в том, что другие волости не сумели, не смогли подняться одновременно на совместную организованную борьбу. Крестьянство хотя и героически боролось против помещиков, но борьба эта была стихийной, разрозненной и была осуждена на поражение.

Волнения, распространившиеся в Вируском уезде в 1806 и 1807 годах, были подавлены. Это была последняя волна мощного прибоя классовой борьбы крестьянства, первая волна которого дала себя знать уже в 1797 году, достигла полной силы в 1802 году и, постепенно усиливаясь, приобрела к осени 1805 года такой размах и остроту, что некоторые помещики и царские чиновники стали опасаться, как бы волна народного гнева не захлестнула их с головой. 11 октября 1805 года предводитель эстляндского дворянства Розенталь с испугом писал министру Кочубею, что «крестьяне проявляют желание бороться с войском, так как считают его орудием первых (т. е. помещиков. — *Ю. К.*); итак остается еще не решенным вопрос, сходятся ли где-нибудь эти различные нити или это просто стремление освободиться от своего состояния, причем сеющие недовольство используют нынешнее положение, когда в стране нет войск, и говорят, что сейчас подходящее время. Арестовано несколько человек, которых обвиняют в том, что они сказали крестьянам, будто самый правильный закон — это попросту дать господам дубинами по голове...»[111]

Конечно, опасения предводителя дворянства были несколько преувеличенными. Но все же его слова не так далеки от истины, как это может казаться на первый взгляд. 6 октября, за пять дней до написания этого письма, крестьяне на улицах Таллина поговаривали, что они все вместе придут к городу, и тогда будут более сильными, чем царские войска. Более чем за месяц до этого, 3 сентября, один крестьянин в Ассамаллаской корчме в Вируском уезде держал речь, в которой призы-

[110] Там же, оп. 11, д. 43, л. 442.
[111] Там же, ф. 854, оп. А 3, д. А I 44, л. 263.

вал крестьянство собраться и отнять власть у помещиков. И наконец, годом позже в Пярнуском уезде был задержан крестьянин, который в Синдиской корчме сказал, что теперь, когда в стране мало войск, настало время пойти против помещиков с оружием, данным им самими господами.

Глава шестая

«Освобождение» эстонских крестьян и вызванные им волнения

1. Обстановка в Эстляндии и Лифляндии накануне «освобождения» крестьян

В 1805 году феодально-абсолютистская Австрия не выдержала уже первых ударов, нанесенных ей армиями наполеоновской Франции, ее военно-политическая мощь была подорвана еще до того, как ей на выручку подоспели русские армии. Памятуя об этом уроке, царское правительство в своем манифесте от 30 ноября 1806 года о создании в России народного ополчения указывало, что для борьбы с сильным врагом недостаточно одних регулярных войск. Врагу следует противопоставить «несокрушимую плотину всенародного вооружения». Именно отсутствие в Австрии народного ополчения явилось, по мнению царского правительства, причиной того, что Наполеону удалось так легко и быстро подчинить себе это государство.[1] Оставшись один на один с опасным врагом, царское правительство «вспомнило» и о народе.

Осенью 1806 года судьба Австрии постигла и другую феодально-абсолютистскую монархию — Пруссию. Некоторые патриотически настроенные прусские госу-

[1] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 196а, л. 1.

дарственные деятели, которых Наполеон считал опасными для себя, были вынуждены покинуть свою родину. Министр Гарденберг эмигрировал в Ригу и составил там 12 сентября 1807 года свою известную записку о необходимости реформ. «Обманчивое представление о том, что революцию можно наиболее решительно предотвратить, если держаться за старое... как раз более всего и содействовало революции и ее все растущему распространению. Сила этих принципов столь велика и они получили столь всеобщее признание, что государство, которое их не примет, либо пойдет навстречу своему упадку, либо в конечном счете все же должно будет их принять и уже не добровольно, — было написано в этой записке. — Следовательно нужна революция в позитивном смысле... Монархическое правительство, основывающееся на демократических принципах. Это, по моему мнению, подходящая формула для духа нашей эпохи».[2]

9 октября 1807 года прусское правительство издало составленный по инициативе министра Штейна королевский эдикт об отмене крепостного права.

Царское же правительство в эти напряженные годы войны остро почувствовало, какие затруднения создала обстановка, царившая в деревнях близко расположенных к театру военных действий прибалтийских губерний. Для быстрой переброски войск из Петербурга на западную границу от эстляндских крестьян требовали большое количество подвод (так в феврале 1807 года для трех почтовых станций в Вируском уезде было истребовано 1800 лошадей). Но изнуренные работой в имениях крестьянские кони часто были не в состоянии тянуть тяжелые военные обозы. Проходившие через деревни и временно размещенные в них воинские части (в конце 1807 года, например, в Эстляндской губернии находились 4 кавалерийских полка, 6 пехотных, 4 артиллерийских и 3 саперные роты) нуждались в закупке

[2] W. Conze. Quellen zur Geschichte der deutschen Bauernbefreiung. (Quellensammlung zur Kulturgeschichte. Herausgeber: Prof. Dr. Wilhelm Treue, Bd. XII) Berlin—Frankfurt 1957, стр. 115—116.

продовольствия в этих деревнях. Повторявшийся же периодически голод, постоянная нехватка хлеба в эстонской деревне затрудняли снабжение войск провиантом. В сентября 1807 года в Военное министерство поступило сообщение о том, что в Эстляндской губернии не хватает провианта для местных частей ополчения и прибывающих туда регулярных войск. Для снабжения войск просили прислать провиант из Петербурга. В конце того же месяца возникла опасность, что бушевавшие среди крестьян эпидемии перекинутся на проходившие через Вируский уезд воинские части. Военное министерство было вынуждено закрыть войскам дорогу через Нарву и направить их в Петербург кружным путем, через Псков. В феврале 1808 года царь дал распоряжение как можно быстрее отправить лифляндских ополченцев в регулярные войска, так как в своей губернии для них не хватало продовольствия. Летом 1808 года Военное министерство вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы обеспечить продовольствием проходившие через Эстляндию и Лифляндию четыре дивизии регулярных войск и части ополчения.[3]

В мае 1807 года эстляндские помещики стали выпрашивать через губернское правление очередную помощь от правительства. Они просили разрешения закупить в Петербурге по дешевой цене 5 тысяч мешков ржаной муки. Однако в этот раз эстляндским помещикам было в их просьбе отказано, ибо «в самом Петербурге мало муки».[4]

В силу изложенного не приходится удивляться, что царское правительство быстро и энергично реагировало на сообщение лифляндского ландрата Фридриха фон Сиверса о царившем в 1808 году в Прибалтике голоде.[5]

[3] ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, ч. I, д. 1212, л. 1 и 7; д. 1359, л. 1, 2, 4 и 6; д. 1456, л. 1 и 4; д. 1506, л. 1—4 и 9; ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 40, л. 602; ф. 902, оп. 1, д. 473, л. 21, 63 и 67—68; ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 15771, л. 3.

[4] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 268, л. 71—73, 81—82 и 86.

[5] Lauma Sloka. Vidzemes draudžu kronikas (Valsts Archiva Raksti III). Rīgā 1925, стр. 232.

Для обследования положения в Лифляндскую губернию был направлен генерал Беклешев, а в Эстляндскую — сенатор Захаров.[6] По требованию приехавшего 10 апреля 1808 года в Таллин Захарова, заявившего эстляндским помещикам, что «страдание сих бедных влечет потерю вашу: лишась крестьян, лишитесь вы работников и приносимых ими доходов»,[7] дворянский конвент (Ritterschafts Ausschuss) принял 16 и 17 апреля специальное решение. В этом решении говорилось о необходимости дать нуждающимся крестьянам ссуду зерном, но подчеркивалось, что эту ссуду следует предоставлять только хозяйствам, выполняющим барщину для имения, и притом соразмерно исполняемым ими барщинным повинностям. Одновременно указывалось, что помещики, у крестьян которых окажется недостаток хлеба, будут наказаны, причем местным властям предоставлялось право без разрешения «виновного» помещика купить за его счет зерно и раздать крестьянам. Крестьянам же дозволялось жаловаться на недостаток хлеба местным полицейским властям, но в случае «ложной жалобы» их ожидало наказание, как нарушителей общественного спокойствия. В решении подчеркивалось, что вольные крестьяне, солдатки и инвалиды не имеют никакого права на пособие; они могут получить хлеб только за работу. Сенатор Захаров утвердил решение дворян, дополнив его составленными им самим предписаниями и инструкциями на имя уездных комиссаров и гакенрихтеров. Решение дворянства и указанные инструкции были обнародованы в виде губернаторского патента.[8]

Уже в 1787 году в прибалтийских губерниях была издана брошюра (на титульном листе ее место издания не указано) с характерным заглавием: «Еще одно слово в подходящее время или попытка ответить на столь важный для нашего отечества вопрос, как преодолеть

[6] ЦГВИАМ, ф. 1 Л, оп. 1, т. I, д. 1506, л. 1.
[7] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 44—45.
[8] Там же, ф. 854, оп. А 3, д. А I 47, л. 17; оп. 1, д. 213, л. 114—118.

такое всеобщее бедствие, как ежегодные хлебные ссуды крестьянам». В брошюре подчеркивается, что от этого «всеобщего бедствия» терпят все помещики, но особенно сильно те, «которые при нынешней дороговизне из-за необходимости делать такие ссуды должны покупать зерно, или, если они еще не дошли до такого состояния, должны смотреть, как наличный запас зерна, которое они могли бы использовать как значительный капитал (разрядка моя. — *Ю. К.*), теперь бесполезно валяется в куче, ибо этим хлебом надо будет в конце года кормить крестьян и кое как поддерживать их жизнь».[9] Помещики, получавшие большие доходы от эксплуатации крестьян, сразу же начинали роптать, когда им приходилось тратить зерно или деньги для поддержки крестьян, разорившихся в результате непосильного гнета, голода, эпидемий и падежа скота. И больше всего роптали те помещики, кои, как правильно отмечено в упомянутой брошюре, стали усматривать в хлебных и денежных запасах уже капитал, который, обращаясь, должен приносить им доход, а не «валяться без пользы» всю зиму, для того чтобы весной спасти крестьян от угрожающей им голодной смерти.

В своем письме от 19 апреля 1808 г. на имя сенатора Захарова предводитель дворянства Икскюль писал, что помещики не дадут своим крестьянам умереть с голоду, ибо, «теряя человека, они ведь теряют капитал (разрядка моя. — *Ю. К.*) ...», но выдача крестьянам пособий имеет и свои отрицательные последствия. «Ваш собственный опыт подтверждает мое замечание, что сознание «меня обязаны кормить» ослабляет предприимчивость крестьян и приводит к тому, что крестьянин, не проявляя бережливости, растрачивает свой хлеб».[10]

30 января 1809 года помещик барон Розен представил конвенту Эстляндского дворянства записку, в которой

[9] Wiederum ein Wort zu seiner Zeit oder Versuch einer Beantwortung der unserem Vaterlande so wichtigen Frage: Wie wohl der Landplage des jährlichen Bauernvorschusses am sichersten abzuhelfen wäre, [s. l.], 1787, стр. 3.

[10] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 213, л. 32.

выражал опасение, что «эстонец из состояния благодушной глупости (sic! — *Ю. К.*) начинает переходить в состояние озлобленной глупости. Он не видит уже больше в своем господине доброжелательного попечителя, который с истинно отеческой добротой помогает ему во всех нуждах и которому он обязан верностью и благодарностью, а смотрит на него только как на человека, обязанного по закону его кормить и снабжать, так как он (крестьянин. — *Ю. К.*) работает на него». Барон Розен видел только два выхода из создавшегося положения: «Отнять у задолжавших людей землю и сделать их поденщиками (разрядка моя. — *Ю. К.*) или пытаться действенными мерами повысить их предприимчивость...»[11] На ландтаге 1809 года предводитель дворянства в своем выступлении обратил внимание на то, что «практика уже показала, что крестьянин очень часто злоупотребляет обнародованными для общего сведения постановлениями и зачастую тайком растрачивает взятую без надобности ссуду...» Эти постановления, по мнению предводителя дворянства, не улучшили положения крестьян, зато «собственность помещика осталась без всякой защиты. По-видимому, назрела необходимость принять действенные меры против этих отрицательных явлений, с тем чтобы урожай поместья не стал жертвой произвола крестьян, или тех, кто умеет использовать невежество последних, а также, чтобы помещики не оказались под весьма реальной угрозой лишиться своей собственности или же, что по существу одно и то же, ежегодных доходов от этой собственности...»[12] На ландтаге 1809 года эстляндские помещики ограничились все же только тем, что просили местных властей возможно чаще напоминать крестьянам об их обязанности своевременно возвращать полученные хлебные ссуды.[13]

Голод 1808 года побудил правительство снова занять-

[11] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А II 79, л. 17—18.
[12] Там же, д. А I 48, л. 64.
[13] Там же, л. 65—66.

ся крестьянским вопросом в Эстляндской губернии. Но это был лишь один фактор из числа многих. В 1805 году царскому правительству много забот доставили вспыхнувшие в Эстляндской губернии крестьянские волнения; в 1807 году — нехватка там хлеба и свирепствовавшие эпидемии, затруднявшие продвижение войск и их расквартирование; в 1808 году — вспыхнувший в этой губернии голод. Как видим, у царского правительства накопилось достаточно серьезных оснований для того, чтобы снова уделить внимание крестьянскому вопросу. Но этот очередной шаг в области внутренней политики пытались демагогически изобразить как благодеяние, оказываемое царем народу. Так, в царском указе от 20 июля 1809 года говорилось, что царь сам, будучи проездом в Эстляндской губернии, обратил внимание на то, что положение тамошних крестьян нуждается в улучшении, и для этого надо «исправить» крестьянский закон 1804 года.

Этим указом царь распорядился уточнить и урегулировать в Эстляндской губернии крестьянские повинности в той же мере, в какой это имело место в связи с проведением реформ 1804 года в Лифляндии. Как нам известно, в Эстляндии размеры крестьянских повинностей, в отличие от Лифляндии, не были унифицированы и «приведены в соответствие» с оценкой земли, так как там обмер и таксация крестьянских земель не производились. С целью «исправления» эстляндского крестьянского закона по примеру лифляндского министр внутренних дел А. Б. Куракин образовал в Петербурге Комитет по улучшению быта эстляндских крестьян, первое заседание которого происходило 27 сентября 1809 года. В состав комитета вошли в первую очередь государственные деятели и дворяне, принимавшие участие в разработке лифляндского крестьянского положения 1804 года (бывший секретарь созданного в Петербурге по делам лифляндской реформы комитета Я. Дружинин, лифляндский помещик Экеспарре и др.).

В своих статьях и брошюрах, в которых он подвергал критике эстляндский крестьянский закон 1804 года, пуб-

лицист Эверс[14] прямо говорил, что если дворяне и правительство не поведут дело аграрной политики лучше, чем до сих пор, то снова вспыхнут кровавые восстания, подобные восстанию в Козе-Ууэмыйза. В своих работах Эверс выдвинул много конкретных предложений для улучшения эстляндского крестьянского закона 1804 года. Теперь царские чиновники решили пойти на некоторые уступки, необходимость которых стала им ясной в свете событий 1805 года и о которых им еще раз напомнил и Эверс. Они стали пользоваться наиболее пригодными для них методическими приемами из работ Эверса. В своей вышедшей в 1806 году брошюре Эверс с помощью точных математических расчетов и таблиц показал, что если даже исходить из приведенных самими составителями эстляндского крестьянского закона 1804 года цифровых данных, то получается, что у крестьянина после выполнения всех повинностей и удовлетворения самых минимальных своих потребностей из дохода своего хозяйства ничего не останется и даже образуется дефицит.[15] Подобные же вычисления были произведены и эстляндским комитетом в самом начале его деятельности. В результате высокопоставленные члены комитета пришли к убеждению, что в Лифляндии выращенного на полях крестьянина-дворохозяина хлеба не только хватает для пропитания людей, выполняющих мызную барщину, и для уплаты натуральных податей, но и остается некоторый излишек.[16] А у эстляндского крестьянина даже «при полном урожае не достает ... на самое нужное содержание семейства своего и на оплату общественных повинностей целой трети его дохода. А в случае неурожая или когда хоть частные несчастия, как-то град, мороз, черв и пр. истребят часть его жатвы, остается он без всех средств к своему пропитанию и должен неминуемо прибегать к помощи помещика, который сам

[14] См. о нем на стр. 151 и 152.

[15] [J. Ph. G. v. Ewers]. Vom Zustande der Bauern in Livland und Ehstland. Ein Wort zu seiner Zeit, auch dem H. Kollegien-Rath von Kotzebue zur Beherzigung empfohlen. Dorpat 1806, стр. 16 и 20—22.

[16] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 187, л. 6—7.

иногда не в состоянии бывает оказать оную».[17] Что крестьянин постоянно не мог удовлетворять даже своих самых минимальных потребностей, это особенно не тревожило царских чиновников. Плохо было, по их мнению то, что в случае стихийных бедствий крестьянин может совсем остаться без хлеба, и тогда не только помещики, но и царское правительство должно будет принять чрезвычайные меры для снабжения крестьян хлебной ссудой.

Как явствует из материалов комитета, царские сановники уже в начале XIX века при проведении аграрных реформ в Прибалтике, как и впоследствии при проведении инвентарной реформы в Белоруссии и Западной Украине, формально исходили из принципа, что крестьянин должен давать помещику третью часть (третьяк) полученных им со своего хозяйства доходов.[18]

В этих же материалах встречаются вопросы, которые сразу же встали на повестку дня во время волнений 1805 года. Авторы составленной для комитета докладной записки считают несправедливым, что крестьяне, кроме всех прочих повинностей, обязаны еще посылать людей на ночную молотьбу. На заседании 16 января 1810 члены эстляндского комитета высказали мнение, что работа крестьянина для мызы не должна продолжаться свыше 12 часов в сутки и что во время уборки хлеба имение может требовать с крестьянского двора не более половины трудоспособных людей.[19] В 1810 году эстляндские дворяне должны были согласиться с тем, что если крестьяне потребуют обмера своих участков, то это надо «предоставить уполномоченным с обеих сторон, то есть со стороны помещиков и крестьян совокупно — буде же которая-либо сторона будет недовольна, то произвести измерение присяжными землемерами».[20]

[17] Там же, л. 42.

[18] См. об этом в статье Н. Улащика. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 52.

[19] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 187, л. 14—17; д. 189, л. 16—17.

[20] Там же, д. 189, л. 265.

Но заседавший в Петербурге комитет не был согласен с частичным и «добровольным» измерением земель, а настойчиво требовал проведения в Эстляндии, по примеру соседней губернии, всеобщего и обязательного обмера крестьянских земель, для того чтобы в дальнейшем при определении размера барщинных повинностей исходить из полученных при этом данных о количестве и качестве земель, находящихся в пользовании отдельных дворохозяев.

После бесплодных переговоров с представителями дворянства эстляндский комитет принял решение, которое было утверждено также царем и в котором дворянство обязывалось разработать на своем ландтаге проект нового крестьянского закона и к 10 июля 1810 года представить его на рассмотрение комитету. Но эстляндские помещики не хотели пойти на это. В мае 1810 года предводитель эстляндского дворянства Штакельберг направил царю и правительству несколько прошений, в которых он утверждал, что исправление крестьянского закона 1804 года или разработка нового закона в угодном для комитета направлении привели бы «к неизбежному разорению помещиков...»[21]

Впоследствии на ландтаге 1811 года предводитель эстляндского дворянства довольно откровенно говорил о том, почему в конце концов было решено пойти на «освобождение» крестьян. Для эстляндских помещиков стало ясным, что введение новых, составленных по указаниям петербургского комитета вакенбухов, по словам Берга, «принесло бы с собой уменьшение теперешних барщинных повинностей крестьян, обмер всех крестьянских земель и их оуенку...»[22] В своих письмах к высокопоставленным сановникам Берг, конечно, не счел нужным распространяться о возможном уменьшении барщинных повинностей крестьян и сетовал лишь на то, что расходы, связанные с землемерными работами, совершенно будто бы разорят его «несчастных соотечест-

[21] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 189, л. 76.
[22] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А I 50, л. 155.

венников». Так, в своем письме к графу Сперанскому он говорит, что лифляндские дворяне в связи с работами по обмеру земли уже понесли расход в 1 миллион рублей и такие расходы совсем не по плечу эстляндским помещикам.[23]

Вместо того чтобы представить эстляндскому комитету проект нового закона, дворянство направило в июле 1810 года в Петербург новых представителей с возражениями по выработанным комитетом «основным принципам».

После всего этого комитет решил сам выработать проект нового закона. Царю доложили, что комитет решил «сделать здесь на месте то, что дворянство не сделало на ландтаге...»[24]

Во второй половине 1810 года существовала реальная опасность, что разработка крестьянского закона ускользнет из рук местного дворянства. Работавшие в правительственном комитете царские сановники, разгневанные упорным уклонением эстляндских дворян от выполнения возложенных на них задач, обвинили их даже в нанесении своим поведением ущерба экономике государства. В составленной 25 августа 1810 года записке они писали: «Если такая провинция, как Эстляндия, которая в течение целого столетия пользуется самым нежным попечением со стороны правительства и плодами самой цветущей торговли, защищена от всех невзгод войны... все же приходит в упадок и количество ее населения никоим образом не отвечает ее величине и объему, то безошибочно можно сказать, что в ее внутреннем устройстве должен скрываться какой-то порок... Мор, война, неурожаи, наводнения могут причинить странам и государствам глубокие раны, но если их устройство в основном хорошее, то они легко исцеляются, и спустя несколько лет остаются лишь незаметные следы этих опустошений».[25]

[23] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 500, л. 2.
[24] Там же, ф. 1528, оп. 1, д. 197, л. 103.
[25] Там же, оп. 1, д. 201, л. 176—177.

В записке правильно отмечено, что «организму» общества был нанесен уже серьезный ущерб, но это отнюдь не означает, будто составившие соответствующую записку царские сановники поняли, что корень зла кроется в несоответствии отживших свой век феодально-крепостнических производственных отношений новому характеру производительных сил, и хотели бы этот недостаток устранить. В действительности они считали, что все затруднения вызваны неумелым проведением аграрной политики и хотели найти выход из положения путем некоторой поправки, по примеру Лифляндии, проведенной в Эстляндской губернии аграрной реформы и уточнения барщинных повинностей крестьян, а в случае надобности в некоторых местах и в некоторой части даже их уменьшения. И всего этого они требовали от помещиков в интересах самих помещиков. Чтобы дворяне хорошо все это поняли, сказано в записке, будем «рассматривать человека просто как животное... Предположим теперь, что мы имеем дело с двумя одинаковыми стадами вьючных животных, и что они являются единственным имуществом их владельца». Дальше говорится, что один владелец стада довольствовался умеренной, но твердой прибылью и заставлял животных нести посильную для них ношу и кормил их как следует, другой же, желавший резко увеличить свои доходы, навьючивал на животных чрезмерно большую ношу и кормил их плохо. Но в конечном итоге «анимальная сила» животных этого корыстного владельца стала уменьшаться. Животные не только сами дошли до физического истощения, но также и их последующее поколение было слабым, так как их силы погрессивно слабели от поколения к поколению. «Что физическое состояние эстонских крестьян и причины этого состояния полностью совпадают с теми состоянием и причинами, о которых шла речь в вышеприведенном примере, — было написано в рассматриваемой записке, — это станет ясным, если сравнить изложенное выше с теми выводами, к которым мы пришли при анализе закона: во-первых, что больше трети своего времени и своих сил крестьянин должен расходовать на

барщину; во-вторых, что его существование подорвано в самом основании и, в-третьих, что его по статье 12 закона можно заставить исполнять барщину еще до того, как он становится трудоспособным».[26] Эта весьма своеобразная философия, приравнившая человека к рабочему скоту, которая пространно излагалась в записке правительственного комитета, убедительно показывает, что и царское правительство относилось к эстонским крестьянам как к рабочему скоту и меньше было озабочено судьбой «скота», чем «скотовода», т. е. помещика, который неразумным хозяйствованием сам причинял себе вред. Правда, отмечают царские сановники в этой записке, для устранения описанных недостатков части помещикам придется, может быть, пойти на экономические жертвы, и этим в известной мере будут нарушены священные права частной собственности. Но в любом цивилизованном государстве издаются же законы и постановления, запрещающие ростовщичество, ограничивающее вывоз или каким-то иным образом ставящие известные границы пользованию частной собственностью. И эти законы и постановления не издаются ведь для того, чтобы «оказать необходимую помощь беднякам за счет зажиточных людей? Совсем нет...»[27] Все это, так же как и урегулирование прав и обязанностей помещиков и крестьян в отношении друг друга, необходимо для обеспечения нормального функционирования экономики и общественной жизни в государстве.

В поисках выхода из создавшегося положения, ставшего для них невыносимым в результате изданных в связи с голодом 1808 года распоряжений, обязывающих давать крестьянам в случае надобности хлебную ссуду, и проявленной правительством чрезмерной настойчивости в области аграрной политики, эстляндские помещики пришли к мысли о необходимости предоставить крестьянам формальную свободу.

[26] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 201, л. 176.
[27] Там же, л. 184.

Предоставлением крестьянам формальной свободы помещики надеялись добиться многих заманчивых для них целей: во-первых, получить право при определении феодальных повинностей руководствоваться не нормами вакенбухов, а только собственным желанием; во-вторых, освободиться от обязанности ссужать крестьян хлебом в голодные годы. «При таких обстоятельствах, — сказал предводитель дворянства Штакельберг на ландтаге 1811 года, — единственно справедливые и устойчивые мерила крестьянских повинностей могут сложиться только на основе взаимодобровольных договоров...» Единственной формой взаимоотношений между помещиком и крестьянином должна стать, по мнению Штакельберга, «взаимная заинтересованность».[28]

Для того чтобы обеспечить успех этому политическому маневру, предводитель дворянства Берг обратился к царю через его родственника принца Георга Ольденбургского, благосклонно относившегося к прибалтийским дворянам. Последний направил предложения Берга царю вместе с составленной им самим запиской.

Принц Георг в начале записки утверждает, будто Александр I всегда стремился освободить крестьян в России. Но теперь освобождение крестьян окраинных прибалтийских губерний не терпит больше отлагательства. «Беспрерывная борьба между сеньорами и рабами, — пишет принц Георг, — дает пищу неугасимому огню, угрожающему охватить все государство... по самому ничтожному поводу. Если в начале какой-либо войны бои будут перенесены в чужую страну, то враг попытается вызвать смуту в стране того властителя, с которым он воюет, и, изыскивая возможности вызвать волнения в стране, где еще господствует рабство, он достигает этого легче всего, обещая через своих эмиссаров свободу рабам. Если же враг проникнет на нашу землю, то он найдет пламенных борцов за свое дело из числа подданных того государства, в пределы которого он вторгся. Уже

[28] A. Gernet. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval 1901, стр. 146—147.

одни эти причины показывают, что в России необходима политика, направленная к подготовлению личного освобождения рабов, чтобы лишить врага возможности подстрекать их к восстаниям, которой тот иначе может воспользоваться... Следует обратить внимание дворян на их собственное тяжелое положение, так как они рискуют стать первой жертвой могущих произойти народных волнений».[29]

Цитированная выше записка принца Ольденбургского сыграла довольно важную роль в предыстории формального освобождения эстонского крестьянства. Получив эту записку вместе с предложениями предводителя дворянства Берга, царь одобрил идею предоставления свободы крестьянам Эстляндии.

Но здесь следует подчеркнуть, что мысль о возможности использования внешним врагом внутренней вражды, вызванной крепостническим гнетом, отнюдь не являлась продуктом «государственного ума» придворных вроде принца Ольденбургского. Александр I назначил своего переехавшего в 1808 году в Россию родственника в августе того же года генерал-губернатором Эстляндии. Но Таллин принц Георг покинул уже через несколько недель, для того чтобы обвенчаться с сестрой Александра I и позже стать генерал-губернатором Тверского наместничества. После этого он ни разу не посещал Эстонию. В то время, когда в 1802—1805 годах Эстляндия и Лифляндия были охвачены крестьянскими волнениями, принц Георг Ольденбургский спокойно жил в Германии.

В то же время были и такие люди, которые действительно хорошо понимали, каким опасным для правящих классов могло стать положение во время крестьянских волнений в прибалтийских губерниях и какое опасное возбуждение могли вызвать среди крестьян известия о приближении врага. Г. Меркель, которому во время волнений 1784 года было 15 лет, красноречиво описывает события этого года в своей работе «Ла-

[29] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 500, л. 9—10.

тыши...» и под конец отмечает, что власть дворян была бы уже тогда упразднена, если бы правительству не удалось своевременно прислать на место событий достаточное количество войск. И. Х. Петри жил в Эстляндской губернии в тревожные годы русско-шведской войны (1788—1790), когда эстонские крестьяне в некоторых местах Вируского уезда вооружались и собирались в лесах послушать доносящийся с моря грохот пушек.[30] «И всегда, когда война приближается к нашим границам или когда в провинциях нет войск, чувствуется тайный страх, особенно со времени волнений подушной подати, когда крестьяне проявили такую стойкость и мужество, что даже воинские части смогли лишь с большим трудом снова заковать их в цепи, — писал Меркель в 1796 году. — «Наши внешние враги, — так поговаривали во время Шведской и Польской войн, — не причинят нам большого вреда, а вот внутренние...»[31] Те же мысли высказал в своей вышедшей в 1802 году книге И. Х. Петри: «Во время каждой войны внутреннего врага боятся больше, чем внешнего. Также и во время последней русско-шведской войны здесь и там проявились косвенные признаки всегда бодрствующего мятежного духа этого народа».[32]

Меркель и Петри высказали эту мысль как угрозу в адрес местных дворян и царского правительства, чтобы запугать их, вынудить пойти на уступки крестьянам и освободить их. Записка принца Ольденбургского свидетельствует поэтому не о «государственном уме» царедворца, а о том, что угроза, которая крылась в антифеодальной борьбе крестьян и которой в качестве аргумента воспользовались в своих произведениях прогрессивные публицисты, возымела свое действие.

[30] Fr. Bienemann. Die Ostseeprovinzen, vornehmlich Estland während des schwedisch-russischen Krieges 1788—1790. «Russische Revue», Bd. V., H. 7. St.-Petersburg 1874, стр. 18.

[31] G. Merkel. Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Leipzig 1797, стр. 35.

[32] J. Chr. Petri. Ehstland und die Ehsten. T. I. Gotha 1802, стр. 306.

Именно в те годы, когда эстляндские помещики и царские сановники приступили к выработке закона об «освобождении» крестьян, их страх и опасения перед крестьянскими волнениями получили новую пищу.

Осенью 1805 года в Эстляндии среди крестьян раздавались угрозы, что они объединятся в войско и убьют господ. Наводит на размышление и поведение восставших в Козе-Ууэмыйза крестьян. Правда, они позднее, перед судом, пытались представить свои поступки в возможно невинном свете. Но факт остается фактом — они уделяли большое внимание раздобыванию оружия, маршированию и «военному обучению». В 1807 году двое крестьян из волости Килинги Пярнуского уезда довольно обстоятельно обсуждали вопрос, как им следует поступить, если их призовут для защиты страны от врага. Они решили, что крестьянам следует взять розданное им оружие, но направить его против самих помещиков.

Страх перед классовой борьбой крестьян был одним из факторов, толкавших властей и более дальновидных помещиков на путь уступок и реформ. О грозных волнениях и восстаниях 1805 года помнили и в 1811 году, когда эстляндские дворяне открыто поставили на повестку дня вопрос об отмене крепостного права. Когда летом этого года крестьяне мызы Роэла в Вируском уезде самовольно уменьшили дополнительную барщину, то владелец этой мызы потребовал срочной присылки войск и в своих письмах губернатору выразил опасение, что могут повториться такие же события, какие в 1805 году произошли в Козе-Ууэмыйза и Пальмсе.[33] Слишно напугало эстляндских помещиков восстание отданных в рекруты крестьян.[34]

22 декабря 1812 года в Таллине вспыхнуло восстание в казармах, расположенных у городских ворот Карья.

[33] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 8, л. 2—3.

[34] Материалы об этих событиях сохранились в одном деле канцелярии эстляндского губернатора (ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, ч. I, д. 301).

В эти казармы за несколько недель до этого было загнано 1863 рекрута из Эстляндской губернии. На проведенном после подавления восстания следствии выяснилось, что «многолюдство и стеснение народа в казармах так необычайно, что рекруты лежат и под нарами...», им выдавали меньше хлеба, чем положено, и стража обращалась с ними плохо. В конце концов рекруты, потеряв терпение, напали на часового, отобрали у него ружье и взломали ворота казармы. Прежде чем власти успели спохватиться, 87 рекрутов уже скрылись из казармы и вскоре были за пределами города.

Эстляндский губернатор барон Икскюль с самого начала боялся, что появление в деревнях скрывшихся из Таллина рекрутов может привести к тому, что против своих помещиков восстанут и тамошние крестьяне. Он выехал в район, куда направились рекруты, чтобы лично собрать данные о поведении крестьян. Всем пасторам было дано распоряжение использовать рождественское богослужение для того, чтобы уговорить крестьян не присоединяться к рекрутам, а оказывать помещикам и чиновникам помощь в их поимке. В своем докладе, отправленном в Петербург, губернатор подчеркнул, что крестьяне, к с ч а с т ь ю, не присоединились к восставшим. Но вместе с тем он должен был признать, что крестьян не удалось восстановить против рекрутов и что последние были вооружены «несколькими ружьями, косами, топорами и кольями, на верхушки которых они прикрепили железные сошники, в з я т ы е и м и в д е р е в н я х (разрядка моя. — *Ю. К.*)».

Рекруты вели себя точно так, как вело бы себя крестьянское войско, восставшее на борьбу с помещиками. Они напали на мызы Лехмья, Арувалла и Имасту, запаслись там необходимым провиантом и разрушили все, что принадлежало ненавистным помещикам. Более крупные мызы и центры, где можно было опасаться более сильного сопротивления, они обошли кружным путем. Затем рекруты отправились туда, где в те годы искали убежища многие крестьяне, оказавшиеся в конфликте с помещиками, — в сторону простиравших-

ся на северном берегу Чудского озера Алутагузеских лесов.

Так как в Таллине в то время опять было мало войск, то погоня за рекрутами была организована лишь 26 декабря. Под руководством чиновников губернского правления и гакенрихтера поимкой рекрутов занялись две воинские команды, состоявшие каждая из 1 офицера, 2 унтер-офицеров и 50 солдат. Губернатор потребовал, чтобы в командах поддерживался строгий порядок, дабы в эти критические дни не вызвать у крестьян «ожесточения».

В ночь на 27 декабря удалось задержать большую группу восставших рекрутов. Удрикуский помещик Ребиндер накануне узнал, что «шайка грабителей» приближается к его имению. Вместе с соседним помещиком они вооружили своих слуг охотничьими ружьями и напали на рекрутов, находившихся неподалеку от кадринаской церкви, в одной корчме, где они расположились на ночлег. Первую атаку, при которой использовалось лишь холодное оружие, рекруты отбили и ранили при этом троих или четверых людей из рядов противника. Тогда нападающие открыли ружейный огонь с дальнего расстояния, и в результате четверо рекрутов были тяжело ранены, а остальным пришлось сдаться. Задержанные 49 рекрутов были отправлены под конвоем обратно в Таллин.

В те дни в Таллин поступило новое тревожное сообщение. Чтобы предотвратить возникновение нового восстания, 28 декабря под конвоем в составе 1 офицера, 2 унтер-офицеров и 17 солдат из Таллина в Ригу было отправлено 250 рекрутов. 30 декабря рекруты расположились на отдых в приходе Нисси, неподалеку от мызы Варди, около корчмы. В этот вечер, или ночью, со стороны Таллина пришла туда какая-то крестьянка, которая рассказала, что восставшие в Таллине рекруты собираются в окрестностях Рапла. Уже на следующее утро руководивший отправкой партии рекрутов барон Врангель заметил, что рекруты были в очень мрачном и возбужденном настроении. Когда один местный помещик проезжал мимо расположившихся перед корчмой рекрутов,

они сделали попытку напасть на него. Сам Врангель уехал вперед, чтобы позаботиться о подводах и провианте. Этим воспользовались 103 рекрута — недалеко от Кангермааской корчмы они оказали сопротивление конвою и скрылись в направлении Рапла.

Для поимки убежавших рекрутов был послан с воинской командой комиссар Витт, которому удалось большую часть их задержать.

Обращает на себя внимание тот факт, что едва до находившихся в пути рекрутов дошел слух, который, правда, позже оказался ложным, о концентрации в окрестностях Рапла восставших, как они сразу же поспешили туда. Это показывает, что высказываемые крестьянами в 1805 и 1807 годах угрозы соединиться в войско и с оружием в руках выступить против бар, по существу, не носили характера случайных и необдуманных высказываний отдельных лиц. Действовать таким образом при благоприятном случае были готовы многие крестьяне. А это подозревали помещики и правительственные круги уже и до 1812 года.

Ко всему изложенному выше следует добавить, что уже в следующем году, 31 августа 1813 года, в Курляндской губернии, около г. Тукума, на дорогах появились крупные отряды молодых крестьян, которые пытались ворваться в город и освободить своих взятых насильственно в рекруты товарищей.[35] Как мы знаем, в те же самые годы по всей Российской империи прокатилась волна антифеодальных выступлений взятых в рекруты или в ополчение крестьян.

В основном те же причины, что и в Эстляндии, заставили царское правительство и местных помещиков вновь заняться крестьянским вопросом и в соседней губернии. Также и в Лифляндии в эти годы остро встал на повестку дня вопрос обеспечения крестьян продовольствием. В 1806 году Лифляндское губернское правление

[35] J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimata sākumā (1804—1819). Rīgā 1954, стр. 142.

дало распоряжение заполнить все волостные сельские запасные магазины, в которых не было столько хлеба, сколько его там должно было содержаться, причем если крестьяне не могли выполнить это требование из-за своей бедности, то хлеб должны были дать помещики.[36] В 1808 году, когда генерал Беклешев был направлен в Лифляндию для выяснения положения в связи с вспыхнувшим там голодом, местные власти издали распоряжения, согласно которым помещикам, недостаточно заботившимся об обеспечении своих крестьян продовольствием, угрожала конфискация имений.[37]

Встревоженные всем этим помещики обратились через органы рыцарства к царскому правительству с просьбой освободить их в будущем от любой ответственности за обеспечение крестьян продовольствием. Но 15 августа 1809 года заседавший в Петербурге лифляндский комитет вынес решение, согласно которому «хоть положение 1804-го года действительно ограничивает прежние права помещиков над крестьянами, но между тем не освобождает их от обязанности пещись о пропитании людей, кои для обработания их же земель необходимы».[38] Это говорит о том, что и лифляндские помещики были недовольны возложенной на них обязанностью ссужать в неурожайные годы своих крестьян хлебом и надеялись избавиться от нее путем «освобождения» своих крестьян.

Но еще бо́льшую остроту приобрел в Лифляндии основной вопрос взаимоотношений помещиков и крестьян — вопрос о крестьянских повинностях. Лифляндским крестьянским законом 1804 года предусматривалось, что если после обмера земель и составления окончательных вакенбухов выяснится, что в составленных по данным помещиков временных вакенбухах зафиксированы завышенные повинности, то помещики должны будут

[36] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 188, л. 11.

[37] J. Jeņš s. Vidzemes zemnieku pārtikas jautajums 18. g.s. un 19. g.s. sākumā. «Latvijas vēstures institūta žurnals», 1933, [illegible] стр. 389—390.

[38] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 150, л. 96.

возместить крестьянам причиненный ущерб за излишне затребованное от них. «Временные вакенбухи установлены на тот конец, — читаем мы в официальном протоколе лифляндского комитета, — чтобы между тем, пока будет производиться специальное межевание, помещики не могли требовать от крестьян ничего сверх вакенбухов и чтобы по окончании межевания в случае излишне взятых помещиком повинностей крестьяне могли получить предоставленную им по закону возмездку».[39] Осенью 1809 года лифляндский комитет затребовал так называемые экстракты из вакенбухов и на основе этих материалов установил, что многие помещики требовали от своих крестьян барщины сверх нормы, предусмотренной законом.[40] 16 марта 1815 года комитет рассмотрел вопрос о том, сколько должен помещик генерал-лейтенант Гинцель заплатить своим крестьянам «за перебранные им противу полученного им окончательного вакенбуха, лишние рабочие дни, повинности и подати натурою».[41] На основании материалов этого частного дела комитет вынес общее решение: «Взыскивать с помещиков все то без исключения, что забрано ими с крестьян излишнего, считая со дня дачи реверса до самого последнего дня, когда работы, повинности и подати приведены будут в положение в непременном вакенбухе предписанное».[42]

По указанию министра внутренних дел Валгаская межевая ревизионная комиссия дала приходским судьям распоряжение приступить к выяснению размера подлежащих возмещению долгов в тех мызах, где крестьянам уже были розданы окончательные вакенбухи и где было установлено, что они отработали барщинных дней больше, чем полагалось.[43]

Уже вскоре после того, как Валгаская межевая ревизионная комиссия приступила к работе, она подала

[39] ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 151, л. 78.
[40] Там же, л. 9—10.
[41] Там же, д. 152, л. 79.
[42] Там же, л. 84.
[43] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 23522, л. 1.

мысль о заключении «добровольных соглашений» между помещиками и крестьянами по вопросу о размере повинностей. Комиссия предлагала, если помещики и крестьяне придут к такому соглашению, вовсе не составлять вакенбухов и, ввиду разнообразия условий, не устанавливать для подобных договоров обязательную форму. Таким образом, естественно, отпала бы и возможность образования так называемых долгов по реверсам. Но заседавший в Петербурге лифляндский комитет отклонил это предложение.[44]

Впоследствии и генерал-губернатор Паулуччи предпринял шаги к тому, чтобы совсем избавить лифляндских помещиков от возмещения убытков или по возможности уменьшить их сумму. Однако вначале правительственные учреждения проявили в этом вопросе довольно мало уступчивости. Только летом 1816 года Паулуччи добился желаемых результатов и смог дать распоряжение о приостановлении выяснения размеров подлежащего выплате крестьянам вознаграждения.[45]

Кроме всего прочего, когда вопрос об освобождении крестьян Эстляндской губернии уже был решен, то царское правительство не могло больше медлить с предоставлением свободы и крестьянам соседних губерний, так как иначе там могли начаться волнения. Было ясно, что «лифляндские крестьяне не могут оставаться довольными настоящим положением тогда, когда крестьяне соседственных губерний... пользоваться будут личною свободою», сообщал генерал-губернатор Паулуччи в своем письме царю. 27 июня 1818 года маркиз Паулуччи на лифляндском ландтаге заявил, что если сразу же не будет принято решение об издании закона об «освобождении» крестьян, то он будет вынужден сложить свои

[44] Ю. Самарин. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Окраины России, вып. VI. Berlin 1876, стр. 388.

[45] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 23522, л. 1. Необходимо отметить, что марксистские историки должным образом оценивают заслуги Ю. Самарина, который первым указал на то, какую роль сыграли долги по реверсам в предыстории реформы 1819 года в Лифляндии. (Ср. J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi..., стр. 164.)

полномочия.[46] Лифляндские помещики спешно подготовили новый крестьянский закон, который 5 марта 1819 года был утвержден царем.[47]

2. О характере крестьянских реформ 1816 и 1819 годов в Эстляндии и Лифляндии

Приступая к подготовке отмены крепостного права в Эстляндии, и эстляндские дворяне, и царское правительство с самого начала подчеркивали, что проведение реформы отнюдь не освобождает крестьян от подчинения помещикам и от работы на них. В своей записке принцу Ольденбургскому предводитель эстляндского дворянства Берг следующим образом истолковал ход аграрного законодательства в Эстляндии в начале XIX века. Эстляндское дворянство в 1804 году решило точно определить, что оно вправе требовать от крестьян, и дать им право собственности на их имущество. Теперь оставалось еще предоставить крестьянам «право перехода», не позволяя им при этом выходить из сословия земледельцев, что и надлежало осуществить предстоящей реформой.[48] «Крепостной, коему можно дать право пользоваться капиталом, максимальную величину которого нужно еще специально определить, имеет право покинуть своего помещика, чтобы подыскать другое местожительство, но не вправе покинуть пределы Эстонии или выйти из сословия земледельцев»[49] — такими словами определил будущее положение эстонского крестьянина

[46] A. Tobien. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Bd. I. Berlin 1899, стр. 353.

[47] Мы не останавливаемся здесь на борьбе мнений, развернувшейся накануне реформы на страницах журналов вокруг вопроса об освобождении крестьян. Об этом можно прочесть в I томе «Истории Эстонской ССР» (Таллин, 1961, стр. 714), а также в специальных книгах и статьях, посвященных истории общественной мысли.

[48] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 500, л. 24.

[49] Там же, л. 11.

принц Ольденбургский, когда он пересылал царю письмо Берга, в котором были изложены основные принципы предполагаемой реформы. Понятно, что идею такой реформы, которая, с одной стороны, объявляла крестьян свободными и, с другой стороны, не лишала и помещиков рабочих рук их крепостных, Александр I мог действительно встретить с «видимой радостью», как об этом сообщил в своем письме Бергу от 29 сентября 1810 года принц Ольденбургский.[50] В своем рескрипте от 31 мая 1811 года царь подчеркивал: «При даруемой крестьянам свободе в избрании себе места жительства ограничить их пределами Эстляндской губернии, и притом не позволять других занятий, кроме земледельческих и свойственных сельскому хозяйству».[51]

Государственный совет, которому был передан на рассмотрение проект закона об отмене крепостного права в Эстляндской губернии, с некоторой опаской подходил к этому делу, боясь, что подобного рода мероприятие может взволновать умы крестьян в других губерниях. Но хотя Государственный совет и руководствовался вышеуказанными консервативными идеями, он в своем решении все же дал довольно правильную и меткую характеристку закона. «В положении для крестьян эстляндских не предвидится особенной пользы о многократном напоминании уничтожения крепостной зависимости, крепостного права и проч.... весьма полезно было [бы] из их положения исключить все те выражения, которые могут подать повод к неправильным толкам как в самой Эстляндии, так наипаче во всем государстве...»[52]

Но Александр I утвердил законопроект почти без изменений, и 8 июня 1816 года дворянство было извещено об этом рескриптом царя.

Более подробное рассмотрение характера упомянутых выше реформ, поскольку в связи с этим пришлось бы не-

[50] Там же, л. 6.

[51] Полное собрание законов Российской империи, т. XXXI, (1810—1811). СПб., 1830, стр. 603.

[52] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 1850, л. 18—19.

избежно затронуть и вопросы общественно-экономического развития во второй четверти XIX столетия, увело бы нас слишком далеко от темы. Что крестьяне по этим законам никакой настоящей свободы не получили, к этому выводу пришли уже также и некоторые буржуазные историки (Б. Аберс[53]). В марксистских обобщающих трудах по истории Эстонии правильно подчеркивается, что власть помещиков и господствующие феодально-крепостнические производственные отношения этими реформами не были подорваны. Поэтому мы в настоящем разделе книги остановимся кратко только на том, как в повседневной жизни конца первой четверти XIX века стал раскрываться истинный характер реформ. На основе собранных в архивах материалов специальных комиссий, созданных для проведения в жизнь законов об «освобождении», и судебных учреждений того времени мы попытаемся показать, в каком положении оказались крестьяне в первые годы своей свободы.

В вводной части крестьянских законов 1816 и 1819 годов для Лифляндии и Эстляндии говорится, что латышские и эстонские крестьяне теперь совершенно свободны и так же свободно, как помещик пользуется своей землей, могут впредь использовать свою рабочую силу. «Лифляндское и эзельское рыцарство отказываются на вечные времена от бывших доселе крепостных и наследственных прав, предоставляя себе, по коренным законам и высочайшим постановлениям, полное право собственности на землю и неограниченное право пользоваться оною...» — такими словами начинается Положение о лифляндских крестьянах 1819 года. Но с первых же лет проведения реформы в жизнь было ясно, что на деле придерживались не этих деклараций, а содержащихся в этих же законах статей, согласно которым крестьянство представляет собою сословие, долженствующее зани-

[53] B. Ābers. Vidzemes zemnieku brīvlaišana un 1819. gadā 26. marta likums. Veltījums Izglītības ministram un profesoram Dr. h. c. Augustam Tentelim 23. XI 1876—23. XI 1936. Rīgā 1936, стр. 175—185.

маться лишь земледелием и работать только на помещиков, причем его можно в порядке так называемой домашней расправы подвергать телесным наказаниям.

Статья 507 Учреждения для эстляндских крестьян категорически запрещала крестьянам наниматься на работу в городах. Такое положение стало помехой и для некоторых помещиков, которые, отпуская крестьян в город на заработки, извлекали из этого известный доход. Вследствие этого 19 февраля 1819 года было даже издано специальное постановление, предоставлявшее помещикам право и после объявления «воли» выдавать своим крестьянам виды на жительство в городах сроком на один год.[54]

Это положение, что и «освобожденный» крестьянин не должен выйти из круга лиц, обязанных нести барщинные повинности или лично исполняющих на помещика барщину, нашло выражение во многих постановлениях и решениях, принятых местными властями в годы проведения в жизнь новых законов.

Комиссия по проведению в жизнь лифляндского крестьянского закона встала в 1823 году на ту точку зрения, что в принципе не следует разрешать никому из дворохозяев и батраков переходить на положение бобылей. Лиц, нарушивших этот запрет, следовало, по мнению комиссии, высылать на поселение в Сибирь или отдавать в рекруты. Жить на положении бобылей могли лишь люди, занимающиеся таким видом деятельности, который «необходим для земледелия и его процветания или может быть полезным для мызы и принадлежащих ей крестьянских дворов, а также если служит для удовлетворения нужд их обитателей».[55]

Также и комиссия по проведению в жизнь эстляндского крестьянского закона считала, что покидавший свое хозяйство дворохозяин может идти только в батраки, но ни в коем случае не в бобыли. Сельские жители, как полагала комисия, по новому закону (статья 586) могли зани-

[54] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1824 г. — 24, л. 2.
[55] Там же, д. 1823 г. — 42, л. 12.

маться такой деятельностью, которая, как указывалось в эстонском издании закона, «приносит пользу мызе».[56]

Патентами Лифляндского и Эстляндского губернских правлений от 2 апреля 1824 года и Эстляндского губернского правления от 2 мая того же года этим принципам была придана сила закона, и население оповещалось о том, что «освобожденным крестьянам (если они не освобождены от работы по старости или увечью) не дозволяется идти в бобыли, они должны или арендовать участок, или идти в батраки».[57]

Помещики воспользовались предоставленной им судебной и полицейской властью и стали насильно определять крестьян в дворовые или на батрацкие места.

Сохранились весьма любопытные и характерные данные о судьбе людей, которые, часто ценой отказа от отцовского двора, пытались избавиться от мызной барщины.

Четверо хозяев мызы Перила в Эстляндской губернии заявили в 1819 году, что они из-за изнурительной барщины хотят отказаться от своих дворов. Мыза предоставила им 14 дней для приискания нового места работы или арендного участка. По истечении указанного срока их насильственно назначили батраками в крестьянские хозяйства той же волости. В том же году коордиский помещик согнал только что «освобожденного» дворохозяина Рятсепа Адо с его двора и определил батраком к другому дворохозяину. В 1820 году пурдиская бобылка Мари и ее дочь Май пожаловались на помещика, определившего их служанками к одному хозяину, «который обходится с ними очень сурово и не дает им самого необходимого...» Спустя две недели после самовольного ухода от хозяина их задержали, привели на мызу и наказали 25 ударами розог.[58]

[56] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1824 г. — 24, л. 4 и 14—15.

[57] Inhalts-Anzeige der Ukasen in der Senats-Zeitung wie der Regierungs-Patente und anderer gedruckten obrigkeitlichen Verordnungen der Ostsee-Provinzen vom Jahre 1824. Beilage zum Ostsee-Provinzen Blatte. Riga 1824, стр. 18 и 49.

[58] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 712, л. 1; ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1820 г. — 7, л. 31.

Бобыль мызы Инью—Юханиский Ото в 1821 году, когда его перевели в категорию «освобожденных» крестьян, переселился со своей женой в другую волость. Спустя три года он вернулся обратно в свою волость, но не захотел больше работать батраком или отрабатывать мызе бобыльские дни. Расследовавший дело Вируский окружной суд принял решение, обязывающее Юханиского Ото «вступить с владельцем мызы в служебные отношения в качестве батрака или бобыля . . .»[59]

Существовало лишь одно законное основание для освобождения крестьянина от работы в пользу мызы или на мызе в качестве дворохозяина или батрака. Крестьянин должен был доказать, что он вообще не в состоянии работать, т. е. что он является совершенным калекой. Но помещики не всегда считались даже и с этим обстоятельством. Два барщинника, проживавшие в мызе Калли Пярнуского уезда, пожаловались в 1820 году на помещика, принуждавшего их выполнять барщинные работы, несмотря на то, что они увечные. На этот раз крестьян пришлось освободить от мызной барщины, так как выяснилось, что они действительно были «совершенно нетрудоспособными».[60]

Зная, при каких обстоятельствах суд может освободить их от обязанности отрабатывать барщину для мызы, некоторые крестьяне становились на путь умышленного нанесения себе увечья.

Действительный смысл очередных аграрных реформ и намерения тех, кто их проводил, всего явственнее обнаружились в вопросе о повинностях бобылей.

С введением в жизнь крестьянских законов 1816 и 1819 годов потеряли силу крестьянские законы 1804 года. Новые законы провозглашали, что помещики не имеют больше права требовать исполнения барщины от крестьян как от сословия, но последние должны работать на мызу за пользование предоставленной им землей. В то же время сохранили силу те статьи крестьянских

[59] ЦГИА ЭССР, ф. 902, оп. 1, д. 313, л. 43.
[60] Там же, ф. 2054, оп. 1, д. 41, л. 1—2.

законов 1804 года, в которых говорилось об обязанности бобылей отрабатывать барщину — мужчине круглый год один пеший день в неделю, женщине летом один день в неделю в Лифляндии и два дня в Эстляндии. Это была сугубо сословная, феодальная повинность. За исполнение этих барщинных дней бобыль ничего от мызы не получал. Он должен был отрабатывать их лишь потому, что принадлежал к крестьянскому сословию и жил в мызных владениях.

Вероятно, именно потому, что возложенные на бобылей мызные повинности носили ничем не замаскированный и явно грабительский характер, в архивах сохранилось от первых после «освобождения» лет сравнительно много жалоб и протестов бобылей. Бобыли жалуются, что их, несмотря на то, что они живут не на мызной земле, а на земле дворохозяина, или, невзирая на их преклонный возраст, заставляют отрабатывать барщину для мызы. Они просят разрешить им покинуть родные места для приискания себе работы.[61]

Как об этом свидетельствуют многочисленные архивные источники, батраки с первых же дней «освобождения» боролись за право свободно выбирать себе место работы; бобыли требовали освобождения от всех обязанностей в отношении мызы, чтобы иметь возможность свободно заниматься ремеслом и искать заработка на стороне. Эта борьба возникающего сельского пролетариата не отличалась шумихой и помпезностью, свойственной тем «сражениям», которые вело на своих ландтагах дворянство. Но все же именно эта борьба отражала действие тех сил поступательного по своему характеру общественно-экономического развития, которые в конце концов одержали в исторической перспективе победу, так как объективно батраки и бобыли боролись за ускорение победы капиталистических отношений, за освобождение производительных сил от оков феодализма.

Реформами 1816 и 1819 годов помещикам было предо-

[61] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1818 г. — 13, л. 1 и д. 1819 г. — 19, л. 1; ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 715, л. 7 и т. д.

ставлено право отбирать от крестьян землю. Кроме того, помещики получили право захватывать у оставляющего свой участок дворохозяина, под видом так называемого железного инвентаря, постройки, возведенные до 1804 года, а также приобретенные им до этого года рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь.[62]

Феодальное принуждение к труду («внеэкономическое принуждение», как его называют К. Маркс и В. И. Ленин) проявлялось не только в том, что крестьян насильственно направляли на батрацкие места, но и в том, что за мызными надсмотрщиками сохранялось право подвергать порке работающих на мызных полях барщинников, а также в жестоких наказаниях, назначаемых крестьянам судами, в которых заседали представители помещичьего класса.

Одним из основных вопросов в отношениях между крестьянами и помещиками был вопрос о размере крестьянских повинностей. В рассматриваемый период этот вопрос осложнялся еще и тем, что помещики в то время перешли от одного принципа определения размеров повинностей на другой. На основании крестьянских законов 1804 года лифляндским и эстляндским крестьянам были розданы вакенбухи, в которых были зафиксированы «законные нормы» барщинных и иных повинностей, требуемых с крестьян. По заверениям помещиков, эти нормы повинностей были исчислены в соответствии с оценкой крестьянской земли. Но и после раздачи вакенбухов помещики пытались с помощью разных уловок увеличить повинности своих крестьян. С другой стороны, крестьяне продолжали обращаться в суды и правительственные учреждения с жалобами на слишком высокие повинности, ни в коей мере не соответствовавшие размерам и качеству предоставляемой им земли. Эти жа-

[62] Лишь в 1826 году генерал-губернатор издал постановление, по которому возведенные крестьянами после 1804 года постройки и посаженные ими деревья и кусты считаются их собственностью и имение обязано выплачивать за них вознаграждение оставляющим свои участки крестьянам (ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1825 г. — 10, л. 11).

лобы не прекратились и после обнародования законов об «освобождении».

В Лифляндии на такие жалобы крестьянам просто отвечали, что так как они при проведении реформы 1804 года приняли официальные и окончательные вакенбухи, то больше не имеют права жаловаться.[63]

Несколько иным было положение в Эстляндской губернии, где, как правило, обмер и оценка земель перед составлением вакенбухов не производились. Уже в 1817 году встал вопрос о том, имеют ли еще крестьяне Эстляндской губернии право требовать обмера земель с целью уменьшения повинностей. Было решено, что суды могут пока еще принимать от крестьян соответствующие прошения и производить обмер их земель.[64] Но вскоре и суды, и помещики были избавлены от всех «хлопот», связанных с подобными жалобами, и именно в результате формального освобождения крестьян. 18 мая 1819 года генерал-губернатор Паулуччи издал распоряжение, по которому крестьяне не могли брать с собой в «новое состояние» требования, связанные с их «старым состоянием».[65] Начиная с этого времени суды отказывались принимать какие-либо протесты или жалобы крестьян на чрезмерно тяжелые владельческие повинности, поскольку размеры этих повинностей определялись по «добровольному соглашению». Но, так как крестьянину было весьма трудно покинуть пределы владений своего помещика (для этого требовалось разрешение как старого, так и нового помещика, нужно было погасить задолженность сельскому запасному магазину и т. д.), то у дворохозяина, не желавшего превратиться в батрака, оставался единственный путь — согласиться на любые условия, предложенные помещиком. При таком «добровольном соглашении» помещик фактически диктовал дворохозяину условия «арендного договора».

До 1804 года дворохозяева часто обращались с жало-

[63] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 695, л. 1.
[64] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1817 г. — 52, л. 2.
[65] Там же, д. 1819 г. — 6, л. 1.

бами в суд, когда помещики увеличивали размеры требуемых с них повинностей. После реформы 1804 года дворохозяин больше не имел права жаловаться на непомерно высокие и тяжелые повинности в том случае, если они были зафиксированы в официальных вакенбухах. «Свободного» же крестьянина законы поставили в такое положение, что он не имел права роптать на чрезмерно высокие повинности и должен был их беспрекословно выполнять, если не хотел, чтобы его выгнали из родного дома. Проведение реформы по «освобождению» крестьян было помещикам необходимо прежде всего для того, чтобы они сами могли «освободиться» от необходимости реагировать на протесты крестьян против чрезвычайно тяжелых повинностей. И, следовательно, именно протест крестьян против тяжелых помещичьих повинностей явился одним из факторов, вынудивших помещиков «даровать» крестьянам свободу, хотя и чрезмерно урезанную.

3. Крестьянские волнения 1816—1819 годов

Выше мы затронули вопрос о причинах появления и о характере законов об «освобождении» эстонских крестьян. В последующем рассмотрим, как крестьянство приняло навязанную ему кабальную «свободу» и встало на борьбу за подлинную свободу.

Торжественное обнародование Учреждения для эстляндских крестьян было назначено на 8 января 1817 года. Для этого в Таллин были созваны крестьяне-заседатели приходских судов. В приходских церквах торжественные богослужения по случаю объявления «свободы» состоялись 14 января. Положение о лифляндских крестьянах 1819 года было обнародовано в Риге и Курессааре 6 января 1820 года. В приходских церквах об издании этого закона крестьян известили лишь 12 марта.[66]

[66] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1816 г. — 14, л. 1—2: «Dörptsche Zeitung», 11 января 1820 г.; B. Ābers, Vidzemes zemnieku stāvoklis 19. g. s. pirmā pusē. Rīgā 1936, стр. 107.

При обнародовании новых законов приходские пасторы в Эстляндии должны были выступить со специальными разъяснениями, дабы крестьяне случайно не приняли дарованную им свободу за настоящую. Текст этого наставления был составлен комиссией по введению нового закона об эстляндских крестьянах. «Вы не станете в т о й ж е м е р е свободными, — разъясняли пасторы, — как те люди, которых вы видели в городах и там и здесь в сельской местности и которые, имея паспорт, могут идти, куда хотят, и могут заниматься такой работой и таким ремеслом, к о т о р ы е и м п о д у ш е. Это не касается вас, так как кто же стал бы тогда возделывать поля, и если обработка полей прекратится, то откуда же взять тогда хлеб, которым люди питаются?» Пасторы обещали крестьянам, что они смогут отныне свободно заключать арендные договоры, но с другой стороны, должны теперь «с а м и заботиться о своем содержании и не могут требовать от имения никакого пособия». Подушную подать и прочие казенные налоги, а также взносы в сельские запасные магазины крестьяне должны уплачивать и вносить сами — «короче говоря, вы должны в каждом деле сами заботиться о себе».[67]

Торжественное обнародование законов происходило как в Таллине, Риге, так и в Курессааре более или менее по одной программе. Праздничные речи в дворянском собрании, торжественное шествие в церковь и еще более торжественный благодарственный молебен (у помещиков действительно были основания благодарить бога). В Риге звонили во все церковные колокола, когда шествие направлялось в церковь; в Курессааре — когда шествие возвращалось из церкви.[68] Но как громко не звонили в колокола, все же этот звон не мог заглушить гневного ропота недовольных крестьян.

К тому же и сами представители господствующих классов в глубине души не были совсем уверены в том,

[67] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1816 г. — 13, л. 3 и 6; ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 2077, л. 2—3.
[68] ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 28072, л. 4.

что крестьяне спокойно примут дарованную им «волю». 30 октября 1816 года предводитель эстляндского дворянства М. Бэр обратился к генерал-губернатору от имени всего дворянства с просьбой «не обнародовать новый крестьянский закон прежде, чем в губернии не будет достаточного количества войск, могущих поддержать спокойствие и порядок». 3 ноября губернатор ответил, что «его императорское величество соизволили уже прошлым летом дать мне словесное обещание удовлетворить эту просьбу, и я получил официальное уведомление, что этим войскам дан приказ явиться к такому-то времени, в такую-то губернию».[69]

В документах сохранилось мало данных о том, что говорили крестьяне о новом законе. Естественно, крестьяне не пошли делиться своими заботами к помещикам и чиновникам, которые сами составили эти законы. Но и дошедшие до нас отрывочные данные свидетельствуют об озабоченности крестьян судьбой своих земельных участков и об их разочаровании в новых законах. В одном очень неполно сохранившемся архивном деле имеются данные, что в канун нового, 1807 года один человек, фамилию которого мы не знаем, сказал в Капаской корчме Хагериского прихода: «Ваша земля — она не может быть у вас отнята — пустой разговор».[70] Видимо, собравшиеся в корчме крестьяне жаловались, что по новым законам помещики отберут у них землю, и какой-то ремесленник или приказчик пытался их утешить. В южной Эстонии, в приходе Ряпина, в 1819 году крестьяне сказали местному пастору Галлеру: «Бог знает, освободимся ли мы вообще когда-нибудь и когда именно!» Но когда они получили экземпляры нового закона и, ознакомившись с его содержанием, узнали, что должны будут заключить «свободные» договоры со своими помещиками, то сказали, как пишет об этом пастор, что «таким образом они должны будут и в дальнейшем переносить гнет помещика, так как господа помещики

[69] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1816 г. — 9, л. 1—2.

[70] Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1751, л. 2.

все заодно и ни в чем не уступят. И я потратил немало труда, — продолжает пастор, — чтобы изобразить отмену крепостного права как благодеяние, каковым оно ведь в действительности и является».[71]

В своих разговорах, которые они вели по поводу издания нового закона, крестьяне иной раз обнаруживали поразительно широкий кругозор. В начале 1822 года амбарщик Штейн из Вана-Пийгасте однажды заночевал у руузаского волостного старосты Пунниского Пээтера, и, по-видимому, пересказывая какие-то слухи об освобождении крестьян в Пруссии, говорил: «Наверное, и здесь произойдет то же, что и в одном другом государстве..., где крестьяне уже также получили свободу, но помещики не дали им земли. В ответ на это король во время рекрутского набора взвалил всю эту обязанность на господ и этим вынудил их снова вернуть землю крестьянам, что они и сделали, и крестьянам, кроме того, было приказано взять эту землю в счет рекрутской повинности... Верьте мне или нет, и у нас будет точно так же».[72] Здесь следует отметить, что в изданном 9 октября 1807 года эдикте прусского короля, которым крестьяне объявлялись свободными, ни слова не упоминалось о земле. В те годы от подданных прусского короля требовали больших налогов, чтобы получить деньги для уплаты контрибуций и погашения других военных расходов. В 1811 году были обнародованы постановления, которыми уточнялся порядок освобождения крестьян и указывалось, что часть бывшей до сих пор в их пользовании земли предоставляется им в собственность. Дошедшие до вырумааских крестьян слухи об этих событиях приобрели уже полуфантастическую форму, в которой нашли отражение и наивно-монархические иллюзии крестьян. Но эти слухи и рассуждения крестьян имели и свое рациональное зерно. По новым законам помещики отняли у нас землю, рассуждали крестьяне. Но это еще не значит, что так и должно оставаться.

[71] ЦГИА ЭССР, ф. 918, оп. 1, д. 18358, л. 12.

[72] Там же, л. 50.

Мы должны, как и крестьяне одного «другого государства», добиться возвращения нам земли за умеренную плату.

«Свобода», полученная крестьянами взамен давно обещанной им, ни в коей мере не могла их удовлетворить. Новые законы принесли крестьянам полное разочарование, которое послужило толчком для нового подъема крестьянского движения. Крестьянам была объявлена свобода, и они предприняли отчаянную попытку воспользоваться ею по-настоящему, хотя отлично знали, что за этим последуют «усмирения» и расправа. Но крестьяне наивно верили, что если дело дойдет до высших начальников и самого царя, то оно, может быть, решится в их пользу. Как и при проведении в жизнь предшествующих законов, справедливое возмущение против помещиков и пасторов сочеталось с иллюзорными надеждами на «добрые намерения» царя. То, что крестьяне не нашли в розданных им экземплярах «нового закона», они надеялись найти в «настоящем царском законе», который якобы скоро должен выйти, хотя помещики и пытаются его утаить. Именно этими мотивами следует объяснить поведение крестьян в годы реформ, а не тем, что «глупые» крестьяне «не понимали» новый закон, как пытались изобразить дело в своих составленных в эти годы письмах и документах дворяне-помещики и впоследствии апологеты их деятельности — прибалтийско-немецкие дворянские историки.

Особенно много данных об усилении активности крестьян сохранилось по Эстляндской губернии. С первых же дней объявления новых законов более часто стали наблюдаться случаи невыполнения барщинниками своей работы, крестьяне-дворохозяева «задалживали» чрезвычайно много барщинных дней, барщинники не давали себя наказывать мызным надсмотрщикам. Назначенные на должности волостных старшин и судей крестьяне отказывались выполнять распоряжения помещиков, не соглашались выносить приговоры о телесном наказании своим односельчанам и т. д. Поэтому многие волостные

старшины в первые же годы «свободы» по требованию помещиков были отстранены от должности.[73]

Первые волнения вспыхнули в Эстляндской губернии уже осенью 1816 года. 14 сентября в мызу Кальви, в Вируском уезде, явился местный гакенрихтер, которого вызвал к себе пожаловавшийся на строптивость своих крестьян помещик. Управляющий мызой был послан за крестьянами, но они отказались явиться в мызу и собрались около двора крестьянина Нуллиского Яана. Гакенрихтер вынужден был сам пойти к ним. Сопровождавшие его два солдата хотели связать Яана. Но тогда остальные крестьяне схватили колья из частокола и бросились на помощь Яану. Лишь с большим трудом гакенрихтеру все же удалось арестовать названного крестьянина.[74]

Возникшие весной 1817 года в Эстляндской губернии волнения были уже непосредственно связаны с изданием новых законов. Некоторые дворохозяева мызы Роэла отказались от выполнения части барщинных работ, полагая, что новый закон их от этого освобождает. В июне 1817 года волнения происходили в мызах Вана- и Ууэ-Рийзипере, Лайтсе и Паяка. Крестьяне отказались повиноваться помещикам, и для их усмирения лично прибыл губернатор.[75]

Летом 1817 года выступили также крестьяне мызы Путкасте на острове Хийу. Позже, при расследовании дела, даже мызные слуги и кубьясы вынуждены были признать, что из-за увеличения несколько лет назад барщины «крестьяне не могли управиться с полевыми работами в своих собственных хозяйствах». Вакенбухи же крестьянам розданы не были, и, как они сами утверждали, они вообще не знали, «сколько и чего должны давать мызе в виде барщины и податей, так как

[73] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, 1817 г. — д. 34, л. 3 и 9; д. 42, л. 7; д. 50, л. 10; д. 52, л. 1; 1818 г. — д. 5, л. 9; д.19, л. 11, 18 и 26; д. 23, л. 1, 3 и 6; д. 24, л. 5; 1820 г. — д. 9, л. 9; ф. 861, оп. 1, д. 1749, л. 3; ф. 873, оп. 1, д. 1, л. 13; ф. 902, оп. 1, д. 313, л. 49; ф. 2054, оп. 1, д. 47, л. 4.

[74] Там же, ф. 862, оп. 1, д. 3180-а.

[75] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 1817 г. — 62 (199).

до сих пор это всецело зависело от воли их господина . . .» С Иванова дня 1817 года доведенные до отчаяния крестьяне просто перестали посылать людей на дополнительные работы в сенокосную пору и «заявили, что они и впредь ни в коем случае не будет отрабатывать дополнительную барщину . . .» По просьбе помещика 7 июля в мызу прибыл гакенрихтер, и ему удалось «усмирить» крестьян.[76]

В конце июля барщинники мызы Майдла в Вируском уезде оказали сопротивление кубьясу, который собирался их выпороть. Столкновение барщинников с кубьясом, пытавшимся их наказать, послужило поводом для выступления крестьян мызы Самокраси того же уезда. Подоспевшие на помощь барщинникам дворохозяева ворвались в господский дом и потребовали от помещика уменьшения барщинных повинностей.[77]

Барщинники мызы Саастна в Ляэнеском уезде в декабре 1817 года отказались молотить мызный хлеб и не позволили кубьясу наказать себя. Дворохозяева же заявили, что они больше не будут давать подвод для мызных обозов. Крестьяне не повиновались и гакенрихтеру, явившемуся туда 18 декабря, и для подавления волнений в Саастна должен был выехать сам губернатор.[78]

Губернатор, напуганный поступавшими из Саастна сообщениями, уже до поездки туда, 20 декабря, обратился в Петербург с просьбой о присылке крупных воинских частей. О просьбе губернатора было доложено царю, и по распоряжению последнего три батальона 3-го морского полка, входившего в 25-ю дивизию, были направлены в города Раквере, Пайде, Хаапсалу и в их окрестности. Кроме того, с границы Курляндии были сняты 200 казаков пограничной стражи и отправлены в распоряжение эстляндского губернатора. Эти войска оставались в Эстляндской губернии вплоть до лета 1818 года.[79]

[76] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1817 г. — 25, л. 1—2.
[77] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1817 г. — 35, л. 1—2; д. 1817 г. — 40, л. 1—3; ф. 862, оп. 1, д. 3224, л. 2—3, и 5.
[78] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 1817 г. — 74, л. 2—3, 6—8, 14.
[79] Там же, л. 13—14, 20, 24, 30 и 33.

Говоря об антифеодальной борьбе крестьянства в те годы, нельзя обойти молчанием так называемое движение ходоков в рай. Хотя в этом движении антифеодальный протест крестьянства проявился в наивных и даже гротескных формах, все же ясно видно, что оно было вызвано состоянием невыносимой нищеты и духовного мрака, царивших в эстонской деревне в результате эксплуатации крестьян помещиками и одурманивания их пасторами. Для антифеодального движения крестьян характерно было, что оно иногда внешне принимало форму религиозного движения, и это, как известно, наблюдалось не только в Эстонии и не только в XIX веке.

В качестве «ходоков в рай» выступали женщины, обычно молодые девушки, которые впадали в состояние экстатического беспамятства и, придя снова в сознание, рассказывали слушателям, что они побывали на небе и разговаривали с богом. Как правильно отметил изучавший в свое время это движение Р. Пыльдмяэ, одним из наиболее существенных компонентов рассказов этих ходоков в рай было описание того, какое жестокое наказание несли после своей смерти помещики, кубьясы и другие слуги и помощники помещика. Ясно, что произнесение и выслушивание этих «проповедей» являлось просто формой, позволяющей излить накопившийся в сердцах крестьян гнев против помещиков. Р. Пыльдмяэ посвятил специальное исследование движению ходоков в рай, которое, начавшись в 1813 или 1815 году в Ляэнеском уезде, распространилось оттуда в Харьюский, Вильяндиский и Вируский уезды и продолжалось до начала 1820-х годов. По его сведениям, ходоки в рай за это время выступили в 25—30 местах.[80]

Попытки помещиков и полицейских властей помешать этому движению служили иногда поводом для острых столкновений.

Осенью 1817 года в одном крестьянском дворе, неподалеку от мызы Вана-Пыльтсамаа, крестьяне начали

[80] R. Põldmäe, Taevakäijad. Kaleviste maalt (Õpetatud Eesti Seltsi kirjad III). Tartu 1935, стр. 162—164.

устраивать сходки, для того чтобы послушать ходока в рай. В конце января 1818 года, когда управляющий мызой Р. Дюборг хотел разогнать собравшихся на сходку крестьян, на него и сопровождающих его мызных слуг набросилась толпа женщин и девушек. С большим трудом мызные слуги справились с ними и забрали ходока в рай.[81]

Ярваканьдиские, вахакыннуские и леллевереские крестьяне в 1819 году потребовали обмера своих земель и уменьшения барщины. Не дожидаясь рассмотрения этого дела в суде, они самовольно уменьшили барщину. Когда крестьянам сообщили, что они должны еще три года выполнять барщину по старым вакенбухам, то один из них сказал: «... Вакенбухи — дело человеческих рук, их не нужно придерживаться...». С наступлением сенокосной поры большинство дворохозяев отказались посылать людей в мызу на дополнительную барщину, и для усмирения крестьян 27 июля в мызу прибыл гакенрихтер.[82]

Осенью 1819 года стали выступать против ночной молотьбы барщинники. Вопрос, занимавший центральное место уже во время волнений 1805 года, еще не сошел с повестки дня.

22 августа барщинники мызы Кильтси пришли к своему помещику и заявили, как пишет об этом в своем донесении гакенрихтер, «грубо и неучтиво, что они ни в коем случае не будут молотить хлеб ночью, а станут молотить его утром...»[83]

[81] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2611, л. 2, 4 и 9.

[82] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1819 г. — 21, л. 2, 6 и 9.

[83] Там же, д. 1819 г. — 25, л. 1. В документе говорится, что до этого молотили хлеб по утрам, т. е. во время рабочего дня. Возможно, что ночная молотьба стала в этой мызе практиковаться лишь с 1819 года. Но это утверждение можно истолковать также и по-иному. Осенью 1805 года напуганный волнениями губернатор уговаривал эстляндских помещиков хотя бы временно перейти на дневную молотьбу. В мызе Пальмсе на ночную молотьбу перешли снова в 1806 году. Возможно, что в Кильтси стали молотить хлеб ночью лишь начиная с 1819 года.

[84] Там же, л. 6—7.

Для подавления волнений в Кильтсиской волости были посланы члены комитета по введению нового положения об эстляндских крестьянах Будберг и Россильон. По их распоряжению в Хаапсалу привели членов волостного правления и волостного суда и троих вожаков барщинников. Волостной староста был отстранен от должности, а барщинников подвергли телесному наказанию на рыночной площади в Хаапсалу.[84]

Когда осенью 1819 года до вигаласких барщинников дошел слух, что суд якобы удовлетворил жалобу колувереских барщинников и отменил ночную молотьбу, то и они решили больше не молотить хлеб по ночам. 11 сентября вечером 50 вигаласких барщинников заявили о своем отказе от ночной молотьбы. 15 сентября гакенрихтер вызвал «виновных» барщинников к себе. Вместе с барщинниками пришли и 19 дворохозяев. Гакенрихтер приказал связать барщинников. Но барщинники стали сопротивляться, а дворохозяева заявили, что «не станут вязать батраков и не позволят их наказать, так как они не какие-нибудь воры». Будучи не в состоянии справиться с вышедшими из повиновения барщинниками, гакенрихтер 15 сентября обратился с письмом к губернатору, в котором писал, что без войск он ничего не сможет сделать.

16 сентября эстляндский губернатор дал распоряжение Будбергу и Россильону отправиться в Вигала. 17 сентября коменданту города Пярну было приказано выслать в Вигала в случае надобности воинскую команду. Но Будбергу и Россильону уже 17 сентября удалось сломить сопротивление крестьян, не прибегая к помощи войск. Барщинники снова стали молотить хлеб по ночам.[85]

Управление мызы Лехтсе обратилось 31 июля 1820 года к гакенрихтеру с жалобой, в которой говорилось, что крестьяне неисправно отрабатывают свои барщинные дни и «отказываются в страдную пору посылать людей в порядке дополнительной барщины на жатву ржи,

[85] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1819 г. — 27, л. 1—5, 9 и 11—16.

вследствие чего мыза несет невозместимый ущерб...» Чиновникам, высланным губернатором на место событий, лишь 11 августа удалось принудить крестьян к повиновению.[86]

4. Крестьянские волнения в Лифляндской губернии в 1820 году

В Лифляндской губернии «воля» была объявлена в начале 1820 года. В этой губернии волнения носили вначале такой же характер, как и во время проведения в жизнь реформы 1804 года и до нее. Продолжалась борьба вокруг вопроса о размерах барщинных повинностей. Но все же уже в 1820 году в характере крестьянского движения появились признаки, свидетельствовавшие о том, что и опубликование нового закона явилось одним из факторов, способствовавших усилению антифеодальной борьбы крестьян.

В начале апреля 1820 года тыстамааский помещик сообщил местному орднунгсрихтеру, что из-за неповиновения тыстамааских крестьян, которые после обмера, «произведенного межевой ревизионной комиссией, назначенной по высочайшему распоряжению, не хотят работать на барщине, овес на тыстамааских мызных полях еще не посеян, и они еще даже не подготовлены к севу...» Пярнуский комендант направил в распоряжение орднунгсрихтера 50 солдат под командой майора Карма. 11 июня орднунгсрихтер разместил солдат в 48 дворах (в каждом по одному солдату), хозяева которых все еще отказывались выполнять часть барщинных работ, которых от них требовали по вакенбухам. Лишь около 27 июля крестьяне подчинились требованиям помещика, и экзекуционная команда отбыла из Тыстамаа.[87]

К концу мая положение стало тревожным и в другом конце губернии — в Выруском уезде. Крестьянин Ханнузеский Тыну, выделявшийся своей активностью во время

[86] Там же, д. 1820 г. — 17, л. 2 и 5.

[87] Там же, ф. 2054, оп. 1, д. 40, л. 1—2, 7—8 и 12.

волнений, спустя несколько лет (в 1825 году) охарактеризовал требования, выдвинутые крестьянами в 1820 году, следующими словами: «Они ни на что не жаловались, но лишь добивались своего права, свободы».[88] Непрерывно продолжавшаяся борьба крестьян против помещиков за свои права переросла в 1820 году в борьбу против грабительского характера законов об «освобождении», в борьбу за настоящую свободу.

Уже в конце мая (во всяком случае раньше 2 июня) вана-нурсиские, рогозиские, вастсе-казариские и хаанья-ские крестьяне подали генерал-губернатору прошения, в которых жаловались на то, что межевая ревизионная комиссия слишком высоко оценила их земли и поэтому им приходится выполнять для мызы в счет барщины чересчур много работ, особенно на сенокосе, уборке хлеба, возке навоза и молотьбе.[89]

В начале июня стало очевидным, что крестьяне Выруского уезда настроены весьма воинственно. 9 июня, когда приходский суд прибыл в Вастсе-Нурси для рассмотрения жалобы тамошних крестьян, туда из окрестных мыз (Вана- и Вастсе-Казаритса, Хаанья и др.) явилось также около 400 крестьян. Они «окружили здание, где происходило заседание суда, и запрудили деревенскую улицу, — как об этом пишет в своем рапорте приходский судья, — требовали воли и своим грубым и неучтивым поведением по отношению к этому учреждению явно добивались того, чтобы кого-нибудь из них наказали и у них был бы предлог для нападения на членов приходского суда и для употребления насилия». Кроме того, приходского судью тревожило то обстоятельство, что «сельскохозяйственные работы из-за крестьянских сходок в некоторых местах совсем приостановились...»[90]

После 9 июня из Выруского уезда на имя губернатора

[88] ЦГИА ЭССР, ф. 914, оп. 1, д. 1068, л. 10.
[89] Там же, ф. 2054, оп. 1, д. 39, л. 1—5.
[90] Там же, л. 6; L. Loone. Lõuna-Eesti talupoegade suhtumisest 1819. aasta talurahvaseadusse. Академия наук Эстонской ССР. Научная сессия 23—29 апреля 1947 г. Е. Заседания Отделения общественных наук. Тарту, 1948, стр. 53.

снова поступило много жалоб. По-видимому, крестьянам придало смелости то обстоятельство, что после подачи первых жалоб судьи сравнительно быстро явились на место и в некоторых случаях, например в Вастсе-Нурси, поневоле должны были весьма внимательно выслушать жалобы крестьян. Все сохранившиеся в архивах прошения крестьян составлены на русском языке. В них ни слова не упоминается о полученной крестьянами свободе, но говорится о том, что помещик и мызные арендаторы требуют «излишней работы» и «непомерных податей», в результате чего, как писал крестьянин пасторатской мызы Рыуге Адоский Пээтер, он дошел до такого состояния, что не успевает как следует обработать свою землю «и должен из-за такого порядка умереть с голоду».[91]

17 июня генерал-губернатор дал Тартускому ландгерихту распоряжение разобрать жалобы крестьян и обеспечить «спокойствие и порядок». Вместе с тем суд должен был указать помещикам, что и они должны точно придерживаться законов.[92] Вскоре после этого (до 22 июня) в Ригу поступили новые сообщения «о неповиновении» крестьян в приходах Рыуге, Вастселийна, Антсла, Пыльва и Ряпина. Генерал-губернатор Паулучии приказал вырускому орднунгсрихтеру арестовать «подстрекателей», а остальным крестьянам объявить под угрозой сурового наказания, что они должны «придерживаться установленного законом порядка и беспрекословно выполнять для мызы барщину, зафиксированную в вакенбухах . . .»[93] Но и все эти меры не привели к прекращению крестьянских выступлений. Когда отставной солдат Паппиский Карл, родом из Вана-Нурси, которого считали «главным зачинщиком», был арестован, то другие крестьяне его вскоре освободили.[94]

[91] ЦИГА ЭССР, ф. 2054, оп. 1, д. 39, л. 8.
[92] Там же, л. 16.
[93] Там же, л. 19.
[94] Там же, л. 25.

1 июля в распоряжение выруского орднунгсрихтера прибыли 22 казака. По приказу губернатора орднунгсрихтер отправился в мызы Вастсе-Нурси, Хаанья, Вастсе-Казаритса и Вастселийна, где «крестьяне противились новому порядку...», чтобы заставить их выполнять барщину и «вести себя спокойно до наступления полной свободы». Вастсе-нурсиские и вастсе-казаритсаские крестьяне встретили орднунгсрихтера весьма воинственно и заявили, что они не будут исполнять барщину по вакенбухам и опять пойдут в Ригу жаловаться. В ответ на это орднунгсрихтер поместил на постой в Вастсе-Нурси одного офицера и семь казаков, в Вана-Нурси пять казаков и в Вастсе-Казаритса одного юнкера и девять казаков.[95] Лишь когда около 20 июля в приходах Рыуге и Вастселийна расположились лагерем еще две роты солдат, тартуский ландгерихт осмелился выехать на место для рассмотрения жалоб крестьян. После проведения в «неспокойных» мызах расследований, ландгерихт прибыл 27 июля в Вастсе-Нурси, куда были вызваны также вана-нурсиские крестьяне. Когда у крестьянина Тильгаского Якоба спросили, станет ли он выполнять барщину по вакенбухам, он дал отрицательный ответ и сказал, что «когда-то он должен же умереть, и все равно когда — один за всех и все — за одного...» Когда Якоба хотели схватить, крестьяне оказали сопротивление и вырвали его из рук чиновников. С большим трудом чиновникам удалось наконец все же арестовать Тильгаского Якоба и обратившего на себя внимание при защите его крестьянина Нильбеского Тоомаса. Но их не осмелились отправить в Тарту, прежде чем из Выру не прибыла на место выступления казачья команда в составе 13 человек.[96]

[95] ЦГИА ЭССР, ф. 2054, оп. 1, д. 39, л. 22—23. Позже в порядок расквартирования было внесено изменение, и в мызах Вана-Нурси, Вастсе-Нурси, Вастсе-Казаритса, Сяэнна, а также в пасторате Рыуге было размещено по пяти казаков (там же, л. 25).

[96] Там же, л. 21 и 28.

5. Подъем крестьянских волнений в 1822—1823 годах

В 1821 году и в первой половине 1822-го с крестьянском движении опять наблюдается временный спад. В это время происходили лишь отдельные выступления крестьян.

В начале 1821 года барщинники мызы Вана-Выйду пожаловались в Вильяндиский приходский суд, что во время работы на мызной винокурне они были несправедливо наказаны. Но когда прибывший на место приходский судья, вместо того чтобы расследовать дело, собирался сразу же назначить крестьянам телесное наказание, они стали сопротивляться и вовсе ушли с судебного заседания.[97]

Управление мызы Абья собралось ввести с лета 1821 года новый порядок урочной работы. Крестьяне, которые опасались, что в результате этого будут увеличены размеры их барщинных повинностей, стали сопротивляться введению нового порядка. Положение в мызе стало напряженным, и в середине августа (после 19 августа) туда было прислано 120 солдат из рижского гарнизонного батальона и 30 казаков. Хотя крестьяне и отправили опять ходоков в Ригу к губернатору, но все же 30 августа они перестали сопротивляться, и воинские команды отбыли из мызы.[98]

В том же 1821 году в Эстляндской губернии неповиновение отмечалось лишь в одной мызе. Так как кудрукюлаские крестьяне, как говорится в письме алутагузеского гакенрихтера от 26 января, «плохо выполняли барщинные работы», то он разместил там экзекуционный отряд из нескольких казаков и тем самым подавил сопротивление крестьян.[99]

Своеобразное выступление крестьян имело место в начале августа 1821 года в Ноароотси. Пастор Мальмгрен хотел забрать себе землю покойного кистера и с этой

[97] Там же, ф. 915, оп. 1, д. 2665.
[98] Там же, ф. 951, оп. 1, д. 4498, л. 3—4 и 20.
[99] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1820 г. — 38, л. 5—6 и 11—12.

целью собирался назначить кистером своего молодого слугу Христиана. Крестьяне же потребовали назначить на это место сына покойного кистера — Андреса. 8 августа, когда Христиан должен был в первый раз петь в церкви, крестьяне остались на церковном дворе и во время богослужения громко шумели, высказывая этим свое недовольство. Один крестьянин позднее признался, что у них было намерение сорвать с пастора облачение во время богослужения. Но до этого дело не дошло, и все закончилось тем, что два ленцмана из местных крестьян шведской национальности были по приговору суда подвергнуты телесному наказанию.[100]

Крестьянам мызы Йыгисуу, в приходе Куллама, каким-то образом удалось добиться, что уездный суд вынес решение об уменьшении требуемой с их хозяйств постоянной барщины с шести на четыре дня в неделю. Озлобленный этим помещик заявил осенью 1822 года, что он теперь будет строго требовать выполнения урочных работ по максимальным нормам, установленным законом 1804 года. Хотя крестьяне-дворохозяева были теперь согласны «по прежнему работать 6 дней [в неделю], но чтобы батракам было дано разрешение пахать столько [в день], сколько они смогут»,[101] однако соглашения с помещиком не было достигнуто. Оказавшиеся в тяжелом положении батраки остались должны помещику часть «урочных дней». 29 сентября, когда управляющий приказал выпороть восьмерых барщинников, они обратились за помощью к старосте. Последний направил их в приходский суд, где им приказали отработать все те дни, которые они задолжали. Увидев, что от обращения в суд никакого толку нет, барщинники, возвратившись домой, заявили, что они не будут молотить мызный хлеб и на следующий день вообще не вышли на работу. Тогда помещик вызвал гакенрихтера, который назначил каждому из барщинников по 30—40 ударов палкой (одному

[100] ЦГИА ЭССР, ф. 863, оп. 1, д. 991. Во главе волости со шведским населением стояли ленцманы.

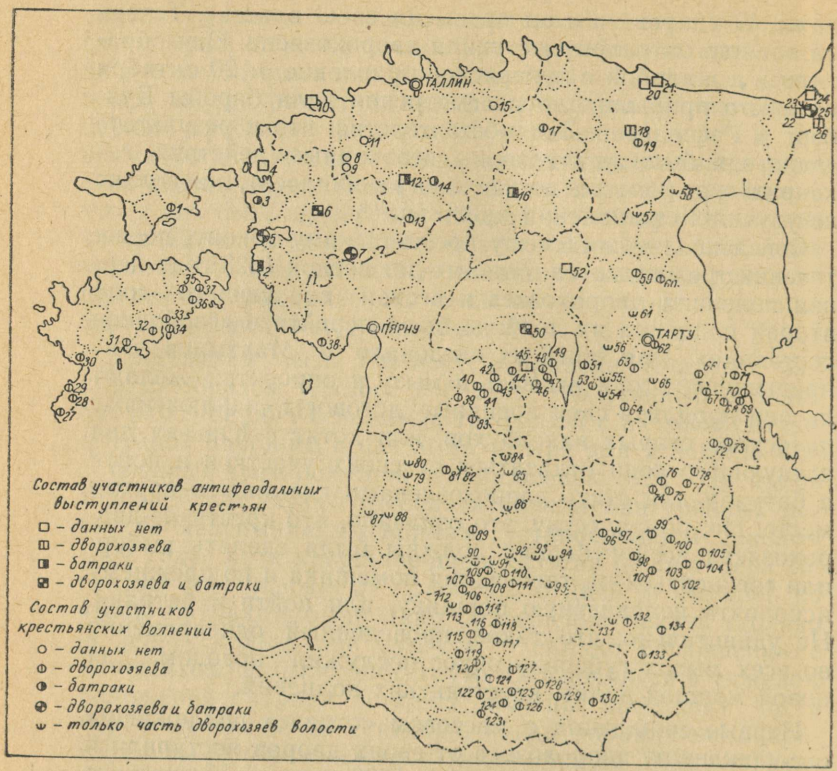
[101] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1822 г. — 30, л. 1.

даже 49 ударов, чем он превысил свою власть). Теперь на защиту батраков выступили дворохозяева. Они обратились с жалобой в губернское правление, и 20 октября на место прибыли для рассмотрения дела бароны Будберг и Россильон. То обстоятелство, что в результате следствия были установлены незаконные действия гакенрихтера (чем следствие и ограничилось), нисколько не улучшило положения крестьян.[102]

Согласно лифляндскому крестьянскому закону, по истечении трех подготовительных лет весной 1823 года первая половина дворохозяев и весной следующего года вторая половина их должны были перейти в «свободное состояние». Для этого их следовало в Мартынов день предыдущего года вызвать в мызу и опросить: желают ли они продлить свои арендные договоры, заключенные на основе старых вакенбухов, или хотят с Юрьева дня следующего года отказаться от своих участков и пойти в батраки или стать дворохозяевами где-либо в другом месте. Но, по существу, это означало, что крестьяне-дворохозяева всей губернии должны были сделать выбор: или согласиться на требования помещика и по-прежнему исполнять ненавистную барщину, или пойти в батраки. Не удивительно, что такой проведенный одновременно во всех мызах губернии опрос послужил поводом для новой мощной волны крестьянских волнений.

Первые сообщения о массовом «отказе» подлежащих освобождению дворохозяев от своих дворов поступили к генерал-губернатору 20 ноября 1822 года из Цесисского уезда.[103] Вначале власти полагали, что часть крестьян просто неправильно поняла новый закон, думая, что если они не воспользуются возможностью ухода, то останутся и впредь крепостными. Но чем больше поступало сообщений, тем властям становилось яснее, что дело не только в простом недоразумении. Крестьяне отказывались выполнять барщину по старым вакенбухам, но в то же время и не думали покидать свои исконные земли.

[102] Там же, л. 1—7.
[103] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 3.



Крестьянское движение в Эстляндии и Лифляндии в 1816—1828 гг.

На карте обозначены мызы, крестьяне которых участвовали в волнениях и других антифеодальных выступлениях: *1* — Путкасте; *2* — Виртсу; *3* — Кильтси; *4* — Ноароотси; *5* — Саастна; *6* — Йыгисуу; *7* — Вигала; *8* — Ууэ-Рийзипере; *9* — Вана-Рийзипере; *10* — Пакри; *11* — Лайтсе; *12* — Кодила; *13* — Ярваканьди; *14* — Майдла; *15* — Паяка; *16* — Пурди; *17* — Лехтсе; *18* — Кюти; *19* — Роэла; *20* — Васта; *21* — Кальви; *22* — Репнику; *23* — Лаагна; *24* — Кудрукюла; *25* — Самокраси; *26* — Йоала; *27* — Сяэре; *28* — Карги; *29* — Кауниспе; *30* — Тийриметса; *31* — Праакли; *32* — Рео; *33* — Вана-Лыве; *34* — Ууэ-Лыве; *35* — Аудла; *36* — Лаймъяла; *37* — Кингли; *38* — Тыстамаа; *39* — Вээликсе; *40* — Ууэ-Кариете; *41* —

Волнения широко распространились и в латышских уездах, как это показывает приложенная карта.

В Пярнуско-Вильяндиском округе сравнительно спокойно было в западной и северной частях: в районах, расположенных севернее Пярну (Пярну-Яагуписский, Михклиский и Ториский приходы) и в окрестностях Пыльтсамаа. В восточной и южной частях округа — на территории, расположенной между Пярну и Вильянди (Вильяндиский, Хельмеский и Тарвастуский приходы) — большая часть дворохозяев (а в некоторых мызах и все дворохозяева) отказались от своих дворов. Многие крестьяне заявили, что они согласны платить лишь денежную ренту соответственно оценке их земли, «причем они нередко думали, что благодаря этому вступят в непосредственные отношения с казной и освободятся от всяких отношений со своим помещиком...» [104]

Абья; *42* — Ууэ-Порнузе; *43* — Вана-Порнузе; *44* — Айду; *45* — Хольстре (бобыли); *46* — Яэрья; *47* — Курессааре; *48* — Тарвастуский пасторат; *49* — Тарвастуский замок; *50* — Вана-Выйду; *51* — Тамме; *52* — Пыльтсамааский замок; *53* — Вяйке-Рынгу; *54* — Кирепи; *55* — Удерна; *56* — Кавильда; *57* — Лайус-Тяхтвере; *58* — Авинурме; *59* — Лууа; *60* — Кудина; *61* — Кяркна; *62* — Ропка; *63* — Пангоди; *64* — Отепя; *65* — Раанитса; *66* — Ахья; *67* — Моосте; *68* — Рууза; *69* — Ряпинаский пасторат; *70* — Ряпина; *71* — Мээкси; *72* — Пали; *73* — Вериора; *74* — Сянна; *75* — Рыугеский пасторат; *76* — Вастсе-Нурси; *77* — Вана-Нурси; *78* — Вастсе-Казаритса; *79* — Унгурпилс; *80* — Штакенберги; *81* — Векате; *82* — Кошкулес; *83* — Лаатре; *84* — Яункарки; *85* — Кемери; *86* — Кейжи; *87* — Бломе; *88* — Рустужи; *89* — Валмиермуйжа; *90* — Стрику; *91* — Яунамуйжа; *92* — Марциене; *93* — Бломи; *94* — Смилтене; *95* — Лаунакали; *96* — Лютери; *97* — Швартава; *98* — Бормани; *99* — Апе; *100* — Яунлайцене; *101* — Зелтину; *102* — Калнамуйжа; *103* — Алуксне; *104* — Колберга; *105* — Лазберг; *106* — Дубинска; *107* — Цесу; *108* — Вейсмани; *109* — Яна; *110* — Байзкална; *111* — Рауна; *112* — Ерика; *113* — Луби; *114* — Ренцени; *115* — Коса; *116* — Клавкалнс; *117* — Кайве; *118* — Сермукши; *119* — Яунпилс; *120* — Берзмуйжа; *121* — Огрини; *122* — Менгеле; *123* — Вецбебри; *124* — Ланступес; *125* — Озоли; *126* — Саусней; *127* — Юмурда; *128* — Вестиена; *129* — Берзауне; *130* — Лаздона; *131* — Тирза; *132* — Галгауска; *133* — Яунгулбене; 134 — Вецгулбене.

[104] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 62.

40 дворохозяев латышей и эстонцев из мызы Ууэ-Каристе решили, что они не покинут свои хозяйства, но со следующего Юрьева дня барщину исполнять не станут и будут только платить денежную ренту. Они оформили свое решение в виде совместного постановления волостного суда и волостного правления, принятого 29 сентября 1822 года, под которым все члены этих органов как латышской, так и эстонской национальности поставили по три креста вместо подписей.[105]

Из Выруского уезда сохранилось сравнительно много сведений о действительных причинах выступлений крестьян. И это благодаря ряпинаскому пастору Галлеру, который, защищая интересы помещиков (он сам владел пасторатом), не ограничивался лишь призывами к повиновению, но старался также собрать как можно больше сведений о настроении крестьян.

В Выруском уезде настроение крестьян стало тревожным уже ранней осенью. Многие крестьяне, разговаривая с пастором Галлером о том, отказаться ли им от своих дворов или остаться на прежнем месте, озабоченно говорили: «Куда же мы пойдем! Мы и дальше остались бы здесь, если бы хоть немного облегчили нашу участь». В то же время «ложные слухи» распространялись все быстрее, и по мнению пастора в этом во многом были повинны и «русские, которые разъезжают с разным товаром, как, например, с глиняной посудой, рыбой и прочим, и содействуют распространению ошибочных мнений». Вериоракие и палуские крестьяне отказались выполнять барщину, предписанную вакенбухами, и раздавались даже голоса, что «так как царь нас освободил, то он даст и землю, а эту барщину они больше не в состоянии исполнять».[106]

Крестьяне верили, что около Юрьева дня следующего года выйдет «настоящий царский закон, по которому им будет дана земля, если не совсем безвозмездно, то по крайней мере за такой же небольшой оброк, какой пла-

[105] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 52—54.
[106] ЦГИА ЭССР, ф. 918, оп. 1, д. 18358, л. 1—2, 6 и 13.

тят живущие в Гдовском уезде Петербургской губернии на казенных землях и не числящиеся ни за каким имением эстонские крестьяне...», как пишет пастор Галлер в своем письме от 15 января 1823 года. «Мы ждем божьего и царского закона, это мне многие говорили, и это стало как бы лозунгом народа». Некоторые хозяева согласны были «посылать батраков на работу в мызу, но не иначе как за хорошую поденную плату».[107]

Сильные волнения вспыхнули в казенных имениях Тартуского уезда. Когда таммеских (приход Ранну) дворохозяев вызвали 23 ноября в усадьбу имения, то помощник волостного старосты Пыдраский Яан выступил там с большой речью. «До 23 апреля 1823 года он собирается еще исполнять барщину, — сказал Яан, по словам арендатора имения, — после же этого не будет работать на барщине ни одного дня и хочет отказаться от своей земли, но оставить за собой выстроенный им дом и усадьбу...» Пыдраский Яан заявил еще, что он просто не верит, чтобы в обнародованном губернским правлением официальном объявлении стояли «только слова «или остаться в подчинении у прежнего помещика или перейти в какую-либо другую волость», так как в этом не может же заключаться обещанная царем свобода». Что их так жестоко обманули, этому не хотели верить и другие явившиеся в имение таммеские крестьяне, которые заявили, что они не согласны больше исполнять барщину в том размере, какой указан в вакенбухе, думают, что им выплатят стоимость их построек, и только лишь тогда они уйдут «и пусть тогда бог и царь делают с ними, что хотят...»[108]

В Отепя и Вяйке-Рынгу все отпускаемые на «волю» дворохозяева сказали, что «они подождут, и посмотрят», как поступят с ними бог и царь. В Пангоди крестьяне 9 декабря говорили, что они «ждут крестьянского закона, по которому их земля будет разделена по числу душ».[109]

[107] Там же, л. 14—15.
[108] Там же, д. 18357, л. 1.
[109] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 95.

На острове Сааремаа от своих участков отказались все дворохозяева мыз Тийнузе, Сяэре, Карги, Кауниспе, Лаймъяла, Аудла и Кингли. По мнению ландмаршала Буксгевдена, крестьяне поступили так для того, чтобы добиться от помещиков более выгодных условий аренды. Некоторые же крестьяне сказали, как пишет дальше ландмаршал, что они хотят «таким образом убедиться, не подарил ли им царь, даровавший свободу, также и землю».[110] Примеру частновладельческих крестьян и на Сааремаа вскоре последовали крестьяне казенных имений. В начале декабря крестьяне казенного имения Тийриметса заявили управляющему о своем намерении не выходить с Юрьева дня на барщину.[111] Приблизительно в то же самое время события весьма своеобразного характера происходили в казенном имении Тагамыйза. Узнав, что он теперь свободен, один молодой зажиточный дворохозяин явился к арендатору имения и заявил о своем желании взять мызу в аренду. Арендатор, конечно, его выгнал, сказав, что, во-первых, у него не хватит для этого денег и, во-вторых, по закону ему не разрешается выйти из сословия «землепашцев». По-видимому, перспектива оказаться под властью этого будущего «серого барона» вовсе не радовала других крестьян. Как только они узнали о намерении своего зажиточного соседа, все 84 дворохозяина собрались и заявили, что они готовы «скорее разделить имение между собой и сообща платить аренду, чем признать своим господином одного из своих собратьев.» Но и их предложение было отвергнуто.[112]

В конце декабря выступили крестьяне казенного имения Вана-Лыве. В принятом на сходке решении крестьяне говорили о своем желании служить впредь лишь богу и царю, но не господам. Решение записал волостной староста Яан Варвас (исполняющий также обязанности волостного писаря), другие крестьяне подписа-

[110] ЦГА Латв. ССР, ф. 918, оп. 1, д. 18358, л. 32—33.
[111] Там же, л. 79.
[112] Там же, д. 80 и д. 108, л. 69.

лись, и бумага была передана арендатору мызы. Примеру крестьян Вана-Лыве вскоре последовали крестьяне казенного имения Ууэ-Лыве, также заявившие своему помещику, что они не желают больше служить ему, а хотят служить царю. Такого же характера выступления происходили и в казенных имениях Рео и Праакли.[113]

В конце декабря местные власти на Сааремаа были весьма встревожены. В своем письме генерал-губернатору от 23 декабря ландмаршал Буксгевден предложил отобрать от крестьян ружья, с которыми они охотились на тюленей, и горевал, что на месте очень мало войск. «От курессаареского гарнизона мало пользы, он пользуется у крестьян столь дурной славой, что зачинщики мятежа в казенном имении Тийриметса сказали, будто бы стоит им только открыть курессаареским солдатам винные погреба мызы, как у них будет уже достаточно времени для расправы с господами».[114] 5 января 1823 года генерал-губернатор Паулуччи отдал ландмаршалу распоряжение выехать самому в охваченные волнениями мызы, причем ему было сообщено, что если не хватит сил курессаареского гарнизона, то можно будет получить помощь от находящихся в Пярну воинских команд.[115]

Всего крестьянскими волнениями в конце 1822 и в начале 1823 года в Лифляндии было охвачено, по сохранившимся в документах данным, 69 мыз (в том числе в эстонской части губернии 35 мыз).

В своей статье Л. Лооне пытается объяснить «умеренность» помещиков и местных властей, проявленную ими при подавлении волнений, стремлением генерал-губернатора Паулуччи и лифляндского дворянства скрыть от царского правительства действительный размах крестьянского движения. Именно этими соображениями руководствовался генерал-губернатор, по мнению Л. Лооне,

[113] Там же, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 72, 82 и 121; д. 108, л. 12, 72 и 98; ЦГИА ЭССР, ф. 968, оп. 1, д. 2163, л. 7.

[114] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 80.

[115] Там же, л. 102.

когда он приказал «успокаивать крестьян с помощью разъяснений и увещеваний».[116] Но в действительности в этот раз выбор принципов, которыми руководствовались при подавлении волнений, мало зависел от местных властей и дворянства. Инициатива была проявлена центральным правительством, и местным властям оставалось лишь выполнить данные им предписания.

Вспыхнувшие в 1820 году на Дону крестьянские волнения вызвали сильную тревогу у царского правительства, и министр внутренних дел решил предостеречь губернских властей, чтобы они «напрасной» и «преждевременной» жестокостью сами не толкали крестьян на «мятеж». Циркулярным распоряжением от 10 июля 1820 года гржаданским губернаторам предписывалось в целях предотвращения восстаний делать различие между противозаконными неповиновениями крестьян и их справедливыми жалобами. Неповиновений ни в коем случае нельзя допускать, и они должны быть пресекаемы, если это возможно, снисходительными мерами, но «буде нужно — мерами вооруженного понуждения». В то же время губернаторы обязаны были заботиться о предоставлении крестьянам в случае чрезмерного угнетения их помещиком «предусмотренной законом защиты».[117]

Этот циркуляр министра внутренних дел определил и линию поведения местных властей в Лифляндской губернии, когда в этой губернии в том же 1820 году и затем снова в конце 1822 года вспыхнули волнения. В письме от 21 августа 1820 года, направленном председателю ландгерихта Брашу, генерал-губернатор Паулуччи подчеркнул: «В интересах сохранения порядка необходимо не только совершенно отучить помещиков от все еще встречающейся у них склонности к самоуправству в отношении крестьян, но также внушить крестьянам (которых в случае невыполнения любого приказа помещика или уклонения от его выполнения подвергают

[116] L. Loone, указ. соч., стр. 65—66.

[117] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1820 г. — 15, л. 2—3; ф. 902, оп. 1, д. 313, л. 11—13.

строгому наказанию), что и они имеют определенные права... и оказанная по отношению к ним несправедливость также повлечет за собой суровое наказание...»[118] 4 августа 1822 года генерал-губернатор издал распоряжение, в котором указывалось, что в случае неповиновения крестьян нельзя без настоятельной необходимости требовать присылки войск.[119] В Эстляндской губернии гакенрихтерам было дано указание не требовать сразу при первых же признаках неповиновения войск, но стремиться подавлять сопротивление крестьян, опираясь на свой собственный авторитет и авторитет приходских судов. Все эти распоряжения и инструкции были доведены посредством циркуляров до сведения местных полицейских органов и судов.

Еще в 1780-е годы губернатор Лифляндии Беклешев приказал находившимся в его подчинении судебным учреждениям действовать «не столь розгами, сколь разъяснениями» и в интересах сохранения «порядка» добиваться, чтобы крестьяне доверяли судебным учреждениям, а не пытались самостоятельно искать права.[120] В 1820-е годы в Лифляндии и Эстляндии снова прибегли к этой тактике. И это делалось отнюдь не потому, что маркиз Паулуччи и лифляндские помещики хотели скрыть от центрального правительства настоящий размах волнений, а потому, что восставшие в 1820 году на Дону русские и украинские крестьяне показали царскому правительству, к каким опасным волнениям может привести ввод войск в деревни и бессмысленная жестокость по отношению к крестьянам. Царское правительство нашло нужным напомнить об этом своим представителям на местах. Это является одним из самых ярких свидетельств тому, что даже стихийно и разрозненно боровшиеся против своих угнетателей крестьяне разных национальностей Российской империи объективно высту-

[118] Там же, ф. 2054; оп. 1, д. 47, л. 2.

[119] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1822 г. — 24, л. 1.

[120] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rīgā 1956, стр. 285, 290, 322—323 и 325.

пали против одного и того же лагеря крепостников, возглавляемого царским правительством.

Все приведенное выше отнюдь не означает, что местные власти намеревались при подавлении крестьянских волнений обойтись без военной силы. Генерал-губернатор, предостерегая от использования без нужды военной силы в то же время заботился о том, чтобы эта военная сила всегда имелась под рукой. В конце ноября он издал распоряжение — держать наготове в Валмиере, Цесисе, Валга и Выру по одному батальону солдат, которые орднунгсрихтеры и уездные судьи в случае надобности могли ввести в деревни. К командирам расположенных в Тарту и Пярну войск власти обратились с просьбой оказать в случае надобности помощь в подавлении крестьянских волнений.[121]

В начале 1823 года, примерно через два с половиной месяца после того, как начались волнения в Рижско-Валмиерском округе, для подавления их была применена военная сила. В распоряжение местных властей прибыли две роты из Валмиеры. Кроме того, валмиерский орднунгсрихтер распорядился разместить на временный постой в наиболее «неспокойных» районах своего округа находившиеся на обратном марше из Пскова в Ригу воинские части. Одновременно орднунгсрихтер, помня тревожные дни восстания в Каугурах в 1802 году, приказал отобрать ружья у всех проживающих в его округе крестьян.[122]

Но отправка рот в деревни задержалась. Они вышли из города только 30 января.[123]

Еще до прибытия солдат крестьяне мыз Ренцена, Оргина, Клавкалн, Коса, Юмурда, Озол и Вестиена прекратили сопротивление. Прежде чем воинские части достигли Лаатре, в начале февраля, перестали сопротивляться и тамошние крестьяне, после того как их ходоки

[121] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 13, 15 и 105.
[122] Там же, л. 99 и 127.
[123] Там же, д. 108, л. 51 и 68.

вернулись из Риги, не добившись там никаких результатов.[124]

Около 19 февраля орднунгсрихтер в сопровождении солдат явился в мызу Сауснея; для «усмирения» тамошних крестьян во многих крестьянских дворах были размещены на постой солдаты. В это же время прекратили сопротивление и крестьяне мызы Ланступес.[125]

О подавлении волнений в Цесисском уезде сохранившиеся документы говорят лишь, что около 20 февраля крестьяне мызы Берзауне вынуждены были подчиниться, но лазбергские, калнамуйжские, зиемерские и марциенские крестьяне в это время еще продолжали оказывать сопротивление.[126]

16 января 1823 года расположенному в Пярну полку был дан приказ выслать две роты в распоряжение председателя Пярну-Вильяндиского ландгерихта Бока. Он сначала «нарочно немного задержался, — как пишет сам Бок в письме генерал-губернатору от 4 февраля, — отчасти потому, чтобы не заставлять солдат без крайней надобности мерзнуть в зимнюю стужу, отчасти же для того, чтобы привлечь внимание людей к передвижению войск, цель которого им была неизвестна».[127] 3 февраля он отправился во главе роты в сторону Ууэ-Кариете и Вана- и Ууэ-Порнузе.

В Ууэ-Кариете крестьянам было объявлено, что все неповинующиеся дворохозяева будут согнаны со своих участков; семеро крестьян было арестовано (в их числе — все члены волостного правления и волостного суда). Остальные «сопротивляющиеся» получили наказание на месте. Слух о суровой расправе в Ууэ-Кариете быстро дошел до крестьян соседних волостей, и в Вана- и Ууэ-Порнузе, куда теперь направились каратели, крестьяне сразу же прекратили сопротивление. Также и там все непокорные дворохозяева были подвергнуты порке. Видимо, в этом районе наибольшее упорство на

[124] Там же, л. 51, 68 и 105.
[125] Там же, л. 118.
[126] Там же, л. 115, 116 и 119.
[127] Там же, д. 107, л. 149.

этот раз проявили латышские крестьяне, так как Бок пишет, что после принятых мер и наказаний «все, и даже латыши, раскаялись...»[128]

Вторая высланная в распоряжение местных властей рота прибыла 3 февраля в Тарвасту и была размещена на постой в крестьянских дворах. 8 февраля в господскую усадьбу в Тарвасту были вызваны, кроме местных крестьян, также и крестьяне мызы Курессааре, Тарвастуского пастората и казенного имения Яэрья. И так как события в Ууэ-Кариете все еще оказывали свое влияние, как пишет уездный судья в своем письме от 9 февраля, адресованном Паулуччи, то крестьяне вскоре отказались от сопротивления. Все явившиеся на место крестьяне были подвергнуты порке, а члены волостного правления и волостных судов отстранены от должности.[129]

9 и 12 января тартускому уездному судье Вульфу и орднунгсрихтеру Виллебуа было дано распоряжение привести к повиновению крестьян в их уезде с помощью «предупредительных наказаний», при этом им сообщили, что для этой цели им предоставляются две роты 2-го морского полка, стоящего в Тарту. Так как уездный судья жаловался, что эти войска очень трудно использовать, поскольку они находятся слишком далеко от Выруского уезда, то в его распоряжение были выделены еще две роты егерьского полка, расквартированного в Выру. Так как уездный судья и после этого еще медлил, то губернатор сделал ему в своем письме от 30 января строгое внушение и приказал выехать сразу же в сопровождении солдат и подавить волнения.[130]

Еще до появления солдат в деревнях, около 24 января, прекратили сопротивление крестьяне мызы Удерна.[131]

В первые дни февраля выруский орднунгсрихтер раз-

[128] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 108, л. 54.
[129] Там же, л. 81 и 84—87.
[130] Там же, д. 107, л. 46—47, 109—110 и 115; д. 108, л. 5 и 15.
[131] Там же, д. 107, л. 22.

местил три четверти состава роты егерьского полка в Ряпина и Рууза, четверть — в Моосте и целую роту — в приходе Вастселийна. С этого времени волнения в Выруском уезде пошли на убыль.[132]

В казенных имениях Тартуского уезда уже к 27 января перестали сопротивляться отепяские, вяйке-рынгуские, вана-кавилдаские, пангодиские и таммикуские крестьяне.[133]

Сааремааский ландмаршал Буксгевден в середине января принял энергичные меры для подавления крестьянского движения. Он лично выехал в мызы Вана-Лыве и Ууэ-Лыве и заставил тамошних крестьян дать обещание и впредь исполнять барщину по вакенбухам. Кроме того, «подстрекателям» он назначил телесное наказание, а семерых крестьян приказал арестовать и выслать в распоряжение земского суда. Крестьяне мызы Рео, которые также заявляли, что они впредь не будут подчиняться господам, явились по приказу ландмаршала в Курессааре, где семерых из них он в результате длившихся несколько часов уговоров вынудил отказаться от своих слов, а двоих приказал арестовать. В тюрьму были брошены также крестьянские вожаки из мыз Праакли и Тийриметса.[134]

В конце марта 1823 года генерал-губернатор Паулуччи стал интересоваться тем, сколько вообще крестьян принимали участие в волнениях. На основе собранных приходскими судами данных выяснилась следующая картина.[135]

[132] Там же, л. 56—57.

[133] Там же, л. 58 и 125.

[134] Там же, л. 11—12 и 96.

[135] Там же, д. 108, л. 1; ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 4030, л. 4. Между данными черновика, хранящегося в Рижском архиве, и данными представленного царю чистого экземпляра, который хранится в Ленинградском архиве, имеются некоторые расхождения. В таблице приведены данные, взятые из последнего источника, причем различия, встречающиеся в первом источнике, отмечены в скобках. Приведенные в третьей графе данные в первом источнике вообще не встречаются.

Таким образом, в волнениях участвовали около 3000 дворохозяев из 20 000, подлежащих освобождению, или около 15 процентов.[136]

Округ	Число дворохозяев,		
	отказавшихся в конце 1822 года от своих участков	взявших свой отказ обратно	к 23 апреля 1823 года еще не взявших свой отказ обратно
Рижско-Валмиерский . . .	296	224 (221)	72
Цесисско-Валгаский . . .	780	742	38
Тартуско-Выруский . . .	1558 (1588)	1462	126
Пярнуско-Вильяндиский . .	959	797	162
Остров Сааремаа	154	151	3
Всего в Лифляндской губернии	3777	3376	401

По данным, также собранным приходскими судами, которые следует считать заниженными, за участие в волнениях были наказаны крестьяне из трех мыз Рижско-Валмиерского округа, из них 8 — на месте, 1 — судом; из четырех мыз Цесисско-Валгаского округа — соответственно 26 и 1; из пяти мыз Тартуско-Выруского округа — 10 и 6; из семи мыз Пярнуско-Вильяндиского округа — 39 и 7; из девяти мыз на Сааремаа — 30 и 4.

Видимо, в свете этих данных генерал-губернатор пришел к выводу, что «освобождение» латышских и эстонских крестьян сопровождалось довольно сильными волнениями. Для самоуспокоения он заинтересовался вопросом, как проходило освобождение крестьян в других странах. В конце черновика сводного отчета, составленного по приведенным выше данным, имеется своеобразная приписка: «Крепостничество в Богемии было отменено в 1781 году Иосифом II таким образом, что крестьянам была предоставлена свобода передвижения, но они

[136] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 4030, л. 1.

оставались навсегда обязанными нести барщинные повинности. Происходили ли волнения во время перестройки существовавших до того феодальных отношений, выяснить не удалось. В прусской Силезии личная зависимость была ликвидирована в 1807 году, но и в отношении этой страны не удалось выяснить, происходили ли при этом волнения».[137] По-видимому, генерал-губернатор остался недоволен тем, что «исторические исследования» его подчиненных оказались столь бесплодными. Поиски продолжались, и когда Паулуччи наконец представил царю отчет, то он имел возможность приписать в конце его, что «переход крестьян из крепостной зависимости в свободное состояние, который в других государствах последовал не без значительных беспорядков, как же в Силезии и Гольштейне, а иногда даже с кровопролитием, например в Богемии в 1781 году...», в Лифляндии прошел так, что была «соблюдена тишина».[138] Сводный отчет маркиза Паулуччи царю можно считать самым первым обзором происходивших в 1822—1823 годах в Лифляндии волнений. И уже он, как и составленные впоследствии разными прибалтийско-немецкими авторами «истории аграрных реформ», содержит в себе фальсификацию правды, причем эта фальсификация является к тому же результатом «сравнительно-исторических исследований».

В Эстляндской губернии осенью 1822 года таких крупных волнений не происходило. Крестьян переводили здесь в «свободное состояние» в другие сроки и иным образом — дворохозяева, например,были подразделены не на две, а на целых восемь категорий, которые получили «свободу» в разное время. Но несмотря на это, имеющиеся в архиве данные показывают, что неспокойное настроение, господствовавшее в соседней губернии, в известной мере перекинулось также и сюда — именно в 1822 году в Эстляндской губернии наблюдалось особенно много случаев отказа от крестьянских хозяйств (данные за 1823 и 1824 годы не сохранились). К тому же в 1823 году в Эстлянд-

[137] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 108, л. 2.
[138] ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 4030, л. 5.

ской губернии возникали отдельные небольшие волнения, по своему характеру весьма напоминающие волнения, происходившие в соседней губернии.

Когда карузеский приходский судья 8 января 1823 года вызвал к себе дворохозяев, отнесенных в пятую группу «освобождаемых», то большинство из них изъявили согласие держать и дальше свои хозяйства за предусмотренные в вакенбухах повинности. Но три дворохозяина из Саастна никакого ответа не дали и, по словам приходского судьи, «только и требовали свободу, которую им будто бы даровал царь».[139]

Немного позже в Вируском уезде выступили крестьяне прихода Вайвара. Когда крестьяне, которые должны были дать ответ, останутся ли они за указанную в вакенбухах барщину еще на три года в своих дворах, явились 5 февраля в Вайвараский приходский суд, то они вначале отказались дать требуемый ответ. С большим трудом удалось судьям «переубедить» бо́льшую часть их, но четверо лаагнаских дворохозяев упорно стояли на своем. Лишь в конце марта приходскому судье и гакенрихтеру удалось объединенными усилиями «переубедить» и этих крестьян.[140]

После 1823 года крестьянское движение как в Лифляндии, так и в Эстляндии стало идти на убыль, происходили лишь отдельные выступления крестьян. Среди них по своему характеру выделяется выступление хольстреских крестьян в 1824 году. Бобыли, часть которых жила на мызных землях и часть — на землях дворохозяев и которые частью эксплуатировались мызой, частью же дворохозяевами, не представляли такого монолитного коллектива, как дворохозяева и батрачество. Поэтому антифеодальная борьба бобылей проявляется обычно в индивидуальных выступлениях (в подаче жалоб, в сопротивлении насилию и т. д.) или сливается с борьбой других прослоек крестьянства, особенно батрачества. Когда крестьяне оказывали сопротивление не в

[139] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1822 г. — 37, л. 1.
[140] Там же, л. 6, 8 и 10.

меру жестокому кубьясу или прибывшим на место событий судьям, то в этих выступлениях принимали в числе других участие и бобыли. Когда батраки приостанавливали молотьбу, то в сопротивлении участвовали также работавшие на молотьбе в качестве вайнов бобыли. Но в 1824 году в Хольстре наблюдалось исключение из общего правила: бобыли выступили самостоятельно.

С Юрьева дня 1824 года Ольтеский Яан (55 лет от роду) отказался отрабатывать на мызе бобыльские дни. Он нашел, что не обязан это делать, так как «не имеет самостоятельного двора и от дворохозяина, у которого живет, получил лишь ничтожный клочок земли, который обрабатывает для себя».[141] Ольтеский Яан посоветовал и другим бобылям прекратить работу на мызе. Трое бобылей отправились к губернатору в Ригу с жалобой. После этого бо́льшая часть хольстреских бобылей перестала отрабатывать бобыльские дни. Ольтеский Яан сам как в волостном, так и в приходском суде твердо стоял на своем и даже после того, как три-четыре раза был подвергнут наказанию, «заявил перед судебным зерцалом, что пусть они что хотят, то и делают с ним, но он не будет отрабатывать положенные ему дни».[142] В конце концов местным властям все же удалось заставить бобылей исполнять барщину на мызе, а их вожак Ольтеский Яан весной 1825 года в два следующие один за другим воскресенья был наказан 20 парами розог у столба перед пайстуской церковью.

Осенью того же года барщинники мызы Пурди в Эстляндской губернии начали упорную борьбу против непосильных уроков[143] на барщине. С начала июня барщинники вместо требуемых с них трех уроков стали выполнять только по два урока в день и отправились в Таллин

[141] Там же, ф. 915, оп. 1, д. 2709, л. 3.

[142] Там же, л. 3—4.

[143] Урок — количество работы, выполняемой барщинником за время с утра до завтрака, с завтрака до обеда или с обеда до вечера и измеряемой по земельной площади, которую барщиннику надлежало распахать или с которой он должен был скосить сено и т. д.

жаловаться в правительственные учреждения на чрезмерно тяжелые уроки, назначенные им во время сенокоса.[144]

7 июля на покос к барщинникам явился вызванный помещиком гакенрихтер Толль. Объявив, что жалобы барщинников лишены всякого основания, а их поведение противозаконно, гакенрихтер стал приговаривать их к наказаниям. Трое барщинников получили по 40 и трое других — по 60 ударов палкой. После наказания барщинники, по словам гакенрихтера, «упорно не хотели расходиться, громко ругались и буйствовали...»

Но и порка не испугала барщинников. Сразу же после ухода гакенрихтера они снова отправились верхом на лошадях в Таллин, где их жалоба была опять принята и их успокоили, заявив, что дело будет передано в суд. Возвратившись обратно, барщинники, как и раньше, не стали выполнять все назначенные им барщинные работы, приходили на работу с опозданием и уходили с работы раньше положенного времени. По просьбе помещика барщинники были вызваны 26 июля в приходский суд, который также приговорил их к наказанию.[145]

После этого пятеро барщинников поехали в Ригу с жалобой. Барщинники продолжали упорно сопротивляться — они все еще не отрабатывали барщинные дни, которые «задолжали» мызе. 11 сентября барщинники подмызка Пикакюла отказались молотить помещичьий хлеб.[146]

Упорная борьба пурдиских барщинников пошла на убыль только в конце ноября, когда в мызу прибыл представитель губернского правления барон Россильон, который, между прочим, вынужден был признать, что гакенрихтер Толль значительно превысил свою власть. Жалобы же батраков снова были признаны лишенными основания, и они должны были возместить ущерб, причиненный именно из-за их отказа молотить хлеб.[147]

[144] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 205, л. 10—11 и 15—16.
[145] Там же, л. 8, 9 и 16.
[146] Там же, л. 16 и 29.
[147] Там же, л. 26—27.

Весной того же 1824 года выступили против падизеского помещика фон Рамма жившие на острове Пакри крестьяне шведской национальности. Они полагали, что благодаря своим старым привилегиям освобождены от многих казенных повинностей и отказались в начале мая послать барщинников на строительство каменного моста.[148]

В конце июня 1825 года барщинники казенного имения Кодила пришли, по заявлению помещика, в неповиновение и не позволили кубьясу наказать себя. Явившийся по просьбе помещика в начале июля в мызу гакенрихтер назначил каждому барщиннику в наказание по 50—60 ударов палкой.[149]

В первой половине июля того же года кютиские крестьяне самовольно уменьшили размер дополнительной барщины.[150]

Осенью 1825 года виртсуские крестьяне добились в приходском суде решения об уменьшении размера их повинностей, указанного в старых вакенбухах. Но на следующий год помещик в отместку за это стал требовать от них уплаты подушной и натуральной податей в большем, чем в прежние годы, размере. Крестьяне отказались платить эти подати, и для подавления их сопротивления 20 ноября на место прибыли гакенрихтер и приходский судья.[151]

Упорную борьбу вели в 1827—1828 годах дворохозяева Йоала. В 1826 году, в Михайлов день, новый владелец мызы объявил дворохозяевам, что в Юрьев день следующего года он заключит с ними «свободные» договоры и увеличит повинности на 34 дня дополнительной барщины в год с каждого двора. К рождеству дворохозяева должны были дать ответ: хотят ли они и дальше держать свои дворы или намерены отказаться от них. 10 ноября 1827 года дворохозяева были вызваны в при-

[148] ЦГИА ЭССР, ф. 863, оп. 1, д. 988, л. 5—6 и 17—39.
[149] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1825 г. — 20, л. 1 и 5—6.
[150] Там же, ф. 902, оп. 1, д. 313, л. 53.
[151] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1826 г. — 36, л. 1, 7 и 14.

ходский суд, где 19 из них заявили о своем согласии, а 15 сказали, что дополнительную барщину выполнять не станут и свои дворы также не покинут. С такими же заявлениями выступили и дворохозяева мызы Репнику, которым помещик прибавил один день дополнительной барщины в неделю.

Сопротивление йоаласких дворохозяев, среди которых были и некоторые русской национальности, продолжалось до 1828 года. [152]

[152] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1827 г. — 3, л. 1—2, 5—6, 8, 12 и 14.

Глава седьмая

О характере и историческом значении антифеодальной борьбы эстонских крестьян

В настоящей книге мы ознакомили читателей с волнениями и антифеодальными выступлениями крестьян, охватившими, согласно сохранившимся данным за период с 1790 по 1825 год, в разное время и в разных местах Эстонии 141 мызу. В 1797 году, когда крестьяне требовали уменьшения барщины или отказывались подчиняться несправедливым и жестоким наказаниям, волнениями были охвачены десять мыз. В последующие годы происходили лишь отдельные выступления: в 1799 году — два и в 1800 году — одно выступление. В 1802 году снова поднялись волнения в латышской части Лифляндии и произошло восстание в Каугурах. В следующем году волнения охватили и эстонскую часть губернии, где уменьшения размера барщины требовали крестьяне семи мыз. В том же году в Эстляндской губернии выступили крестьяне мыз Перила в Харьюском уезде и Сууремыйза на острове Хийумаа. В 1804 году продолжались волнения в южной Эстонии — по меньшей мере в четырех мызах крестьяне встретили волнениями новый крестьянский закон, находя, что их повинности по этому закону слишком высоки. Подобного рода волнения происходили в южной Эстонии и в 1805 году, охватив более девяти мыз (о девяти мызах мы можем говорить в том случае, если будем считать, что в приходе Сангасте выступили лишь крестьяне одной мызы,

по-видимому же волнения там происходили в нескольких мызах, так как в дошедших до нас документах говорится, что волнения наблюдались в целом приходе). В том же году сильные волнения отмечались и в северной Эстонии, где крестьяне не позволяли помещикам и чиновникам наказывать себя, требовали уменьшения барщины и отказывались молотить мызный хлеб по ночам. В северной Эстонии (в Эстляндской губернии) волнения распространились в 1805 году в восемнадцати мызах (но если прибавить те мызы, крестьяне которых участвовали в восстаниях в Карину и Козе-Ууэмыйза, то число их достигнет 28-и) и продолжались в 1806 году еще в трех и в 1807 году в двух мызах.

Затем последовал известный «период затишья», который длился, если не учитывать выступления крестьян в мызах Кийкла и Роэла в 1811 году и «бунта» рекрутов в конце 1812 года, до 1816 года.

В 1816 году в Эстляндской губернии выступление крестьян имело место в одном имении. В 1817 году, в связи с изданием нового закона, начались широкие крестьянские волнения, которые в этом году охватили девять мыз, в 1819 году — три мызы и в 1820-м — одну мызу.

О волнениях, возникших в 1820 году в связи с обнародованием нового крестьянского закона в Лифляндии, сохранились, по всей видимости, неполные данные. Поэтому мы можем лишь отметить, что в документах приведены названия восьми охваченных волнениями мыз, где крестьяне отказались выполнять барщинные работы по старым вакенбухам и где усмирение их происходило с помощью вооруженной силы.

В 1821—1822 годах антифеодальные выступления крестьян происходили в двух мызах Лифляндской и в трех мызах Эстляндской губернии.

Поздней осенью 1822 года и в начале 1823 года гневный протест крестьянства против крепостнического и грабительского характера их освобождения проявился в мощном подъеме волнений, которые, как свидетельствуют сохранившиеся документы, распространились в Лифляндии в 69 мызах (из них в районах с эстонским

населением — в 35 мызах). Волнения такого же характера в Эстляндской губернии отмечаются осенью 1823 года в двух мызах.

Но и после жестокого подавления этих волнений наблюдаются еще отдельные случаи неповиновения.

Приведенные материалы ясно говорят о пяти волнах крестьянского движения (в годы 1797, 1802—1807, 1817, 1820 и 1822—1823), которым предшествовали и за которыми следовали периоды относительного затишья. Антифеодальная классовая борьба крестьянства является одной из основных черт развития общества в период феодализма, и она продолжается непрерывно, принимая самые разнообразные формы: крестьяне умышленно плохо работают на мызных полях, не дают себя наказывать, жалуются в судебные и правительственные учреждения на своих помещиков, мстят жестоко обращающимся с ними управляющим и кубьясам, убегают от своих помещиков. Но такие более сильные и острые формы классовой борьбы, как волнения, не длятся непрерывно. На каждое более грозное выступление крестьянства правительство и помещики отвечают жестокими наказаниями или, как это они стали практиковать особенно на рубеже XVIII—XIX веков, частичными и фарисейскими уступками. Для того чтобы собраться с силами и разглядеть маневры правящих классов, крестьянам было нужно определенное время. Но тем сильнее был их гнев, когда они, разобравшись в очередном обмане со стороны помещиков, выражали свой протест в волнениях, часто длящихся в течение нескольких лет. Как и вообще в классовой борьбе эксплуатируемых, так и в антифеодальной крестьянской борьбе чередовались приливы и отливы, за началом волнений следовала их кульминация, за наступлением — контрнаступление врага и временное отступление нападающей стороны. На это указывает В. И. Ленин, когда он, давая обзор истории революционного движения в России в XIX веке, говорит о волнах революционного подъема.[1]

[1] См. В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 5, стр. 44—45.

Но нас интересует не только то, как распределяются крестьянские волнения во времени, но и то, как они распространяются в территориальном отношении.

Вопрос о том, почему некоторые местности были охвачены крестьянскими волнениями, а другие — нет, всегда интересовал марксистских историков. Большинство исследователей полагают, что волнения происходили преимущественно в тех районах и уездах, где преобладала барщина и где помещичьи хозяйства были наиболее тесно связаны с рынком. К такому выводу приходит, например, Г. Т. Рябков на основе анализа крестьянского движения в Смоленской губернии в годы революционной ситуации середины XIX столетия.[2] Но при этом нерешенным остается вопрос: что же определяло распространение волнений внутри такого района? Некоторые историки указывают на роль в распространении волнений, наряду с указанными «материальными факторами», и таких «идеологических факторов», как традиции антифеодальной борьбы.[3]

То обстоятельство, что антифеодальная борьба крестьянства продолжается на протяжении всего периода феодализма, с нарастающей силой расшатывая крепостной строй, определяется такими не зависящими от воли людей факторами, как характер существующего способа производства, положение отдельных классов общества и т. д. Это те «условия жизни, которые различные поколения застают в наличии...», определенные материальные, не зависящие от произвола людей границы, предпосылки и условия,[4] в рамках которых протекает об-

[2] Г. Т. Рябков. Массовое движение в Смоленской губернии в первый период революционной ситуации. Сб.: Революционная ситуация 1859—1861 гг. М., 1960, стр. 153; ср. Г. Т. Рябков. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Конец XVIII — первая половина XIX вв. Смоленск, 1957, стр. 59.

[3] Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года (60-е годы XIX ст.). Киев, 1959, стр. 186.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3. М., 1955, стр. 24 и 37.

щественная деятельность людей. «Объективные условия вынуждают крестьянство на решительную борьбу против помещичьего землевладения, против помещичьей власти и тесно связанной с нею всей старой государственной власти вообще»,[5] — писал В. И. Ленин. Но в рамках известных условий общественной деятельности людей некоторую свободу действия имеют и явления и факторы надстроечного порядка. Антифеодальная борьба крепостного крестьянства непосредственно вырастает из структуры феодального общества. Но кому из представителей помещичьего класса конкретно достаются удары, наносимые в ходе этой борьбы, — это зависит от факторов не только базисного, но и надстроечного порядка.

Если проследить по картам распространение крестьянских волнений в Эстонии в XVIII веке и в первой четверти XIX века (см. стр. 359 и 361), то можно заметить районы почти не затронутые волнениями. Но проверив густоту сети мыз той или иной местности, мы увидим, что волнения, как и можно было предполагать, реже наблюдаются в слабонаселенных болотистых и лесистых районах, где мыз было вообще мало. Чтобы получить достоверное представление о распространении и интенсивности крестьянского движения в различных местностях, рассматриваемую территорию нужно разделить на районы с одинаковым приблизительно количеством мыз. При таком «районировании» Эстонии по возможности не допускается отступлений от исторически сложившихся границ, например, приходов и уездов, и поэтому количество мыз в разных районах получается не совсем одинаковым (см. карту, на стр. 359).

Приводимая ниже таблица содержит данные о численности мыз, в которых в конце XVIII и в первой четверти XIX века происходили коллективные антифеодальные выступления крестьян или которые были охвачены волнениями. (Для сравнения в таблице приведены данные и о близких по времени и по своему характеру хорошо изученных волнениях 1783—1784 и 1858 годов.)

[5] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 13, стр. 144.

Количество мыз в Эстонии, охваченных антифеодальными выступлениями и волнениями в XVIII веке и в первой половине XIX века

Районы и названия приходов	Количество мыз в районе	Количество охваченных волнениями и выступлениями мыз в годы			
		1783—1784	1797—1807	1816—1823	1858
1	2	3	4	5	6
I О. Хийу Ридала Лихула Карузе Ханила Михкли Варбла Вормси	55	—	1	2	8
II Ноароотси Л.-Нигула Мартна Ристи Х.-Мадизе	54	—	2	3	1
III Кулламаа Мярьямаа Вигала	53	—	—	2	2
IV Кейла (зап. часть) Нисси Хагери	50	—	—	3	5
V Рапла Юуру Козе	53	—	15	3	19
VI Кейла (вост. часть) Юри Иыэляхтме Х.-Яани Куусалу	50	—	3	1	5

1	2	3	4	5	6
VII Тюри Пайде-Анна Пээтри Коэру	52	—	6	1	4
VIII Я.-Мадизе Амбла Кадрина	53	—	4	1	9
IX Я.-Яани В.-Маарья Симуна	52	—	3	—	11
X Хальяла Раквере В.-Нигула В.-Яагупи	57	—	3	4	9
XI Люганузе Ийзаку Йыхви Вайвара	57	—	3	4	4
XII Ямая Ансекюла Кихельконна Кярла Каарна Пюха	63	—	2	8	—
XIII Мустъяла Карья Вальяла Пёйде Муху	66	—	—	3	—
XIV Тыстамаа Аудру Пярну П.-Яагупи Вяндра Тори Хяэдемээсте	49	5	3	1	—

1	2	3	4	5	6
XV					
Саадре Халлисте Каркси	52	6	7	5	—
XVI					
Пыльтсамаа Пилиствере С.-Яани К.-Яани Вильянди Пайсту Тарвасту Хельме	46	9	3	8	—
XVII					
Лайузе Торма Курси Паламузе Экси М.-Магдалена Кодавере Ранну Пухья	62	4	2	3	—
XVIII					
Ныо Тарту Камбья Выну	58	14	8	5	—
XIX					
Рынгу Отепя Сангасте Карула Харгла	56	13	2	1	—
XX					
Канепи Пыльва Ряпина Вастселийна Рыуге	65	12	1	12	–
По всей Эстонии		63	68	70	77

Приведенные в таблице данные говорят, во-первых, о том, на что мы в этой книге уже неоднократно обращали внимание, что крестьянские волнения редко распространяются за пределы губернии. Следует отметить, что такое явление наблюдается не только в рассматриваемый в этой книге период.

В Лифляндской губернии эстонские крестьяне жили рядом со своими южными соседями — латышскими крестьянами, к северу от них, в соседней губернии (Эстляндии), жили такие же эстонские крестьяне, как и они сами. Никакой закрытой границы между двумя губерниями не существовало, крестьяне могли довольно свободно переходить из одной губернии в другую. Но царское правительство и местные помещики проводили свои аграрные реформы отдельно, по губерниям. Эти реформы или слухи об их подготовке очень часто служили поводом для волнений. И так как на возникновение и распространение стихийных крестьянских волнений большое влияние оказывали эти конкретные поводы, то очень часто возникшие среди латышских крестьян Лифляндии волнения охватывали весьма легко и быстро также и живущих в той же губернии крестьян-эстонцев, но не перекидывались дальше на соседнюю губернию, хотя тамошние эстонские крестьяне жили точно в таких же тяжелых, если еще не в более тяжелых, условиях, как и южноэстонские крестьяне. В 1784 году волнениями в Лифляндской губернии были охвачены как латышские, так и эстонские деревни, но волнения не распространились на Эстляндскую губернию. В 1797 году распространившиеся по всей империи волнения охватили обе губернии. В 1804 году Александр I утвердил новые крестьянские законы для обеих губерний. Но так как Положение о крестьянах Лифляндской губернии было обнародовано в 1804 году, а Положение о крестьянах Эстляндской губернии — лишь в начале следующего года, то волнения в эстонской части Лифляндии вспыхнули уже в 1804 году, в Эстляндии же лишь в 1805 году. Против грабительского характера своего «освобождения» эстляндские крестьяне ответили волнениями в 1817 году,

лифляндские крестьяне — в 1820 и в 1822—1823 годах. В 1841 и в 1845—1847 годах волнения, охватившие одновременно латышских и эстонских крестьян, не распространились на Эстляндскую губернию, а волнения 1858 года не перекинулись из Эстляндии в Лифляндию.

Но это своеобразное явление имеет, кроме отрицательной, и положительную сторону. Если административная граница являлась значительным и часто даже непреодолимым препятствием для распространения волнений, то национальные и языковые границы, как мы видим, вообще не препятствовали их распространению. История эстонского и латышского крестьянства говорит о том, что крестьяне хорошо усвоили простую истину: помещики являются общим врагом угнетенных крестьян всех национальностей — и поэтому они и боролись (хотя стихийно и инстиктивно) сообща против них.

Естественнее всего предположить, что крестьянские волнения возникают и распространяются в тех местах, где крестьянам живется хуже и где размер их повинностей наиболее высок. Посмотрим, что говорят об этом имеющиеся у нас данные по Эстонии.

В конце XVIII и в самом начале XIX века наиболее сильные волнения имели место в приходах V района и значительно более слабые — в VII районе. По этим районам сохранилось и больше бакенбухов; в частности, много вакенбухов имеется из приходов Рапла и Тюри. Сравнение барщинных повинностей крестьян в обоих приходах (см. стр. 76—77) показывает, что эти повинности были одинаковыми и колебались в пределах 125—200 барщинных дней на тягло. А если еще более точно вычислить средний размер повинностей в обеих районах, интерполируя для этого моду цифр (по известной формуле $Mo = l + \frac{f_2}{f_2 + f_1} h$) обозначающих тяжесть барщины, то получится, что в «спокойном» VII районе она даже выше, чем в V районе (в VII — 167, а в V — 125).

Мы сделали попытку установить размер барщинных повинностей крестьян и в отдельных охваченных кре-

стьянскими волнениями имениях. (С сожалением мы должны констатировать, что лишь в редких случаях сохранились вакенбухи именно тех мыз, где имели место волнения.) Выяснилось следующее. Крестьянские волнения в 1805 году охватили мызы, повинности крестьян которых были сравнительно тяжелыми (мыза Кодасуу в приходе Рапла), но, кроме того, и мызы, где повинности были среднего размера (Кехтна в Рапласком и Вяэтса в Амбласком приходах) или даже довольно легкие (Роосна в приходе Амбла). Следовательно, анализ материалов как по отдельным микрорайонам, так и по отдельным мызам показывает, что распространение крестьянских волнений нельзя объяснять определяющим влиянием только одного фактора — относительной тяжестью барщинных повинностей крестьян.

На Таллинской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы И. Д. Ковальченко, опираясь в свою очередь на результаты исследований П. Г. Рындзюнского, четко сформулировал мысль о том, что самыми энергичными борцами против крепостничества не обязательно должны быть самые бедные и наиболее угнетенные крестьяне; часто против помещиков довольно решительно выступали и те связанные с промышленной и торговой деятельностью крестьяне, которых оковы крепостничества связывали по рукам и ногам.[6]

Однако поиски объяснения и в этом направлении в данном случае ни к чему не привели. От первой четверти XIX века сохранились собранные рижским врачом Гуном сведения о том, в каких приходах южной Эстонии крестьянская торговля и промыслы развивались наиболее интенсивно,[7] но эти приходы не совпадают с приходами, в которых в 1820-х годах разразились самые сильные крестьянские волнения.

[6] Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин, 1959, стр. 149. [П. Г. Рындзюнский. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX века. В кн.: Труды Государственного исторического музея (Москва), вып. 27, 1955, стр. 86—130.]

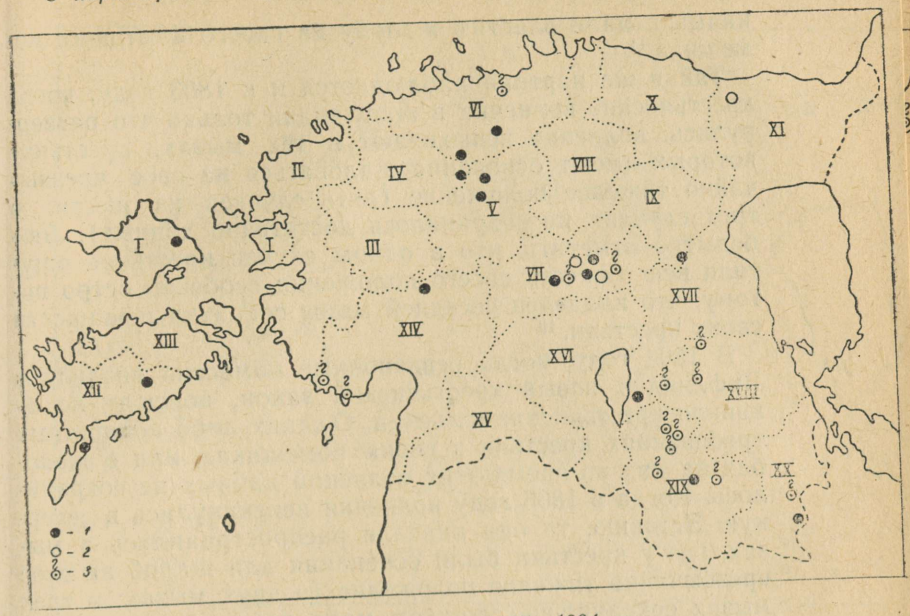
[7] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 186—189 и 192.

Посмотрим, нельзя ли найти ответ на поставленный нами вопрос в материалах о самом крестьянском движении?

Прежде всего следует отметить, что с точки зрения исследования этого вопроса архивный материал, отражающий антифеодальную борьбу крестьян, имеет один большой недостаток: на его характер оказали очень сильное влияние те события, которые он отражает. Когда происходили только отдельные выступления крестьян, когда волнения бывали относительно слабыми или же только еще начинались, то власти проявляли усиленный интерес к вопросу о причинах крестьянских выступлений. Но стоило только волнениям разрастись, как власти начинали интересоваться лишь конкретными «провинностями» тех или иных крестьян с целью их наказания. Поэтому в первом случае в нашем распоряжении имеется сравнительно много материалов о конкретном положении крестьян в охваченных волнениями мызах—волостях, а во втором случае таких материалов нет. Но если мы будем иметь в виду и слабые стороны сохранившихся источников и будем критически относиться к ним, мы все же сможем обнаружить в них данные, проливающие свет на интересующие нас вопросы.

О волнениях 1797 года, когда крестьянское движение в Эстонии было сравнительно слабым, у нас имеются относительно полные данные по семи мызам (о волнениях в двух мызах сохранилось слишком мало сведений). При этом в двух случаях, по сохранившимся данным, крестьян толкнули на выступление только царившее по всей стране тревожное настроение и слухи о каких-то переменах, а в пяти случаях крестьяне, кроме того, жаловались еще на свое невыносимо тяжелое положение. В мызе Ранну, Лифляндской губернии, крестьяне выступили после того, как их обращение в суд с жалобой на чрезмерно тяжелую барщину ни к чему не привело.[8]

[8] Е. П. Трифильев. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 276.



Крестьянское движение в 1797—1804 гг.

1 — мызы, где кестьяне во время антифеодальных выступлений жаловались на свое чрезвычайно тяжелое положение; *2* — мызы, где таких жалоб не наблюдалось; *3* — мызы, о которых по этому вопросу сохранилось слишком мало данных. Римскими цифрами обозначены порядковые номера «районов», на которые нами была поделена территория Эстонии.

Во время волнений в Хяргла крестьяне жаловались, что «от них требуют больше барщины, чем от крестьян в других мызах губернии...»[9] В Таммику был чрезвычайно строгий надсмотрщик (кубьяс), который, к тому же, незадолго до этого увеличил барщинные повинности бобылей.[10] В Куйметса барщинники еще за год до волнений протестовали против слишком тяжелых уроков на барщине, а в Кыльяла крестьяне как раз перед волне-

[9] ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. А 1, д. 51, л. 24.
[10] Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1734, л. 4 и д. 1735, л. 4.

ниями подали властям жалобу на своего жестокого помещика.[11]

Такая же картина наблюдается и в 1803 году, когда крестьянские волнения в Лифляндии только что развернулись: волнения вспыхивают в тех мызах, крестьяне которых имеют основание жаловаться на свое чрезвычайно тяжелое положение (пять случаев из шести; в трех случаях не сохранилось достаточно данных). Любопытно отметить, что в одном случае крестьяне ощутили всю тяжесть своего положения особенно остро потому, что владелец соседней мызы сократил повинности своих крестьян.[12]

В 1804 году, когда ревизионные комиссии вводили в Лифляндии новый крестьянский закон, повсюду вспыхивали крестьянские волнения. О каких-либо конкретных требованиях крестьян к своим помещикам или о жалобах на них во время этих волнений данных не сохранилось. Когда в 1805 году волнения перекинулись в северную Эстонию, то они вначале распространились в мызах, где у крестьян были основания для жалоб на свое чрезвычайно тяжелое положение (в двух мызах; о трех мызах сохранилось слишком мало данных).

Но по мере усиления волнений картина меняется. Крестьяне мызы Оргметса выступили потому, что побывавший у них крестьянин из Сейдла, где волнения начались раньше, призвал их следовать примеру сейдласких крестьян.[13] Барщинники Карину во время выступления говорили: «Мы... никогда не будем молотить помещичий хлеб ночью..., так как в других мызах, в Сейдла, Роосна и повсюду в окрестности, хлеб теперь молотят днем».[14] Каринуские крестьяне в свою очередь послали ходока в соседнюю мызу Орина, и там барщинники также приостановили молотьбу помещичьего хлеба.

[11] ЦГИА ЭССР, ф. 968, оп. 1, д. 1896, л. 5 и 23; J. Konks. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII. saj. lõpu ning XIX saj. I. aastakümnel. Tartu 1960, стр. 84—85.
[12] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, д. 1244, л. 1—3, 5 и 8—9.
[13] Там же, оп. А 3, д. А II 75, л. 282—283.
[14] Там же, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 112.

Крестьянское движение в 1805—1807 гг.

1, *2* и *3* — то же, что и на предыдущей карте; *4* — мызы, где происходили восстания; *5* — мызы, где волнения начались по примеру или призыву крестьян соседних мыз; *6* — соседи оказали помощь восставшим крестьянам (крестьяне мызы *А* поспешили на помощь восставшим после того, как у них побывали ходоки от восставших; крестьяне мызы *В* пришли на помощь по своей инициативе). Римские цифры обозначают порядок, в котором мызы были охвачены волнениями.

Когда для усмирения восставших в Козе-Ууэмыйза крестьян прибыла воинская команда, то по призыву козе-ууэмыйзаских ходоков к ним на помощь пришли крестьяне семи соседних мыз. На кульминационный период падают волнения в 14 мызах; из них в 12 мызах крестьяне выступили потому, что их призывали к борьбе крестьяне соседней мызы (в 8 случаях), или же они поспешили к товарищам на выручку сами, не дожидаясь ходоков от восставших.

В материалах о последнем этапе волнений 1805 года тоже нет данных о том, чтобы выступившие крестьяне жаловались именно на свое чрезвычайно тяжелое положение.

Мы рассмотрели волнения, в возникновении которых важное значение всегда имел какой-нибудь общий повод: вступление на престол нового царя, обнародование нового крестьянского закона или другие подобные события общего характера. В 1802 году волнения в южной Эстонии начались в имении Адавере. Вожак адавереских крестьян Кимаский Тоомас на суде 9 декабря 1802 года рассказал о положении крестьян этого имения. Свыше 30 лет назад помещик потребовал от них вместо полутора дней три дня постоянной барщины в неделю. «И это бы мы вытерпели, — сказал Тоомас, — если бы и после того количество барщинных дней беспрерывно не увеличивалось».[15] В 1805 году первые волнения в северной Эстонии вспыхнули в мызе Роосна. Здесь восемь лет назад помещик увеличил размеры барщины.[16] Положение адавереских крестьян ухудшалось на протяжении 30 лет, но выступили они лишь в 1802 году, когда возникли слухи о новом законе. Барщинники Роосна также сносили усиление помещичьего гнета на протяжении восьми лет и выступили лишь в 1805 году.

Крестьяне подчас сравнивали размеры своих повинностей с размерами повинностей своих соседей. Так, крестьяне Вастселийна снарядили в 1803 году специальных ходоков с тем, чтобы выяснить, каковы крестьянские повинности в соседних мызах.[17] Крестьяне Селли заявили в 1805 году своему помещику, что, поскольку во всех соседних мызах повинности крестьян были сокращены, то это необходимо сделать и у них.[18] Но с конца XVIII и первой четверти XIX века у нас больше не сохранилось никаких данных о том, чтобы крестьяне занимались по-

[15] ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2249, л. 3.
[16] Там же, ф. 854, оп. А 3, д. А III 75, л. 307; ф. 29, оп. 11, д. 43, л. 12 и 146.
[17] ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 144.
[18] ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А 3, д. А II 75, л. 401—402,

добными «сравнительными исследованиями». Крестьян прежде всего интересовали дела своей волости. Их повинности могли быть и сравнительно более легкими, чем у соседей, но они все же чувствовали себя притесненными, если в недавнем или даже в далеком прошлом у них имели место какие-нибудь изменения — были увеличены повинности, урезаны земли, назначен новый свирепый кубьяс и т. п. К тому же не следует забывать, что сравнение тяжести повинностей в различных мызах — задача не из легких. В разных мызах от крестьян требовали разных повинностей, в одних мызах были тяжелыми одни, в других — другие виды повинностей, экономическое положение крестьян было различным, и они по-разному «воспринимали» повинности и т. д.

Когда волнения только начинаются или еще слабы, они охватывают прежде всего те мызы, где для крестьян сложилась особенно тяжелая обстановка. Но когда волнения уже развернулись, когда критическая точка уже достигнута, тогда наблюдается своеобразная цепная реакция: волнения в одной мызе вызывают волнения в соседних мызах, причем нередко можно наблюдать и признаки некоторой подготовленности действий (крестьяне высылают ходоков с призывом к борьбе). И только на этой стадии происходит концентрация крестьянского движения в одном районе, опасная для правящих классов. Как видно из таблицы на стр. 352—354, в 1805 и в 1858 году наиболее сильные волнения имели место в одном и том же районе. В обоих случаях в V районе происходили крестьянские восстания, причем в первом случае крестьяне семи, а во втором — одиннадцати мыз поднялись на борьбу по призыву крестьянских ходоков одного имения (в первом случае Козе-Уэмыйза, во втором — Махтра). Если бы ходоки не были посланы, то крестьяне этих мыз в волнениях не участвовали бы, и данный район не выделялся бы столь сильно среди других районов. Тот факт, что в 1858 году восстание вспыхнуло в том же районе, что и в 1805 году, объясняется в известной мере и традициями классовой борьбы крестьянства. По имеющимся данным, харьюские

крестьяне в 1858 году помнили еще события 1805 года и первоначально даже ждали, что призыв к борьбе будет опять-таки исходить из Козе-Уэмыйза.[19]

Все изложенное выше убедительно говорит о том, что в стихийном крестьянском движении, которому свойственна раздробленность сил, фактор подготовленности действий проявляется редко и слабо. С конца XVIII и первой четверти XIX века мы имеем данные об антифеодальных выступлениях и волнениях, охвативших 141 мызу. Во время этих волнений указанные выше явления концентрации сил наблюдаются меньше чем в десяти случаях почти из полутораста, из двенадцати охваченных крестьянскими волнениями лет — только в одном году.

В. И. Ленин в своих трудах очень хорошо раскрыл причины этой раздробленности крестьянского движения, заключавшиеся в самой системе хозяйства и в старинных формах «жизни с их вековой неподвижностью...»[20] «Именно система «стародворянского» хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, — пишет В. И. Ленин, — и создавала придавленность личности».[21] В своих трудах В. И. Ленин говорит о «средневековых перегородках» и «средневековых разрядах», которые разделяют в крепостную эпоху крестьян, и подчеркивает, что капитализм в отличие от феодализма характеризуется тем, что при капитализме крестьянство стремится «к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства и всего мира».[22] Но и в эпоху капитализма, как указывает В. И. Ленин, сознательность, объединенность и планомерность нужно было внести в крестьянское движение извне. В. И. Ленин пишет, что «организованность, политическую сознательность выступлений, их

[19] J. Kahk. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis. Mahtra sõda. Tallinn 1958, стр. 121.
[20] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 3, стр. 382.
[21] Там же, т. 1, стр. 434.
[22] Там же, т. 3, стр. 382 и т. 16, стр. 405—406.

централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата».[23] В России эта историческая задача выпала на долю рабочего класса.

Стихийность и раздробленность были в те времена свойственны крестьянскому движению не только в Эстонии, но и в других губерниях Российской империи. Во время охвативших почти всю европейскую часть империи волнений 1797 года лишь редко удавалось поднять на совместную борьбу крестьян нескольких соседних мыз. В этом случае крестьяне проявляли не только мужество и солидарность, но подчас организовывали выступления по-военному и давали настоящие сражения карательным отрядам. И опять же эта черта присуща борьбе как эстонского, так и русского крестьянства — рядом с Брассовым стоит Козе-Ууэмыйза.

Совпадение многих характерных черт весьма значительно и в том случае, если сравнивать такие далекие по времени и в территориальном отношении явления, как волнения, вспыхнувшие при «освобождении» крестьян в связи с реформами 1816 и 1819 годов, с волнениями, происходившими в других местах России в связи с реформой 1861 года.

Точно такое же разочарование, какое в свое время вызвали среди эстонских крестьян законы об «освобождении», испытывали русские и украинские крестьяне в связи с реформой 1861 года. Крестьяне помещика Казанской губернии князя Дадиани не поняли, «зачем же присланы те книги, когда в них воли [нет]...»[24]

Но как в свое время в Эстонии, так и в 1861 году во всей России наблюдался своеобразный диалектический процесс. Хотя крестьяне и обманулись в содержании новых законов, все же обнародование их подняло дух крестьян, активизировало их. В Харьковской губернии власти жаловались в 1861 году, что среди крестьян появи-

[23] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 181.

[24] Бездненское восстание 1861 года. Сборник документов. Казань, 1948, стр. 79.

лись «гордецы», оказывающие упорное сопротивление тем, кто по-прежнему называет их «крепостными».[25] На острове Сааремаа еще в 1823 году один приходский судья жаловался, что объявленные свободными крестьяне полны «холодной гордости».

Как эстонские крестьяне в конце первой четверти XIX столетия, так и русские крестьяне (здесь и в дальнейшем мы будем иногда пользоваться термином «русский крестьянин» для обозначения всех проживавших на остальной территории России крестьян — русских, украинцев и т. д.) в 1861 году считали, что истинная свобода означает освобождение от помещичьих повинностей, особенно же от барщины. Крестьяне или совершенно отказывались выходить на барщину, или пытались по крайней мере добиться ее уменьшения.[26] Как в свое время в Эстонии, так и в 1861 году на остальной территории России ненависть крестьян против барщины проявлялась в учащении фактов небрежного отношения к барщинным работам и в выполнении их по своему усмотрению.[27] И в Эстонии, и в остальной России в «годы освобождения» происходили выступления против чрезмерно тяжелых дневных норм барщины (уроков).[28]

Когда в Лифляндии местные власти осенью 1822 года повсеместно требовали от крестьян-дворохозяев ответа на вопрос: будут ли они и дальше отрабатывать бар-

[25] Е. Герман. На второй день после реформы 1861 г. (Крестьянское движение в Харьковской губернии.) «Борьба классов», 1935, № 3, стр. 77.

[26] Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года (60-е годы XIX ст.). Киев, 1959, стр. 106—108, 171 и 188—189; П. М. Потетенькин. Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861—1863 гг. Саратов, 1940, стр. 40, 44 и 58; В. Шварев. Кандиевское восстание. Пенза, 1955, стр. 42.

[27] Н. Н. Лещенко, указ. соч., стр. 106; Е. Герман, указ. соч., стр. 80; Г. Г. Григорьев. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки и проведения отмены крепостного права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952, стр. 12.

[28] Н. Н. Лещенко, указ. соч., стр. 191.

щину или покинут свои хозяйства, то многие крестьяне готовы были покинуть свой отчий дом, лишь бы избавиться от барщины. «Чтобы освободиться от тягостной барщинной повинности и непосильных платежей, крестьяне многих населенных пунктов Украины даже отказывались от земельных наделов, политых потом и кровью их предков»[29], пишет украинский историк Н. Н. Лещенко, характеризуя поведение украинских крестьян во время проведения реформы 1861 года.

Сходные черты мы обнаруживаем и в антифеодальной идеологии крестьянства. Многие объявленные в 1861 году «свободными» русские крестьяне, аналогично эстонским и латышским крестьянам в 1820 и 1822 годах, заявляли, что с этого момента они подчиняются только царю и только ему согласны платить подати.[30] Крестьяне деревни Верхне-Иньева Пермского округа в январе 1862 года, как и сааремааские крестьяне в 1822 году, составили письменный приговор о своем решении в дальнейшем подчиняться только царю.[31]

Согласно законам 1816 и 1819 годов, латышские и эстонские крестьяне должны были и после «освобождения» еще в течение трех лет исполнять те же самые повинности, которых от них до этого требовали. По закону 1861 года от крестьян требовали исполнения прежних повинностей еще в течение двух лет. И русские крестьяне, подобно латышским и эстонским, протестовали против этого. Так же, как и в Эстонии, у русских крестьян сразу же возникли подозрения, что помещики обманывают их и самого царя «продлением» крепостного права. Осенью 1822 года крестьяне Лифляндской губернии отказывались давать согласие на отработку барщины по старым вакенбухам. В 1862 году русские крестьяне отказывались принимать уставные грамоты, устанавливавшие владельческие повинности (в том числе и барщину), которые они должны

[29] Н. Н. Лещенко, указ. соч., стр. 339.

[30] Там же, стр. 249.

[31] Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. 1951, стр. 96—97.

были нести до выкупа своей земли.[32] В 1822 году среди лифляндских крестьян распространились слухи, будто бы крестьяне, согласившиеся на выполнение барщины по старым вакенбухам, не получат свободу, которая будет скоро объявлена «настоящим царским законом». И в России в 1861—1862 годах среди крестьян ходили слухи, что подписавшиеся под уставными грамотами крестьяне не получат предоставляемую новыми законами настоящую свободу.[33] Осенью 1822 года многие лифляндские крестьяне заявили о своем намерении отрабатывать барщину на помещика лишь до 23 апреля 1823 года. В 1862 году крестьяне во многих районах России объявляли, что они будут работать на барщине только до 19 февраля 1863 года.[34]

На рубеже XVIII и XIX веков крестьянские волнения в Эстонии принимали различные формы и крестьянами выдвигались весьма разнообразные требования. Но все разнообразие форм крестьянских волнений (требование уменьшить барщинные дни или снова ввести «старые шведские нормы»; отказ от принятия новых вакенбухов, так как в них были предусмотрены слишком высокие нормы барщинных повинностей; отказ от ночной молотьбы и т. д.) можно легко привести к одному знаменателю: крестьяне требуют значительного уменьшения барщины. С этим требованием связаны также и выступления против помещичьей домашней расправы. Крестьяне протестовали не только против взваливаемой на них непомерно тяжелой работы, но и против побоев и издевательств, которыми эта работа сопровождалась.

Требования значительного уменьшения барщины, которые во время нарастания волнений перерастают в требования полной отмены барщины, красной нитью проходят через крестьянское движение начиная с середины XVIII и до середины следующего века. К этому выводу

[32] П. М. Потетенькин, указ. соч., стр. 58—59; Г. Г. Григорьев, указ. соч., стр. 12.

[33] Ф. С. Горовой, указ. соч., стр. 103—105; П. М. Потетенькин, указ. соч., стр. 56.

[34] П. М. Потетенькин, указ. соч., стр. 56, 59 и 61.

единодушно пришли все историки, занимающиеся историей крестьянского движения в Эстонии.[35] Наиболее распространенной формой классовой борьбы на протяжении всего этого длительного периода являлся невыход на барщину. На этом общем фоне изредка наблюдаются такие более острые формы классовой борьбы наступательного характера, как столкновения во время восстаний с вызванными для защиты помещиков воинскими командами. Во время волнений 1784 года на эстонской и латышской территории таких случаев было два, в 1802—1805 годах — три, в 1841 году — три и в 1858 году лишь один.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что как во второй половине XVIII, так и в первой половине XIX века, а также на рубеже этих веков, каковой период рассматривается в настоящей книге, борьба эстонского крестьянства была направлена против барщинной эксплуатации, причем преобладали так называемые пассивные формы классовой борьбы. Но является ли подобный вывод исчерпывающим и достаточно правильным?

Для ответа на этот вопрос попытаемся сравнить крестьянское движение в Эстонии с антифеодальной борьбой крестьян в таком районе, где барщинная система не преобладала. Рассмотрим крестьянские волнения, происходившие в 1790 году в Саксонии, так как они как по времени, так и по своему основному содержанию сравнительно близко стоят к рассмотренным нами волнениям и подвергнуты в марксистской исторической литературе основательному анализу.[36]

[35] M. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. Rīgā 1956, стр. 296 и 340; L. Loone. Lõuna-Eesti talupoegade suhtumisest 1819. aasta talurahvaseadusesse. Академия наук Эстонской ССР. Научная сессия 23—29 апреля 1947 г. Е. Заседания Отделения общественных наук. Тарту, 1948, стр. 52—53, 55 и 61; Hans Kruus. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu 1930, стр. 161, 209—211 и 269—270; J. Kahk. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis. Mahtra sõda. Tallinn 1958, стр. 210.

[36] См. о них в работе Percy Stulz-Alfred Opitz. Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der französischen Revolution. Berlin 1956.

Большой ущерб наносили саксонским крестьянам так называемые сеньоральные привилегии их помещиков в вопросах охоты — крестьянам запрещалось уничтожать лесную дичь даже тогда, когда она причиняла вред их полям. Озлобление у крестьян вызывали и другие привилегии сеньеров: право выгонять стада овец на крестьянские поля после уборки урожая, отвод необходимой для орошения крестьянских полей воды в пруды феодалов и в замковые рвы, право назначать по своему усмотрению судей, которые в интересах своих хозяев донимали крестьян различными налогами и штрафами.

В 1790 году крестьянские волнения в Саксонии начались организованной крестьянами облавой на «курфюрстскую дичь». Крестьяне стали выгонять мызных овец со своих полей и ломать плотины, отводившие воды рек и ручьев в помещичьи пруды и рвы. Повстанцы вскоре объединились в крупное войско численностью в восемь тысяч человек, расположившееся лагерем на Катценгейзерских холмах. Отсюда они стали предпринимать походы против небольших окрестных городов и вынуждали городские власти выдавать им арестованных крестьян. 21 августа один отряд повстанцев захватил Пинневицкий замок. От помещика фон Цемерна крестьяне взяли расписку в том, что он отказывается от всяких повинностей, а его приспешника судью Коля они прогнали сквозь строй.

Уже одни эти факты не только говорят о большой активности крестьян и наступательном характере их борьбы, но и дают известное представление о причинах этой активности. Крестьян угнетали не только феодальные повинности, но и различные сеньоральные привилегии. От ненавистной дичи и помещичьих овец у крестьян не было иного избавления, как только напасть на них или прогнать их. Для того чтобы разрушить возведенные по приказу помещика плотины, заставить помещиков отказаться от своих сеньоральных привилегий и «призвать к порядку» послушного ему судью, необходимо было раньше напасть на имение или замок, на-

гнать страху на помещика, взять у него расписку или, что считалось наиболее верным, сжечь документы, подтверждающие его привилегии.

Отношения между помещиками и крестьянами носили такой характер, что избавиться от помещичьего гнета нельзя было иначе, как «напав на замок». Аналогичная картина открывается перед нами при рассмотрении крестьянских волнений периода великой французской революции или во время революции 1848 года в южной и юго-западной Германии.[37]

Совершенно иную картину мы видим, например, в России.

Рассматривая волнения, охватившие в 1797 году всю царскую Россию, мы видели, что классовая борьба крестьян проявлялась главным образом в отказе от барщины и что вооруженные столкновения и нападения на имения происходили очень редко.[38]

И. Игнатович, изучавшая крестьянское движение 1826—1854 годов, приводит в своей книге следующие цифровые данные. Более или менее конкретный характер крестьянских волнений ей удалось выяснить в 423 случаях.[39] При этом 60 процентов волнений падают на губернии, где господствовала барщинная система. В 120 случаях из 423-х волнения выразились в отказе от барщины, в 38 случаях — в отказе от уплаты оброка, в 41 — в отказе признавать своего помещика, в 11 слу-

[37] Также и во Франции в 1789 году крестьянские волнения часто начинались с того, что крестьяне проводили облаву на лесную дичь, находившуюся под охраной охотничьих привилегий феодалов (А. В. Адо. Крестьянские восстания в начале французской революции в 1789 году. Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память академика Евгения Викторовича Тарле. М., 1957, стр. 152); Сб.: Революция 1848—1849, под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока, т. I. М., 1952, стр. 255.

[38] См. настоящую книгу, стр. 120.

[39] В опубликованной позднее статье И. Игнатович отмечает, что в России в тот период произошло 712 волнений, но, к сожалению, она не классифицирует их по характеру (И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 48—49).

чаях — в отказе переселиться и т. д.[40] По данным И. Игнатович, в 1826—1854 годах произошло всего лишь восемь столкновений между крестьянами и солдатами, и только в двух случаях крестьяне первыми напали на солдат.[41]

В 1840-х годах тысячи крестьян пытались освободиться от феодального гнета путем массового ухода от своих помещиков. С 1840 по 1843 и с 1845 по 1847 год во многих губерниях, от Балтийского до Черного моря, прокатились крестьянские волнения, которые проявлялись в попытках крестьян путем переселения в «теплые края» или ухода на «казенную работу», или перехода в «царскую веру» освободиться от помещичьего феодального гнета. Ю. И. Герасимова, изучавшая эти волнения в русских губерниях, отмечает в своей диссертации, что за 1840—1843 годы произошло только одно столкновение между крестьянами и солдатами. Более часто происходили столкновения с небольшими военными командами, пытавшимися помешать переселению крестьян в 1847 году, когда это движение охватило Киевскую губернию.[42] Как утверждает Е. И. Фирсова, изучавшая крестьянское движение 1840—1850 годов в Белоруссии, в тех выступлениях крестьян против помещиков, которые не вылива-

[40] В последнее время в исторической литературе совершенно справедливо обращается внимание на то, что И. Игнатович располагала далеко не всеми данными по крестьянским волнениям в России (см. С. Б. Окунь, Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века. Л., 1957, стр. 44). Но и на основании этих данных все же можно получить представление об относительном значении отдельных форм классовой борьбы крестьянства. О преобладании так называемых пассивных форм борьбы говорилось в прочитанном в сентябре 1961 года на Рижской сессии симпозиума по аграрной истории докладе Э. С. Пайна, которая, как ответственный составитель сборника документов «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.» (Москва, 1961), должна иметь довольно полное представление о крестьянском движении этого периода.

[41] И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 335 и 338—343.

[42] Ю. И. Герасимова. Крестьянское движение 1840-х годов в России. М., 1953 (рукопись кандидатской диссертации), стр. 149, 151, 155—156, 160, 235, 314—321 и 324—326.

лись в массовое переселение, преобладающей формой сопротивления являлся отказ от выполнения барщинных повинностей.[43]

В России конца XVIII — первой половины XIX века наиболее распространенной формой борьбы частновладельческих крестьян был отказ от барщины. Нападения на мызы, а также совместные выступления крестьян нескольких мыз были довольно редкими явлениями. Обычно крестьяне нескольких мыз объединялись лишь в случае, если возникала необходимость дать совместно отпор карательным отрядам.

Причины этого следует, видимо, искать в конкретном характере производственных отношений. Наиболее острым вопросом во взаимоотношениях помещика и крестьянина, во всяком случае в районах с преобладанием барщины, был вопрос о размере помещичьих повинностей и другие вопросы, связанные с барщиной. Крестьянское хозяйство изнывало под тяжестью барщинных повинностей, крестьян пороли и наказывали также в связи с барщинными работами. Достаточно было крестьянам не выйти на работу в мызу, как это сразу же сказывалось на хозяйстве помещика. Обычно принято считать, что отказ от барщины относится к так называемым пассивным формам классовой борьбы, на деле же он давал весьма «активные результаты», так как сразу же парализовал всю хозяйственную деятельность имения. Классовая борьба крестьян всюду была направлена против феодальной эксплуатации. Но в то время как в землях, где крестьяне страдали от сеньорального гнета, они пытались освободиться от феодальной эксплуатации «нападением на замки», в районах царской России с преобладанием барщины крестьяне добивались этого невыходом на барщинную работу.

Любопытно отметить, что в конце XVIII века в состав Саксонии входили также расстилавшиеся на правом

[43] Е. И. Фирсова. Кризис крепостнического хозяйства Белоруссии и крестьянское движение в 40—50-е годы XIX века. Минск, 1956 (рукопись кандидатской диссертации), стр. 170.

берегу Эльбы земли Верхней и Нижней Лужицы, где, в отличие от левобережных земель, господствовала барщинная система. Описанные выше волнения 1790 года на эти земли не распространились. В этих деревнях с лужицким населением недовольство крестьян выразилось в том году лишь в отдельных случаях отказа от выполнения барщинных работ.[44]

И в России, как это правильно отметил проф. С. Б. Окунь, «в период кризиса по своему размаху, по силе сопротивления, по характеру требований выделялись именно те волнения, которые происходили в районах с преобладанием оброка».[45] Эту мысль С. Б. Окунь высказал в отношении 40-х годов XIX века. Но в России в районах с преобладанием оброка уже в начале XIX века наблюдались случаи нападения крестьян на имения. Так, крестьяне деревень Заозерье, Завустье, Колодуск и других деревень Гдовского уезда Петербургской губернии в 1809 году, вооружившись «вилами, топорами и дубинами..., напали на имение, захватили лошадей, повозки, сбрую, использовав все это для перевозки на свои гумна скошенного помещичьего урожая».[46] Здесь следует отметить, что это выступление крестьян было вызвано увеличением оброка и захватом помещиком части крестьянских земель.

Следует подчеркнуть, что все сказанное относится, по существу, к периоду, когда крестьянских войн не было

[44] Willi Boelcke. Bauer und Gutsherr in Oberlausitz. Ein Beitrag zur Wirtschafts-, Sozial- und Rechtsgeschichte der ostelbischen Gutsherrschaft. Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung 5. Bautzen 1957, стр. 236 и 238; Rudolf Lehmann. Die Verhältnisse der Niederlausitzischen Herrschafts-und Gutsbauern in der Zeit vom Dreissigjährigen Kriege bis zu den preussischen Reformen. Mitteldeutsche Forschungen 6, Köln—Graz 1956, стр. 74. В. Бёльке склонен объяснять это явление тем, что по Эльбе проходила и национальная, и языковая граница между территориями, населенными немецкими и лужицкими крестьянами.

[45] С. Б. Окунь, указ. соч., стр. 45.

[46] В. И. Кабаш. Крестьяне и крестьянское движение в С.-Петербургской губ. в конце XVIII и первой четверти XIX в. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1958, стр. 12—13.

(см. об этом подробнее ниже). Характер взаимоотношений между помещиками и крестьянами оказывал определенное влияние на характер классовой борьбы до тех пор, пока эта борьба из разрозненных волнений не переросла в крестьянскую войну. В этой связи нелишне припомнить, что как только в конце 1812 года эстляндские крестьяне соединились в своеобразное «повстанческое войско», они стали нападать на имения.

С вопросом о форме классовой борьбы крестьянства неразрывно связан вопрос об идеологии крестьянства, т. е. вопрос о том, что думал крестьянин и чего он хотел добиться, выступая против помещика. Следует делать ясное различие между тем, что крестьяне считали правильным, и тем, какие конкретные цели они ставили перед собой. Как утверждают многие прибалтийские публицисты конца XVIII века, крестьяне в то время считали, что в действительности вся земля принадлежит им и отнята у их предков прибывшими из-за моря захватчиками. Однако у нас пока еще нет никаких данных о том, чтобы крестьяне во время антифеодальных выступлений мотивировали свои требования правом собственности на землю, которую немецкие рыцари путем насилия и обмана отняли у их предков. Положение меняется лишь во время волнений, связанных с «освобождением» крестьян, когда крестьяне обосновывают свои требования, правда весьма редко, мотивами национального и исторического характера.

В письме от 23 декабря 1822 года на имя генерал-губернатора Паулуччи ландмаршал Сааремаа фон Буксгевден сообщал, что во время волнений в казенном имении Тийриметса «люди говорили между собой о своих древних городищах, которые семь веков назад их предки использовали для своей защиты, а также о правах, принадлежащих им как коренным жителям страны».[47] До-

[47] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 79. Здесь следует отметить, что как раз за 10 лет до этого публицист И. Л. Луце выступил при открытии Мухуской школы с публичной речью, в которой говорил о воздвигнутых в свое время древними обитателями острова городищах.

полнительных данных об этих «опасных разговорах» судебное следствие установить не смогло.

Случай в Тийриметса остался бы проблематичным, если бы нам не удалось обнаружить в одном документе относящиеся к тем же годам данные о том, что эстонские крестьяне в то время и в других местах вспоминали о борьбе своих предков с немцами. Ряпинаский пастор Галлер писал в своем письме, датированном 15 января 1823 года, что некоторые дворохозяева, имена которых ему не удалось установить, в запальчивости сказали ему, что они не станут больше отрабатывать барщину, и «пусть дело дойдет до крайности. Будь что будет! Ведь наших предков также убивали немцы».[48]

Тот факт, что в документах, говорящих об антифеодальной идеологии крестьянства, так внезапно появился мотив «права предков на землю», объясняется отчасти характером самих волнений. Впервые аграрная реформа со всей остротой поставила вопрос: кому же, в сущности, принадлежит земля? Но не в этом только дело. Отсутствие «земельного вопроса» в антифеодальной идеологии крестьянства на более ранних этапах его борьбы, по нашему мнению, еще раз подтверждает выдвинутую К. Марксом идею о том, что при крепостничестве «земельная собственность будет лишь побочным моментом собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей...»[49] И как такой побочный момент, который затемнялся отрицательными явлениями, вытекавшими из непосредственного господства помещика над личностью крестьянина, он не нашел отражения и в антифеодальной идеологии крестьянства. С другой стороны, появление этой идеи уже в эпоху крепостничества, хотя только во время созревания в недрах феодального общества элементов капитализма, свидетельствует, как указал Маркс, что «юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появ-

[48] ЦГИА ЭССР, ф. 918, оп. 1, д. 18358, л. 15.

[49] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 647.

ляется... в современном мире лишь с развитием капиталистического производства».[50]

И в феодальном обществе действовала та открытая марксизмом закономерность, согласно которой в классовом обществе господствующей идеологией и моралью является мораль и идеология правящего класса, стремящегося подчинить себе мораль и идеологию эксплуатируемых классов.[51] Помещики не только эксплуатировали крестьян, но пытались внушить им, прибегая для этого к помощи пасторов и царских чиновников, что крестьяне должны беспрекословно работать на помещиков и терпеливо сносить назначаемые ими наказания, что земля принадлежит помещикам и дана крестьянам лишь в аренду и т. п. Эти идеологические устои власти правящего класса в ходе классовой борьбы поколебались прежде всего в тех местах, где напряжение борьбы было наибольшим. И так как наиболее остро встал вопрос о барщине и о связанных с ней телесных наказаниях и других жестокостях, то и острие антифеодальной идеологии крестьян было направлено против барщины.

Идеология крестьянства и выдвинутые им в ходе антифеодальной борьбы требования относятся к таким явлениям, которые подвергаются развитию и изменениям. В случае более длительных и мощных крестьянских волнений они проходят весьма долгий путь развития. Вначале, на первых этапах борьбы, крестьяне выдвигают сравнительно ограниченные требования, которые правящий класс, если бы он проявил больше уступчивости, иногда мог бы отчасти удовлетворить. И лишь когда напряжение и острота классовой борьбы увеличиваются, часто в результате проявленной самим правящим классом жестокости или проводимых им мошеннических маневров, крестьяне приходят к сознанию о необходимости упразднения власти помещиков. С 1797 по 1803 год крестьяне требовали от помещиков уменьшения барщинных повинностей, не позволяли себя наказывать мызным слу-

[50] Там же, стр. 629.

[51] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 45—46.

гам. В 1804 и 1805 году они испытали на себе, насколько своекорыстно стремились решить помещики вопрос об урегулировании норм барщинных работ, и яростно выступали против подобного решения этого вопроса. В ходе антифеодальной борьбы они вновь и вновь приходили к сознанию, что в действительности их положение улучшится лишь при полном освобождении от власти помещиков. И это требование — вообще освободиться от феодальной эксплуатации — проявлялось как в прозвучавших во время восстаний угрозах перебить всех господ, так и в «наивном монархизме» крестьян.

О том, что они хотят освободиться от помещиков и жить только под властью царя, эстонские крестьяне довольно часто заявляли во время антифеодальных волнений и в конце XVIII века, и в самом начале XIX века. Особенно остро и часто это требование выдвигалось во время волнений 1822—1823 годов в Лифляндии. Председатель Тартуского ландгерихта А. Браш перечислил в своем письме от 10 декабря 1822 года следующие распространявшиеся среди крестьян слухи: «Что по воле царя им должна принадлежать если не вся земля, то по крайней мере все здания, сады и дворы..., что они теперь стали царскими крестьянами...» и хотя они и останутся на своих участках, все же не будут больше отрабатывать барщину на помещика.[52] Эти бродившие в головах крестьян мысли, которые привел в своем письме Браш, являются вместе с тем и антифеодальными требованиями, повсюду выдвигаемыми крестьянами как в Эстонии, так и в Латвии.

Крестьяне хотели вообще освободиться от помещиков и жить только под властью царя. Это представление о вольной жизни под властью царя, которая не омрачалась бы барщиной на помещика, было таким привлекательным, что фантазия крестьян заработала и увенчала царя своеобразным сказочным ореолом. Царю приписывали желание немедленно освободить крестьян от барщинных повинностей, наделить их землей и т. п. В ходе крестьян-

[52] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 40.

ских волнений этот наивный монархизм временами становится активной силой, придавая антифеодальным требованиям крестьян в их собственных глазах убедительную мотивировку и авторитет. В конечном же итоге он оказывал своим сторонникам медвежью услугу, сковывая энергию крестьян в решающий момент столкновения с представителями государственной власти и войсками.

Упомянутое требование в одинаковой мере характерно для антифеодальной идеологии как эстонских, так и латышских крестьян. Когда в 1809 году приступила к работе учрежденная царским правительством специальная комиссия, которая должна была изыскать пути для повышения доходов казенных имений в Курляндии, об этом узнали и тамошние крестьяне. В 1811 году шесть представителей курляндских крестьян передали царскому правительству составленный крестьянами проект устройства казенных имений. Они считали, что арендаторы этих имений должны требовать от крестьян ренту деньгами или, если это возможно, следовало бы казенные имения вообще разделить между крестьянами, которые стали бы платить денежный оброк непосредственно казне.[53] У нас есть основания предполагать, что одним из поводов для выдвижения такого рода требований послужили дошедшие до эстонских и латышских крестьян сведения (иногда, безусловно, приукрашенные) о положении русских казенных крестьян.

Крестьяне искали оправдания своим требованиям и в других «авторитетных источниках». В церквах крестьянам внушали, что такое же послушание, как в отношении церкви, они должны проявлять и в отношении светских властей, а также помещика и при этом часто прибегали к известной евангельской притче: «Ты должен отдавать богу богово и кесарю кесарево». Но крестьяне обращали эту притчу против самой церкви и помещиков. «Мы охотно отдавали бы богу богово и кесарю кесарево сколько он потребует, но мызной барщине должен быть

[53] J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimata sākumā (1804—1819). Rīgā 1954, стр. 154—155.

положен конец, — говорили крестьяне, по словам ряпинаского пастора Галлера, — так как бог создал землю свободной для всех — как для нас, так и для помещиков». Но несмотря на такие «богословские» мотивы, подчас используемые крестьянами, все же не следует переоценивать значения религиозной идеологии. В своей книге Я. Зутис пишет о крестьянских волнениях 1822—1823 годов, что «без образования сети домов собраний гернгутеров было бы трудно объяснить такое явление, когда тысячи крестьян-дворохозяев одновременно отказываются от аренды». К сожалению, как сам характер крестьянского движения, так и данные, почерпнутые из документов того времени, не дают нам основания для такой гипотезы. Крестьяне выступили одновременно по той причине, что по новому закону их всех, по всей губернии, подлежало одновременно опросить относительно того, согласны ли они и в дальнейшем исполнять барщину. Многие судебные и полицейские чиновники того времени в своих донесениях также прямо указывали, что приходы, где жило много гернгутеров, отличались слабым размахом волнений. Все же, конечно, встречались люди, особенно среди враждебно настроенных к гернгутерам пасторов, которые пытались ответственность за волнения свалить на них.[54]

Во многих местах крестьяне во время волнений 1822—1823 годов обсуждали более конкретно вопрос о том, в какую форму должны облечься их обязанности после отмены барщины. Крестьяне знали, что в рамках реформы 1804 года были произведены обмер и оценка их земель в талерах. Теперь крестьяне Тартуского уезда решили, что настало время платить за каждый талер земли в виде аренды 5 рублей ассигнациями. Такой же точки зрения придерживались крестьяне Цесисского уезда. Из других местностей с латышским населением

[54] J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvlaišana XIX gadsimata 20. gadas. Rīgā 1956, стр. 208; ЦГИА ЭССР, ф. 918, оп. 1, д. 18358, л. 14 и 16; ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 24, 27, 35, 46, 63—64, 73, 76, 77 и 79.

также имеются сведения о желании крестьян платить вместо барщины денежную ренту согласно оценке их земель.[55]

В связи с рассмотрением мировоззрения крестьянства целесообразно остановиться также на вопросе об отношении эстонских крестьян к русским солдатам. Наиболее красноречивые данные об этом сохранились в связи с волнениями в Вастселийна в 1803 году. Для подавления волнений в Вастселийна было решено разместить в деревнях солдат, которых должны были развести по крестьянским дворам мызные кубьясы. Узнав об этом, крестьяне решили «разбить голову тому кубьясу, который приведет к нам солдат, а с солдатами — будь что будет».[56] Это весьма ясная и логическая позиция. Мызный кубьяс — враг, а если он той же национальности, что и крестьяне, то он к тому же еще и предатель. К чужим же, только что прибывшим солдатам крестьяне не питали никакой вражды. Но если они охраняют помещиков и кубьясов, то, конечно, — будь что будет.

Крестьяне наивно верили, что царь хочет им добра. Этот ореол, окружающий царя, как бы озарял и царских солдат, и крестьяне считали, что солдаты должны были бы их защищать. Когда же солдаты по приказу помещиков направляли на них дула ружей, то крестьяне были убеждены, что дело идет о каком-то обмане со стороны помещиков, подкупивших солдат. В «мирное время», т. е. в те годы, когда волнений не было, отношения между солдатами и крестьянами были доверчивыми. Кокмуйжаский помещик высказал в 1802 году даже мнение, что одним из «подстрекателей местных крестьян к мятежу следует считать русского солдата, который им рассказывает, что в русских губерниях крестьяне платят только оброк, барщину же для имения не выполняют».[57] Местные власти как в Лифляндии, так и в Эстляндии в 1804 и

[55] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 10, 27 и 42.

[56] Там же, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 131.

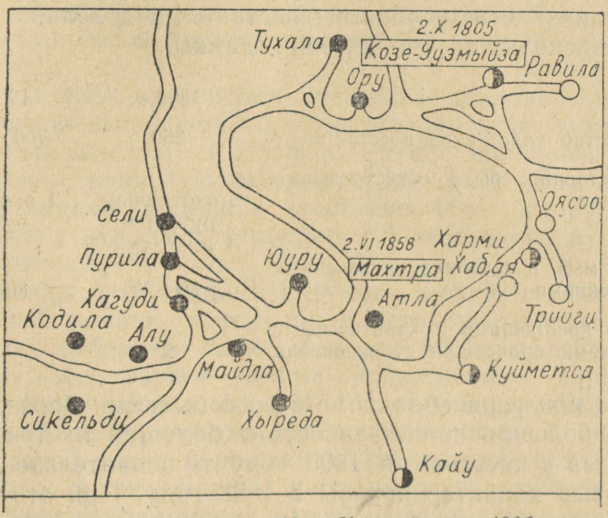
[57] J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rīgā 1953, стр. 143.

1805 году сетовали на то, что нет почти никакого толку от использования рядовых пехотинцев против «мятежных» крестьян и настоятельно просили прислать казаков.

На рубеже XVIII и XIX веков в идеологии эстонского крестьянина было много ограниченного и наивного. Но вместе с тем ей были присущи и многие сильные стороны, делающие честь носителям этой идеологии. Уже в то время среди крестьян имела хождение мысль о необходимости объединения сил для общей борьбы, которая должна была окончиться отнятием власти у помещиков (речь Йыэпереского Яана в 1805 году, высказывания Вейкскюлаского Яана в 1807 году). Идея о братской солидарности весьма прочно утвердилась в мировоззрении крестьян того времени. Они ясно сознавали свою ответственность не только перед своими товарищами по борьбе, но даже перед историей, перед грядущими поколениями. «Если уже меня мои товарищи избрали . . . , — сказал в начале 1805 года заседатель приходского суда, дворохозяин Кавараский Энн, — то я должен стоять за их права». «Так, как этого хочет наш барин, дальше продолжаться не может, — сказал в 1802 году дворохозяин Кимаский Тоомас из Адавере, — и если мы при этом будем молчать, то наши дети и внуки проклянут нас».

Для того чтобы выяснить, какое место занимает восстание в Козе-Ууэмыйза в истории антифеодальной борьбы эстонских крестьян, попытаемся сравнить ее с другим выдающимся восстанием — войной в Махтра в 1858 году. Как уже упоминалось выше, оба восстания происходили в одном и том же районе, в обоих восстаниях принимали участие отчасти крестьяне одних и тех же деревень. Повод для восстания в обеих случаях один и тот же — обнародование нового крестьянского закона, вести о борьбе крестьян соседних волостей и появление военных карательных отрядов. И события в основных чертах развивались в обоих случаях одинаково. В мызу прибыл карательный отряд, крестьянам приказали явиться на господский двор, но они не пошли, а призвали на помощь крестьян соседних деревень и напали на ка-

рательный отряд, причем в 1805 году это нападение закончилось поражением крестьян, а в 1858 году — их победой. Однако конкретный ход событий в каждом из этих случаев совершенно различен.



Восстания крестьян в Козе-Ууэмыйза в 1805 г. и в Махтра в 1858 г.

Имения, крестьяне которых участвовали в восстании: ○ — в 1805 г., ● — в 1858 г., ◑ — в обоих случаях.

Как мы видели, в 1805 году крестьяне вступили в борьбу в некоторой степени организованно: маршировали, построившись в колонну, пытались даже развернуться в цепь и пользовались огнестрельным оружием. Совершенно иная картина открывается перед нами в Махтра. 31 мая 1858 года в эту мызу прибыл карательный отряд, и 1 июня махтраские крестьяне выслали ходоков в соседние мызы за помощью. На следующий день, 2 июня, в Махтра стали стекаться со всех сторон массы народа. Они шли по дорогам беспорядочной толпой и, проникнув на помещичий двор, тесным коль-

цом окружили выстроившихся во дворе солдат. Когда воинская команда пыталась вырваться из окружения, завязалось сражение, из которого, несмотря на открытую солдатами по приказу офицеров ружейную стрельбу, победителями вышли крестьяне.

Различие между обоими восстаниями довольно рельефно проявляется в следующих данных:

	1805 г.	1858 г.
Количество участников восстания	250	700—800[58]
У восставших было огнестрельного оружия	6 охотничьих ружей и 1 пистолет[59]	1 охотничье ружье
Число мыз в губернии, охваченных волнениями	18—28	80—100
Между крестьянами и карательными отрядами произошли столкновения	2	1

Уже при первом знакомстве с событиями бросается в глаза бóльшая воинственность и больший наступательный пыл у крестьян в 1805 году и значительно более массовый характер борьбы в 1858 году. При этом лучшую «военную подготовку» крестьян нельзя объяснить каким-то случайным или эпизодическим фактором. У нас совершенно отсутствуют данные о том, что в 1805 году в восстании в Козе-Ууэмыйза принимал участие (не говоря о руководстве восстанием) хотя бы один отставной солдат. О более массовом характере восстания в 1858 году говорит и следующий факт. В 1805 году на борьбу

[58] По официальным данным, число участников восстания было еще бóльшим: 1000—1500, даже 3000 крестьян (J. Kahk, указ. соч., стр. 155—156; И. Н. Кунтиков. Крестьянское движение в России в XIX веке. «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 148).

[59] Как мы видели, крестьяне во время восстания хвастались, что у них имеется очень много (до 120-ти) ружей (см. настоящую книгу, стр. 260). В отношении восстания в Махтра нам неизвестно, было ли имеющееся там ружье вообще заряжено.

поднялись только барщинники, в основном молодые люди. В 1858 году в войне в Махтра участвовали крестьяне различного возраста, в их числе также отдельные женщины (одна из женщин в ходе восстания была даже ранена).[60]

Но эти отличия весьма хорошо укладываются в общие рамки классовой борьбы крестьянства в прибалтийских губерниях.

В 1771 году латышские крестьяне прихода Алуксне прекратили выполнение барщинных работ и многие из них собрались в мызе Лазберг. Власти немедленно послали туда воинскую часть, которая после перестрелки с крестьянами подавила восстание. При разоружении крестьян у них было отобрано 242 охотничьих ружья и один пистолет.[61]

Волнения, возникшие в 1784 году в связи с введением подушной подати, которыми в эстонской части Лифляндской губернии было охвачено 18 процентов всех мыз, также носили весьма воинственный характер. В Тартуском уезде в июне 1784 года были организованы крестьянские отряды, вооруженные кольями и вилами. Один такой отряд ворвался на господский двор мызы Хааслава; в результате произошедшего столкновения был ранен управляющий мызой. Другой отряд атаковал близ Мякса экзекуционную команду.[62] По мнению уездного предводителя дворянства Крюднера, у крестьян в то время для развязывания всеобщей крестьянской войны не хватало лишь вождя, подобного Пугачеву.[63] Паника среди помещиков особенно усилилась после того, как владелица мызы Ендзелис случайно узнала о разговорах, котрые велись среди ее крестьян и крестьян окрестных мыз. Они говорили, что надо в ночь накануне Иванова дня напасть на все мызы, запереть снаружи окна и двери господских домов и сжечь живьем всех

[60] Mahtra sõda (album). Tallinn 1958, стр. 38—39; J. Kahk, указ. соч., стр. 140—153.
[61] История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 314.
[62] M. Stepermanis, указ. соч., стр 330.
[63] История Латвийской ССР, т. I, стр. 317.

«носящих сапоги и пуговицы».[64] Около Иванова дня (24 июня) крестьяне сделали попытку захватить города Валмиера и Валга, но были оттеснены солдатами гарнизонов этих городов и бюргерской милицией.

О том, какой воинственный характер имели восстания в Каугурах в 1802 году и в Козе-Ууэмыйза в 1805 году, речь шла выше.

Но после этого картина меняется. В 1820 и в 1822—1823 годах крестьянские волнения широко распространились в южной Эстонии, но до столкновений с воинскими командами дело не доходило. В 1840-х годах волнения охватили всю Лифляндскую губернию (в уездах с эстонским населением в них активно участвовала по меньшей мере одна пятая часть всех крестьян), но сравнительно слабые столкновения между крестьянами и воинскими командами произошли лишь в трех местах. В 1858 году волнения в Эстляндской губернии распространились примерно на 20 процентов всех мыз; в них активно участвовали 20—25 процентов крестьян губернии, столкновение же крестьян с войском имело место лишь в Махтра.[65]

У нас имеется довольно обширная литература о крестьянских войнах в России, и о характере и значении их высказывались различные мнения. Но в одном все историки единодушны — крестьянская война 1784 года была последней в истории русского народа крестьянской войной.[66] И вообще во всей Восточной Европе рубеж XVIII и XIX веков является в то же время и эпохой последних крестьянских войн.

В 1775 году в окрестностях Калники по сигналу — колокольному набату — поднялись на борьбу хорватские крестьяне, вооруженные отряды которых захватили в свои руки много имений и 32 из них сожгли. На поме-

[64] M. Stepermanis, указ. соч., стр. 338—339.

[65] J. Kahk, указ. соч., стр. 209.

[66] С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII и первая четверть XIX века. Л., 1956, стр. 23; А. М. Ардабацкая, Г. Д. Бурдей, Л. Н. Дербов. История СССР, т. I (рецензия). «Вопросы истории», 1957, № 7, стр. 176.

щичьем доме одного из захваченных имений вождь восставших, провозгласивший себя крестьянским королем, вывесил красный флаг. Помещики, которые в паническом страхе бежали в Загреб и укрылись за его стенами, опасались, что войско крестьян нападет также и на город.[67] В 1775 году отряды восставших чешских и немецких крестьян угрожали Праге.[68] В 1784 году в Трансильвании восстали румынские крестьяне. Крестьянское войско, численность которого современники оценивали в 10 000 человек, жгло имения и убивало дворян и священников.[69] В Хорватии последней крестьянской войной можно считать восстание под предводительством Тициана в 1807 году, во время которого вооруженные крестьянские отряды продвигались от деревни к деревне, призывая всех к восстанию, и даже вступали в бой с войсками. Интересно отметить, что в то время как Йыэпереский Яан в 1805 году лишь говорил о письме, которое должно ходить по рукам среди народа и призывать его к упразднению власти помещиков, Тициан, вождь восставших хорватских крестьян, на самом деле написал несколько открытых писем, в которых призывал крестьян к восстанию против помещиков (из немцев и венгров), и, подобно Разину и Пугачеву, распространял эти письма среди народа.[70]

К этому периоду крестьянских войн относятся также волнения 1784 года в южной Эстонии и волнения, происходившие осенью 1805 года в северной Эстонии. Зная это, мы лучше поймем, почему в 1805 году в Козе-Ууэмыйза барщинники объединились в войско, а их соседи угрожали: «Мы все объединимся в большое войско и пойдем на Таллин». Ни в 1784 и ни в 1805 году волнения на территории Эстонии фактически не переросли в крестьянскую войну. Борьба крестьян достигла такого

[67] Ф. Чулинович. Крестьянские восстания в Хорватии. М., 1959, стр. 182—184.
[68] История южных и западных славян. М., 1957, стр. 140.
[69] И. Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956, стр. 253—254.
[70] Ф. Чулинович, указ. соч., стр. 197—203.

уровня, когда раздавались угрозы: всех господ следует уничтожить. Этой цели можно было добиться, начав настоящую войну против господствующего класса. И крестьяне действительно предприняли попытки вооружиться и соединиться в отряды. Достигнув по своей остроте уже почти уровня крестьянской войны, антифеодальная классовая борьба крестьян не приняла, однако, формы крестьянской войны.

В последнее время внимание историков, изучающих классовую борьбу крестьянства, привлекает вопрос о поведении отдельных слоев крестьянства во время антифеодальных выступлений. Одни советские историки обращают при этом внимание на те случаи, когда более зажиточные слои крестьянства переходили на сторону помещиков,[71] другие же подчеркивают, что в антифеодальной борьбе все слои крестьянства выступали все же единым фронтом.[72]

Выяснение роли и поведения различных прослоек крестьянства во время крестьянских волнений постепенно подводит нас к решению более крупной и сложной проблемы: как влиял процесс социального расслоения крестьянства на его антифеодальную борьбу? Ведет ли социальная дифференциация крестьянства к ослаблению единого фронта антифеодальной борьбы, как это пола-

[71] Н. Л. Рубинштейн. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII века. «Исторические записки», кн. 40, 1952, стр. 141; Ф. С. Горовой, указ. соч., стр. 150; Н. А. Таирзаде. Из истории движения крепостных крестьян в России в последние годы XVIII века. Баку, 1955 [рукопись кандидатской диссертации], стр. 189—190.

[72] И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 63; П. Г. Рындзюнский. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х гг. XIX в. «Исторические записки», кн. 4, 1938, стр. 164; Л. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г., т. I. Ярославль, 1947, стр. 195—196; К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951, стр. 245—246; Ю. И. Герасимова, указ. соч., стр. 406; В. И. Бочарникова. Массовое движение государственных крестьян Западной Сибири в

гает, например, немецкий историк Штульц, изучавший крестьянские волнения 1790 года в Саксонии, или нет.[73]

Занимавшийся теми же проблемами советский историк П. Г. Рындзюнский более осторожно подходит к этому вопросу. В одном своем исследовании он приводит факты о том, как в 40-х годах XIX века зажиточные крестьяне Калужской губернии при эксплуатации бедноты соперничали в алчности и жестокости с помещиками. Говоря об этих крестьянах-предпринимателях, Рындзюнский пишет, что их «разорительные в отношении масс крестьян действия в известной мере осложняли антифеодальную борьбу социальными противоречиями нового типа. Однако эти новые противоречия были еще очень слабыми. Они не меняли общего характера основного направления классовой борьбы в деревне дореформенного времени. Вся масса крестьян, и в товарно-промышленных селах, выступала против помещиков».[74] Советские историки руководствуются при исследовании этой проблемы указаниями В. И. Ленина о том, что до тех пор, пока на повестке дня стоят вопросы буржуазной революции, борьба с феодальными порядками, крестьянство в ц е л о м идет на борьбу «против монархии, против помещиков, против средневековья...»[75]

В результате законченных в последнее время исследований выявлены и проанализированы на основе архивных материалов все происходившие на территории Эстонии с середины XVIII века (в южной Эстонии с 1750, в северной с 1784 года) по 1825 год крестьянские

20—40-х годах XIX века и проект реформы П. Д. Киселева. М., 1954 [рукопись кандидатской диссертации], стр. 227; M. S t e p e r m a n i s, указ. соч., стр. 369. На той же точке зрения стоит и Я. И. Линьков, изучавший крестьянское движение в России в годы 1825—1861 (Я. И. Л и н ь к о в. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952, стр. 139, 182, 258—260).

[73] P. S t u l z — A. O p i t z, указ. соч., стр. 123

[74] П. Г. Р ы н д з ю н с к и й. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX века. Труды Государственного исторического музея, вып. 27, М., 1955, стр. 130.

[75] В. И. Л е н и н. Соч., т. 28, стр. 276.

волнения. Благодаря этим исследованиям нам теперь известно, что индивидуальные выступления батраков-барщинников и пастухов против эксплуатирующих их труд дворохозяев имели место уже в последней четверти XVIII века и, по всей вероятности, еще раньше. Первое известное нам коллективное выступление возникающего сельского пролетариата против дворохозяев произошло лишь в 1817 году.

Единственный сохранившийся по этому вопросу документ — это составленное на эстонском языке прошение метсатагузеских батраков и бобылей, которое в первой половине 1817 года было подано в комиссию по проведению в жизнь Учреждения для эстляндских крестьян.[76] Довольно беспомощное изложение письма позволяет нам скорее догадываться о его содержании, чем точно установить его.

По-видимому, метсатагузеские дворохозяева уже в течение нескольких лет пытались, по крайней мере в своем хозяйстве, перейти от применения нанимаемых на год батраков и работников к использованию сезонных и поденных работников. Последних они раньше нанимали, видимо, на основе свободного соглашения и из числа лиц, проживающих в других приходах. В то же самое время бобыли и работники их волости нанимались на работу в соседние приходы или даже в еще более отдаленную местность. Так как в обнародованном в начале 1817 года новом крестьянском законе вновь подчеркивалось, что бобылей и работников можно принудительно направлять на работу в крестьянские хозяйства, то метсатагузеские дворохозяева и потребовали, чтобы проживающие в волости бобыли и дети этих бобылей стали в принудительном порядке работать в их хозяйстве. Батраки, которые до этого были связаны «договорными отношениями» с дворохозяевами соседних волостей и приходов и уже получили от них ссуду в счет летней работы, оказались в очень тяжелом положении. Все это весьма драматично, но в то же время и лако-

[76] ЦГИА ЭССР, ф. 39, оп. 1, д. 1817 г. — 23, л. 1—2.

нично описывается в составленном бобылями прошении: «Теперь эти крестьяне, которые отпустили своих холопов, хотят вдруг, и совсем уже насильно, заполучить себе в холопы тех хворых и хилых, которые не в состоянии прокормить даже самих себя...» Обращения с жалобами к членам волостного правления, избранным в своем большинстве из числа дворохозяев, конечно, не дали результатов. Поэтому бобыли обратились с жалобой в губернский город. Чем окончилось дело, документы не говорят.

Еще более энергично выступили против батраков в те же самые годы дворохозяева волости Кармизе на острове Сааремаа. Эти дворохозяева хотели использовать издание нового закона для того, чтобы освободиться от «вспомоществований» своим прозябающим в нужде соседям и от ответственности за их долги. 8 ноября 1821 года они обратились в приходский суд с просьбой принять меры для сокращения числа бобылей.

В третьем десятилетии XIX века коллективные выступления бедноты продолжались. Батраки обращались в волостные или приходские суды с коллективными жалобами на слишком низкую заработную плату, скверную пищу и т. д. Интересно, что также и латышский историк Г. Строд, изучавший положение и социальное расслоение крестьянства в Курляндии, отмечает, что коллективные выступления тамошних батраков в защиту своих интересов происходят уже начиная с 1820-х годов.[77] К сожалению, пока еще нельзя с уверенностью сказать, обусловлено ли это выделение 1820-х годов изменениями, происходившими в процессе самого развития социальных взаимоотношений в деревне, или характером источников. Дело в том, что отражающие взаимоотношения крестьян протокольные книги приходских и волостных судов в наиболее систематическом и полном виде сохранились начиная именно с 1820-х годов. По-

[77] H. Strods. Jautājumā par lauku proletariata veidošanas Kurzemes krona muižās XIX g. s. pirmajā pusē. «Latvija PSR Zinātnu Akademijas Vēstis», 1954, №12 (89), стр. 39.

этому необходимо отметить, что, судя по имеющимся в нашем распоряжении архивным материалам, противоречия между различными слоями крестьянства начинают находить свое выражение в форме коллективных выступлений возникающего сельского пролетариата лишь в конце рассматриваемого в данной работе периода.

Насколько сильно проявлялись эти социальные противоречия во время антифеодальных выступлений крестьянства? Какова была роль различных слоев крестьянства — батраков и дворохозяев (о бобылях мы упоминали выше на стр. 342—343) в крестьянском движении конца XVIII и первой четверти XIX века?

Относительно десяти лет (с 1797 по 1806 год) у нас сохранились данные, позволяющие, хотя бы приблизительно, установить в отношении 51 случая, кто принимал участие в волнениях и какие требования выдвигались выступавшими крестьянами. Из них в 35 случаях выступают в основном дворохозяева, в 13 случаях — батраки и в четырех случаях — одновременно как дворохозяева, так и батраки. В 1797 году дворохозяева требовали уменьшения барщинных повинностей, а батраки не позволяли кубьясам и чиновникам из помещиков наказывать себя. При этом характерно, что в тот же год в волнениях, происходивших в мызах Кыльяла и Линнамяэ, дворохозяева и батраки выступили совместно. Относительно периодов с 1816 по 1819, с 1821 по первую половину 1822 года и с 1824 по 1827 год у нас имеются данные, что в восьми мызах против помещика выступили в первую очередь дворохозяева, в семи — в первую очередь барщинники и в четырех мызах на помощь к выступившим первыми батракам поспешили также дворохозяева. О составе участников остальных выступлений точных данных не сохранилось.

Во время крестьянских волнений на передний план всегда выступает та прослойка крестьянства, которой вопрос в данном случае касается. В 1803 году в Лифляндии распространились слухи, что в скором времени барщина будет уменьшена. И естественно, что этого стали добиваться дворохозяева, так как вопрос о размерах бар-

щинных повинностей касался прежде всего помещика и дворохозяина, барщинник же был здесь «посторонним лицом». В 1804 и в 1805 году положение в Лифляндии оставалось прежним, так как с раздачей новых вакенбухов (их раздавали опять-таки дворохозяевам) снова злободневным стал вопрос о размере барщинных повинностей. Но как только в северной Эстонии в 1805 году поводом для новых волнений послужили слухи о том, что по новому закону не надо больше молотить мызный хлеб ночью, сразу же в борьбу интенсивно включились барщинники, которых этот вопрос касался непосредственно. Когда же в годы «освобождения» власти обратились с вопросом к дворохозяевам, останутся ли они при прежних барщинных повинностях в своих дворах, то в возникших волнениях приняли участие в первую очередь дворохозяева.

Эта зависимость поведения отдельных слоев крестьянства от поводов к волнениям, носящих подчас случайный характер, относительно слабая связь во время волнений между дворохозяевами и батраками, живущими в одной и той же деревне, говорит о внутренней слабости классовой борьбы крестьянства, о ее неорганизованности и стихийности. Но вместе с тем она говорит и о том, что в эстонской деревне в то время уже складывались два мира, и вопросы, интересующие дворохозяев, сравнительно мало затрагивали батраков, и наоборот. В мызе Пальмсе в 1805 году произошло два почти совершенно не зависевших друг от друга выступления крестьян; целью первого было добиться уменьшения барщины или даже стать казенными, а второй выразился в отказе батраков от ночной молотьбы. Во главе обоих выступлений стояли разные руководители, и каждая группа крестьян применяла совершенно отличную от другой тактику борьбы. Но этот социальный раскол часто искупался проявляемой крестьянами, в первую очередь барщинниками, в ходе классовой борьбы солидарностью. Как только каринуские и оринаские барщинники узнали, что задержанным на мызном дворе в Карину дворохозяевам угрожает порка, они бросились к ним на помощь. Од-

нако дворохозяева окрестных волостей не решались присоединиться к барщинникам, готовившимся к сражению в Козе-Ууэмыйза. В результате образовавшегося социального раскола батраки и хозяева часто не выступали против помещиков в одни и те же дни и в одних и тех же деревнях. Но их выступления происходили если не в одни и те же дни, то в одни и те же годы. Антифеодальные выступления дворохозяев и батраков на рубеже XVIII—XIX веков, направленные против лагеря помещиков и царского правительства и взаимно усиливавшие друг друга, являются выступлениями единого антипомещичьего крестьянского фронта. Дворохозяева не выступали одновременно с барщинниками не потому, что они тайком поддерживали помещиков, а потому, что не умели или не решались вступить в борьбу из-за вопросов, непосредственно их не касающихся.

Но вернемся снова к вопросу о поведении батраков и дворохозяев во время восстания в Козе-Ууэмыйза. Уклонение дворохозяев от столкновения с солдатами в Козе-Ууэмыйза и их роль, так сказать, подчиненного союзника во время восстания в Карину (за участие в Каринуском восстании были арестованы и отданы под суд 7 дворохозяев и 18 батраков) суть исторические факты. Аналогичные исторические факты наблюдались также другими советскими историками, изучавшими классовую борьбу крестьянства в России. Более зажиточные крестьяне принимают в волнениях более активное участие в то время, когда эти волнения еще слабы. Когда же борьба принимает более острый характер, особенно когда предстоят вооруженные столкновения, они уходят от борьбы. На это явление обратили внимание изучавший классовую борьбу на территории современной Карельской АССР Я. Балагуров и изучавший ее в Подмосковье А. Закс.[78] Характерно, что подобные наблюдения

[78] Я. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951, стр. 75—76; А. Б. Закс. Крестьянское движение в Московской губернии накануне отмены крепостного права. Труды Государственного исторического музея, вып. 27, М., 1955, стр. 167.

относятся ко второй половине XVIII века, а также к середине следующего века.

Острота волнений 1822—1823 годов в Эстонии значительно отставала от их размаха. В эти годы не произошло ни одного восстания. Причину этого явления следует отчасти усматривать в том факте, что правящему классу удалось раздробить силы своего противника. При переводе на новое положение лифляндские крестьяне были разделены на четыре группы (первая половина дворохозяев, вторая половина дворохозяев, первая половина батраков, вторая половина батраков), которые получали «свободу» одна за другой, каждая в разные годы. «Открытых и острых выступлений, требующих присылки военной помощи, здесь трудно предположить, — писал председатель Пярну-Вильяндиского ландгерихта, — так как в этом деле заинтересована лишь очень небольшая часть народных масс (именно половина дворохозяев), интересы которых совершенно отличны от интересов остальной, большей части крестьянства и отчасти противоположны им».[79]

Характер волнений 1822—1823 годов дает нам право утверждать, что во время этих волнений крестьяне вели себя наиболее «дисциплинированно» в отношении помещиков и властей. В ходе волнений ясно проявляется стремление крестьян не допустить, чтобы дело дошло до крайности, до эксцессов, как их называли в то время власти. В то же время крестьянские волнения 1822—1823 годов являются почти единственными волнениями за весь период XVIII и первую четверть XIX века, в которых принимают участие почти исключительно лишь дворохозяева (в отличие, например, от волнений 1802 и 1805 годов, когда роль батраков, особенно во время восстаний, была весьма велика). Такой характер волнений объясняется, очевидно, тем, что антифеодальные устремления крестьянства выражали в те годы фактически лишь дворохозяева, которые и в дни волнений были озабочены судьбой своих хозяйств.

[79] ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 3, д. 107, л. 123.

Антифеодальная борьба эстонского крестьянства выполнила в конце XVIII и в первой четверти XIX века важную историческую миссию. Она не позволяла снять с повестки дня так называемый крестьянский вопрос, заставляла помещиков и царское правительство прибегать к одному маневру за другим, делать одну уступку за другой. Протест крестьянства против феодальной эксплуатации вынудил правящие классы вступить на путь реформ. Но они приступили к реформам в надежде, что эти реформы приведут к усилению их власти, дадут им, в виде «законных норм барщины», новое средство для усиления эксплуатации крестьянства и держания его в уезде. Однако антифеодальные выступления эстонских крестьян сорвали этот план. Правящим классам не удалось разрешить крестьянский вопрос и, так сказать, освободиться от него. Волнения и восстания, происходившие осенью 1805 года, вынудили царское правительство снова серьезно заняться крестьянским вопросом, и правящие классы вынуждены были в конце концов пойти на формальную отмену крепостного права.

Изданные в 1816 и 1819 годах законы содержали декларации о свободе, но вместе с тем и статьи, которые сводили на нет эти пышные декларации и обеспечивали сохранение помещичьей власти, возможность применения и в дальнейшем методов феодального, внеэкономического принуждения. Для помещиков объявленная свобода означала право использовать по своему усмотрению и лишь в интересах развития своего мызного хозяйства не только всю землю, но и рабочую силу проживающих на ней крестьян. Это была свобода развития юнкерских латифундий, осуществляющих феодальную эксплуатацию крестьян, свобода мучительно медленного развития элементов капитализма в сельском хозяйстве, которое В. И. Ленин назвал прусским путем развития капитализма. Крестьяне, напротив, боролись за действительное проведение в жизнь лицемерно провозглашенных в вводной части закона свобод. Они хотели действительно свободно жить в своих крестьянских дворах и вести свое хозяйство, были согласны платить лишь казне и только

умеренную денежную ренту или, если бы им этого не удалось добиться, хотели по крайней мере значительного уменьшения барщинных повинностей. Крестьяне требовали упразднения наиболее непродуктивного вида труда — барщины. Батраки и бобыли добивались для себя свободы в приискании работы, права уходить по своему желанию на заработки в город. Нет надобности специально доказывать, что если бы эти требования крестьян осуществились, то капитализм стал бы несравненно быстрее и шире развиваться не только в деревне, но и в городе.

Однако помещикам и царскому правительству удалось подавить выступления крестьян, поднявшихся на борьбу за подлинную свободу. С хлыстом в руках и солдатскими штыками за спиной, помещики внушали эстонским крестьянам, что дворохозяева обязаны по-прежнему выполнять барщину, что батраки по-прежнему будут назначаться в принудительном порядке на работу в крестьянские дворы, а бобылям придется по-старому отрабатывать бобыльские дни. Поражение эстонского крестьянства в период волнений 1822—1823 годов привело к тому, что проникновение капитализма в эстонскую деревню еще в течение десятилетий совершалось по худшему из двух реально возможных путей.

Все это не мешает нам, однако, видеть в реформе, предоставившей личную свободу эстонским крестьянам, очередной шаг на том пути, который привел через разложение феодально-крепостнических производственных отношений к победе буржуазных, капиталистических производственных отношений. Когда господствующие классы путем проведения очередных реформ в 1840—1850-х годах вынуждены были поставить предел феодальному насилию помещиков в отношении крестьян и создать реальные возможности для распространения денежной аренды и образования мелкой крестьянской поземельной собственности, то больше не было необходимости заниматься предоставлением крестьянам прав юридической личности, так как они получили эти права уже по законам 1804, 1816 и 1819 годов.

Таким образом, крестьянская реформа 1816 года явилась все же для эстонских крестьян одним шагом на мучительном пути перехода от феодализма к капитализму, хотя и приведшим к тому, что неизбежное социально-экономическое развитие приняло наиболее приемлемую для помещиков форму. И этот шаг был сделан прибалтийскими помещиками против своего желания, под давлением требований экономического развития и классовой борьбы крестьянства.

Об источниках

По центральной теме исследования, по крестьянскому движению в Эстонии конца XVIII — первой четверти XIX века, в архивах сохранилось значительное количество материалов. В Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту и в Центральном государственном архиве Латвийской ССР в Риге автором были обработаны архивные фонды всех тех правительственных и судебных учреждений, а также некоторых специальных комиссий (например, Комиссии для введения нового положения об эстляндских крестьянах 1816 года), на которые в рассматриваемый период была возложена борьба с антифеодальным крестьянским движением. Интересные данные о борьбе царского правительства с крестьянскими волнениями в Эстонии обнаружены в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде и в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве. Хотя, таким образом, были обработаны все сохранившиеся по крестьянскому движению соответствующего периода материалы, начиная с материалов Министерства внутренних дел и канцелярии царя и кончая фондами местных гакенрихтеров и приходских судов, все же одинаково полных данных по всем этапам и по всем вопросам крестьянского движения получить не удалось (так, сравнительно мало материалов сохранилось о крестьянских волнениях 1804 года в южной Эстонии).

По аграрной политике правящих классов в нашем распоряжении находились архивные материалы специаль-

ных комитетов по урегулированию крестьянского вопроса в Прибалтике, созданных царским правительством в Петербурге, а также материалы местных властей (управлений генерал-губернаторов и губернских правлений) и местных аграрных комиссий, затем архивный фонд эстляндского дворянства (основная часть архивного фонда лифляндского дворянства была фашистами в 1944 году из Риги вывезена, и это законное имущество Латвийской ССР ей еще до сих пор не возвращено).

Материалы по истории экономического развития содержатся в годовых отчетах эстляндского и лифляндского губернаторов, в специальных архивных делах в фондах губернских правлений (о торговле, винокуренном промысле и т. п.), в фамильных фондах и в так называемых мызных фондах, в изданных в то время экономических и сельскохозяйственных журналах и специальных брошюрах. Данные о положении крестьян можно почерпнуть из многочисленных судебных дел, в большом количестве сохранившихся в архивных фондах судебных учреждений. Интересные дополнительные данные, позволяющие провести и некоторые демографические исследования, удалось извлечь из метрических книг эстляндских и лифляндских церквей. Особо следует выделить фонды так называемых народных исторических преданий, собранных в Эстонии в 1920—1930 годы. Путем сочетания этих материалов с материалами точно датированных архивных документов нам удалось дополнительно пролить свет и на вопросы крестьянской идеологии, в том числе также на такой мало исследованный вопрос, как отношение самих крестьян к угнетению и издевательствам, которым они подвергались со стороны помещиков.

В настоящем исследовании были использованы следующие архивные фонды.

В Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР)

Фонды Канцелярии эстляндского губернатора (№ 29), Комиссии для введения нового положения об эстлянд-

ских крестьянах (№ 39), Управления рижского генерал-губернатора (№ 279), Тартуского уездного суда (№ 280), Пярнуско-Вильяндиской нижней расправы (№ 286), Канцелярии генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (№ 291), Лифляндской (Валгаской) межевой и ревизионной комиссии (№ 567), архивов эстляндского дворянства (№ 854), Харьюского (№ 861), Вируско-Ярваского (№ 862) и Ляэнеского (№ 863) маннгерихтов, Эстляндской «средней инстанции» (№ 864), приходских судов в Пээтри-Анна (№ 888) и Ляэне-Нигула (№ 894), зюйд-харьюского (№ 901) и ланд-вируского (№ 902) гакенрихтеров, Тартуского (№ 914) и Пярнуского (№ 915) ландгерихтов, Тартуского (№ 918) и Пярнуского (№ 919) уездных крестьянских судов, Выруского (№ 950), Пярнуского (№ 951) и Вильяндиского (№ 952) ордунгсгерихтов, Архива сааремааского дворянства (№ 957), Сааремааского временного отделения Комиссии лифляндских крестьянских дел (№ 959), Сааремааского ландгерихта (№ 968), Консистории эстляндской евангелической лютеранской церкви (№ 1187); архивы мыз Сагади (№ 1324), Ульви (№ 1327), Водья (№ 1360), Трийги-Койги-Лайметса и Пранди (№ 1687), Мурасте (№ 1697); фамильные фонды Унгерн-Штернбергов (№ 1423) и Врангелей (№ 2057).

В Государственном архиве Ленинграда и Ленинградской области (ГАЛЛО)

Фонд Петербургского губернского правления (№ 253).

В Центральном государственном архиве Латвийской ССР (ЦГА Латв. ССР)

Фонды Канцелярии генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (№ 1), Канцелярии лифляндского губернатора (№ 3), Лифляндского губернского правления (№ 4), Архива лифляндского дворянства (№ 214), архива материалов земельных ревизий лифляндских имений (№ 7348); письма и бумаги Г. Ф. Парота (№ 7350) и Г. Меркеля (№ 7351).

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ)

Фонды Комиссии составления законов (№ 1260), Совета министра внутренних дел (№ 1281), Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел (№ 1286), Пятого (уголовных дел) (№ 1343) и Третьего (аппеляционного) (№ 1374) департаментов Сената, Собственной е. и. в. канцелярии (№ 1409) и Комитета для рассмотрения лифляндских дел (№ 1528).

В Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИАМ)

Фонд Военного Министерства (№ 1 Л).

В Государственном архиве Таллина и Харьюского района (ТГА)

Фонд Таллинского магистрата (№ 230).

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА)

Фонд Камер-коллегии эстляндских и лифляндских дел (№ 274).

К исследованию была привлечена вся литература (в том числе и рукописи диссертаций), имеющаяся по крестьянскому движению конца XVIII и первой четверти XIX века в Эстонии, Латвии и РСФСР. Кроме того, мы старались ознакомиться и со всей опубликованной на русском, немецком, английском и французском языках литературой о крестьянском движении, о так называемом крестьянском вопросе и об аграрном развитии в других странах Европы (прежде всего в Восточной Европе). Для получения возможно более полных данных о рассматриваемой эпохе мы изучили все изданные в Прибалтике в конце XVIII — первой четверти XIX века книги, брошюры и журналы, а также относящиеся к этой территории и к этому периоду воспоминания. Список использованной литературы приведен в конце эстонского издания настоящей книги (J. Kahk. Rahutused ja reformid... Tallinn 1961, стр. 580—593).

Читатель легко заметит, что в настоящем издании мы прибегали к подстрочным примечаниям лишь в тех случаях, когда было необходимо дать представление об источниках, из которых мы черпали материалы. Но если читатель заинтересуется тем, с какого листа какого архивного дела взята та или иная приведенная в тексте цитата, то ему придется обратиться к эстонскому изданию книги.

Die Bauernbewegung und die Agrarfrage in Estland Ende des 18. und im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts

Zusammenfassung

Die vormarxistische Historiographie der Bauernbewegung in Estland Ende des 18. und im ersten Viertel des 19. Jh. zählt nur einige Artikel, von denen die meisten ausserdem noch einen populärwissenschaftlichen Charakter aufweisen. Die Bauernunruhen des Jahres 1797 und die Unruhen, welche nach «der Befreiung» der Bauern auf Grund der Gesetze von 1816 und 1819 zum Ausbruch kamen, waren keiner wissenschaftlichen Forschung unterzogen worden; von den Unruhen, die in den Jahren 1802—1807 statt fanden, wurden nur einzelne Episoden (die Aufstände in Kaugershof, und in Kardin die Unruhen in Pergel) wissenschaftlich behandelt.

Dagegen hat die vormarxistische Historiographie der Agrarpolitik der herrschenden Klassen viel Aufmerksamkeit gewidmet.

Die Demokraten und Aufklärer G. G. Merkel, J. Ch. Petri und ihre Kampfgenossen (Ewers, Parrot u. a.) haben Ende des 18. und Anfang des 19. Jahrhunderts an der reaktionären und engstirnig-selbstsüchtigen Agrarpolitik des Ostseeadels scharfe Kritik geübt. In ihren Werken zur Verteidigung der leibeigenen Bauern wiesen sie ebenfalls darauf hin, dass eine der wichtigsten Ursachen, die die Regierung

und die Gutsherren auf den Weg der Reformen gezwungen hatten, die Furcht vor den blutigen Bauernunruhen war. Schon die Dekabristen waren der Ansicht, dass die Gesetze von 1816 und 1819 in den Ostseeprovinzen einen negativen Einfluss auf die Lage der Bauern ausgeübt hatten. Später, in den 50er Jahren des 19. Jahrhunderts, als der Zarismus bereits seine Absicht, die Leibeigenschaft in Russland aufzuheben, offen deklariert hatte, kritisierten A. I. Herzen und N. P. Ogarjow die Bauerngesetze von 1816 und 1819 in der Zeitschrift «Kolokol». Sie waren die Ersten, welche die Meinung äusserten, dass diese Gesetze die Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen nur formell aufgehoben hätten. Auch der revolutionäre Demokrat N. G. Tschernyschewski ging in seiner Kritik der Agrarverhältnisse in den Ostseeprovinzen vom gleichen Standpunkt aus. Die russischen revolutionären Demokraten, besonders N. G. Tschernyschewski, sind die ersten Autoren, welche auf die Gemeinschaft im antifeudalen Kampf der Esten und der anderen Völker Russlands hingewiesen haben.

Seit Beginn der 60er Jahre des 19. Jahrhunderts richteten die Slawophilen heftige Angriffe gegen die Standesvorrechte und die Autonomie des baltischen Adels. Im Verlauf der Polemik wurde auch die Geschichte der Agrargesetzgebung, d. h. das Problem, auf welche Art und Weise die baltische Ritterschaft in der Vergangenheit von ihren Standesvorrechten Gebrauch gemacht hatte, behandelt.

Unter den Ersten, welche in dieser Polemik das Wort ergriffen, befand sich einer der bedeutendsten Vertreter der Slawophilen J. F. Samarin. Samarin behandelt das Thema in seinem Aufsatz «Das Bauernproblem in Livland» (1876), in dem er an Hand des Archivmaterials des Agrarkomitees der Regierung die Machenschaften der livländischen Gutsherren bei der Durchführung der Reform von 1804 enthüllt. Die derzeitigen zaristischen Würdenträger stellt er als Menschen dar, die den Bauern von ganzem Herzen alles Gute wünschten, jedoch wegen der Ränke des livländischen Adels ihr Ziel nicht erreichen konnten.

Sogar in den Behandlungen der baltisch-deutschen His-

toriker der 60er Jahre sind kritische Bemerkungen zu finden. J. Eckardt spricht in seinen in den Jahren 1868—1870 veröffentlichten Abhandlungen über die Geschichte des livländischen Landtages von dem eigensüchtigen und reaktionären Kampf, den die livländischen Gutsherren Anfang des 19. Jahrhunderts führten, um die Erhaltung der Leibeigenschaftsverhältnisse zu erzwingen. Die gemässigte Kritik, der die Mehrheit der Gutsherren unterworfen wird, verflüchtigt sich jedoch in der masslosen Lobpreisung der mehr oder weniger liberal gesinnten Minderheit. Von Eckardt ab wird die Apologie des Landrates Friedrich Sivers zur stetigen Tradition der baltisch-deutschen Historiographie.

In der zweiten Hälfte der 70er Jahre, als man bereits zu befürchten hatte, dass die Zarenregierung auf die Einschränkung der Standesautonomie des baltischen Adels eingehen könnte, entschloss sich ein Teil des livländischen Adels mit G. von Samson an der Spitze zu einem gewissen Kompromiss, um durch ein noch engeres Bündnis mit dem Zarismus ihre Klassenherrschaft über die Bauernschaft zu verstärken. Zwischen Samson, der sich bereit erklärte, einen gewissen Teil der Standesvorrechte zu opfern, und den verbissenen Verteidigern der Standesvorrechte des Ostseeadels entbrannte in den Jahren 1878—1880 eine Polemik, in deren Verlauf vorherrschend historische Themen zur Behandlung kamen. Samson bezog sich in seinen Broschüren auf die Agrarreformen der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts als Beispiel einer fruchtbaren Zusammenarbeit des Adels mit der Regierung und behauptete, dass die Anregung zur Verbesserung der Lage der Bauern von der Regierung ausgegangen sei. Seine Opponenten G. Bruiningk und F. Bienemann waren dagegen der Ansicht, der Adel selbst sei der Urheber aller Reformen gewesen; das Einschreiten der Regierung habe ihrer Meinung nach die Sache der Reformen nur verwickelt und kompliziert. Schuld daran, dass die Befreiung der Bauern die zu erwartenden Ergebnisse nicht erzielt hatte, trage Bienemanns Meinung nach nur die Zarenregierung. Die baltisch-deutschen Historiker haben demnach die

Frage, wer der tatsächliche «Verfasser» der Reformen der ersten Hälfte des 19. Jh. gewesen ist — der Zarismus oder der Adel der Ostseeprovinzen, aufs schärfste aufgestellt. Solche Fragestellung lenkte die Aufmerksamkeit von den wirklichen Ursachen der Reformen — der wirtschaftlichen Entwicklung und dem Klassenkampf — ab.

Die rücksichtslose Lobpreisung der Verdienste des baltischen Adels seitens seiner Nachkommen, der Historiker Bruiningk, Bienemann u. a., empörte den deutschen Historiker E. Loening, den ehemaligen Professor der Universität zu Strassburg, der in jenen Jahren an der Universität zu Dorpat tätig war, aufs tiefste. 1880 veröffentlichte er in der «Baltischen Monatsschrift» seine Abhandlung «Die Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und Livland», in welcher die landwirtschaftliche Entwicklung in ganz Europa als Hauptgrund für die Agrarreformen in den Ostseeporvinzen angeführt wird. Loening vertrat die Meinung, dass der Adel selbst den Weg der Reformen gewählt habe. Da jedoch als Ausgangspunkt dafür die selbstsüchtigen Interessen des Adels gedient hätten, habe sich die gewählte Variante als die schlimmste nicht nur für die Bauernschaft, sondern auch für die wirtschaftliche Entwicklung des ganzen Gebietes herausgestellt.

Im Laufe der Polemik der Jahre 1870—1880 wurde zwecks Begründung der verschiedenen Standpunkte viel neues Material herangezogen, auch wurden viele neue Probleme aus der Geschichte der Agrarreformen in den Ostseeprovinzen behandelt. Die Konzeption, dass der Adel in der Geschichte der Ostseeprovinzen eine bestimmende und wohltuende Rolle gespielt hätte, bedurfte der Bekräftigung. Dieser Auftrag des Adels wurde von den Historikern A. Tobien und A. Gernet ausgeführt. Der Ersterwähnte veröffentlichte 1899 und 1911 zwei Bände seiner apologetischen Geschichte der Agrargesetzgebung von Livland. Die «Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland» von A. Gernet erschien 1901.

Beide Verfasser haben für ihre Monographien umfangreiches Archivmaterial verwertet. Tobien und Gernet waren genötigt, die von den Historikern schon geäusserten

kritischen Gedanken und den Umstand, dass der Adel selbst Mitte des 19. Jahrhunderts die Unzulänglichkeit einiger Anfang des Jahrhunderts durchgeführten Anordnungen zugeben musste, zu berücksichtigen. Darum geben sie die Adligen für solche Wohltäter der Bauern aus, die unter ausserordentlich schweren Umständen zu handeln hatten und deswegen manchmal einige Fehler begingen. Die genannten Autoren halten es für möglich auch solche Erscheinungen, wie die Bauernunruhen und die ökonomischen Faktoren, beiläufig zu erwähnen, der einzige Demiurg der ganzen gesellschaftlichen Entwicklung ist ihrer Meinung gemäss dennoch der Adel.

Eine so elastische Behandlung des Problems und das Heranziehen des umfangreichen konkreten Archivmaterials gibt den erwähnten Werke von Tobien und Gernet den Schein akademischer und objektiver Forschungen. Das Studium der Dokumente der Periode zeigt, dass Tobien und Gernet für ihre Bücher mit Findigkeit nur solches Material zusammengesucht haben, das ihre Konzeptionen bestärken könnte.

Anfang des 20. Jahrhunderts wird in der historischen Erforschung der Zeitperiode um 1800 der wohltuende Einfluss des Marxismus bemerkbar. Im Jahre 1906, als der Schriftsteller Eduard Vilde, der spätere Klassiker der estnischen Literatur, sich wegen Teilnahme an der Revolution von 1905 in der Emigration befand, veröffentlichte er in der deutschen sozial-demokratischen Zeitschrift «Die neue Zeit» den Beitrag «Die Agrarverhältnisse bei den Esten». Diesen Artikel kann man als den ersten Versuch ansehen, die Agrarpolitik des baltischen Adels vom Standpunkt des historischen Materialismus zu erläutern. Der Einfluss des Marxismus macht sich auch im Aufsatz von N. Köstner «Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Entstehung des Dorfproletariats in Livland», der im Jahre 1915 geschrieben, aber erst im Jahre 1927 veröffentlicht wurde, fühlbar. Köstner war einer der Ersten, der seine Aufmerksamkeit z. B. der Nachfrage für Ackerbauprodukte auf dem europäischen und dem russischen Markte sowie der Rolle des Branntweinbrennens und des Kartoffelbaus zuwandte.

Er machte den Versuch, die landwirtschaftliche Entwicklung und die Agrargesetzgebung vorzugsweise durch wirtschaftlichen Ursachen zu erläutern. Als Politiker hat Köstner späterhin den Marxismus verraten. Er wurde einer der Anführer des rechten, opportunistischen Flügels der estnischen Sozialdemokratie.

Seinem Charakter nach steht der Abhandlung Köstners das Buch von Jaan Kärner «Die Aufhebung der Leibeigenschaft in Estland» nahe, das 1916 veröffentlicht wurde. Kärner, der sich an revolutionäre Ansichten hielt, hatte seine Aufmerksamkeit den wirtschaftlichen und innenpolitischen Ursachen der Agrarreformen (dem Eindringen kapitalistischer Verhältnisse in die Wirtschaft und den Bauernunruhen nicht nur in Estland, sondern auch in den anderen Gebieten Russlands) zugewandt.

Im Jahre 1936 erschienen die auf Archivmaterial beruhenden Werke des bürgerlich-lettischen Historikers B. Abers, der darauf hinwies, dass die Bauern sich auch im zweiten Viertel des 19. Jahrhunderts in rechtlosem Zustand befanden und in völliger Abhängigkeit von der gutsherrlichen Klasse standen. Es sind auch der früh gestorbene estnische Historiker N. Loone und der lettische Historiker A. Altement ju erwähnen. N. Loone unterwarf die Traditionen und die methodologischen Verfahren der ihm gegenwärtigen Geschichtswissenschaft einer scharfen Kritik und betonte, dass die gegen das Joch der Leibeigenschaft kämpfenden Bauern die wesentlichste Triebkraft der Periode bildeten. Ende der 30er Jahre des 20. Jahrhunderts begann auch A. Altement infolge einer ausführlichen Forschung der Archivquellen die Agrarpolitik des baltischen Adels um die Jahrhundertwende des 18.—19. Jh. zu enthüllen. Die Werke der erwähnten Historiker sind jedoch nicht vollkommen konsequent. Wenn es ihnen hier und da auch gelungen ist, sich in dem reaktionären Wesen der Agrarpolitik des baltischen Adels zurecht zu finden, haben sie dennoch die Klassenbasis der Politik der zaristischen Regierung nicht verstanden.

Als ersten Historiker, der die Geschichte der Bauernbewegung und der Agrarreformen Ende des 17. und im ers-

ten Viertel des 19. Jh. marxistisch behandelt hat, kann man den lettischen Historiker Professor J. J. Zutis nennen. Alle agrarpolitischen Manöver der herrschenden Klassen werden in seinen Werken, die 1953, 1954 und 1956 erschienen, durch die wirtschaftliche Entwicklung, die Furcht vor den Bauernunruhen und durch verschiedene andere der innen- sowie aussenpolitischen Lage entsprechende Forderungen erklärt.

Es ist durchaus M. Stepermanis' Verdienst, dass er in seiner Monographie «Die Bauernbewegung im Gouvernement Livland in den Jahren 1750—1784», die 1956 veröffentlicht wurde, ein klares Bild der Entwicklung der Landwirtschaft sowie der Verschlechterung der Lage der Bauernschaft in Livland (hierunter auch in Südestland) in der zweiten Hälfte des 18. Jh. gegeben hat. M. Ābolina, die Professor Zutis' Arbeit fortgesetzt hat, hat das Bild der Verschlechterung der Lage der livländischen Bauernschaft gegen das Ende des 18. und Anfang des 19. Jahrhunderts weiterhin detaillisiert. Die estnische Geschichtsforscherin L. Loone und der lettische Historiker H. Strods haben eine umfangreiche Arbeit zur Erforschung der derzeitigen Geschichte der Landwirtschaft vom Standpunkte der Entwicklungsgeschichte der Produktivkräfte aus geleistet.

1960 wurde die Monographie des estnischen Historikers J. Konks veröffentlicht, welche umfangreiches Material über die Landwirtschaft, den Handel mit Ackerbauprodukten und die wirtschaftliche Lage (Missernten, Kornpreise, Handelspolitik der Regierung usw.), die Organisation und Tätigkeit der örtlichen Administration und auch über die Lage der Bauernschaft in Nordestland (Gouvernement Estland) zur Jahrhundertwende des 18.—19. Jh. enthält.

Noch in den letzten Jahren der bürgerlichen Republik gehörten das Ende des 18. und das erste Viertel des 19. Jh. in der Geschichte Estlands zu den wenig untersuchten Perioden. Über diesen Zeitabschnitt wusste man im allgemeinen nur soviel, wie Gernet und Tobien in ihren Büchern darüber mitgeteilt hatten. Die estnischen und lettischen bürgerlichen Historiker beschränkten sich hauptsächlich

darauf, dass sie an Hand Samarins und Agthes Behandlungen die genannten Verfasser nur ein wenig korrigierten und präzisierten. Der lettische Historiker A. Altement und der estnische Historiker N. Loone machten nur die ersten Schritte auf dem Wege der selbstständigen Forschung. Dank den Abhandlungen der lettischen und estnischen sowjetischen Historiker haben wir jetzt eine ausführliche Vorstellung über die wirtschaftliche Entwicklung und die Lage der Bauernschaft während der zu betrachtenden Periode. In den marxistischen Gesamtübersichten der estnischen und lettischen Geschichte wird den Bauernunruhen zu Ausgang des 18. und im ersten Viertel des 19. Jh. ein wichtiger Platz zugemessen. 1948 veröffentlichte L. Loone die erste spezielle Abhandlung, die den Bauernunruhen der Jahre 1820 und 1822—1823 auf dem estnischen Gebiete Livlands gewidmet ist. Sie betrachtet diese Unruhen als rechtmässigen Protest gegen die räuberische Reform von 1819. Leider bietet die Abhandlung nicht einmal eine volle und klare Übersicht über die Bauernunruhen in Südestland. Eine viel klarere, doch auch nicht volle Übersicht dieser Unruhen bietet das 1956 im Lettischen erschienene Buch von J. Zutis. Im bereits erwähnten Werke von J. Konks, das 1960 veröffentlicht wurde, werden auch die in Nordestland 1797 und 1805—1807 stattgefundenen Unruhen besprochen. Dort, wo die Unruhen schwach waren und wo die Bauern später vor dem Gericht ihre Tätigkeit nicht besonders verheimlichten, entspricht die Beleuchtung der Ereignisse seitens des Verfassers den historischen Tatsachen. Dort aber, wo die Sache Bauernaufstände betrifft, fehlt es J. Konks an genügend kritischem Bezug auf die Urkunden, die unter gutsherrlichem Terror aufgesetzt wurden, und er lässt sich von ihnen irreführen.

Die bedeutenden Erfolge der sowjetischen Geschichtswissenschaft auf diesem Gebiete lassen die noch zu lösenden Probleme umso deutlicher hervortreten.

Über ein vollständiges Bild des Klassenkampfes der estnischen Bauern zu Ausgang des 18. und im ersten Viertel des 19. Jh., das auch die weniger ausgeprägten Formen und Äusserungen des Klassenkampfes behandelt, verfügten

wir bis zur letzten Zeit nicht und waren darum nicht imstande das wirkliche Ausmass der Bauernbewegung und ihren Einfluss auf die gesellschaftlich-politische Entwicklung des Landes richtig einzuschätzen.

Die Hauptaufgabe der vorliegenden Forschung bestand in der Klärung der Rolle des gegen die Gutsherren gerichteten Kampfes der estnischen Bauernschaft um die Jahrhundertwende des 18.—19. Jh. in der gesellschaftlichen Entwicklung dieser Periode. Ausser dem Klassenkampf der Bauern ist es nötig, in diesem Buche auch die politischen Manöver, mit welchen die herrschende Adelsklasse den Klassenkampf der Bauern erwiderte, zu betrachten.

Die Forderungen des gesamtrussischen Innenmarktes in der zweiten Hälfte des 18. Jh. übten auf die Entwicklung der Landwirtschaft der Ostseegouvernements einen bestimmenden Einfluss aus.

Vom Jahre 1766 an, als die Zarenregierung mittels einer Sonderverordnung den baltischen Gutsherren das Recht gewährte, den in ihren Branntweinbrennereien produzierten Branntwein in den russischen Gouvernements abzusetzen, beginnt das intensive Liefern von Branntwein aus Estland und Livland nach Petersburg. Obwohl die Korn- sowie Branntweinpreise bis zum Ende des 18. Jh. eine steigende Tendenz aufwiesen, brachte das Branntweinbrennen den Gutsherren grösseren pekuniären Gewinn, als der Verkauf von noch unbearbeitetem Getreide.

Beinah auf allen Gutshöfen hatte man Branntweinbrennereien gegründet. Laut der Angaben, die der Landmesser Dobbermann in Estland Anfang des 19. Jh. gesammelt hatte, verkauften 70% der Gutsherren im Kreise Harrien die Produktion ihrer Branntweinbrennereien nicht nur in den Dorfkrügen, sondern auch in den städtischen Schenken. Ausserdem lieferten sie ihren Branntwein an die Krone. Um 19% der Gutsherren verkauften Branntwein nur in den Krügen ihrer eigenen Gemeinden und nur 11% trieben keinen Handel mit Brantwein. Im Kreise Wierland waren die entsprechenden Prozentangaben 72, 15 und 13, im wirtschaftlich rückständigeren Kreise Wieck — 49, 24 und 27. Im Jahre 1801 wurden von den 608 945 Eimern im

Gouvernement Estland produzierten Branntweins auf den Gutshöfen nur 20 Prozent verbraucht; im Gouvernement wurden 29 Prozent verkauft und der Krone 51 Prozent geliefert. Obwohl das Branntweinbrennen für den entfernter gelegenen Markt, wie wir sehen, vom Standpunkte der Entwicklung der gutsherrlichen Wirtschaft aus von ausschlaggebender Wichtigkeit war, bildete auch der Verkauf von Branntwein an die eigenen Bauern, was ihre Gesundheit schädigend und ihre Wirtschaft ruinierend wirkte, jedoch eine ziemlich wichtige Einnahmequelle für die Gutsherren. In den Festlandsdörfern Estlands zählte man im ersten Viertel des 19. Jh. beinahe 2000 gutshöfliche Krüge, es entfiel somit ein Krug auf je 50 erwachsene Männer.

Die gutshöflichen Branntweinbrennereien waren sehr primitiv eingerichtet. Anlässlich der allgemeinen Verbreitung des Branntweinbrennens fand in der Entwicklung der landwirtschaftlichen Produktivkräfte jedoch ein gewisser Umschwung statt. In der gutsherrlichen Wirtschaft bildet sich ein neues Glied. Wennauch klein, primitiv und auf Fronarbeit basiert, waren die gutsherrlichen Branntweinbrennereien doch Unternehmen, die dazu bestimmt waren, den auf den Gutsfeldern angebauten «Rohstoff» in ein Marktprodukt zu verwandeln.

In den 70er und 80er Jahren des 18. Jh. wiesen Zeitgenossen auf eine merkliche Belebung von Landwirtschaft und Handel hin.

Nach derzeit in den verschiedenen Kreisen Estlands gesammelten Angaben hatte ein Drittel bis drei Viertel aller Gutshöfe sogenannte Beigüter. Wie J. Ch. Petri, der zu Ende des 18. Jh. in Estland als Hauslehrer tätig war, sehr bezeichnend darstellt, war das Beigut ein kleiner Hof samt Wirtschaftsgebäuden und Ländereien, der auf dem Gebiete des Gutsherrn zwecks der Vergrösserung seiner Felder und Einnahmen, manchmal für die Viehzucht gegründet war. Einige baltische Gutsherren beschäftigten sich intensiv mit dem Bau industrieller Betriebe. Sie gründeten Manufakturen, Ziegelbrennereien, Steinbrüche, Sägemühlen, bauten Kalköfen.

Die Abfälle der Branntweinbrennereien wurden auf vie-

len Gutshöfen als Mastfutter für das Vieh verwertet.

Alljährig wurden aus der Ukraine Tausende von Ochsen nach Livland und Estland getrieben, die von den baltischen Gutsherren entweder aufgekauft oder auf Mast genommen wurden. Das Mastvieh wurde nach Petersburg geliefert.

Bei den herrschenden rückständigen leibeigenschaftlichen Produktionsverhältnissen blieb die landwirtschaftliche Technik sehr primitiv.

Die bäuerlichen Ackergeräte waren im allgemeinen dieselben wie im 16.—17. Jh. Weil mit demselben Gerät auch die Fron geleistet wurde, wurden auch die Gutsäcker mit dem primitiven hölzernen Hakenpflug bestellt, der den Boden nur 5—6 Centimeter tief auflockerte. Nach den Zeugnissen einiger Zeitgenossen konnte das schwache Bauernpferd gerade noch diesen Hakenpflug ziehen. Die Aussaat, besonders in den Bauerngesinden, die in erster Linie die Gutsäcker zu bestellen hatten, — fand sehr spät statt. So wurde das Sommerkorn Ende Mai oder Anfang Juni, das Winterkorn aber im August oder sogar Anfang September (dem neuen Stil nach also im Juni sowie Anfang und Mitte September) ausgesät. Die Äcker wurden je nach dem Charakter des Bodens, zwei- bis dreimal im Jahr gepflügt und geeggt. Als Zugvieh wurden Ochsen und Pferde benutzt.

Ende des 18. Jh. beschränkten die baltischen Gutsherren sich nicht nur darauf, die Bauerngesinde mit immer neuen und neuen Fronobliegenheiten zu belasten. Es wurde versucht, auch die zugviehlosen Landbewohner — die Lostreiber, die bis dahin von der Fronexploitation unberührt geblieben waren, in ihre Sphäre einzuziehen. Auf vielen livländischen Gutshöfen zwangen die Gutsherren auch die Lostreiber für den Gutshof entweder das Jahr herum oder nur im Sommer einen Tag oder sogar mehrere Tage in der Woche ohne Gespann zu arbeiten. Auf dem livländischen Landtag 1796 wurde die Forderung geäussert, dass auch die Lostreiber auf den Gütern Frondienst zu leisten hätten, und der Landtag des Jahres 1798 setzte für sie eine gewisse Anzahl Frondiensttage mit eigener Kost fest. Auf einigen Gutshöfen versuchte man zu Beginn des

19. Jh. alle Bauern (Bauerwirte, Knechte und Lostreiber) in die Lage der sogenannten Gutshofslostreiber zu versetzen, was ungefähr der Lage der «Monatsfronarbeiter» (Mesjatschniki) in den inneren russischen Gouvernements entsprach.

Die Praktik der Belastung von Lostreibern und überhaupt von über kleine Parzellen verfügenden Bauern mit Fronobliegenheiten konnte leicht auf den Gedanken bringen, dass es vielleicht nützlicher wäre, auch alle übrigen Bauern (nicht nur Bauerwirte, sondern auch Knechte) zu gutshöflichen Lostreibern zu machen, kleine Parzellen an sie zu verteilen sowie sie zu zwingen, auf dem Gutshofe ununterbrochen Fron zu leisten, und sie dabei vom Gutshofe aus zu beköstigen. A. W. Hupel schreibt im Jahre 1796 folgendes: «Hierbey erheischt die Frage eine Berührung, ob es nicht vortheilhafter wäre, alle Wirthe abzusetzen, sie zu blossen Knechten oder Deputisten zu machen und ihre Felder als Hofslotten bearbeiten zu lassen.»

Es ist interessant darauf hinzuweisen, dass sogar in den Kreisen der Zarenregierung in Zusammenhang mit den Bauernreformen von 1804 die Frage erörtert wurde, welcher Richtung der landwirtschaftlichen Entwicklung die baltischen Gutshöfe folgen sollten — einerseits, ob es ratsamer sei, grosse Güter zu gründen, welche die Bauern als Gutsknechte bestellten, oder andrerseits — die Richtung des kleinbäuerlichen Landeigentums einzuschlagen.

Im dritten Band seines Werkes «Das Kapital» unterscheidet K. Marx beim Behandeln der Arbeitsrente die Mehr- oder Fronarbeit von der Arbeit des unmittelbaren Produzenten (des Bauers) für sich selbst und betont, dass die Letzterwähnte ihrem Charakter nach die notwendige Arbeit ist und die Möglichkeiten zur Verbesserung des Produktionsprozesses sowie zur Entwicklung der Warenproduktion und der Geldwirtschaft in sich birgt.

Die Steigerung des Anteils der Fronarbeit auf Kosten der Arbeit des Bauers in seiner eigenen Wirtschaft bedeutete also in erster Linie die Steigerung des Anteils der minder produktiven Arbeit auf Kosten der Arbeit, deren Produktivität sich hätte vergrössern können. Ausserdem

bedeutete es auch die Verschlechterung der Aussichten für die Warenproduktion und Geldwirtschaft auf dem Lande und führte die Verengerung des inneren Marktes herbei, was alles zusammengenommen der Entstehung und Entwicklung der kapitalistischen Produktionsweise Hindernisse in den Weg setzte. Das Verjagen der Bauern von ihren Gesinden, das zu derer unmittelbaren Verwandlung in Gutsknechte führte, war die am schärfsten ausgeprägte, räuberischste Form der Ausdehnung des Frondienstes auf Kosten der Arbeit des Bauern für sich selbst.

Unter dem Feudalismus war die estnische Bauernschaft nicht gleichartig, sondern bestand aus verschiedenen sozialen Schichten. Die wesentlichste Schicht bildeten die Bauerwirte, welche Frondienst sowie Naturalpacht zu leisten hatten. Auf ihren Gesinden arbeiteten Knechte und Mägde, die auf dem Gut die Fron leisteten. In ihren Katen hatten die Vertreter der dritten sozialen Grundschicht der Bauernschaft — die Lostreiber — sich eingerichtet. Die eigene Wirtschaft der Letzteren war so klein (gewöhnlich verfügten sie über kein Zugvieh), dass die Gutsherren sie mit wöchentlichen Anspannstagen nicht belasten konnten. Alle diese Bauernschichten waren der gutsherrlichen Ausbeutung unterworfen, ihre gegenseitigen Beziehungen jedoch enthielten schon die Möglichkeit der Ausbeutung einer Bauernschicht durch die Andere. In welchem Grade die Bauerwirte selbst die Knechte und Lostreiber zu exploitieren begannen, hing davon ab, in welchem Grade sie ihre eigene Wirtschaft für sich selbst ausnutzen konnten und in welchem Grade die feudalen Fesseln, die der Entwicklung der Bauerngesinde Hindernisse in den Weg legten, sich lockerten.

Hinsichtlich der Knechte wirkten die Kräfte des «ausserökonomischen Zwangs», der einen rein feudalen Charakter hatte, in vollem Masse. Dem Knecht war es nicht gestattet, die Gutsgemeinde ohne Einwilligung des Gutsherrn zu verlassen, er durfte aber auch nicht ohne Arbeit sein. Die Knechte, die sich bei den Bauern nicht verdungen hatten, wurden gewaltsam in den Gesinden angestellt. Die Arbeitskraft der Knechte wurde hauptsächlich auf den Gutshöfen

verwertet, ihr Gehalt erhielten sie jedoch von den Bauerwirten. Als Hauptexistenzquelle der Lostreiber diente nicht ihre eigene Parzelle, die dazu zu klein war, sondern ihre Arbeit auf dem Bauerngesinde oder die Taglöhnerarbeit auf dem Gutshofe. Ihrer Armut wegen standen sie bei den benachbarten Bauerwirten fortwährend in Schuld. Aus diesem Grunde arbeiteten die Lostreiber bei den Bauerwirten nicht als freie Lohnarbeiter, sondern befanden sich sozusagen im feudalen Schuldlohn-Verhältnis. Und wenn letzten Endes der Hunger den Lostreiber zwang, seine Kate zu verlassen, ging er nicht aus, freie Lohnarbeit zu suchen — es war ihm in seiner verzweifelten Lage nur um ein Stück Brot zu tun. Die Gutsherren benutzten die Arbeitskraft der Lostreiber auch nicht in der Form freier Lohnarbeit, sondern belasteten sie mit den obligatorischen Frondiensttagen oder machten sie zu Gutsknechten, die unter der Fuchtel des Gutsaufsehers arbeiteten und völlig abhängig vom Gutshofe waren.

Zu Ende des 18. Jh. erstarkten die Bauerngesinde im Vergleich zum Ausgang des vorigen Jahrhunderts wirtschaftlich bis zu einem gewissen Grade — man zählte jetzt mehr Ackerland und Zugvieh der Bauern auf einen Haken. Bedeutend vergrösserten sich jedoch auch die Fronobliegenheiten der Bauern, besonders die sogenannte Hilfs- oder aussergewöhnliche Fron.

Es ist uns gelungen, die 1805 abgefassten Wackenbücher von 47 Gütern des Gouvernements Estland zu bearbeiten. Diese Wackenbücher enthalten genaue Zahlenangaben über die Frondiensttage der Bauern. Es stellte sich heraus, dass im Kreise Harrien das sogenannte Sechs-Tags-Gesinde, das gewöhnlich über 3—4 arbeitsfähige Männer und 3—4 Arbeitsgespanne verfügte, jährlich 500—600 Tage Fron (darunter 130—160 Tage Hilfsfron) leistete. Im Kreise Jerwen leistete das Sechs-Tags-Gesinde (2—4 arbeitsfähige Männer und 2—5 Arbeitsgespanne) jährlich 450—600 Tage Fron (darunter 130—180 Tage Hilfsfron).

Die Lage des Bauern hing von zwei in entgegengesetzten Richtungen wirkenden Faktoren ab: erstens, von seiner Versorgtheit mit Arbeitskraft und, zweitens, von dem öko-

nomischen Zwang seitens des Gutsherrn. Es ist deshalb zweckmässig, zur Aufklärung der wirklichen Lage der Bauern und um ihre Lage in verschiedenen Gebieten zu vergleichen, statistisch bearbeitete und analysierte Angaben über die Bauernobliegenheiten heranzuziehen. In unserem Fall haben wir die Obliegenheiten nach der folgenden Formel ausgerechnet:

$$x = \frac{a}{b + \frac{c - b}{2}}$$

a — die Anzahl der jährlichen Frondiensttage im Halbhäkners- oder Sechs-Tags-Gesinde;

b — die Anzahl der Gespanne (ein Gespann — ein arbeitsfähiger Mann mit einem Pferd oder einem Paar Zugochsen);

c — die Anzahl der arbeitsfähigen Männer des Bauerngesindes.

In den Fällen, wo die Anzahl der arbeitsfähigen Männer im Gesinde geringer war als die der Gespanne, dividierten wir die Anzahl der Frondiensttage auf die der arbeitsfähigen Männer im Gesinde.

Bei solcher Bearbeitung der Angaben stellte es sich heraus (Tabelle zwischen Seiten 76 u. 77) dass, erstens, sogar in so geringen Gebieten, wie ein Kirchspiel es war, wo man gewöhnlich 10—20 Güter zählte, die Bauern ungleiche Fronobliegenheiten hatten. Auf einem Gutshofe waren ihre Lasten schwerer, auf dem anderen und manchmal sogar auf dem benachbarten — leichter.

Zweitens: in einem grösseren Gebiet gleichen die Extremen sich aus, und wir sehen in aller Klarheit, dass im ganzen Gouvernement die Fronobliegenheiten der Bauern verhältnismässig gleich waren. Überall begegnet man typisch mittleren Obliegenheiten, gleichzeitig aber auch einzelnen Extremen — verhältnismässig niedrigen oder hohen Obliegenheiten.

Eine besondere Last war den Bauern die Fron während

der Erntezeit. Ende des 18. Jh. bewohnten ein Sechs-Tags-(Halbhäkners-)Gesinde gewöhnlich 6 arbeitsfähige Menschen: der Bauerwirt, sein Weib, 2 Knechte und 2 Mägde. Solch ein Gesinde musste während des ganzen Sommers dem Gutshofe einen Knecht mit Gespann und eine Magd zur Verfügung stellen, die wöchentlich sechs Tage für den Gutsherrn arbeiteten. Zusätzliche Arbeitskraft forderte man zur Heumahd, aber besonders schwer wurde die Lage um den 25. Juli, wenn die Ernte begann, und der Gutshof von solchen Bauerngesinden zur Leistung des Hilfsfrondienstes noch zwei bis drei Schnitter forderte. In vielen Anfang des 19. Jh. abgefassten Wackenbüchern wird speziell darauf hingewiesen, dass das Bauerngesinde während der Erntezeit dem Gutshofe alle arbeitsfähigen Leute, ausser einem, zur Verfügung zu stellen hat. Erst nach dem Einbringen der ganzen gutsherrlichen Ernte, im gegebenen Falle in der zweiten Hälfte August, durfte ein Teil der Arbeitskraft des Bauerngesindes die Arbeit auf den bäuerlichen Äckern in Angriff nehmen.

Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. gestalteten sich die Verhältnisse in Estland derart, dass Elementarschäden in der Landwirtschaft jedesmal einen schweren Verlust hervorriefen. Wenn Dürre, Hagel oder früher Schnee den Gutsherrn nur wirtschaftliche Schwierigkeiten bereiteten, brachten sie den Bauern Hunger, Krankheiten und Tod, weil die armseligen Äcker, welche die Bauern wegen der die Kraft übersteigenden Gutsfron nicht ordentlich und rechtzeitig bestellen konnten, unter solchen Unglücksfällen schwerer litten. Sogar in erntereichen Jahren waren die Bauern jeden Frühling gezwungen, vom Gutsherrn oder seit Anfang des 19. Jh., aus dem Dorfvorratsmagazin Getreidevorschüsse zu nehmen. Die Bauern, die dauernd unter Unterernährung litten, fielen leicht Epidemien zum Opfer. Bei Fällen von völliger oder teilweiser Missernte brachte der Hunger hunderte von Menschen ins Grab. Weil der schlecht gedüngte und nur oberflächlich bestellte Ackerboden erschöpft und der Organismus der Bauern wegen Unterernährung und Entbehrungen entkräftet war, wurden solche Elementarschäden, wie Hunger und Epi-

demien, zu sich oft wiederholenden und rechtsmässigen Erscheinungen.

Seit den 70er und 80er Jahren des 18. Jh. begann die Sterblichkeit die Geburtenzunahme häufig zu überwiegen. Gewöhnlich glich sich unter dem Feudalismus der Verlust der Einwohnerschaft wegen hoher Sterblichkeit teilweise durch einen hohen Geburtenzuwachs aus. In Estland jedoch begann die Anzahl der Geburten seit den ersten Jahren des 19. Jahrhunderts zu fallen. Dieser Zustand dauerte während der ersten beiden Jahrzehnte des Jahrhunderts an.

Antwort auf die Frage, womit die dargestellten abnormen Erscheinungen in der Dynamik des Bevölkerungszuwachses zu begründen ist, gibt uns W. I. Lenin in seiner Kritik von Struves malthusianistischen Ansichten, der die Stagnation des Bevölkerungszuwachses in Russland in den Jahren 1762—1846 mit Übervölkerung zu erläutern suchte. Doch Lenin widersprach ihm, indem er folgendes anführte: «Aber mit demselben, wenn nicht mit grösserem Recht könnte man sagen, dass diese Übervölkerung der feudalen Wirtschaftsweise entspricht, dass das langsame Anwachsen der Bevölkerung am meisten durch jene verstärkte Ausbeutung der bäuerlichen Arbeit verursacht war, die infolge der Zunahme der Warenproduktion in den Gutswirtschaften eintrat, da man in diesen dazu überging, die Fronarbeit zur Erzeugung von Getreide *für den Verkauf* und nicht nur für den eigenen Bedarf anzuwenden.» (W. I. Lenin. Werke. Band I. Berlin, Dietz, 1961, S. 477).

Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. gab es bereits einige Anzeichen, die davon zeugten, dass die Möglichkeiten zur weiteren Entwicklung der Landwirtschaft im Rahmen der feudalen Produktionsverhältnisse erschöpft waren. Die Weiterentwicklung der Landwirtschaft forderte das Ersetzen der Dreifelderwirtschaft durch den Fruchtwechsel. Die einzelnen Gutsinhaber, die es versuchten, das neue Ackerbausystem einzurichten, trafen auf unvorgesehene Schwierigkeiten.

Da die Fronobliegenheiten der Bauerngesinde an die Grenze getrieben waren und die Viehzucht nicht nur in den Bauerngesinden, sondern auch auf den Gutshöfen sehr we-

nig entwickelt war, reichten einerseits die Frondiensttage und andrerseits das Düngemittel für die Erweiterung der gutsherrlichen Äcker nicht aus. Neue Methoden zur Organisation der Arbeit wurden unbedingt nötig. Auch die allgemeine Ausdehnung des Akkord- oder Terminarbeitssystems im Frondienst wies darauf hin, dass die Gutsherren das unabweisbare Bedürfnis von neuen Arbeitsmethoden instinktiv eingesehen hatten. Trotzdem hatten die Gutsherren damit nichts prinzipiell Neues eingeführt. Das Akkordarbeitssystem erleichterte die Aufsicht über die Fronarbeiter, da aber im Charakter der Produktionsinstrumente und der Arbeitskraft sich keine Veränderungen vollzogen hatten, stieg die Arbeitsproduktivität auch beinahe überhaupt nicht.

Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. erreichte die Entwicklung der Landwirtschaft in Estland einen wichtigen Wendepunkt. Bisher war die Produktion der Ackerbauerzeugnisse hauptsächlich mit Hilfe der stärkeren Ausbeutung der Bauernwirtschaft oder der grösseren Anstrengung der physischen Kraft der Fronarbeiter gesteigert worden. Jetzt aber wurde es notwendig, die Arbeitsproduktivität zu erhöhen — es war Zeit für die Investition von Kapital in die Landwirtschaft, um moderne und mehr produktive landwirtschaftliche Ackergeräte, Kunstdüngemittel usw. zu kaufen und von der Ausbeutung der Fronarbeiter auf diejenige der Lohnarbeiter überzugehen.

Da aber der Übergang sich praktisch nicht vollzog und die Felder wie ehedem mit den veralteten Ackerbaugeräten und dem schwachen bäuerlichen Zugvieh bestellt wurden, sieht man seit Anfang des 19. Jh. das Tempo der Erweiterung des Ackerbodens jäh fallen und die Arbeitsproduktivität im Ackerbau auf der erlangten Stufe stehenbleiben.

Schon um 1950 waren viele baltische sowjetische Historiker zur Meinung gelangt, dass man das Ende des 18. Jh. für den Beginn der Krisis der feudalleibeigenschaftlichen Formation in den Ostseeprovinzen halten kann. Später haben einige lettische Historiker darauf hingewiesen, dass der Verfall der feudalen Produktionsverhältnisse zufolge der jäh gesteigerten Warenproduktion

im gutsherrlichen Ackerbau der Ostseeprovinzen schon seit den 50—60er Jahren des 18. Jh. begonnen hat. Diesem Standpunkt zu widersprechen haben wir keinen Grund. Es ist wahr, dass in diesen Jahren in der Entwicklung der landwirtschaftlichen Produktivkräfte viele Veränderungen stattfanden. Doch die Bestrebungen, die Produktion bei Aufrechterhaltung der veralteten Produktionsverhältnisse zu steigern, begannen den Produktionskräften selbst grosse Verluste beizubringen erst seit den 80er Jahren des 18. Jh., was die Angaben über den Bevölkerungszuwachs und die Sterblichkeit der Bauern aufs deutlichste beweisen. Von diesem Zeitpunkt an kann man auch vom Beginn der Krise des feudal-leibeigenschaftlichen Systems in Estland sprechen.

Ende des 18. und im ersten Viertel des 19. Jh. äusserte sich der antifeudale Kampf der estnischen Bauern in sehr verschiedenen Formen — in Form von Widersetzlichkeit den Gutsherren und ihrer Dienerschaft gegenüber, in Form von Ausschreitungen gegen die örtlichen Gewalthaber und in Form von massenhafter Flucht von den Gütern. Die estnischen Bauern flüchteten Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. meistens in die benachbarten russischen Gouvernements. Im Jahre 1812 wurden vor das Ordnungsgericht des Grenzkreises Werro 23 estnische Bauern gebracht, die aus Livland in das benachbarte Gouvernement Pleskau geflüchtet waren, sowie 12 in Livland festgenommene russische Flüchtlinge; im Jahre 1816 — 22 estnische und 7 russische Bauern, wobei im Jahre 1812 sechs und im Jahre 1816 fünf der festgenommenen Russen zu den Obrokbauern gehörten, denen es gestattet worden war, sich auf freier Erwerb zu begeben und die nur ihre «Billets» verloren hatten. In die russischen Gouvernements flüchteten viel mehr estnische Bauern, als russische Bauern in die estnischen Kreise. Besonders viele estnische Bauern flüchteten nach Russland im Hungerjahr 1808, als die uneigennützige Hilfe der russischen Bauern viele estnische Bauern vom Hungertod errettete.

Anfang des 19. Jh. verbargen sich die estnischen und aus dem benachbarten Gouvernement Petersburg geflüch-

teten Bauern oft in den grossen Wäldern nördlich vom Peipussee, auf den beiden Ufern des Narowaflusses.

In der marxistischen Literatur, welche die Geschichte des antifeudalen Kampfes der Bauernschaft behandelt, werden unter einer und derselben Benennung «Bauernunruhen» faktisch zwei verschiedene Erscheinungstypen des antifeudalen Klassenkampfes angeführt: erstens, die äusserst lokale Ausschreitungen der Bauern dieses oder jenes Gutshofes, die durch irgendwelche konkrete, lokale Anlässe (Gewalt seitens des Gutsherrn, der unbefriedigende Ausgang eines Prozesses usw.) hervorgerufen worden waren; zweitens, weit verbreitete antifeudale Ausschreitungen der Bauern, wofür als Anlass schon allgemeine Erscheinungen (Veröffentlichung des neuen Bauerngesetzes, Kriegsgerüchte usw.) oder das Beispiel oder der Aufruf seitens der Bauern der benachbarten Güter dienen. Der grösseren Klarheit wegen wäre es zweckdienlich, die Unruhen des ersten Typus als kollektive antifeudale Ausschreitungen der Bauern zu bezeichnen, und von Unruhen nur in solchen Fällen zu sprechen, wenn wir es wirklich nicht mit einzelnen, lokalen Ausbrüchen der Unzufriedenheit der Bauern, sondern mit weit ausgedehnten Bauernunruhen zu tun haben. Während der antifeudalen Ausschreitungen sowie während der Unruhen finden Aufstände statt; charakteristisch für dieselben sind bewaffnete Zusammenstösse der Bauern mit örtlichen Machtinstanzen oder mit dem Militär, welches zum Schutz der Gutsherren entsandt worden ist.

Die Bauernunruhen, die im Jahre 1797 stattfanden, standen in engstem Zusammenhang mit dem mächtigen Aufschwung der Bauernbewegung desselben Jahres im ganzen russischen Reiche.

Im Jahre 1797 entbrannten Bauernunruhen auch auf einigen Gutshöfen Estlands. Im Mai beschwerten sich die Bauern vom Gutshofe Randen (Kreis Dorpat) über den Gutsherrn, der sie mit äusserst schweren Fronobliegenheiten belastet hatte. Dem Brauch nach begab sich die vom residierenden Landrat ernannte Adelskommission an Ort und Stelle. Die Kommission setzte neue Fronobliegen-

heitsnormen für den Gutshof Randen fest. Aber auch diese Normen waren den Bauern nicht annehmbar, und sie erklärten, sie liessen sich eher den Kopf abschlagen, als dass sie die Arbeit wieder aufnähmen. Der Widerstand der Bauern wurde erst überwunden, nachdem über 150 Soldaten des Musketierregiments an Ort und Stelle eingetroffen waren.

Die erste öffentliche Ausschreitung der Bauern in Nordestland fand im Kreis Wierland, auf dem Gutshofe Türpsal statt. Die Bauern weigerten sich, die ihre Kräfte überschreitende Fron zu leisten und sich dem auf dem Gutshof eingetroffenen Hakenrichter zu unterwerfen. Der Widerstand der Bauern wurde erst gebrochen, nachdem am 19. August ein Sonderbeamter der Gouvernementsregierung mit 30 Soldaten auf dem Gutshof eingetroffen war.

Auf dem Gutshofe Eichenhain brachen die Unruhen im Juni aus, nachdem der wegen seiner Unbarmherzigkeit berüchtigte Gutsaufseher einen Knecht stark geprügelt hatte. Die Fronarbeiter begaben sich auf den Gutshof. Sie forderten von der Gutsherrin die Verkürzung des Arbeitstages und baten sie, den Gewalttaten des Gutsaufsehers ein Ende zu machen. Als man diese Forderungen abgelehnt hatte, brachen die Fröner die Arbeit auf dem gutshöflichen Heuschlag ab. Die Bauernunruhen auf Eichenhain, die auch auf dem benachbarten Gutshofe Herkul einen Widerhall hervorgerufen hatten, wurden mit Hilfe von Militärtruppen unterdrückt.

Mitte Juli weigerten sich auch die Fronarbeiter des Gutshofes Kechtel (Kreis Harrien), sich dem gutsherrlichen Strafrecht zu unterwerfen. Gleichzeitig entsandten die Bauern des Gutshofes Kotzum ihre Boten nach Reval, die dort der Leibesstrafe unterworfen wurden.

Auf der Insel Ösel wurden im Jahre 1797 als erste die Bauern vom Gutshofe Ficht aufständisch, da sie den schweren Frondienst nicht mehr ertragen konnten. Zwecks der Beschwichtigung der Bauern stellte man dem örtlichen Ordnungsrichter Soldaten zur Verfügung. In demselben Jahr und auch Ende April weigerten sich die Bauern des Gutshofes Kölljall, sich den Forderungen des auf dem Gutshof eingetroffenen Kirchspielsgerichts zu unterwerfen.

Der Widerstand der Bauern wurde mit Hilfe von Soldaten gebrochen.

Im Jahre 1798 begaben sich Boten der Bauern aus den Gutsgemeinden Mentzen, Rosenhof und Rauge im Kreise Werro nach Riga, um sich über die schweren Fronobliegenheiten zu beschweren. Die Gerüchte darüber riefen auch im Kreise der benachbarten Bauern eine Erregung der Gemüter hervor. Im Jahre 1799 liessen die Bauern des Gutshofes Kibbijerw die Bestrafung anderer Bauern derselben Gemeinde nicht zu und verweigerten sich, einen Teil der Fron zu leisten. In demselben Jahr fanden ähnliche Ausschreitungen auch auf dem Gutshofe Ülzen statt. Die Bauern versuchten sich hier sogar dem Ordnungsrichter zu widersetzen, der an der Spitze eines Militärkommandos an Ort und Stelle angelangt war. Im Jahre 1800 entbrannten Unruhen im Gutshofe Lühnen.

Die Bauernunruhen setzten sich auch Anfang des 19. Jh. fort. In der Voraussetzung, dass mit der Verordnung über die Aufhebung der Naturalabgaben, welche als Stationssteuer geliefert wurden, die Befreiung von allen Obliegenheiten und von der Fronarbeit gemeint sei, lehnten sich die Bauern der Kreise Wolmar, Burtneck, Ronneburg und Wenden (lettische Gebiet Livlands) im Sommer 1802 gegen ihre Gutsherren auf. Wenn es nicht gelang, den Widerstand der Bauern mit örtlichen Kräften zu brechen, wandten sich die Gutsherren um Hilfe an den Gouverneur. Der Gouverneur kommandierte eine Militärkompanie und einen Richter an Ort und Stelle ab. Auf dem Kaugershof nahm das Strafkommando einen Teil der Bauern in Haft. Daraufhin riefen sich die Bauern die Leute aus Nachbarschaft zur Hilfe, um die in Haft Genommenen zu befreien. Auf dem Kaugershof versammelten sich ungefähr 3000 Bauern, die mit Knütteln, Steinen und einigen Flinten bewaffnet waren. Erst nachdem die Kanonen einige Salven abgefeuert hatten, wichen die Bauern zurück, auf dem Kampfplatze 4 Tote und 18 Verwundete hinterlassend. Der Aufstand auf dem Kaugershof rief Aufregung und Furcht nicht nur unter den örtlichen Gutsherren, sondern auch in den Regierungskreisen in Petersburg hervor.

Im Jahre 1803 war die Situation im estnischen Gebiete Livlands für das Entstehen eines ähnlichen blutigen Aufstandes wie auf dem Kaugershofe verhältnismässig real. Die Bauern vom Gute Neuhausen weigerten sich, die Hilfsfron zu leisten, und als die eingetroffenen Richter mit Hilfe von Soldaten einige von den Anführern der Bauern in Haft genommen hatten, begaben sich die mit Knütteln ausgerüsteten Bauern auf den Gutshof, um die Auslieferung der in Haft genommenen Bauern zu fordern, doch griffen sie das Militär nicht an. Um den Widerstand der Bauern zu brechen, wurden noch einige Militärkompanien an Ort und Stelle abkommandiert.

Als einer der Faktoren, welche gegen die ihre Zeit abgelebten leibeigenschaftlichen Verhältnisse wirkten, sind auch die fortschrittlichen Ideen zu verzeichnen. In den Werken der baltischen Aufklärer Ende des 18. und Anfang des 19. Jh., Merkel und Petri, erklang, ihrer eigenen Äusserung nach, das drohende Echo der französischen Revolution und das unterirdische Dröhnen der Bauernunruhen, die sich in einen allgemeinen Bauernkrieg zu verwandeln drohten. Im Vergleich zu ihren Vorgängern griffen Merkel und Petri viel weiter: sie forderten schon nicht nur Beschränkung, sondern auch unbedingte Aufhebung der Leibeigenschaft.

Als scharfe Waffe im publizistischen Kampfe, den Merkel und Petri gegen das Feudalsystem führten, diente die Möglichkeit, dem Adel mit mächtigen Bauernunruhen zu drohen. Das durch die Fron gefesselte Volk selbst drückte diese Waffe in die Hand der Aufklärer und Demokraten. In seinen Schriften erinnerte Merkel die Gutsherren an die Aufstände und Bauernunruhen des Jahres 1784 und erklärte, dass die Drohung, alle Gutsherren zu töten, die er selbst von einem leibeigenen Bauern gehört hatte, ihn zum Schreiben seines berühmten Werkes «Die Letten . . .» angeregt hätte.

Merkel und Petri kämpften nicht allein. Der erste Rektor der Universität zu Dorpat, Professor Parrot und Professor Ewers übten an der Agrarpolitik der baltischen Gutsherren sehr scharfe Kritik. Auch der Lektor für russische Sprache und Literatur an derselben Universität, Professor A. Kais-

sarow zeichnete sich in seinen Schriften als standhafter Gegner der Leibeigenschaft aus.

In der zweiten Hälfte des 18. Jh. steigerten die Gutsherren die Fronobliegenheiten der Bauern, besonders die Hilfsfron. Die Bauern widersetzten sich leidenschaftlich der Vergrösserung der Fronausbeutung. Sie erklärten die neuen ihnen auferlegten Lasten für gesetzwidrig, reichten im Gericht Klagen ein, entsandten Boten zu den Regierungsbehörden. Die Gerichte und Regierungsbehörden waren gezwungen, sich ununterbrochen mit diesen Klagen zu beschäftigen. Sie spürten daher immer mehr die Notwendigkeit allgemein verpflichtender Obliegenheitsnormen.

Ende des 18. Jh. griffen die Gutsherren zwecks der Vergrösserung der Fronobliegenheiten oft nach dem Verfassen neuer Wackenbücher. Der Gutsherr stellte einen Landmesser an, der die Gesindeländereien ausmass sowie diese nach den dem Gutsherrn vorteilhaften Preisen bewertete. Auf Grund dieser Angaben wurden neue Wackenbücher verfasst, in welchen die Grösse und der Preis der Gesindeländereien und auch die Höhe der Fronobliegenheiten fixiert wurden. Man nahm an, dass die Bauern gegen solche «gesetzmässige» Obliegenheiten nicht mehr ausschreiten könnten. Ende des 18. Jh. jedoch wurden die Proteste der Bauern gegen diese «hausbackenen» Wackenbücher sehr häufig.

Die Heranbildung offizieller Pflichtnormen und Wackenbücherverfassungsregeln für das ganze Gouvernement war an der Tagesordnung. Die Bauern hegten die naive Hoffnung, die neuen Kron-Wackenbücher würden sie von der gutsherrlichen Willkür befreien und eine verhältnismässig grosse Verminderung der Fronobliegenheiten erreichen helfen. Die Gutsherren wollten durch dieselben Kron-Wackenbücher die gesteigerten Fronobliegenheiten legalisieren, die Regierungsbehörden aber hofften durch sie die Spannung des Klassenkampfes zu vermindern.

Anfang des 19. Jh. vollzogen sich die Agrarreformen in den Ostseeprovinzen infolge des Zusammenstosses der Klasseninteressen der Gutsherren und der Bauern. Ausser der Lösung der Aufgaben, die mit diesen Problemen un-

mittelbar verbunden waren, war die Zarenregierung zu derselben Zeit genötigt, auch effektive Mittel für die Hungerbekämpfung zu suchen, da sich die Hungersnot manchmal katastrophal verbreitete, und der Mangel an Lebensmitteln auch die Versorgung des Militärs und dessen Transport durch die Bauern-Podwoden gefährdete. Ihren Einfluss auf die Durchführung der Reformen übten auch die den herrschenden Klassen Unruhe einflössenden Berichte über die bürgerliche Revolution in Frankreich sowie das Auftreten der progressiven Publizisten aus, das gegen das feudale, leibeigenschaftliche System gerichtet war.

Im Jahre 1800 drangen Gerüchte über die Protest-stimmung unter den livländischen Bauern bis zur Regierung. Diese Gerüchte als Vorboten einer Revolution einschätzend versuchte die Regierung Pauls des Ersten sich in die Vorbereitungen zur Agrarreform einzumischen. Anfang des Jahres 1800 gab der Zar dem Generalgouverneur von Estland und Livland die Anordnung, den Klagen der Bauern gegen die Gutsherren mehr Aufmerksamkeit zu schenken; dabei hatte der Generalgouverneur öffentliches Aufsehen zu vermeiden und mit möglichst grosser Vorsicht zu handeln. Im August desselben Jahres traf Paul der Erste eine neue Anordnung, kraft deren über die Güter solcher livländischen Gutsherren, welche die Bauern höher belasteten, als es in den Wackenbüchern vorgesehen war, die Vormundschaft der Krone einzusetzen war. Es wurde den Standesbehörden der Ritterschaft vorgeschrieben, das Verfassen der obligatorischen Wackenbücher für diejenigen Güter in Angriff zu nehmen, die noch nicht über solche verfügten. Statt dessen legten die livländischen Gutsherren der Regierung die Beschlüsse des Landtages von 1795 und 1797 vor, in welchen das Verfassen obligatorischer Wackenbücher vorgesehen war. Hierbei hatte man jedoch die Absicht, in diesen Wackenbüchern nur die Normen der ordinären Fron festzusetzen und den Gutsherren zur Eintreibung der für die Bauern besonders zehrenden Hilfsfron freie Hände zu überlassen.

Die das Bauernproblem betreffenden Beschlüsse, die der

estländische Landtag in den Jahren 1795 und 1797 fasste, zeigen deutlich, dass der Adel dieses Gouvernements die Absicht hatte, sich nur auf eine Deklaration seiner «Menschenliebe» zu beschränken. Der Landtag erklärte, dass man die Bauern mit den Obliegenheiten nicht in höherem Masse belasten dürfe, als es in den Wackenbüchern vorgesehen sei, gleichzeitig wurden jedoch keine allgemein verpflichtenden Obliegenheitsnormen festgesetzt und das Verfassen der Wackenbücher wurde nur den Gutsherren und ihren Standesbehörden übertragen.

Auch Anfang des 19. Jahrhunderts, unter Alexander dem Ersten, hatte die Regierung für die sofortige Durchführung der Reformen offenbar mehr Interesse, als der örtliche Adel. Die Gutsherren konnten auf die Befriedigung ihrer wirtschaftlichen Bedürfnisse und die Legalisierung der vergrösserten Fronobliegenheiten noch warten. Vor der Regierung jedoch konnte jeden Augenblick die Notwendigkeit entstehen, Militärtruppen aus der Hauptstadt über Estland und Livland auf den Kriegsschauplatz abzukommandieren, indessen herrschte in diesen Gouvernements oft Hungersnot, was die Versorgung der Armee gefährdete, auch machten die zunehmenden Bauernunruhen das Hinterland der Truppen unsicher.

Der Landtag des estländischen Adels, der im Juni 1802 zusammentrat, traf betreffs des Bauernproblems eine Reihe von Beschlüssen, welche am 25. September desselben Jahres, nach der Einfügung einiger Korrekturen, von Alexander dem Ersten bestätigt und im Januar 1803 den Bauern als ein Bauernregulativ bekannt gemacht wurden.

Die Rechte der Bauern auf ihr bewegliches Eigentum bekräftigend liess das Regulativ die wichtigste Frage, nämlich die der Höhe der Fronobliegenheiten, gänzlich offen. Anlässlich der grossen Bauernunruhen, die in Livland im Jahre 1802 entstanden, verschärfte sich die Agrarfrage in den Ostseeprovinzen ganz besonders. Diese Ereignisse beunruhigten die zentrale Behörden, die Vertreter der fortschrittlichen Kreise, wie z. B. Parrot, nutzten sie jedoch aus, um die Aufmerksamkeit der Regierung nochmals auf die Notwendigkeit von Neuerungen zu lenken.

Im Dezember 1802 gaben Alexander der Erste und der Innenminister Kotschubei der Ritterschaft äusserst höflich, jedoch klar zu verstehen, dass in der Durchführung der Reformen viel weiter zu schreiten sei. Die Leitung des Verfassens eines neuen Bauerngesetzes wurde dem livländischen Landrat Friedrich von Sivers anvertraut. Dem Adel war es äusserst wichtig, die Vorbereitung des Bauerngesetzes unter ihrer Kontrolle zu behalten. Darum entschloss sich Sivers den Forderungen der Regierungsbehörden nachzugeben. Die Regierungsbehörden, die genötigt waren,sich ununterbrochen mit den Protesten der Bauern gegen einzelne Verpflichtungsarten und mit Klagen darüber, dass die Bauern auf anderen Gütern weniger belastet seien, zu beschäftigen, konnten sich mit der in dieser Frage herrschenden Unbestimmtheit nicht mehr zufrieden geben und waren deshalb an der Ausarbeitung von allgemeinen und genau festgesetzten Normen interessiert. Es war selbstverständlich, dass diese Normen «der jetzigen Wirtschaft» den Gutsherren nicht «lästig fallen» durften, wie es später in der Einleitung zu dem Gesetz von 1804 auch direkt ausgedrückt wurde.

Auf dem livländischen Landtage 1803 brach ein scharfer Kampf um die Reform aus. Im Beschluss, der auf dem Landtag 1797 angenommen worden war, hiess es, dass dem Wert der Ländereien gemäss nur die Höhe der ordinären Fron festzusetzen sei. Im neuen Reformenentwurf, der von Sivers verfasst und von der Regierung schon gebilligt worden war, war bestimmt, dass auch die Hilfsfron im Verhältnis zu dem Wert der Ländereien festzusetzen sei. Dabei behauptete Sivers, dass die schwedische Regierung bei der Bewertung der Krongüter einerseits nur die ordinäre Fron und anderseits nur die Ackerländereien in Betracht gezogen hätte, jetzt aber seien auch die Hilfsfron und dementsprechend auch die Heuschläge und Gartengrundstücke in Betracht zu ziehen, auf diese Art werde die Hilfsfron durch Heuschlag und Gartenländereien ausgeglichen. Viele livländische Gutsherren befürchteten jedoch nicht ohne Grund, dass die Bauern über zu wenig Heuschlag verfügten, um die Hilfsfron auszugleichen und

dass die Einführung der für das ganze Gouvernement obligatorischen Normen der Fronobliegenheiten auf manchen Gütern die Verminderung dieser Obliegenheiten zur Folge haben könnte.

Der livländische Adel wurde hierdurch in miteinander auf Kriegsfuss stehende Gruppen geteilt. Als Gerüchte darüber bis zur Zarenregierung vordrangen, dass «es notwendig sei, zwecks Erhaltung der allgemeinen Ruhe in Livland möglichst schnell die Kommissionen zur Festsetzung der Höhe der Bauernobliegenheiten dorthin zu entsenden...», unterwarf sie die Reformvorbereitung zwecks Beschleunigung der Sache ihrer unmittelbaren Kontrolle. Zu diesem Zweck wurde in Petersburg ein spezielles Komitee aus höheren Regierungsbeamten und Vertretern der livländischen Ritterschaft gebildet. Dieses Komitee führte das Verfassen des Bauerngesetzes für Livland im Februar 1804 zu Ende; nachdem Alexander der Erste es bestätigt hatte, trat das Gesetz in demselben Jahr in Kraft.

Im Jahre 1803 fing man auch in Estland wieder an, sich mit der Agrarfrage zu beschäftigen. Da sich die Regierung hauptsächlich mit livländischen Angelegenheiten beschäftigte, gelang es der estländischen Ritterschaft, die Behandlung des Problems in einer speziellen Regierungskommission zu vermeiden, wodurch bei der Lösung der Frage der Adel allein zu entscheiden hatte. Auf dem Landtage von 1803 und 1804 wurde das estländische Bauerngesetz abgefasst und im August desselben Jahres von Alexander dem Ersten bestätigt.

Schon J. Samarin betonte bei der Behandlung der Ergebnisse der Reform, dass Ende des 17. Jh. bei der Bewertung der Bauerländereien und dementsprechend bei der Festsetzung der Obliegenheiten ein Haken mit 60 Talern Bauernobliegenheiten gleichgestellt worden war, laut dem Gesetz vom Jahre 1804 ein Haken jedoch 80 Talern gleichgestellt wurde. Daraus zieht Samarin im allgemeinen die richtige Schlussfolgerung, dass im Vergleich zum Ende des 17. Jh. die Obliegenheiten der Bauern sich (seiner Meinung nach um ein Drittel) vergrössert hatten. Später haben auch andere Forscher bei der Behandlung dieses Problems den

Haken als Ausgangspunkt gewählt, d. h. sie haben festgestellt, wieviel Haken dieser oder jener Gutshof vor und nach der Ländereienvermessung, die im Laufe der Reform von 1804 stattgefunden hatte, besass. Infolgedessen vertraten auch sowjetische Historiker (unter ihnen auch der Verfasser des vorliegenden Werkes) bis zur letzten Zeit den Standpunkt, dass die Reform vom Jahre 1804 ausnahmslos auf allen livländischen Gütern die Fronlasten der Bauern in sehr fühlbarem Masse vergrösserte. Dabei wurde jedoch Folgendes ausser Acht gelassen: wenn die Höhe der Bauernobliegenheiten nach der Veröffentlichung des Gesetzes vom Jahre 1804 von der Grösse und Qualität der Bauerländereien, auf Haken und Taler geschätzt, abhängig war, so sahen die Angelegenheiten vor dem Jahre 1804 etwas anders aus. Vor dem Jahre 1804 konnte die in Haken angegebene Grösse eines Privatgutshofes keineswegs die den Bauern auferlegten Abgaben widerspiegeln.

Es ist jedoch überhaupt nicht nötig, bei der Klärung dieser Frage von solchen unbestimmten Angaben, wie es die Anzahl der Haken und Taler ist, auszugehen. Zu diesem Zweck stehen dem Forscher viel genauere, klarere und zuverlässigere Quellen zur Verfügung. Im Zentralen Staatlichen Historischen Archiv in Tartu, im Fonds der Messe-Revisionskommission befindet sich eine grosse Anzahl sogenannter Eingaben, welche die Gutsherren in den Jahren 1804 und 1805 den Revisionskommissionen vorgelegt und in denen sie angezeigt hatten, mit welchen Obliegenheiten ihre Bauern belastet waren. Auch gibt es dort transistorische und endgültige Wackenbücher, die diese Kommissionen und später die Kommission zu Walck verfasst hatten.

Der Vergleich dieser Eingaben mit den endgültigen Wackenbüchern, die nach der Vermessung und Bewertung der Ländereien verfasst wurden, kann man die Frage beantworten, ob die Inkraftsetzung des livländischen Bauerngesetzes von 1804 eine Vergrösserung der Bauernobliegenheiten zur Folge hatte.

Bis jetzt ist es gelungen, diese Arbeit nur mit Bezug auf 7 Güter, die sich im estnischen Gebiet Livlands befanden,

durchzuführen. Dazu wurden die Obliegenheiten von 306 Bauerngesinden untersucht.

Die auf der Seite 206 angebrachte Tabelle zeigt, dass drei Gutsherren (Arrohof, Lelle, Abbia) durch die Reform in Bezug auf die Höhe der Bauernobliegenheiten verhältnismässig viel gewonnen hatten, da jedoch auf einem Gut (Karolen) sich die Obliegenheiten nicht verändert hatten, hatten drei andere Gutsherren (Kerrafer, Jensel, Palloper) verhältnismässig viel verloren. Leider gibt es noch keine Möglichkeit festzustellen, was die Reform im Masstabe des ganzen Gouvernements geben würde — ob die Anzahl der Bauern, derer Fronobliegenheiten erhöht wurden, grösser ist als die der Bauern, derer Fronnormen vermindert wurden, oder umgekehrt. Auf alle Fälle steht es fest, dass wir keinen Grund haben, von einer allgemeinen absoluten und bedeutenden Vergrösserung der Bauernobliegenheiten zu sprechen.

In Livland vollzog sich die Bauernreform von 1804 infolge des scharfen Zusammenstosses der Klasseninteressen der Bauer und Gutsherren und wurde unter den Umständen der Verschärfung des Klassenkampfes durchgeführt. Am Vorabend der Reform forderte die Bauernschaft die Beschränkung der gutsherrlichen Willkür gegen die Person und das Eigentum der Bauern. Die Bauern protestierten dagegen, dass die Gutsherren sie willkürlich bestraften und ihnen beliebige Fronforderungen stellten. Das Gesetz von 1804 schützte die Person des Bauers einigermassen vor der gutsherrlichen Willkür. Dies wurde infolge des beharrlichen Klassenkampfes der Bauernschaft erreicht und war zweifellos von positiver Bedeutung.

Ausserdem hemmte die Reform vom Jahre 1804 in Livland das Eindringen der Fron in die Sphäre der Arbeit des Bauern für sich selbst; sie zügelte «die unersättliche Begierde nach Aneignung der Mehrarbeit», welche die Frongutsherren zu jener Zeit ergriffen hatte. Dieses ermöglicht uns die positive Bedeutung der Reform einzuschätzen, denn der Kampf der Bauern um das bessere Ausnutzen ihrer Arbeitszeit in der eigenen Wirtschaft zur Steigerung der Produktion von Markterzeugnissen, um die Entwick-

lung des landwirtschaftlichen Gewerbes, bedeutete objektiv den Kampf um günstigere Bedingungen für die Weiterentwicklung der Geld- und Warenwirtschaft im Ackerbau, um die Entwicklung des Kapitalismus im Dorfe.

Dem estländischen Bauerngesetze vom Jahre 1804 lagen dieselben Prinzipien zugrunde, in vielen Beziehungen jedoch brachte es den Bauern bedeutend weniger Nutzen, als das entsprechende Gesetz in Livland. In Livland wurde die Vermessung und Bewertung der Bauerländereien immerhin durchgeführt und die erbrachten Angaben mussten den neuen Wackenbüchern zugrunde gelegt werden. Das estländische Bauerngesetz sah dergleichen überhaupt nicht vor — die Wackenbücher wurden hier auf Grund «alter Traditionen» und laut der «freien Vereinbarung» zwischen Gutsherren und Bauern verfasst.

Schon die Gerüchte über die Vorbereitung der neuen Gesetze hatten unter den Bauern eine Aufregung hervorgerufen. Im Sommer 1803 hatte der Landrat Sivers im Gespräch mit einigen Bauern die baldige Einführung der neuen Wackenbücher erwähnt, die die Obliegenheiten der Bauern erleichtern sollten. Anfang Juli gab dieses den Anlass zur Ausschreitung der Bauern auf dem Gute Kappel, welche die Frondienste, die sie zu leisten hatten, jetzt aus eigener Initiative verminderten. Bald danach folgten ihrem Beispiel auch die Bauern anderer Güter der Kirchspiele Oberpahlen und Pillistfer (Addafer, Imafer, Lustifer, Pajus, Ruttigfer, Werrefer).

Die Gouvernementsmächte beauftragten den Landrat Anrep, die Widersetzlichkeiten der Bauern zu liquidieren und stellten ihm dazu ein ganzes Bataillon Militär zur Verfügung. An der Unterdrückung der Bauernunruhen nahm auch der Landrat Sivers teil, der sich dazu speziell an Ort und Stelle begab. Die Bauern leisteten hartnäckigen Widerstand, die Strafkommandos brauchten zur Unterdrückung der Unruhen in jeder Gemeinde zwei Tage. Endlich, nach langem Ermahnen, versprachen die Bauern des Gutes Kappel die Fron wie ehedem zu leisten, jedoch nur bis zur «Veröffentlichung des neuen Regulativs». In Pajus rüsteten sich die Bauern mit Knütteln und Steinen aus und

erklärten den Landräten, dass sie «die alten schwedischen Obliegenheitsnormen fordern», ausserdem seien «die Erntearbeiten, das Branntweinbrennen und die Fuhren mit Geld zu belohnen». In Ruttigfer wurden die Anführer der Bauern vom Strafkommando durchgeprügelt. In Kappel, Pajus, Addafer und Lustifer stationierte man die Soldaten. Erst im August konnten die Gouvernementsmächte melden, dass «die Ruhe» in diesem Gebiet wiederhergestellt sei.

Im Frühling desselben Jahres leisteten die Bauern im Dorfe Silms des Gutes Pergel (Gouvernement Estland) dem Versuche des Gutsherrn, ihnen einen Teil der Äcker zu entziehen, hartnäckigen Widerstand.

Noch stärkere Bauernunruhen wurden in den Jahren 1804 und 1805 durch die Einführung der neuen Bauerngesetze, die den Wunschträumen der Bauern keineswegs entsprachen, hervorgerufen.

In Livland befassten sich die speziell zwecks Einführung des neuen Gesetzes gebildeten Revisionskommissionen im Sommer und Herbst 1804 mit der Fundation der Gemeindegerichte und der Austeilung der neuen Wackenbücher. Dort jedoch, wo die Wackenbücher noch nicht ausgeteilt worden waren, verweigerten sich die zu Gerichtsbeisitzern erwählten Bauern, den Eid zu leisten, und erklärten, dass sie es nicht tun würden, bevor sie erfahren hätten, wie grosse Obliegenheiten sie laut des neuen Gesetzes zu leisten hätten. In vielen Gemeinden waren die Bauern der Meinung, dass die Revisionskommissionen ihre Fronobliegenheiten sofort vermindern würden. Dort, wo man transistorische Wackenbücher austeilte, verweigerten sich die Bauern, diese in Empfang zu nehmen, da darin ihre Obliegenheiten überhaupt nicht oder in sehr geringem Masse vermindert worden waren.

Im September-Oktober 1804 weigerten sich die Bauern in den Kirchspielen Ronneburg, Serbenschloss, Kremon, Loddiger, Segewold und Friedrichshof, Beisitzer für die neuen Gerichte zu erwählen und die Wackenbücher in Empfang zu nehmen. Um die Widersetzlichkeiten der Bauern zu unterdrücken, wurden zwei Kompanien Militär zur Stelle gefordet.

Im Kreise Dorpat, auf dem Gutshofe Spankau des Kirchspiels Nüggen weigerten sich die Bauern schon im Juli 1804, Gerichtsbeisitzer zu erwählen und verminderten eigenmächtig den Frondienst. Bald danach lehnten sich die Bauern auf dem Arrohofe desselben Kirschspiels auf, und als die örtlichen Gewalthaber es versuchten, einige Bauernanführer der Leibesstrafe zu unterziehen, wurden die in Haft genommenen Bauern von den anderen befreit. Zu Anfang November verbreiteten sich die Bauernunruhen auch bis in die benachbarten Kirchspiele — die Bauern der Güter Techelfer und Odenpäh lehnten sich gegen ihre Gutsherren auf. Zwecks Unterdrückung dieser Unruhen wurde aus Reval eine Kompanie Musketiere abkommandiert.

Im Januar 1805 brachen Bauernunruhen im Küstengebiet des Kreises Pernau aus. Der Gerichtsbeisitzer Kawaru Enn aus der Gemeinde Podis erklärte bei der Empfangnahme der Wackenbücher, dass «man ihnen nicht Folge leisten werde, weil man mit ihnen unzufrieden sei». Dem Beispiel der podisschen Bauern folgten die Bauern des Gutes Selli, dieselbe Absicht hatten auch die Bauern des Gutes Audern. Anfang März wurde auf die erwähnten Gutshöfe ein Militärkommando abkommandiert.

Im Sommer und Herbst 1805 entbrannten die Bauernunruhen im Kreise Dorpat aufs neue. Bereits Ende Mai hatte man auf die Gutshöfe Ringen und Sontack zwei Kompanien Soldaten gefordert, um die Widersetzlichkeiten der Bauern zu unterdrücken, da diese sich weigerten, die neuen Wackenbücher in Empfang zu nehmen. Im Juli entstanden aus demselben Grunde die Bauernunruhen im Kirchspiel Odenpäh — auf den Gütern Odenpäh, Friedrichshof und Wollust. Es wurde dorthin eine Kompanie Soldaten abkommandiert. Die örtlichen Vorgesetzten meldeten im Oktober, dass «im ganzen Kirchspiel Sagnitz eine allgemeine Empörung» ausgebrochen sei und äusserten die Furcht, dass «die Anzahl der Aufständischen 10000 erreichen könne», falls die sagnitzschen Bauern sich mit den des benachbarten Kirchspiels Karolen vereinigten. Die Anführer der sagnitzschen Bauern wussten von den Bauernunruhen, welche

Anfang Oktober im benachbarten Gouvernement Estland stattgefunden hatten, und teilten den anderen Bauern ihrer Gemeinde mit, dass man im Revalschen Gouvernement den Gehorsam beharrlich verweigert hätte und dass alle, die in ihren Forderungen standhaft bleiben, auch die Freiheit erhalten.

Um die Bauernunruhen zu unterdrücken, wurden immer neue Militärkommandos angefordert. Der Vorsitzende der Rigaschen Revisionskommission Arsenjew, der um den 20. Oktober durch den Kreis Dorpat fuhr, bemerkte, dass «von Derpt bis zum Kreise Wenden alle Dörfer von Soldaten überfüllt sind, die man nicht fortzukommandieren wagt, da man Widersetzlichkeiten befürchtet».

Laut Angaben fanden noch ernstere Unruhen im Sommer und Herbst 1805 im Gouvernement Estland auf 28 Gütern statt.

Ausser dem estländischen Bauerngesetzbuch gelangten in die Hände der Bauern auch einige Exemplare des livländischen Bauerngesetzbuches in estnischer Sprache. Ausserdem verbreiteten sich wie immer bei der Veröffentlichung neuer Bauerngesetze Gerüchte über ein richtiges Zarengesetz, das die Herren verborgen hielten und statt dessen sie den Bauern ein gefälschtes Gesetz vorgelegt hätten. Unter den verworrenen Gerüchten über «das richtige Gesetz» kam die drohende Stimmung der Bauern immer mehr zum Ausdruck. Bis zu den Gouvernementsmächten drangen erregende Berichte darüber, dass die Bauern der Meinung seien, das neue Gesetz verböte das nächtliche Korndreschen und dass sogar davon geredet würde, «das richtige Regulativ hiesse, alle Herren totzuschlagen».

Anfang August 1805 verminderten die Fronarbeiter des Gutes Rosenhof eigenmächtig die Anzahl der Frondiensttage und fingen an, wöchentlich nur vier Tage für den Gutshof zu arbeiten. Als der örtliche Hakenrichter am 15. August den Versuch machte, ihren Widerstand dadurch zu brechen, dass er «die Urheber» durchprügeln lassen wollte, unterwarfen die Bauern sich ihm nicht.

Mitte September lehnten sich die Bauerwirte des Gutes Kukkofer gegen das gutsherrliche Strafrecht auf. Gleich-

zeitig verweigerten sich die Bauern des Gutes Türpsal (Kreis Wierland) die Hilfsfron zu leisten.

In der zweiten Hälfte August begann das nächtliche Korndreschen — eine der erschöpfendsten und von den Bauern am meisten gehassten Arbeiten, welche die Bauern nach der langen Tagesarbeit zu leisten hatten. Aus diesem Grunde verbreiteten sich neue Bauernunruhen, wobei die Knechte besonders aktiv und einmütig forderten, dass das Dreschen der gutsherrlichen Ernte am Tage zu verrichten sei.

Ungefähr vom 16. August ab begannen die Bauern des Gutes Seidel, die Ernte am Tage zu dreschen, und der Gutsherr war gezwungen, darauf einzugehen. Aus Seidel verbreiteten sich die Unruhen nach Eyefer, Karin und Orgen. Auf den zwei letzterwähnten Gütern (dementsprechend am 25. August und 4. September) brachen die Knechte das nächtliche Korndreschen ab.

Nachdem alle Ermahnungen des Kirchspielgerichts und des Hakenrichters erfolglos geblieben waren, wurde am 12. September ein Strafkommando von 120 Soldaten nach Karin abkommandiert. Die Fronarbeiter der Güter Karin und Orgen, die sich schon vorher verabredet hatten, gemeinsam Widerstand zu leisten, versammelten sich beim Krug, der sich nicht weit von der St.-Johannis-Kirche befand, und beobachteten von dort aus den Aufmarsch des Militärkommandos. Als sie merkten, dass die Soldaten sich nach Karin begaben, folgten sie ihnen. Beinahe alle Bauern waren beritten. Als sie sich dem Gutshofe Karin näherten, erfuhren sie, dass die Soldaten die auf den Gutshof bestellten Bauerwirte in Haft genommen hätten und jetzt beabsichtigten, sie durchzuprügeln. Die Knechte beeilten sich, den in Haft genommenen Bauern zur Hilfe zu kommen und griffen die Soldaten an. Im Laufe des Handgemenges verloren die Bauern einen Toten und vier Verwundete und waren genötigt, sich zurückzuziehen.

Am Abend umzingelten die Bauern das Gut aufs neue. Diesmal waren sie nicht nur mit Knütteln, sondern auch mit pikenähnlichen eisenbeschlagenen Stöcken ausgerüstet. Der Aufruf der in die Nachbargemeinden entsandten

Boten brachte ihnen die Hilfe der Bauern der Gemeinden von Weinjerwen und Afer. Als jedoch die Soldaten am folgenden Morgen das Feuer eröffneten, liefen die Bauern davon.

Der grösste Bauernaufstand brach in demselben Jahr in Kosch-Neuenhof aus; späterhin wurde dieser Aufstand unter den Bauern als «der Krieg im Kosch-Neuenhof» bezeichnet.

Am 11. September weigerten sich die Fronarbeiter des Gutes Kosch-Neuenhof in Zukunft die Ernte nachts zu dreschen. Auf Befehl des Gutsherrn nahmen die Gutsdienstboten am folgenden Morgen den Knecht Kölli Toomas fest, den man «der Aufhetzerei» der Fronarbeiter verdächtigte. Als man ihn nach Reval führen wollte, eilten ihm ungefähr 50 berittene Knechte zur Hilfe und befreiten ihn.

Am 21. September machte der örtliche Hakenrichter den Versuch, «die Aufhetzer» in Haft zu nehmen, die Knechte verweigerten sich jedoch, sie auszuliefern, und erklärten, sie seien «Alle für Einen und Einer für Alle». Bald darauf trafen auf Kosch-Neuenhof 40 Knechte aus dem Gutshofe Palfer ein, die nur nach der Entlassung der Knechte des Gutes Kosch-Neuenhof heimgingen.

Als die Bauern des Gutes Kosch-Neuenhof erfuhren, dass auf dem Gute bald Militär eintreffen würde, wandten sie sich mit einem Hilfsaufruf an alle Bauern der benachbarten Gemeinden. Als am 30. September das erste Strafkommando — 94 Soldaten — ankam, fingen die Bauern an, sich ernstlich zum Kampfe vorzubereiten. Die Knechte vieler benachbarten Gemeinden versammelten sich im Krug Kuiwajõe. Sie hatten sich mit Knütteln und mehreren Jagdflinten ausgerüstet. Das Gerücht, dass falls die Fröner die Gutsherren, Offiziere und Beamten töten, auch die Soldaten ihre Partei ergreifen würden, steigerte ihren Mut.

Am 2. Oktober, nachdem noch 86 Soldaten eingetroffen waren, brach ganz spontan der Zusammenstoss während einer Besprechung aus. Trotzdem es den aufständischen Bauern anfangs gelang, einen Teil der Soldaten zur Flucht zu zwingen, gaben die Gewehre der Soldaten dem Kampfe letzten Endes doch den Ausschlag. Im Laufe des heftigen

Zusammenstosses, der eine halbe Stunde dauerte, wurden der Truppenkommandeur Kapitän Muskein und ein Unteroffizier getötet, ausserdem wurden einige Soldaten verwundet. Die Bauern sahen ihre Feinde zweifellos in erster Linier in den Offizieren. Die Aufständischen liessen 6 Mann tot und einen Mann schwer verwundet auf dem Kampfplatze liegen, übrige sechs Verwundete nahmen sie mit. Einen der Anführer des Aufstandes, die auf dem Kampffelde gefallen waren — Harmi Ewart, bezeichnete der Vertreter der Gouvernementsregierung Rosen, der die Unterdrückung des Aufstandes geleitet hatte, als «einen Mann mit pugatschowschen Seele».

Die Ereignisse in Kosch-Neuenhof riefen in der Gouvernementsregierung Panik hervor. Auf das Gut wurden eiligst sämtliche Militärtruppen abkommandiert, die man nur auftreiben konnte: 170 bewaffnete Matrosen, 80 Soldaten, ein Polizeikommando, insgesamt 268 Mann und zwei Kanonen. Die Fronarbeiter, die eine Niederlage erlitten hatten, flüchteten in die Wälder.

In den Monaten September und Oktober wurde die Bauernbewegung so mächtig, dass die Gutsherren und die örtlichen Gewalthaber bereits befürchteten, die einzelnen Aufstände könnten sich in einen grossen Bauernkrieg entwickeln. Der Gärtner Jaan vom Gute Jomper (im Wierland) erzählte am 3. September beim Krug Assamalla den Bauern von einem geheimnisvollen «Brief», den ihm ein «General mit Orden» in Petersburg gegeben hätte. Jaan hatte diese fantastische Persönlichkeit nur dazu erdichtet, um die Bauern zum Kampf gegen die Gutsherren anzuspornen. Er erklärte, «dieser Brief hebe die Macht der Gutsherren und Richter auf», aber damit dieses gelingen könne, müssten «Tausende von Bauern» sich vereinigen. Sechs Tage später wurde Jaan von den örtlichen Vorgesetzten in Haft genommen, und trotzdem es ihm einstweilen gelang, aus dem Gefängnis zu flüchten, wurde er schliesslich doch abgeurteilt und nach Erhalten einer Leibesstrafe nach Sibirien verbannt.

Eine grosse Erregung rief folgendes Ereignis in Reval hervor: einige Tage nach dem Aufstand in Kosch-Neuenhof

sprachen Bauern, die hierher auf den Markt gekommen waren, unter einander darüber, dass ihre Gemeinden sich nach Kosch-Neuenhof den Aufständischen zur Hilfe begeben würden, und «wenn wir dort mit allem fertig sind, wenden wir uns gegen die Stadt und werden stärker sein als die Zarentruppen».

Im Oktober, nachdem die grösseren Bauernaufstände erbarmungslos unterdrückt worden waren, begann die Kampfspannung sich allmählich zu verringern. Am 16. Oktober wurde auf dem Gutshofe Rosenthal der Widerstand der Bauern, die sich geweigert hatten, das neue Gesetz anzuerkennen, unterdrückt. Gleichzeitig verlief auch der Widerstand der Bauern im Gutshofe Waetz erfolglos. Länger als alle anderen leisteten die Knechte des Gutes Palmse Widerstand. Im Herbst 1805 wurde es dort für ratsam gehalten, kein nächtliches Dreschen zu fordern; im Herbst des darauffolgenden Jahres weigerten sich die Knechte aufs neue, nachts zu dreschen. Erst mit der Hilfe von zwei Militärkompanien zwangen die örtlichen Mächte Ende September 1806 die palmsschen Bauern, sich den Forderungen des Gutsherrn zu fügen.

Die baltischen Gutsherren und die Zarenregierung hatten die Absicht, durch die Bauerngesetze des Jahres 1804 die vorhandenen gesellschaftlichen Verhältnisse zu festigen. Sie hofften, dass es ihnen gelingt, mit Hilfe gewisser Zugeständnisse und unwesentlicher Veränderungen die gesellschaftlich-ökonomische Entwicklung auf dem Niveau des Jahres 1804 sozusagen zu «konservieren». Der Klassenkampf der Bauern machte diese Pläne jedoch zunichte. Die Bauernunruhen der Jahre 1804—1805 nötigten die herrschenden Klassen, die Agrarfrage erneut in Angriff zu nehmen. Die Situation verwickelte sich noch mehr im Jahre 1808, als die Ostseeprovinzen wegen Hungersnot und der dadurch hervorgerufenen hohen Sterblichkeit unter den Einwohnern in eine sehr heikle Lage gerieten. Auf die Forderung des Senators Zacharow, der die Lage an Ort und Stelle untersuchte, sahen der estländische Adel und die Gouvernementsregierung sich genötigt, eine Verordnung zu veröffentlichen, die den Bauern das Recht beimass, von

den Gutsherren Getreidevorschüsse zu fordern und im Falle einer Verweigerung den Polizeibehörden eine entsprechende Klage gegen sie einzureichen. Die Versorgung der hungernden Bauern mit Lebensmitteln wurde den «schuldigen Gutsherren» auferlegt.

In dieser Zeit des Eindringens der kapitalistischen Verhältnissen wollten die Gutsherren sich nicht mehr damit zufrieden geben, dass ein Teil des zirkulierenden Kapitals ihrer Gutswirtschaften in Form von Getreidevorräten nutzlos liegen bleiben musste, weil sie verpflichtet waren, die Bauern notwendigenfalls mit Lebensmitteln zu versorgen.

Zwecks Verfassung des neuen estländischen Bauerngesetzes bildete die Zarenregierung im Jahre 1809 in Petersburg ein spezielles Komitee, welches aus Staatsbeamten bestand. Dem estländischen Adel wurde die Forderung gestellt, das Bauerngesetz laut Beispiel des livländischen Bauerngesetzes umzuarbeiten und bei der Festsetzung der Höhe der Fronobliegenheiten die Resultate der Vermessung und der Bewertung der Bauerländereien als Ausgangspunkt zu betrachten. Im Verlauf des betreffs dieser Frage zwischen den Vertretern des Adels und der Zarenregierung entstandenen Meinungsaustausches stellte sich das Verhalten der Zarenregierung zur Bauernreform in den Ostseeprovinzen klar heraus. Es beunruhigte die Zarenbeamten nicht, dass die Bauern der Ostseeprovinzen ihre dringendsten Bedürfnisse stets nur teilweise befriedigen konnten. Es beunruhigte sie jedoch viel mehr, dass jede Elementarkatastrophe die Bauern um ihr Brot brachte und dadurch der Regierung «Unannehmlichkeiten» bereitete, weil die Regierung sich in solchen Fällen um die Versorgung der Einwohner mit Lebensmitteln zu kümmern hatte. Um diese Unannehmlichkeiten zu vermeiden, stellte man dem estländischen Adel die Bedingung, sich beim Fordern des Frondienstes und der Abgaben zu mässigen. Die Durchführung der Agrarreform konnte der estländischen Ritterschaft in dieser Situation leicht ganz aus den Händen gleiten, ausserdem fürchteten die estländischen Gutsherren noch, dass die Regierung die Bezahlung der teuren Ver-

messungs- und Bewertungsarbeiten der Ländereien ihnen auferlege.

Im Februar 1811 teilte der Ritterschaftshauptmann auf dem ausserordentlichen Landtage den estländischen Gutsherren mit, dass trotz aller vom Adel ergriffenen Massnahmen die Regierung doch eine grundsätzliche Umarbeitung der Bauernverordnung vom Jahre 1804 fordere. Einen Ausweg suchend stiess der estländische Adel auf den Gedanken, die Bauern zu «befreien». Durch die formelle Erteilung der Freiheit an die Bauern hofften die Gutsherren viele verlockende Ziele zu erreichen: erstens hofften sie das Recht zu erwerben, bei der Festsetzung der feudalen Obliegenheiten nicht die in den Wackenbüchern fixierten Normen, sondern ihren eigenen Willen als Ausgangspunkt durchsetzen zu können; zweitens hofften sie sich von der Verpflichtung, den Bauern materielle Unterstützung zu leisten, in Zukunft zu befreien. «Unter solchen Umständen,» erklärte der Ritterschaftshauptmann auf dem Landtage des Jahres 1811, «können die einzig gerechten und stabilen Normen der Bauernobliegenheiten sich nur auf Grund beiderseitiger freiwilliger Verträge entwickeln.» Die einzige Form des Verhältnisses zwischen dem Gutsherrn und Bauern sei «beiderseitige Interessiertheit», erklärte er.

Auch in Livland verschärfte sich zu dieser Zeit das Problem der Versorgung der Bauern mit Lebensmittel.

Noch schärfer jedoch trat in Livland das Hauptproblem der gegenseitigen Beziehungen der Gutsherren und der Bauern hervor, nämlich die Frage, wie, womit und in welchem Masse die Gutsherren ihre Bauern belasten können.

Falls es sich nach der Vermessung der Ländereien und dem Verfassen der endgültigen Wackenbücher herausstellen sollte, dass in den transistorischen Wackenbüchern, die nach den Angaben der Gutsherren abgefasst wurden, unbegründet erhöhte Obliegenheiten fixiert waren, wurden die Gutsherren in der livländischen Bauernverordnung vom Jahre 1804 verpflichtet, den Bauern die durch «ungesetzlich» geforderte Obliegenheiten zugefügten Verluste zu kompensieren.

Dem Befehl des Innenministers zufolge traf die Walcksche Messe-Revisionskommission die an die Kirchspielsrichter gerichtete Anordnung, auf denjenigen Gütern, wo die endgültigen Wackenbücher den Bauern schon ausgeteilt worden waren und wo es sich herausgestellt hatte, dass sie mehr Fron geleistet hatten als es obligatorisch war, festzustellen, in welchem Masse die Gutsbesitzer die Fron, welche die Norm überschritten hatte, zu kompensieren haben. Die «Freilassung» der Bauern bot den livländischen Gutsherren die Möglichkeit, sich ihrer plötzlich entstandenen Schulden zu entlasten.

Während der Vorbereitung der neuen Bauerngesetze wurden die herrschenden Klassen fortwährend von der Furcht vor neuen Bauernunruhen angetrieben. Besonders grosse Furcht flösste dem Adel der Aufstand der einberufenen Bauern im Dezember 1812 ein. Die unlängst rekrutierten estländischen Bauern, die wegen der unerträglichen Verhältnisse in den Kasernen die Geduld verloren hatten, brachen auf die Strasse aus. Etwa 90 Bauern, die mit Gewehren, Sensen, Äxten und Knütteln bewaffnet waren, verliessen die Stadt und machten sich in östlicher Richtung auf den Weg. Unterwegs plünderten sie die Gutshöfe. Eine zweite Rekrutengruppe, die sich in derselben Zeit in Begleitung des Militärs aus Reval nach Pernau abgeführt wurde, wurde unterwegs, im Kirchspiel Nissi, aufständisch und versuchte sich mit den in östlicher Richtung vorgehenden Rekruten zu vereinigen. Nur mit Hilfe des revalschen Garnisonskommandos gelang es, die aufständischen Rekruten in Haft zu nehmen.

Nach langwierigen Vorbereitungen wurde das von den estländischen Gutsherren abgefasste Bauerngesetz zur Bestätigung nach Petersburg gesandt. Am 18. Juni 1816 teilte der Zar der Ritterschaft die Bestätigung des neuen Bauerngesetzes durch sein Reskript mit, und den Bauernbeisitzenden der Kirchspielsgerichte, die zu diesem Anlass speziell nach Reval beordert worden waren, wurde am 8. Januar 1817 kundgegeben, dass das Gesetz in Kraft getreten sei.

Nach der «Freilassung» der estländischen Bauern fürch-

tete die Zarenregierung sich vor möglichen Bauernunruhen in den benachbarten Gouvernements.

Im Sommer 1818 wurde sodann auch auf dem livländischen Landtage die Freilassung der Bauern erwogen. Der Generalgouverneur Paulucci wandte sich anfangs mit einem Brief an den Landtag, später jedoch trat er persönlich auf und betonte, dass «die livländischen Bauern sich nicht mit ihrer gegenwärtigen Lage zufrieden stellen können, da die Bauern des benachbarten Gouvernements... persönliche Freiheit geniessen werden». Trotz der Proteste eines Teils des Adels, der der Aufhebung der Leibeigenschaft Widerstand leistete, kam der Landtag schliesslich zum Entschluss, die Bauern «freizulassen».

Um die estnischen Bauern zu zwingen, auch weiterhin in die ihnen von den Gutsherren aufgedrängte Fronpacht einzuwilligen, blieben die Landespflichtigkeit der Bauern, die gutsherrliche polizeiliche und gerichtliche Gewalt und das gutsherrliche Strafrecht in Kraft.

Auch nach der Beendigung der sogenannten Übergangsperiode waren die Bürgerrechte der Bauern immer noch sehr beschränkt. Obwohl den Bauern das Recht zustand, bewegliches und unbewegliches Eigentum zu besitzen, Verträge zu schliessen usw., konnten sie diese Freiheiten tatsächlich nur sehr spärlich geniessen. Faktisch bildeten die estnischen und lettischen Bauern auch weiterhin den Stand, der dem feudalen Zwang in der Gutswirtschaft unterworfen war. Laut des § 586 der estländischen Bauernverordnung durfte «ein ehstländischer Bauer nur innerhalb der Provinz und zwar solche Verträge schliessen, durch welche er dem Stande eines Ackermanns des Landlebens und Hauswesens oder der sonstigen Benutzung der Gefälle eines Gutes oder den mit dessen Industrie verbundenen Handwerken und Beschäftigungen nicht entzogen wird».

Im Bestreben nach Entlastung vom Zwang der Fronarbeit liessen sich viele Bauern «gesetzwidrig» in den Lostreiberkaten nieder, um irgendein Handwerk zu treiben und sich durch Nebenerwerb zu ernähren. Im Frühling 1824 wurden in Livland und Estland Patente der Gouverne-

mentsregierungen veröffentlicht, in denen man der Einwohnerschaft mitteilte, dass es den freigelassenen Bauern, falls sie des Alters oder der Verkrüppelung wegen nicht arbeitsunpflichtig sind, nicht gestattet sei, Lostreiber zu werden — sie hätten entweder ein Grundstück zu pachten oder als Knechte zu arbeiten.

Obwohl es in den neuen Gesetzen gestattet war, nur die Bauerwirte mit Fronobliegenheiten zu belasten, blieben faktisch auch diejenigen Paragraphen der Gesetze vom Jahre 1804 in Kraft, welche die Frondiensttage der Lostreiber betrafen. Laut dieser Paragraphen waren die Lostreiber verpflichtet, auch falls sie vom Gutsherrn keine Ackerparzelle erhalten hatten, und auf dem Grundstück eines Gesinde wohnten, die Fron zu leisten, und zwar — der Mann das ganze Jahr hindurch einen Tag wöchentlich ohne Gespann, und das Weib im Sommer einen Tag (in Estland sogar zwei Tage) wöchentlich. Nach der formellen Freilassung der Bauern protestierten die Lostreiber gegen diese feudalen Obliegenheiten, jedoch erfolglos.

Sogar innerhalb der Grenzen des Gouvernements war die Bewegungsfreiheit der Bauern ausserordentlich beschränkt. Zur Umsiedlung aus einer Gutsgemeinde in die andere benötigte man die Einwilligung des ehemaligen und des neuen Gutsherrn. Da jeder Gutshof über ein eigenes Dorfvorratsmagazin verfügte, das die Getreidevorschüsse leistete, war es den Bauern nicht gestattet, die Gutsgemeinde vor der Rückzahlung der Vorschüsse zu verlassen. Der allgemeinen Armut zufolge waren die estnischen Bauern jedoch sehr selten der Rückzahlung der Vorschüsse gewachsen. Jeder Bauer, der sein Pachtgesinde oder seine Anstellung als Knecht verlassen hatte und binnen zwei Wochen keine neue Beschäftigung gefunden hatte, wurde als ein «Herumstreicher» der Polizei zur Bestrafung ausgeliefert. Die Gerichtsarchive enthalten zahlreiche Angaben darüber, wie solche Leute zwangsweise zur Arbeit angehalten und im Falle von Widersetzlichkeit der Leibesstrafe unterworfen wurden.

Auch nach der Reform vom Jahre 1804 gaben die estnischen Bauern ihren Kampf gegen die Vergrösserung der

ihnen auferlegten Obliegenheiten nicht auf. Die Bauern führten bei Gericht Klage wegen der zu hohen Bewertung ihrer Grundstücke und forderten neue Messungen ihrer Ländereien sowie eine dementsprechende Verminderung der Obliegenheiten. Die formelle Freilassung der Bauern befreite die Gerichte und die Gutsherren von allen «Scherereien», die die Klagen und Proteste der Bauern mit sich brachten. Laut der Verordnung des Generalgouverneurs Paulucci vom 18. Mai 1819 war es den Bauern versagt, jegliche Forderungen aus ihrem «früheren Stand» in ihren «neuen Stand» zu übertragen. Vom selben Zeitpunkt an weigerten sich die Gerichte Klagen der Bauern zu empfangen, welche gegen zu grosse gutsherrliche Obliegenheiten gerichtet waren, da die Höhe der Obliegenheiten auf Grund «freiwilliger Übereinstimmung» festgesetzt worden sei. Wie bekannt, fiel es einem Bauer jedoch sehr schwer, seine Gutsgemeinde zu verlassen, und dem Bauerwirt, der kein Knecht werden wollte, verblieb darum nur eine Möglichkeit — auf die vom Gutsherrn gestellten Pachtbedingungen einzugehen. Also wurden die Bedingungen des Pachtvertrags bei dieser «freien Übereinstimmung» in Wirklichkeit dem Bauerwirt vom Gutsherrn vordiktiert.

Die Abhängigkeit der Bauern von den Gutsherren vergrösserte sich auch infolge dessen, dass die Gutsherren ihr Strafrecht betreffs den Bauern gegenüber beibehalten hatten.

Mit dieser statt der ihnen schon längst versprochenen «Freiheit» konnten sich die Bauern keineswegs zufrieden geben.

Seit der Veröffentlichung der neuen Gesetze wurde es immer häufiger, dass Fröner ihre Arbeit nicht leisteten und sich von den Gutsaufsehern nicht bestrafen liessen. Die Bauern, die das Amt des Gemeindeältesten oder der Gerichtsbeisitzer bekleideten, weigerten sich, die Anordnungen der Gutsherren auszuführen und ihren Dorfnachbaren Leibesstrafen zuzuerkennen u. dgl. Aus diesem Grunde wurden viele Gemeindeältesten in den ersten der «Freilassung» folgenden Jahren laut Forderungen der Gutsherren abgesetzt.

Schon die ersten Gerüchte über die Freilassung riefen in den Gemeinden Nordestlands scharfe Zusammenstösse zwischen den Bauern und den örtlichen Gewalthabern hervor. Am 14. September 1816 leisteten die Bauern der Gemeinde Pöddis (Kreis Wierland) dem Hakenrichter Widerstand. Infolgedessen wurden 150 Husaren in den Bauerngesinden des Kreises Wierland einquartiert, was den Bauern sehr schwer fiel.

Nach der Veröffentlichung des Gesetzes entstanden im Gouvernement Estland Bauernunruhen. Auf den Gütern Alt- und Neu-Riesenberg, Laiz und Pajack verweigerten die Bauern im Juni 1817 ihren Gutsherren den Gehorsam. Die Widersetzlichkeit der Bauern wurde erst dann gebrochen, als der Gouverneur sich persönlich zur Stelle begeben hatte. Auf dem Gute Podis brachen die Bauern die Leistung der Hilfsfron ab; auf den Gütern Maidel und Neu-Isenhof widersetzten sich die Bauern der Gutspolizei. Ende des Jahres 1817 entbrannten starke Unruhen auf dem Gute Sasten. Die Bauern unterbrachen die Fronleistungen und weigerten sich, sich ihrem Gutsherrn und dem mitsamt Soldaten zur Stelle geforderten Hakenrichter zu fügen. Nach den Unruhen in Sasten wurde auf Anordnung des Zars im Anfang des Jahres 1818 das dritte Küstenwehrregiment der 25. Division nach Estland abkommandiert, welches bataillonweise in den Kreisen Wierland, Jerwen und Wieck einquartiert wurde; ausserdem trafen noch 200 Kosaken der Grenzwache ein.

Im Jahre 1819 fanden antifeudale Bauernunruhen auf drei Gütern des estländischen Gouvernements statt. Die Bauerwirte weigerten sich, die Fron der alten Wackenbücher gemäss zu leisten; die Fronknechte jedoch weigerten sich, die gutsherrliche Ernte nachts zu dreschen.

Die Bauernbewegung entbrannte Anfang des Jahres 1820 in Südestland, nach der Promulgation der «Freiheit» aufs neue. Die Bauern entsandten spezielle Boten nach Riga, die dort die Verminderung der Obliegenheiten fordern sollten. Bald brachen offene Unruhen aus. Die Bauern des Gutes Testama im Kreise Pernau unterbrachen die Fronleistungen. Erst nachdem Militär zur Stelle gefordert

war und in jedem Gesinde 2—3 Soldaten einquartiert worden waren, nahmen die Bauern die Arbeit auf dem Gute wieder auf.

Grössere Unruhen fanden im Kreise Werro statt. Anfang Juni verweigerten die Bauern vieler Güter des Kirchspiels Rauge ihren Gutsherren den Gehorsam und unterbrachen die Fronleistungen. Am 9. Juni, als das Kirchspielsgericht den Versuch machte, die widerständischen Bauern in Neu-Nursi zu bestrafen, versammelten sich beim Gebäude, in dem die Gerichtssitzung stattfand, über 400 Bauern, die aus ihrer kämpferischen Gesinnung kein Hehl machten, und das Gericht war gezwungen, sich zu entfernen, ohne etwas zu unternehmen. Um die Bauernunruhen zu unterdrücken, wurden auf sieben Gütern der Kirchspiele Rauge und Neuhausen Kosaken einquartiert. Aber noch Ende des Monats, nach der Bekanntgabe der Urteilssprüche in Neu-Nursi, waren die Bauern bestrebt, die Verhaftung der «Urheber» der Ereignisse zu verhindern.

Im selben Jahre (1820) brach der Bauernaufstand auf dem Don auf. Um die Unruhen zu unterdrücken, war die Zarenregierung genötigt, dorthin grosse Militärkommandos abzukommandieren. Den Gouverneuren wurde in Zusammenhang damit ein diesbezügliches Zirkular des Innenministers zugesandt, in dem auf die Notwendigkeit eines resoluten Kampfes gegen die Bauernbewegung hingewiesen wurde; trotzdem wurde den örtlichen Behörden weiter vorgeschrieben, nicht zu voreilig nach der Hilfe von Militärkommandos zu greifen; im voraus wurden sie darauf aufmerksam gemacht, dass sie selbst durch ihre «voreilige» Strenge die Unruhen hervorrufen könnten. Den örtlichen Mächten wurde es zur Pflicht gemacht, den «rechtmässigen Klagen» der Bauern grössere Aufmerksamkeit zu schenken. Dieses Zirkular des Innenministers bestimmte auch das Verhalten der örtlichen Mächte in Livland während der Unruhen in den Jahren 1820 und 1822—1823. In ihrer Angst, die die Unruhen der russischen und ukrainischen Bauern vom Don der Zarenregierung eingeflösst hatten, bestand sie auf ihrer Forderung an ihre Machtvollzieher in den Ostseeprovinzen, im Kampf gegen die anti-

feudale Bewegung der estnischen und lettischen Bauern vorsichtiger zu handeln.

Dem livländischen Bauerngesetz gemäss hatte man im November 1822 die Hälfte der Bauerwirte zu befragen, ob sie ihre Pachtverträge (welche auf Grund der alten Wackenbücher geschlossen worden waren) verlängern und demzufolge auf ihren alten Grundstücken verbleiben wollen oder ob sie darauf verzichten. Die Bauerwirte des ganzen Gouvernements hatten entweder in die Forderungen der Gutsbesitzer einzuwilligen und nach wie vor die gehasste Fron zu leisten oder Knechte zu werden. In dieser Wahlfreiheit äusserte sich die ganze «Freiheit» der Bauern. Sie erwiderten mit einem zornigen Protest und erklärten, dass sie auf Grund der Wackenbücher die Fron nicht leisten würden, aber trotzdem nicht die Absicht hätten, ihre Gesinde zu verlassen. Viele Bauern erklärten, dass sie ab St. Georg im Frühling des folgenden Jahres die Fron nicht mehr leisten würden. Sie erklärten sich einverstanden, der Quantität sowie der Qualität ihrer Grundstücke gemäss nur eine Geldpacht zu zahlen. In vielen Gemeinden erklärten die Bauern, dass sie sich nach der Freilassung überhaupt weigeren, sich den Gutsbesitzern zu fügen. Ein gewisses biblisches Gleichnis umfrasierend erklärten sie, dass sie nach der Freilassung nur dem Herrgott und dem Zar geben würden, was ihnen zukomme, mit der Fron auf den Gütern jedoch solle es nun ein Ende haben. Die Bauern des Kreises Werro wiesen auf die Bauern an der gegenüberliegenden Küste des Peipussees hin, die, wie man behauptete, nur eine mässige Geldpacht zu zahlen hätten.

Gegen Ende November 1822 trafen in Riga aus allen Kreisen beunruhigende Nachrichten ein. In zahlreichen Kirchspielen der Kreise Riga—Wolmar und Wenden—Walck erklärten beinahe alle befragten Bauerwirte, dass sie sich weigerten, die Fron nach den alten Wackenbüchern zu leisten, es sich dabei aber überhaupt nicht einfallen liessen, ihrem ureigenen Grund und Boden zu entsagen. Bauernunruhen ähnlichen Charakters verbreiteten sich auch in Südestland und auf der Insel Ösel.

Wie es sich später herausstellte, hatten mehr als 3000

von 20 000 befragten Bauerwirten die Forderungen der Gutsbesitzer abgelehnt. Die Bauern sowohl der Privat- als auch der Krongüter nahmen an den Unruhen Teil. Laut dokumentarischer Angaben hatten die Bauernunruhen Ende des Jahres 1822 und Anfang des Jahres 1823 69 Güter (darunter im estnischen Teil des Gouvernements 35 Güter) ergriffen. Ab Anfang des Jahres 1823 gingen die Gouvernementsmächte tatkräftig ans Werk, um die Bauernbewegung zu unterdrücken. Dabei hatten sie sich dennoch nach dem obenerwähnten Zirkular des Innenministers zu richten und sich wohl oder übel «vorzeitiger Strenge» zu enthalten.

Den Kreisgerichten und den Ordnungsrichtern wurden je Kreis ein oder zwei Bataillons zur Verfügung gestellt. Am 30. Januar wurden aus Wolmar 2 Kompanien aufs Land abkommandiert. Deshalb waren die Bauern gezwungen, ihren Widerstand einzustellen. Am 3. Februar begab sich der Kreisrichter von Pernau in Begleitung einer Kompanie Soldaten auf eine Strafexpedition. Im Neu-Karristhof nahm er 7 Bauern in Haft, alle übrigen wurden erbarmungslos durchgeprügelt. Eine andere Strafkompanie traf auf dem Gutshof Tarwast ein. Darauf waren die Bauern der anderen Güter in den Kreisen Pernau und Fellin genötigt, sich zu «beruhigen». Im Kreise Werro wurde Anfang Februar eine Kompanie im Kirchspiele Neuhausen und eine andere im Kirchspiele Rapin einquartiert, worauf die Bauernunruhen auch dort ein Ende nahmen. Die Unruhen auf der Insel Ösel wurden Ende Januar bis Mitte Februar ohne Militär unterdrückt.

Im vorliegenden Buche haben wir die Leser mit den Unruhen und antifeudalen Ausschreitungen der Bauernschaft bekannt gemacht, die laut der Angaben im Gouvernement Estland 141 Gutshöfe ergriffen hatten.

Das unterbreitete Material lässt deutlich fünf Wellen der Bauernbewegung (in den Jahren 1797, 1802—1807, 1817, 1820 und 1822—1823) unterscheiden, denen Perioden relativer Ruhe vorangingen und folgten.

Betreffs des Jahres 1797, als die Bauernbewegung in Estland relativ schwach war, stehen uns verhältnismässig volle Angaben über die Unruhen auf 7 Gutshöfen zur Ver-

fügung (über die Unruhen auf 2 Gutshöfen haben sich zu dürftige Angaben erhalten). Dabei, laut der zur Verfügung stehenden Angaben, haben den Bauern in zwei Fällen nur die aufregende Stimmung, die überall im Lande herrschte, und auch die Gerüchte über irgendwelche Veränderungen Anstoss zur Ausschreitung gegeben, in fünf Fällen jedoch haben sich die Bauern über ihre unerträgliche Lage beschwert.

Dasselbe war auch im Jahre 1803 der Fall, als die Bauernunruhen in Livland eben ausgebrochen waren: die Unruhen entstanden auf denjenigen Gütern, wo die Bauern während der Ausschreitung sich über ihre unerträgliche Lage beschwerten (in 5 Fällen von 6; in drei Fällen haben sich keine hinreichenden Angaben erhalten). Es ist interessant darauf hinzuweisen, dass in einem Falle die Bauern die Unerträglichkeit ihrer Lage nur dadurch erkannten, dass der Besitzer des benachbarten Gutes die Obliegenheiten seiner Bauern verminderte.

Als die Unruhen im Jahre 1805 sich nach Estland übertrugen, entstanden sie vorerst meistens auf denjenigen Gütern, wo die Bauern Grund hatten, sich über ihre unerträgliche Lage zu beschweren (in zwei Fällen; in drei anderen Fällen stehen uns zu geringe Angaben zur Verfügung).

Als jedoch die Unruhen ihren Höhepunkt erreichten, entstanden eigentümliche «Kettenreaktionen»: Unruhen auf einem Gutshofe rufen diese auf den benachbarten Gütern hervor, wobei wir es oft auch mit gewissermassen vorbereiteten Aktionen zu tun haben (die Bauern entsenden Boten, die die benachbarten Bauern zum Kampf aufrufen). Und erst auf dieser Entwicklungsstufe lässt sich die Konzentration der Bauernbewegung in einem Umfang beobachten, der für die herrschenden Klassen gefährlich zu werden droht. Laut der Tabelle auf S. 352 fanden die stärksten Unruhen in den Jahren 1805 und 1858 in einem und demselben Gebiete statt. In beiden Fällen brachen in diesen Gebieten Bauernaufstände aus, wobei im ersten Fall die Bauern von 7 Gutshöfen und im zweiten Fall von 11 Gutshöfen sich auf Aufruf der Boten von einem anderen Guts-

hofe (im ersten Fall — von Kosch-Neuenhof, im zweiten Fall — vom Gutshof Machters) zum Kampf erhoben. Hätte man die Boten nicht entsandt, hätten die Bauern dieser Gutshöfe nicht an den Unruhen teilgenommen und das vorher erwähnte Gebiet würde sich von den anderen Gebieten nicht in so grossem Masse unterscheiden. Bei der Erwägung der Tatsache, dass im Jahre 1858 ein relativ gut vorbereiteter Aufstand in demselben Gebiete zum Ausbruch kam, wo auch im Jahre 1805 einer stattgefunden hatte, ist auch den Traditionen des bäuerlichen Klassenkampfes eine gewisse Rolle zuzumessen. Uns stehen Angaben darüber zur Verfügung, dass die Bauern des Kreises Harrien im Jahre 1858 die Ereignisse des Jahres 1805 noch nicht vergessen hatten und anfangs sogar darauf warteten, dass der Aufruf zum Kampf auch diesmal aus Kosch-Neuenhof ausgehen werde.

Um die Jahrhundertwende des 18. und 19. Jh. traten die Bauernunruhen in Estland in verschiedenen Formen auf, und die Forderungen der Bauern waren sehr verschiedenen Charakters. All diese verschiedenen Formen der Bauernunruhen (die Forderungen, die Anzahl der Frondiensttage zu vermindern oder «die alten schwedischen Normen» wieder einzuführen; die Verweigerung, die neuen Wackenbücher in Empfang zu nehmen, weil in diesen zu hohe Normen der Fronobliegenheiten vorgesehen waren; die Verweigerung, die Ernte nachts zu dreschen usw.) kann man leicht auf einen gemeinsamen Nenner bringen: die Forderung der Bauern, den Frondienst in bedeutendem Masse zu vermindern. Auch die Ausschreitungen gegen das gutsherrliche Strafrecht waren mit dieser Forderung verknüpft: die Bauern protestierten nicht nur dagegen, dass man sie nötigte, viel Arbeit zu leisten, sondern auch dagegen, dass ihnen bei dieser Arbeit Prügelei und beleidigende Behandlung zuteil wurde.

Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jh. bildete sich auf den Privatgütern Russlands als häufigste Form des Widerstandes der Bauern die Gehorchsverweigerung aus. Überfälle auf die Gutshöfe und gemeinsame Ausschreitungen der Bauern mehrerer Güter kamen sehr

selten vor. Gewöhnlich vereinigten sich die Bauern mehrerer Güter nur dann, wenn die Notwendigkeit entstanden war, den Strafkommandos gemeinsam Widerstand zu leisten.

Die Ursachen gerade dieser Entwicklung der Dinge sind anscheinend in dem konkreten Charakter der Produktionsverhältnisse zu suchen. Zu den allerschärfsten Problemen der Beziehungen zwischen dem Gutsherrn und dem Bauer gehörte dasjenige des Frondienstes. Die Last der Fronobliegenheiten ruinierte die Bauernwirtschaft, auch waren Prügel und jegliche Strafen eng mit dem Frondienste verknüpft. Die Bauern brauchten nur sich nicht zur Arbeit auf dem Gutshofe einzufinden, und dies machte sich sofort in der gutsherrlichen Wirtschaft fühlbar. Es wird allgemein angenommen, dass die Gehorchsverweigerung zu den sogenannten passiven Formen des Klassenkampfes gehöre, tatsächlich hatte dieses Vorgehen jedoch verhältnismässig «aktive Ergebnisse», da es die ganze wirtschaftliche Tätigkeit des Gutes sofort lahmlegte. Überall war der Klassenkampf der Bauernschaft gegen die feudale Ausbeutung gerichtet. Zur selben Zeit jedoch, als die Bauern der Länder westlich der Elbe sich in ihrem Bemühen um die Befreiung von der feudalen (senioralen) Ausbeutung «Überfälle gegen die Schlösser» unternahmen, suchten die Bauern in den Gebieten Russlands, wo die Fron verbreitet war, ihr Ziel durch Gehorchsverweigerung zu erlangen.

Ende des 18. Jh. behaupteten viele baltische Publizisten, die Bauern seien der Meinung, dass der ganze Ackerboden eigentlich ihnen gehöre, ihnen jedoch seitens der überseeischen Eroberer entzogen worden sei. Trotzdem stehen uns bis jetzt vom Ende des 18. oder vom Anfang des 19. Jh. noch keine Angaben darüber zur Verfügung, dass die Bauern während der antifeudalen Ausschreitungen ihre Forderungen damit begründet hätten, dass sie die rechtmässigen Eigentümer des Landes seien und dass die deutschen Ritter die Ländereien ihrer Vorfahren sich durch Gewalt und Betrug angeeignet hätten. Die Lage ändert sich erst während der Unruhen, die im Zusammenhang mit der «Freilassung» der Bauern stattfanden: hier begründeten die

Bauern ihre Forderungen (obwohl verhältnismässig selten) durch Motive nationalen und geschichtlichen Charakters.

Die Ideologie der Bauernschaft sowie die Forderungen, die sie im Laufe des antifeudalen Kampfes stellt, gehören zu denjenigen Erscheinungen, die sich ständig entwickeln und verändern. Im Falle von langwierigen und starken Unruhen haben sie eine verhältnismässig lange Entwicklung durchzumachen. Anfangs, während der ersten Kampfetappen, stellen die Bauern geringere Forderungen, welche die herrschende Klasse, wenn sie nachgiebiger sein würde, manchmal auch befriedigen könnte. Erst dann, wenn die Spannung und die Schärfe des Klassenkampfes sich verstärkt, oft zufolge der Grausamkeit oder Betrugsmanöver der herrschenden Klasse, kommen die Bauern zur Erkenntnis der Notwendigkeit, die Macht der Gutsherren zu stürzen. In den Jahren 1797—1803 forderten die Bauern die Gutsherren auf, die Fronobliegenheiten zu vermindern und sie zukünftig nicht mehr den ungerechten und grausamen Strafen zu unterwerfen. In den Jahren 1804 und 1805 bekamen sie es am eigenen Leibe zu spüren, wie selbstsüchtig die Gutsherren das Problem der Berichtigung der Frondienstnormen zu lösen suchten, und traten zornig gegen jene Lösung des Problems auf. Im Laufe des antifeudalen Kampfes kamen sie immer wieder zur Erkenntnis, dass ihre Lage sich in der Tat erst dann verbessern wird, wenn sie sich völlig von den Gutsherren befreien. Diese Forderung — sich von der feudalen Ausbeutung völlig frei zu machen — trat zur Zeit der Unruhen nicht nur in Form der Drohungen, die «Herren» zu töten, sondern auch in dem naiven Glauben der Bauernschaft an den Zar zum Vorschein. Die Idee — sich von den Gutsherren zu befreien und nur die Macht des Zars anzuerkennen — erklang während des Klassenkampfes der estnischen Bauernschaft Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. Besonders laut und oft wurde diese Forderung während der Unruhen in Livland in den Jahren 1822—1823 gestellt. Die Bauern wollten sich ganz und gar von den Gutsherren befreien und nur die Macht des Zars anerkennen. Die Vorstellung vom freien Leben unter der Macht des Zars, das durch die

Gutsfron nicht mehr verdüstert wird, war so verlockend, dass die Phantasie der Bauernschaft auflebte und den Zar mit einer märchenhaften Aureole verklärte. Dem Zar wurde der Wunsch angedichtet, die Bauern sofort von den Fronobliegenheiten zu entlasten, die Ländereien an sie austeilen zu wollen usw. Im Laufe der Bauernunruhen wurde dieser naive Monarchismus zeitweilig zur Kraft, die den antifeudalen Forderungen der Bauern in ihren eigenen Augen eine überzeugende Motivierung und Autorität beimass. Letzten Endes erwies er seinen Anhängern einen schlechten Dienst, da er die Energie der Bauern im entscheidenden Moment — beim Zusammenstoss mit den Vertretern der Staatsmacht und mit dem Militär — schwächte.

Um die Jahrhundertwende des 18. und 19. Jh. gab es in der Ideologie der estnischen Bauernschaft viel Beschränktheit und Naivität. Zugleich wies diese Ideologie auch zahlreiche starke Seiten auf, die ihren Trägern zur Ehre gereichten. Den Bauern fiel es bereits im Anfang des 19. Jh. auf, dass die Vereinigung der Kräfte der Bauernschaft notwendig ist, um den Kampf zu führen, der letzten Endes zur Machtentziehung der Gutsherren führen musste (die Rede des Jaan aus Jomper, die Aussagen einiger Bauern aus dem Kreis Pernau 1807). Die Idee der brüderlichen Solidarität hatte sich in der Weltanschauung der damaligen Bauernschaft fest eingewurzelt.

In ganz Osteuropa wurde die Wende des 18. und 19. Jh. gleichzeitig auch zur etwaigen chronologischen Grenze der sogenannten Bauernkriege. Zur Endperiode der Bauernkriege gehören auch die Unruhen vom Jahre 1784 in Südestland und die Unruhen, die sich im Herbst 1805 in Nordestland abspielten. Weder im Jahre 1784, noch im Jahre 1805 haben die Unruhen in den estnischen Gebieten sich in einen Bauernkrieg entwickelt. Der Kampf der Bauernschaft erlangte zwar die Stufe, wo Drohungen, alle Herren zu erreichen. Tatsächlich haben die Bauern einige Versuche zu vernichten, laut wurden. Diesese Ziel war nur durch den Ausbruch eines «Krieges» gegen die herrschende Klasse gemacht, sich zu bewaffnen und in Truppen zu vereinigen.

Obwohl der antifeudale Klassenkampf seiner Schärfe nach schon beinahe die Stufe des Bauernkrieges erlangt hatte, konnte er dennoch die Form eines Bauernkrieges nicht annehmen.

Die Klarstellung der Rolle und des Verhaltens der verschiedenen Bauernschichten während der Bauernunruhen muss uns allmählich an die Lösung eines viel grösseren und komplizierteren Problems heranführen, nämlich — in welchem Masse der Prozess der sozialen Differenzierung der Bauernschaft den Einfluss auf ihren antifeudalen Kampf ausgeübt hat?

Einige Forschungen der letzten Zeit haben alle Bauernunruhen, die sich auf den estnischen Gebieten in den Jahren 1750—1825 abgespielt hatten, auf Grund von Archivmaterial festgestellt und gründlich analysiert. Dank dieser Forschungen ist es uns heute bekannt, dass individuelle Ausschreitungen der frönenden Bauernknechte und der Hirtenbuben gegen die Bauerwirte, die ihre Arbeitskraft exploitierten, schon im letzten Viertel des 18. Jh., wahrscheinlich sogar noch früher, zu verzeichnen sind. Die erste kollektive Ausschreitung des entstehenden Dorfproletariats gegen die Bauerwirte, worüber uns Angaben zur Verfügung stehen, vollzog sich erst im Jahre 1817.

Im dritten Jahrzehnt des 19. Jh. setzten sich die kollektiven Ausschreitungen der Bauernknechte fort. Die Knechte wandten sich an die Gemeinde- u. Kirchspielgerichte mit kollektiven Klagen über den zu niedrigen Arbeitslohn, schlechtes Essen usw. Leider ist es noch nicht möglich, mit Bestimmtheit zu sagen, ob dieses besondere Gepräge der 1820er Jahre wirklich von den Veränderungen abhängt, die sich im Entwicklungsprozess der gesellschaftlichen Verhältnisse auf dem Lande vollzogen, oder nur durch den Charakter der Quellen bedingt ist. Es handelt sich nämlich darum, dass die Protokollbücher der Kirchspiel- und Gemeindegerichte, die die gesellschaftlichen Verhältnisse im Dorfe widerspiegeln, sich erst seit den 20er Jahren des 19. Jahrhunderts systematisch und vollständig erhalten haben. Vom Standpunkte des vorliegenden Themas aus ist es jedoch wichtig festzustellen, dass in

den Urkunden, die den antifeudalen Kampf der Bauernschaft betreffen, innere Widersprüche zu allererst während der Unruhen verzeichnet sind, die im Zusammenhang mit der Promulgation der «Freiheit» der Bauern stehen.

Die die Zeitspanne von 1797 bis 1806 betreffenden Angaben gestatten uns, obwohl nur annähernd (mit Bezug auf 51 Güter) festzusstellen, wer an den Unruhen teilgenommen hat und welche Forderungen im Laufe der Ausschreitungen gestellt wurden. In 35 Fällen traten hauptsächlich nur Bauerwirte, in 13 Fällen — Knechte und in 4 Fällen — Bauerwirte und Knechte vereint auf. Im Jahre 1797 forderten die Bauerwirte eine wesentliche Verminderung der Fronobliegenheiten, die Knechte aber liessen sich von den Gutsaufsehern und adligen Beamten nicht bestrafen. Bezeichnend ist dabei, dass in demselben Jahr Bauerwirte und Knechte sich in den Unruhen, die auf den Gütern Köllijall und Linameggi stattfanden, gleichzeitig auflehnten.

Betreffs der Perioden 1816—1819, von 1821 bis zur ersten Hälfte des Jahres 1822 und 1824—1827 stehen uns Angaben zur Verfügung, die es beweisen, dass auf 8 Gütern in erster Linie die Bauerwirte sich gegen den Gutsherrn auflehnten und auf 7 Gütern — in erster Linie die Fröner widerständig wurden; auf 4 Gütern eilten den Knechten auch die Bauerwirte zur Hilfe. Über die Teilnehmer der anderen Ausschreitungen fehlen leider genauere Angaben. Während der Bauernunruhen tritt immer diejenige Schicht der Bauernschaft in den Vordergrund, die im konkreten Falle von den Ereignissen betroffen ist. Im Jahre 1803 verbreiteten sich in Livland Gerüchte, dass die Fron bald vermindert werden wird. Es war also natürlich, dass die Bauerwirte gerade dieses zu erlangen suchten, da die Grösse ihrer Fronobliegenheiten in erster Linie die Gutsherrn und die Bauerwirte anging; der Fröner war hier eine «Nebenperson». In den Jahren 1804 und 1805 blieb die Situation in Livland unverändert, da durch die Austeilung der neuen Wackenbücher (diese wurden ja den Bauerwirten ausgehändigt) die Grösse der Fronobliegenheiten wieder zum aktuellen Problem geworden war. Sobald jedoch die Frage darüber, ob man die Gutsernte tags oder nachts

dreschen sollte, in Nordestland im Jahre 1805 zu neuen Unruhen Anlass gegeben hatte, schlossen sich dem Kampfe auch die Knechte intensiv an, da das Problem sie unmittelbar anging. Als aber die Mächte in den Jahren der «Freilassung» die Bauerwirte befragten, ob sie unter der Bedingung, dass die alten Fronobliegenheiten erhalten bleiben, auf ihren Gesinden verharren, beteiligten sich an den ausgebrochenen Unruhen in erster Linie die Bauerwirte.

Diese Abhängigkeit des Verhaltens der einzelnen Schichten der Bauernschaft von den Ereignissen, die den Anstoss zu den Unruhen gaben und manchmal zufälligen Charakters waren, die relativ schwache Verbindung zwischen den Bauerwirten und Knechten während der Unruhen, obwohl sie in derselben Gemeinde und in demselben Gesinde wohnhaft waren, legen Zeugnis ab über die innere Schwäche des Klassenkampfes der Bauernschaft, sowie über seine Unorganisiertheit und Spontaneität. Aber ausserdem sprechen sie auch davon, dass sich im estnischen Dorfe bereits damals zwei Welten heranbildeten, und dass die Probleme, die für die Bauerwirte ein Interesse hatten, die Knechte relativ wenig angingen, und umgekehrt. Auf dem Gutshof Palmse fanden im Jahre 1805 zwei Ausschreitungen statt, die von einander beinahe vollkommen unabhängig waren: durch die erste Ausschreitung suchten die Bauerwirte eine Verminderung der Fronobliegenheiten zu erlangen oder sogar Kronbauer zu werden, die zweite Ausschreitung äusserte sich in der Verweigerung der Knechte, das Korn nachts zu dreschen. An der Spitze der beiden Ausschreitungen standen verschiedene Anführer, und beide Bauerngruppen griffen zu einer Kampftaktik, die sich von derjenigen der anderen Gruppe unterschied. Diese soziale Spaltung glich sich jedoch oft durch die Solidarität aus, die im Laufe des Klassenkampfes in erster Linie seitens der Fröner geäussert wurde. Sobald die Fröner der Güter Karin und Orgen es erfahren hatten, dass den Bauerwirten, die auf dem Gute Karin in Haft genommen worden waren, eine Prügelstrafe droht, eilten sie ihnen zur Hilfe. Die Bauerwirte der benachbarten Gemeinden wagten es jedoch nicht, sich mit den Frönern zu vereinigen, die sich in Kosch-

Neuenhof zum Kampf vorbereiteten. Infolge der sozialen Spaltung widersetzten sich die Knechte und die Bauerwirte den Gutsherren sehr selten am selben Tag oder im selben Dorf. Ungeachtet dessen spielten die Ausschreitungen sich dennoch wenn nicht an demselben Tag, dann doch in demselben Jahr ab. Die antifeudalen Ausschreitungen der Bauerwirte und Knechte, die um die Wende des 18. und 19. Jh. gegen die Gutsherren und objektiv auch gegen die Zarenregierung gerichtet waren und einander gegenseitig verstärkten, sind immerhin Ausschreitungen einer gemeinsamen gegen die Gutsherren gerichteten Bauernfront.

Die Schärfe der Unruhen in Estland in den Jahren 1822—1823 weist eine beträchtliche Rückständigkeit im Verhältnis zu ihrer Ausgedehntheit auf. Während der Unruhen kam das Streben der Bauern deutlich zum Ausdruck, die Sache nicht bis zum Äussersten, zu Exzessen, wie es die Obrigkeit damals nannte, kommen zu lassen. Gleichzeitig sind die Bauernunruhen der Jahre 1822—1823 fast die einzigen, an denen beinahe nur die Bauerwirte allein teilnahmen (im Gegensatz zu den Unruhen in den Jahren 1802 und 1805, als die Knechte besonders während der Aufstände eine sehr grosse Rolle spielten). Das führt unvermeidlich zum Schluss, dass der Charakter der Unruhen der Jahre 1822—1823 teilweise davon abhing, dass in jenen Jahren als Vertreter der antifeudalen Bestrebungen der ganzen Bauernschaft eigentlich nur diejenige Bauernschicht wirkte, die am meisten ihrer «irdischen» Güter wegen zitterte.

* *
*

Der Klassenkampf der estnischen Bauernschaft um die Wende des 18. und 19. Jh. hat eine grosse historische Mission erfüllt. Er verhinderte es, dass die sogenannte Agrarfrage von der Tagesordnung gestrichen wurde, nötigte die Gutsherren und die Zarenregierung, Manöver auf Manöver auszuführen, ein Zugeständnis nach dem anderen

zu machen. Der Protest der Bauernschaft gegen die feudale Ausbeutung nötigte die herrschenden Klassen, den Weg der Reformen einzuschlagen. Zu den Reformen schritten sie jedoch in der Hoffnung, dass diese die Verstärkung ihrer Macht herbeiführen und ihnen in der Form der «gesetzmässigen Frondienstnormen» ein neues Mittel zur intensiveren Exploitation und zum Bezähmen der Bauernschaft in die Hand geben werden. Die antifeudalen Ausschreitungen der estnischen Bauernschaft haben diese Pläne jedoch vereitelt. Es ist den herrschenden Klassen nicht gelungen, die Agrarfrage zu lösen und sich davon zu «entlasten». Die Unruhen und Aufstände, die im Herbst 1805 stattfanden, nötigten die Zarenregierung das Bauernproblem wiederum ernsthaft in Angriff zu nehmen. Letzten Endes waren die herrschenden Klassen dennoch gezwungen, auf die Aufhebung der Leibeigenschaft einzugehen.

Die Gesetze der Jahre 1816 und 1819 deklarierten die Freiheit und die Einführung «neuer Beziehungen», sie enthielten aber auch gleichzeitig die Paragraphen, die diese scheinheiligen Deklarationen zunichte machten und die Aufrechterhaltung der gutsherrlichen Macht sowie des feudalen ausserökonomischen Zwangs sicherten. Die Bauern dagegen führten ihren Kampf im Namen der tatsächlichen Verwirklichung der Freiheit. Die Bauern forderten die sofortige Aufhebung der am wenigsten produktiven Arbeitsweise — der Fron. Die Knechte und die Lostreiber strebten nach der Möglichkeit, sich frei zu verdingen, nach dem Recht, die Gemeinde zu verlassen, um sich in die Stadt in diesen oder jenen Dienst zu begeben. Es ist nicht nötig, speziell zu beweisen, dass falls die Forderungen der Bauernschaft sich verwirklicht hätten, auch der Kapitalismus sich nicht nur auf dem Lande, sondern auch in der Stadt unvergleichlich schneller und weitgehender entwickelt hätte.

Es gelang den Gutsherren und der Zarenregierung jedoch, die Ausschreitungen der Bauern zu unterdrücken, die sich zum Kampf im Namen der wirklichen Freiheit angeschickt hatten. Die Niederlage der estnischen Bauernschaft im Laufe der Unruhen der Jahre 1822—1823 führte

es herbei, dass das Eindringen des Kapitalismus in das estnische Dorf sich noch jahrzehntelang auf der schlimmeren der beiden möglichen Bahnen vollzog.

Dieses hindert uns jedoch nicht, in der Reform, die den estnischen Bauern die persönliche Freiheit gegeben hatte, einen in der Reihenfolge notwendigen und progressiven Schritt auf dem Wege zu erkennen, der durch den Verfall der feudal-leibeigenschaftlichen Produktionsverhältnisse zum Sieg der bürgerlich-kapitalistischen Produktionsverhältnisse führte.

Als die herrschenden Klassen mit der Durchführung der nächsten Reform in den Jahren 1840—1850 genötigt waren, die feudale Gewalt der Gutsherren über die Bauern wirksamer zu beschränken und reale Möglichkeiten für die Einführung der Geldpacht und das Aufkommen des bäuerlichen Kleineigentums zu schaffen, lag für sie keine Notwendigkeit mehr vor, sich mit der Gewährung der Rechte einer juridischen Persönlichkeit für die Bauern zu beschäftigen, da diejenigen diese Rechte schon durch die Gesetze von 1804, 1816 und 1819 erhalten hatten.

Also hat es sich erwiesen, dass die Bauernreformen der Jahre 1816 und 1819 sich für die estnischen Bauern dennoch einen Schritt vorwärts auf dem schweren Weg bedeutete, der von Feudalismus zum Kapitalismus hinüberführt, obwohl es ein Schritt war, der der unumgänglichen gesellschaftlich-wirtschaftlichen Entwicklung die für die Gutsherren nützlichste Form gab. Und auch diesen Schritt taten die baltischen Gutsherren gegen ihren Willen, unter dem Zwang der wirtschaftlichen Entwicklung und des Klassenkampfes der Bauernschaft.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аберс — 14, 304
Аболинья — 16, 73, 160, 167
Агте — 13, 16, 198
Адамсон — 115
Адоский Пээтер — 323
Айтсам — 9
Александр I — 143, 145, 147, 156, 172, 174, 189, 192, 199, 212, 214, 268, 269, 292, 293, 303, 355
Алтемент — 14, 15, 16, 184
Андрес — 326
Андронов — 236
Анн — 90
Анне — 112
Анреп — 194, 200, 225
Аренс — 123
Арсеньев — 235
Арья-Матсиский Яан — 253

Байер — 118
Балагуров — 394
Бартц — 33
Баумгартен — 241
Беклешев — 282, 299, 335
Берг — 288, 292, 293, 302, 303
Беурстен — 106
Бибиков — 67
Билэам — 31, 88, 114, 116, 117
Бинеман — 13
Блюм — 124
Бобриков — 237
Бок — 337, 338
Борнвассер — 240
Браш — 334, 378
Бреверн — 123
Брёмзен — 136
Бротце — 234
Броун — 26, 50
Бруйнинг — 12
Брюммер — 187
Будберг — 226, 320, 327
Будденброк — 187, 194, 200
Буксгевден — 199, 332, 333, 339, 375
Бэр — 241—243, 253, 254, 256, 313
Бюхер — 13

Вазаский Ханс — 109
Валдиский Ханс — 108
Вана-Адуский Юхан — 108
Вана-Арустеский Андрес — 108
Варвас — 332
Вассар — 208
Ватсон — 78
Вейкскюласский Яак — 135, 136, 249, 382
Вейсс — 192, 193
Виллебуа — 338
Виллеми-Хансуский Тийтс — 262
Вилуалликаский Хиндрик — 262
Вильде — 14
Вингивалласский Михкель — 163
Винклер — 93, 94
Вители Янис — 189
Витт — 298
Вольберг — 8
Вольтер — 134, 157
Воронцов — 176

Врангель — 297
Бульф — 338

Галлер — 313, 330, 331, 376, 380
Ганс — 105
Гарденберг — 280
Гейкинг — 186
Гейтц — 48, 49
Гейцер — 137, 138, 180
Георг Ольденбургский — 292—294, 302, 303
Герасимов — 372
Герман — 133
Гернет — 12, 13, 16
Герцен — 7, 10
Гинцель — 300
Гланцштрём — 250
Голицын — 194, 229, 230
Гольм — 85
Граверт — 138
Греков — 236
Гулеке — 91
Гун — 36, 62, 63, 84, 85, 357

Дадиани — 365
Даль — 139
Делагарди — 128
Деллингсгаузен — 125
Дидерихс — 153
Доберман — 84, 85
Дружинин Н. М. — 103, 215, 222
Дружинин Я. — 285
Дюборг — 319

Екатерина II — 26, 172
Елачич — 110

Жером — 137
Жильцов — 152

Забель — 263
Закс — 394
Захаров — 282, 283
Зейме — 134
Зонтаг — 155, 181
Зутис — 15, 17, 72, 73 ,117, 119, 160, 192, 194, 208, 380

Ибиус — 28
Иван — 111
Иван IV — 24
Иверсен — 7, 8
Игельштрем — 127
Игнатович — 371, 372
Икскюль — 273, 276, 283, 296
Иогансон — 134, 218
Иосиф II — 340

Йыэпереский Яан — 246—251, 382, 387

Каблеский Яак — 109
Кавараский Энн — 233, 382
Кадри — 113
Кай — 90
Кайсаров — 146, 147
Кампенгаузен — 44
Кангруский Тоос — 166
Каппель — 109
Карм — 321
Каэла-Мадизеский Ханс — 262
Кёстнер — 14
Кивиский Семен — 226
Кимаский Тоомас — 221, 224, 362, 382
Киммоский (или Риммоский) Юхан — 163, 165
Китси-Отиский Юхан — 166
Клее — 50
Клодт — 246
Клуген — 273
Клюндер — 150
Ковальченко — 357
Козин — 15
Козодавлев — 194
Кока-Юриский Густав — 254
Коль — 370
Конкс — 16—18, 213
Коренева — 120
Костюшко — 132, 138
Кохтуский Хиндрик — 266
Коцебу — 147—152, 155, 181
Кочубей — 175, 176, 191, 194, 199, 201, 229, 227
Кошкюль — 126
Крабби — 264
Крастынь — 15
Криденер — 193
Крузенштерн — 147
Крюднер — 385

Куллимаский Михкель — 109
Куллиский Михкель — 109
Куракин — 285
Курвитсаский Хенн — 163, 165, 166
Куреский Танель — 226, 227
Кыллиский Тоомас — 256, 258, 264, 266
Кюгельген — 189
Кярнер — 14

Лангель — 149, 171, 243, 269—271, 275
Лаплас — 100
Лауреский Яак — 109
Левенштерн — 193
Леена — 90
Ленин — 20, 69, 81, 82, 104, 174, 176, 178—180, 309, 349, 351, 364, 389, 396
Лепик — 129
Лехтмеский Адо — 108
Лещенко — 367
Лёнинг — 12
Ливен — 237
Лиги — 51
Лиенинг — 92
Лизаский Яан — 276
Липгардт — 186, 193, 194
Лооне Л. — 16—18, 208, 333
Лооне Н. — 8, 16, 229
Лопухин — 156
Луйга — 8
Луце — 375
Люттер — 267

Май — 306
Мак — 268
Малахов — 236
Мальмгрен — 325
Мардиская Майе — 89
Мардиский Яан — 115
Мари, батрачка — 111
Мари, бобылка — 306
Марк — 9
Маркс — 19, 43, 47, 52, 168, 209, 216, 309, 376
Марпург — 226
Мартинсон — 87
Меллин — 38, 118, 119, 161, 187, 188
Менгден — 218
Меринг — 133
Меркель — 9, 139—143, 147, 153—159, 189, 230, 293, 294
Миквитц — 255
Микуский Яан — 267
Миллер — 51
Миллер (Мюллер) — 247, 249
Михкель — 117
Михкли-Юриский Адо — 115
Моренштильдт — 213, 229, 243
Мускейн — 264, 265
Мюллер — 87

Нагель — 187—189
Наполеон I — 137, 138, 268, 279, 280
Нахксепа-Тийдуский Март — 165
Наэлаский Март — 252, 253
Нейер — 261
Нейтсимяэский Март — 260
Нильбеский Тоомас — 324
Николаев — 139
Нирринаский Павел — 125
Нихтвейс — 48
Новосильцев — 175, 176, 190
Нолькен — 125
Нукаский Нигулас — 85
Нуллиский Яан — 316
Нуммерс — 193

Огарев — 10
Окунь — 374
Ольтеский Яан — 343

Павел I — 121, 169, 171, 172, 175, 185, 211
Пайна — 372
Паппиский Карл — 323
Паррот — 40, 136, 143—145, 189, 190
Паткуль — 169
Паулуччи — 301, 310, 323, 333—335, 338, 339, 341, 375
Пауна-Мадизеский Иоозеп — 260
Петр I — 24

Петри — 9, 106, 107, 142, 143, 154, 156, 158, 159, 230, 294
Пиллар — 242
Пистолькорс — 127
Поль — 246, 247, 249
Полянский — 24
Порфильев — 117
Предтеченский — 174
Прошка — 111
Пугачев — 120, 140, 385, 387
Пуллиский Яан — 108
Пунниский Пээтер — 314
Пущин — 231
Пыдраский Яан — 331
Пыльдмяэ — 318
Пыуа-Пяэрнаский Майт — 264
Пяртли-Самблаский Пээтер — 227

Радищев — 139, 140
Разин — 387
Рамма — 345
Ребиндер — 186, 243, 297
Регоский Март — 108
Рейман — 272
Ренго-Микуский Маркус — 163
Реттих — 206, 207
Риттер — 270, 271
Рихтер — 126, 191, 194
Розен Ф. — 7, 80, 81, 122, 124, 250, 257—260, 264, 265, 268, 269, 271, 283, 284
Розен Э. — 35, 79
Розенталь — 149, 150, 213, 275, 277
Россильон — 320, 327, 344
Руссо — 134, 144, 157
Рындзюнский — 357, 389
Рябков — 350
Рятсепа Адо — 306

Саблер — 8
Сакен — 125
Самарин — 11, 16, 192, 196, 202
Самсон — 11, 12, 155
Сасси-Яаниский Юхан — 252, 254
Сепаский Тоомас — 123
Сепсиский Тыну — 227
Сиверс А. — 162, 166
Сиверс П. — 69
Сиверс Ф. — 11, 119, 145, 154, 160, 163, 166, 184, 186, 190—193, 197, 200, 222—225, 281
Сивков — 170
Сперанский — 289
Спиридов — 269, 270
Стеварт — 45
Степерманис — 16, 32, 160
Строганов — 174—176, 194
Строд — 16, 39, 40, 391
Струве — 104

Таирзаде — 120
Тальхеп — 105
Тардель — 105, 107
Тассиский Пээтер — 243
Тейль — 152, 156
Тибе — 154
Тизенгаузен — 95, 133, 255, 267
Тильгаский Якоб — 324
Тициан — 387
Тобин — 12—15, 16, 192
Толль — 344
Толь — 122
Тоомас — 111
Торопогрицкий — 163
Траат — 16, 208
Трейери-Юриский Яан — 254
Трифильев — 9, 121
Тынуский Яан — 89, 90

Унгерн-Штернберг — 146, 219, 228
Уусталу-Андрезеский Каарел — 253, 255

Файнштейн — 182, 183
Фирсова — 372
Фитингоф — 221, 223, 224
Фрибе — 29, 140
Фромгольд — 125
Фулон — 130

Хаппузеский Тыну — 322
Хансуский Юри — 87
Харминский Эварт — 258, 264, 265
Хастфер — 265, 270
Хинсоский Иван — 226

Ховен — 186
Христиан — 326
Хук — 53
Хупель — 27, 35, 39—42, 44, 57, 63, 68, 71, 73, 99, 102, 105, 140

Цемерн — 370

Чарторижский — 175, 176, 190, 268
Чернышевский — 10

Швабе — 14, 15, 153, 154, 196, 199
Шварц — 124
Шлатер — 236
Шлегель — 29, 78, 106, 134
Шредер — 91
Штакельберг — 43, 276, 288, 292
Штейн — 280, 314
Штрандман — 31
Штридтер — 259, 263
Штульц — 389
Шульман — 127
Шульц — 231, 232

Эва — 111, 112
Эвартиский Адо — 252
Эверс — 150—154, 156, 157, 286
Эйзен — 140
Экеспарре — 126, 285
Эккардт — 10, 11, 153, 157
Элло — 90
Энгельс — 23
Эссен — 242
Эттинген — 251

Юхан — 135, 136, 249
Юханский Ото — 307
Юханеский Яан — 113

Яниский Март — 89
Якобиский Тыну — 246
Яковлев — 247
Янис — 219
Яннау — 27, 32, 140

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аавере — 245
Абья — 43, 44, 205, 206, 325, 329
Авинурме — 329
Австрия — 215, 279
Адавере — 221, 225, 245, 362, 382
Айду — 329
Алавере — 245
Алайыэ — 117
Алуксне — 385
Алу-Рапла — 76—77
Алутагузе — 114, 115, 296
Амбла — 76—77, 241, 353, 357
Англия — 24, 40, 48, 101
Анна — 96, 101
Анниквере — 245, 272
Ансекюла — 62, 125, 353
Антсла — 127, 323
Аре — 204—206
Ару — 78, 233, 245
Арувалла — 296
Арукюла — 267
Ассамалла — 247, 250, 277
Аувере — 245, 276
Аудла — 328, 332
Аудру — 36, 353
Аустерлиц — 269
Ауэрштедт — 24
Ахья — 329

Балтийский порт — 26
Балтийское море — 24, 372
Бастилия — 130
Баушкальна — 233
Белоруссия — 287, 372
Берзауне — 337
Берлин — 268
Бесте — 218
Бириню — 38
Бломе — 329
Бломесмуйжа — 91
Богемия — 340, 341
Брассово — 121, 365
Брауншвейг — 40
Брест-Литовск — 268
Буртниек — 91, 218

Ваабина — 127, 245
Вайвара — 342, 353
Ваймыйза — 76—77
Вайсте — 76—77
Валга — 204, 206, 300, 336, 386
Валгута — 44
Валмиера — 218, 219, 336, 386
Валту — 76—77
Вальяла — 353
Вана-Вербла — 76—77
Вана-Выйду — 325, 329
Вана-Казаритса — 322
Вана-Касти — 76—77
Вана-Лыве — 328, 332, 333, 339
Вана-Нурси — 323, 324, 329
Вана-Пийгасте — 109, 111, 314
Вана-Порнузе — 329, 337
Вана-Пыльтсамаа — 318
Вана-Рийзипере — 316, 328
Вана-Рыуде — 76—77
Варбла — 352
Варди — 297
Васта — 85, 328
Вастсе-Казаритса — 322, 324, 329
Вастселийна — 225, 226, 245, 323, 324, 339, 354, 362, 381

Вастсе-Нурси — 322, 324, 329
Васькнарва — 116, 117
Ватку — 87, 89
Ватла — 76—77
Вахакыннy — 76—77
Вахасту — 76—77
Везуль (Франш-Конте) — 130
Вейкскюла — 109
Векате — 329
Венден — 235
Вентспилс — 63
Вериора — 329
Верхне-Иньева — 367
Верхняя Лужица — 374
Верхняя Померания — 46
Вестиена — 336
Вестфалия — 137, 138
Вигала — 76—77, 320, 328, 352
Видрику — 235, 245
Вильянди — 33, 36, 37, 44, 62, 63, 163, 318, 325, 329, 354, 395
Виртсу — 76—77, 328
Виру — 28, 30—33, 35, 68, 85, 88, 114, 116, 122, 242, 246, 250, 272, 273, 276, 277, 280, 281, 294, 295, 316—318, 342
Виру-Нигула — 353
Виру-Яагупи — 353
Виру-Ярва — 248
Висла — 24
Витебск — 268
Вихтерпалу — 245, 273
Вологда — 135
Волынь — 236
Воогна — 117
Вормси — 352
Выйвере — 89
Выннy — 354
Выревере — 222, 245
Выру — 33, 37, 62, 111—114, 122, 322, 324, 330, 336, 338, 339
Выхмута — 255
Вээликсе — 328
Вяйке-Конгута — 231, 232
Вяйке-Ляхтру — 108, 267
Вяйке-Маарья — 353
Вяйке-Рынгу — 329, 331
Вяймела — 151
Вяйнъярве — 245
Вяндра — 36, 353
Вяэска — 116
Вяэтса — 76—77, 245, 272, 357

Гданьск — 24
Гдов — 111, 116, 331, 374
Германия — 12, 133, 137, 140, 142, 147, 154, 179, 180, 293, 371
  Восточная Германия — 46
  Западная Германия — 21, 138
Геттинген — 146
Голландия — 24
Голун — 67
Гольштейн — 341
Городенка — 116

Даугавпилс — 270
Дзербене — 233
Дон — 334, 335

Еве (Йыхви) — 248
Европа — 12, 23, 24, 134, 142, 230, 269
  Восточная Европа — 24, 357, 386
  Западная Европа — 14, 24, 41
Елгава — 132, 270
Ендзелис — 385

Завустье — 374
Загреб — 387
Заозерье — 374
Западная Двина — 25

Иена — 23, 24
Ийзаку — 96, 353
Имавере — 224, 245
Имасту — 296
Инглисте — 245, 265
Индия — 101
Инью — 307
Иркутск — 124

Йоала — 276, 328, 345
Йыгисуу — 326, 328
Йыхви — 89, 115, 249, 353
Йыэляхтме — 96, 101, 352

Каарна — 353
Кабала — 76—77, 224, 225, 245
Кавильда — 329

Кадрина — 248, 251, 353
Казань — 365
Кайу — 245, 260
Калли — 307
Калники — 386
Калужская губ. — 389
Кальви — 316, 328
Камбья — 36, 354
Кангермаа — 298
Канепи — 354
Капа — 313
Карги — 328, 332
Карельская АССР — 394
Карину — 9, 245, 252—254, 262, 348, 360, 393, 394
Каркси — 36, 354
Карлова — 117
Кармизе — 391
Карузе — 76—77, 352
Карула — 96, 204, 206, 235, 354
Карья — 37, 62, 353
Касванду — 260
Ката — 117
Каугуры — 134, 145, 176, 189—191, 217—220, 222, 225, 336, 347, 386
Кауниспе — 328, 332
Каутьяла — 245
Кеава — 76—77
Кебласте — 76—77
Кейжи — 329
Кейла — 352
Кемери — 329
Кесквере — 166
Кехтна — 76—77, 124, 245, 357
Кивило — 123
Кивиярве — 127, 245
Киевская губ. — 372
Кийдева — 76—77
Кийкла — 88, 348
Килинги — 108, 135, 249, 295
Кильтси — 319, 320, 328
Кингли — 328, 332
Кирепи — 329
Кихельконна — 96, 101, 353
Клавкалн — 336
Кодавере — 36, 62, 354
Кодасуу — 76—77, 124, 245, 357
Кодила — 76—77, 328, 345
Козе — 76—77, 272, 352
Козе-Ууэмыйза — 7—9, 151, 245, 252, 256, 257, 260, 262, 263, 265, 267—270, 273, 286, 295, 348, 361, 363—365, 382—384, 386, 387, 394
Койка — 253
Кокмуйжа — 218, 219
Кокнес — 92, 118
Колга-Яани — 96, 354
Колодуск — 374
Колу — 76—77
Коса — 336
Кошкулес — 329
Коэру — 353
Красси — 87
Кривуши — 116
Кримулда — 233
Крым — 170
Кудина — 329
Кудрукюла — 328
Куресссаре — 329
Кыльяла — 125, 126, 245, 359, 392
Кюти — 328
Кяравете — 76—77
Кяргула — 127
Кяревере — 204—206
Кяркна — 329
Кярла — 37, 62, 353
Кяру — 109
Кяэри — 113

Лаагна — 328
Лаатре — 329, 336
Лазберг — 385
Лаймъяла — 328, 332
Лайтсе — 316, 328
Лайузе — 36, 354
Лайус-Тяхтвере — 329
Ланступес — 337
Латвия — 15, 17, 72, 145, 183, 378
Лаупа — 76—77
Ледурга — 233
Лейпциг — 154
Лелле — 204—206
Леллевере — 76—77
Лехмья — 296
Лехтсе — 76—77, 320, 328

Лиепая — 63, 64, 132
Лийгвалла — 243, 245
Линнамяэ — 76—77, 113, 122, 245, 392
Литва — 118, 119, 230, 236
Лифляндия — 11—13, 16, 17, 25—27, 33, 34, 38—42, 44, 45, 53, 68, 72, 80, 84, 86, 91—93, 100, 110, 112, 113, 118—122, 126, 129, 132—136, 141, 143, 146, 148, 149, 152, 154, 156, 166, 169, 176, 186, 190, 191, 194, 195, 197—199, 204, 210, 211, 216—218, 225, 229, 230, 235—237, 246, 258, 269, 270, 279, 281, 282, 285, 286, 290, 293, 298, 299, 302, 304, 306, 308, 310, 321, 328, 333—335, 340—342, 347, 348, 355, 356, 358, 360, 366, 367, 378, 381, 385, 386, 392, 393
Лиховески — 108
Лихула — 76—77, 352
Локута — 76—77
Лондон — 7
Лустивере — 225, 245
Лутсу — 108, 109
Лууа — 329
Люганузе — 32, 242, 353
Люманду — 76—77
Ляэнемаа — 28, 30, 33, 74, 76—77, 267, 271, 317, 318
Ляэне-Нигула — 76—77, 96, 352

Маарья-Магдалена — 36, 354
Майдла — 76—77, 245, 275, 317, 328
Мартна — 76—77, 352
Матсалу — 76—77
Махтра — 262, 263, 363, 382, 383, 385, 386
Мекленбург — 46, 48
Мийла, дер. — 276
Михкли — 36, 62, 76—77, 250, 251, 329, 352
Моосте — 111, 329, 339
Москва — 129, 139
Мустъяла — 353
Муху — 62, 63, 353, 375
Муяну — 134, 218, 219
Мыйзакюла — 76—77
Мыйсте — 126
Мээкси — 329
Мюнди — 76—77
Мядапеа — 246
Мякса — 385
Мяо — 76—77
Мярьямаа — 76—77, 272, 352
Мяэкюла — 76—77

Нарва — 24, 51, 114—117, 281
Нева — 25
Нидерланды — 26
Нижняя Лужица — 374
Нисси — 297, 352
Ноароотси — 325, 328, 352
Новгород — 23
Норра — 105
Ныва — 245, 273
Ныммкюла — 76—77
Ныо — 233, 354

Озол — 336
Ойзу — 76—77
Омут — 116
Орава — 226
Оргина — 336
Оргита — 245, 271, 272
Оргметса — 243, 245, 360
Орина — 245, 252, 253, 260
Орловская губ. — 121
Отепя — 96, 233, 235, 245, 329, 331, 354
Охекатку — 76—77
Охукотсу — 76—77
Оясоо — 245, 260

Пайде — 76—77, 317, 353
Пайсту — 354
Пакри — 328, 345
Паламузе — 36, 354
Пали — 329
Палупера — 205, 206
Пальмсе — 239, 245, 275, 295, 319, 393
Пангоди — 233, 245, 329, 331
Париж — 129, 134
Паю — 76—77
Паюзи — 225, 245, 254
Паяка — 316, 328

Перила — 8, 212, 229, 245, 306, 347
Пермский округ — 367
Петербург — 7, 27, 28, 34, 51, 115, 124, 129, 139, 145, 156, 184, 186, 187, 189, 193, 194, 200, 213, 228, 246—248, 250, 259, 266, 268, 270, 280, 281, 285, 288, 289, 296, 299, 301, 317, 331, 374
Пёйде — 353
Пёэравере — 128, 187, 245
Пийуметса — 76—77
Пикакюла — 344
Пилиствере — 222, 354
Пинневиц — 370
Поланец — 132
Польша — 118, 132
Поотси — 233, 245
Поркуни — 91, 95, 133, 247
Праакли — 328, 333, 339
Прага — 387
Прибалтика — 10, 12, 13, 19, 21, 24, 51, 104, 129, 142, 152, 159, 177, 181, 182, 184, 199, 215, 216, 235, 281, 287
Пруссия — 92, 135, 268, 279, 314
Пруула-Тюхисоо — 76—77
Псков — 23, 112—114, 281, 336
Пулава — 268
Пурди — 328, 343
Пуртсе — 31
Путкасте — 228, 316, 328
Пухья — 354
Пыдрангу — 91
Пылула — 245, 276
Пыльва — 323, 354
Пыльтсамаа — 36, 134, 222, 329, 354
Пээтри — 353
Пюха — 353
Пюхалепа — 76—77
Пюхату — 76—77
Пюхаярве — 235, 245
Пяйте — 245, 276
Пярну — 33, 36, 37, 44, 62, 63, 108, 109, 135, 136, 187, 202, 208, 232—234, 249, 270—272, 278, 295, 307, 320, 329, 333, 336, 337, 353, 395
Пярну-Яагупи — 62, 329, 353
Раазику — 76—77
Раанитса — 329
Равила — 245, 256
Радогощи — 121
Райккюла — 76—77
Рака — 76—77
Раквере — 32, 116, 247, 266, 276, 317, 353
Раннапунгерья — 117
Ранну — 44, 121, 126, 245, 331, 354, 358
Рапла — 76—77, 297, 298, 352, 356, 357
Рауна — 218, 233
Ревель — 7, 235
Рейу — 136
Ренцен — 222, 224, 336
Рео — 328, 333, 339
Реппику — 328, 346
Рёа — 76—77
Рига — 15, 17, 25, 44, 63, 64, 119, 126, 128, 136, 139, 147, 164—166, 184, 199, 202, 213, 221—224, 230, 235, 280, 297, 311, 312, 323—325, 336, 337, 343, 344
Ридала — 76—77, 352
Рийдаку — 76—77
Рим — 133
Ристи — 96, 352
Родевиль — 88
Роосна — 126, 241, 245, 357, 360
Роосна-Аллику — 76—77
Роотси — 76—77
Ропка — 329
Россия — 10, 23—25, 27, 28, 51, 101, 104, 109—113, 115, 118, 120, 121, 126, 129, 134, 135, 178—180, 182, 183, 186, 215, 226, 230, 236, 258, 269, 279, 292, 293, 298, 335, 349, 362, 365, 366, 368, 371, 373, 374, 386, 394
Роху — 106
Роэла — 295, 316, 328, 348
Рустужи — 329
Рутиквере — 245
Рууза — 329, 339
Рымнику — 117
Рынгу — 235, 245, 354
Рыуге — 126, 323, 324, 329, 354

Ряпина — 96, 313, 323, 329, 339, 354

Саарде — 62, 354
Сааремаа — 36, 37, 51, 52, 62, 63, 124, 125, 138, 332, 333, 340, 366, 375, 391
Сааремыйза — 76—77, 124, 245
Саастна — 76—77, 317, 328, 342
Сайакопли — 76—77
Сакси — 243
Саксония — 369, 370, 373, 389
Самокраси — 317, 328
Сангасте — 235, 245, 347, 354
Сауга — 108, 109
Сауснея — 337
Сейдла — 243, 245, 252, 360
Сели — 233, 245
Селли — 245, 273, 362
Сибирь — 136, 248, 305
Сигулда — 233
Сикельди — 76—77
Силезия — 341
Сильмси — 229
Симуна — 32, 353
Синди — 107, 109, 134, 136, 278
Смоленская губ. — 350
Смольница — 117
Советский Союз (СССР) — 5, 15, 101
Соонтага — 235, 245
Сууремыйза — 228, 245, 347
Сууре-Рыуде — 76—77
Сууре-Яани — 36, 354
Сырве — 64
Сяревере — 76—77
Сяэнна — 324, 329
Сяэре — 328, 332

Таали — 136
Тагамыйза — 332
Така — 76—77
Таллин — 6, 25, 26, 31, 32, 63, 64, 121, 123, 124, 130, 134, 147, 148, 152, 158, 213, 228, 233, 240, 247, 248, 250, 254, 256, 257, 259, 266—271, 275, 277, 282, 293, 295—297, 311, 312, 343, 344, 357, 387
Тамме — 329
Таммику — 121, 123, 124, 245, 359
Таммисте — 136
Тамсалу — 76—77
Тарвасту — 329, 338, 354
Тарту — 12, 33, 37, 44, 53, 62, 63, 109, 110, 112, 129, 143, 151, 199, 204, 208, 228, 231—233, 235, 236, 323, 324, 331, 336, 338, 339, 354, 380, 385
Тахкуранна — 136
Тверь — 293
Тийнузе — 125, 245, 332
Тийриметса — 328, 332, 333, 339, 375, 376
Тори — 76—77, 329, 353
Торма — 354
Торма-Лохусуу — 36
Трансильвания — 387
Трийги — 245
Троппау — 269
Тукумс — 298
Тула — 67
Турция — 170
Тууди — 76—77
Тухала — 76—77
Тыстамаа — 62, 321, 328, 353
Тюри — 76—77, 353, 356
Тюри-Аллику — 76—77
Тяхтвере — 233, 245

Удерна — 329, 338
Удрику — 297
Украина — 215, 287, 367
Унгру — 44
Унгурпилс — 329
Уусна — 116
Ууэ-Вербла — 76—77
Ууэ-Каристе — 328, 330, 337, 338
Ууэ-Касти — 76—77
Ууэ-Лыве — 328, 333, 339
Ууэмыйза — 260
Ууэ-Порнузе — 329, 337
Ууэ-Рийзипере — 316, 328

Финляндия — 110, 111
Франция — 31, 130, 133, 137, 138, 157, 194, 218, 235, 269, 279, 371

Хаанья — 113, 322, 324

Хаапсалу — 317, 320
Хааслава — 385
Хагери — 273, 313, 352
Хагуди — 76—77
Хаймре — 245, 273
Халлангу — 128
Халлисте — 354
Хальяла — 32, 353
Ханила — 76—77, 96, 101, 352
Харгла — 37, 62, 354
Харми — 245
Харьковская губ. — 365
Харьюский уезд — 28, 30, 33, 74, 76, 76—77, 121, 123, 256, 275, 318, 347
Харью-Мадизе — 352
Харью-Яани — 76—77, 352
Хаэска — 76—77
Хельме — 329, 354
Хийу — 228, 316, 347, 352
Хольстре — 329, 343
Хорватия — 387
Хыбеда — 105
Хяргла — 124, 169, 245, 359
Хяэдемээсте — 353

Цемпе — 219
Цесис — 218, 327, 336, 337, 380
Цетингоф — 122

Черная — 116
Черное море — 372
Чудское озеро — 111, 115, 117, 296

Швейцария — 133
Швеция — 24, 25, 40, 101, 110, 111, 170
Штакенберги — 329

Ыйзу — 162—166, 168

Эйвере — 242, 245
Экси — 36, 354
Эльбе — 23, 24, 374
Эреда — 87
Эстляндия — 7, 16, 25, 27—30, 32, 42, 50, 53, 55, 62, 72, 74, 77, 80, 84, 85, 92, 93, 97—99, 110, 113, 115, 120, 121, 122, 124, 126, 129, 136, 142, 146—149, 152, 155—157, 169, 211, 214, 217, 228, 229, 235, 237, 239, 240, 241, 258, 268—271, 279—283, 285, 288, 289, 290, 293—296, 298, 301—304, 306, 308, 310, 312, 315—317, 325, 328, 335, 341—343, 349, 355, 356, 381
Эстония — 6, 7, 9, 14, 16—20, 23, 24, 26, 27, 29, 32, 34, 43, 49, 51, 58, 67, 84, 97, 100, 102, 104, 109, 112, 134, 135, 169, 180, 182, 183, 196, 263, 293, 304, 318, 351, 354, 358, 359, 365—369, 378, 395

Северная Эстония — 16—18, 28, 57, 68, 70, 78, 79, 85, 96, 110, 122, 348, 360, 362, 387, 389, 393

Южная Эстония — 16—18, 52, 57, 62—64, 66, 85, 96, 111, 113, 138, 313, 347, 357, 386, 387, 389
Юмурда — 336
Юри — 352
Юуру — 272, 352

Ядивере — 76—77
Яма — 116
Ямая — 353
Янеда — 76—77
Янеселья (Ряэма) — 108
Ярвайыэ — 76—77
Ярваканьди — 76—77, 108, 328
Ярвамаа — 28, 30, 75, 76—77, 155, 252
Ярва-Мадизе — 353
Ярва-Яани — 254, 353
Ярве — 122, 242, 245
Ярославль — 23
Яункарки — 329
Яунлайцене — 159
Яэрья — 329, 338

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Введение. (Историография. Постановка вопроса) 7

Глава первая. Развитие сельского хозяйства в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века 23

Глава вторая. Положение эстонских крестьян в конце XVIII и в первой четверти XIX века 61

1. Социальная структура эстонской деревни 61
2. Феодальные повинности крестьян 70
3. О правовом положении эстонских крестьян 80
4. К вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы в Эстонии 84

Глава третья. Антифеодальная борьба эстонских крестьян в последние годы XVIII и первые годы XIX века 105

Глава четвертая. Аграрные реформы 1804 года в Лифляндии и Эстляндии 129

1. О влиянии французской буржуазной революции в Прибалтике. Развитие передовой общественной мысли и ее влияние на ход аграрной политики 129
2. О причинах аграрных реформ 1804 года 159
3. Подготовка и проведение аграрных реформ 1804 года . . 182

Глава пятая. Антифеодальная борьба крестьянства в годы 1802—1807 217

1. Крестьянские волнения 1802—1803 годов 217
2. Волнения 1804—1805 годов в северной Лифляндии . . . 229
3. Начало крестьянских волнений в Эстляндской губернии . 237
4. Восстания в Карину и Ууэмыйза 252
5. Подавление волнений в Эстляндии 268

Глава шестая. «Освобождение» эстонских крестьян и вызванные им волнения 279

1. Обстановка в Эстляндии и Лифляндии накануне «освобождения» крестьян 279
2. О характере крестьянских реформ 1816 и 1819 годов в Эстляндии и Лифляндии 302
3. Крестьянские волнения 1816—1819 годов 310
4. Крестьянские волнения в Лифляндской губернии в 1820 году 321
5. Подъем крестьянских волнений в 1822—1823 годах . . 325

Глава седьмая. О характере и историческом значении антифеодальной борьбы эстонских крестьян 347

Об источниках 399

Die Bauernbewegung und die Agrarfrage in Estland Ende des 18. und im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts. *Zusammenfassung* 404

Указатель имен 463

Указатель географических названий 468

Кахк Юхан Юханович

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ЭСТОНИИ В КОНЦЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

На русском и немецком языках

Редакционно-издательский совет Академии наук Эстонской ССР
Таллин, ул. Кохту, 6

*

Редактор РИСО А. Скворцова. Технический редактор Э. Тоомсалу. Корректор Т. Кыдар.

Сдано в набор 18 V 1962. Подписано к печати 2 VIII 1962. Бумага 54×84, 1/16. Печатных листов 29,75 + 1 вклейка. По формату 60×90 печатных листов 24,4. Учетно-издательских листов 24,21. Тираж 800. МВ-01671. Заказ 1816. Типография «Юхисэлу», г. Таллин, ул. Пикк, 40/42.

Цена 1 руб. 80 коп.

1 руб. 80 коп.

XIII
1A-5159
166 153

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00423114 0

Институтом истории Академии наук Эстонской ССР в последние годы были опубликованы следующие работы:

Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей под ред. Х. А. Моора. Таллин, 1956. 332 с.

Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959. 382 с. Mit einem Referat: Siedlungsplätze des Neolithikums und der früheren Metallzeit im Mündungsgebiet des Emajõgi.

М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.) Таллин, 1955. 270 с.

H. Ligi. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558—1561.) Tallinn 1961. 473 с. Резюме: Положение и классовая борьба эстонского крестьянства в начале Ливонской войны (1558—1561 гг.) Mit einem Referat: Die Lage und der Klassenkampf der estnischen Bauernschaft zu Beginn des Livländischen Krieges (1558—1561).

J.Kahk. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis. Mahtra sõda. Tallinn. 1958. 275 с. Mit einem Referat: Die Bauernunruhen des Jahres 1858 in Estland. Krieg in Machtra.

1 руб. 80 коп.

XIII
1A-5159
166 153

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00423114 0

Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии

Ю. КАХК

Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии

1 руб. 80 коп.

XIII
А-5159

Крестьянское движение в Эстонии

ЮХАН КАХК

Крестьянское движение в Эстонии